

**СОВРЕМЕННАЯ
ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ФЛИНТА

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коллективная монография

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2019

УДК 821(4)
ББК 83.3(4)6
С56

Авторский коллектив:

Байкова О. В. (гл. 2.1.), Бухаров В. М. (гл. 2.1.),
Вашунина И. В. (гл. 1.1.), Голубева Н. А. (гл. 3.1.),
Иванов А. В. (гл. 3.2.), Карпова О. М. (гл. 3.3.),
Кобенко Ю. В. (гл. 3.4.), Королева С. Б. (гл. 4.1.),
Крюкова Н. Ф. (гл. 3.5.), Мележик К. А. (гл. 2.2.),
Никонова Ж. В. (гл. 1.2.), Петренко А. Д. (гл. 2.2.),
Синеокова Т. Н. (гл. 1.3.), Таганов А. Н. (гл. 4.2.),
Тырыгина В. А. (гл. 3.6.), Федоров В. В. (гл. 2.3.)

С56 **Современная германистика и западноевропейская литература** (= Modern Germanic Philology and West-European Literature) : коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов, В. М. Бухаров. — М.: ФЛИНТА, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-9765-4359-1

Монография является первым выпуском из серии ежегодников «Современная германистика и западноевропейская литература» и посвящена 95-летию со дня рождения выдающегося советского и российского германиста профессора А. Т. Кукушкиной. Серия создана по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова.

Издание подготовлено коллективом авторов — членов диссертационного совета, а также учеными из различных вузов России, участвующими в работе совета, и включает работы, посвященные различным теоретическим аспектам германистики и проблемам западноевропейской литературы.

Адресовано широкому кругу лингвистов и литературоведов, интересующихся вопросами германской и — шире — западноевропейской филологии.

УДК 821(4)
ББК 83.3(4)6

ISBN 978-5-9765-4359-1

© Коллектив авторов, 2019
© НГЛУ, 2019
© Издательство «ФЛИНТА», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография является первым выпуском из серии ежегодников «Современная германистика и западноевропейская литература». Серия создана по инициативе диссертационного совета Д 212.163.01 по специальностям 10.02.04 — Германские языки и 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература) при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова. Диссертационный совет был создан в 1991 г. усилиями проректора по научной работе Горьковского государственного педагогического института иностранных языков профессора Александры Тимофеевны Кукушкиной, вначале только по специальности 10.02.04 для защиты диссертаций, представляемых на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Его первым руководителем был доктор филологических наук профессор Юрий Максимович Скребнев, основатель научной школы ГГПИИЯ по лингвистическому описанию разговорной речи, затем совет возглавил профессор Михаил Петрович Ивашкин — руководитель научной школы «Структурно вероятностные свойства языков». С 17 ноября 2003 г. председателем совета является профессор Валерий Михайлович Бухаров. Диссертационный совет быстро превратился в научный центр Приволжского региона, и в 2004 г. в нем состоялась сотая защита кандидатской диссертации. Это была работа Е. М. Гордеевой, соискательницы из Калининградского государственного университета, ныне Балтийского федерального университета им. И. Канта с актуальной для того времени работой, которая не потеряла своего значения и сегодня: «Семантика “ключевых слов эпохи” в общественно-политическом дискурсе Германии (на материале периода объединения Германии 1989 — 2000 гг.)». Всего за время существования диссертационного совета в нем было защищено и утверждено ВАК 269 научных работ. В декабре 2007 г. изменился статус совета. В нем сейчас проходят защиты диссертаций по двум научным специальностям на ученую степень кандидата и доктора филологических наук.

Значение диссертационного совета уже давно вышло за рамки подразделения в системе подготовки научных кадров. Специалисты, участвующие в работе совета, возглавили научные направления, под их руководством возникли научные школы, объединяющие не только ученых НГЛУ, но и ученых из других регионов России от Калининграда до Петропавловска-Камчатского. Вокруг диссертационного совета объединились ученые не только вузов города Нижнего Новгорода. В качестве оппонентов в работе совета участвуют профессора и доценты из Москвы, Самары, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Волгограда, Уфы, Тамбова, Пятигорска и других научных центров. За последние два года в совете защищено 3 докторских и 16 кандидатских диссертаций соискателями из вузов Нижнего Новгорода, Иваново, Владимира, Пет-

ропавловска-Камчатского, Симферополя и других регионов России.

Тематика защищаемых работ позволяет проследить тенденции развития актуальных направлений лингвистической мысли в научном сообществе германистов — лингвистов и специалистов по западноевропейскому литературоведению. Большой интерес в этом плане представляют защищенные в 2018 и 2019 гг. докторские диссертации К. А. Мележик (Симферополь), В. В. Федорова (Петропавловск-Камчатский) и А. В. Соснина (Нижний Новгород), в которых рассматриваются проблемы языковых контактов, связанная с ними вариативность и специфика формирования национальной лингвокультуры в современных условиях.

В центре внимания ряда исследователей находятся вопросы полимодального подхода к изучению речи, роль и значение просодики, жестов, эмоций, гендерный аспект коммуникации. Теоретические вопросы лексикографии, типологии словарей и анализ современных подходов к их разработке — эти и другие вопросы оказываются в фокусе научных интересов представителей Ивановской научной школы, представивших к защите за последние два года пять кандидатских диссертаций.

Большой интерес всегда вызывают защиты диссертаций по зарубежной европейской литературе. В них широко представлены современные актуальные подходы к интерпретации литературных произведений, исследуется творчество современных писателей. Диапазон работ простирается от мифов, психологической прозы до интеллектуальной детской литературы.

Обсуждение всех диссертаций сопровождается на заседании совета дискуссиями, которые дают толчок творческой мысли и являются центральным звеном процедуры защиты. Учреждение данного ежегодника преследует цель продолжить эти дискуссии и перенести их на страницы коллективных монографий, которые будут не только напечатаны, но и выложены в сети. К участию в выпусках приглашаются члены диссертационного совета, ученые, выступавшие оппонентами на защитах диссертаций, представители кафедр, готовивших заключения ведущих организаций. Особо приветствуются коллективные работы научных школ, для презентации которых планируется выделять большое место и даже посвящать отдельные выпуски монографий.

*Председатель диссертационного совета Д 212.163.01
при НГЛУ им. Н. А. Добролюбова
д.ф.н., профессор В. М. Бухаров*

**Александра Тимофеевна Кукушкина
(1924 — 2012)**

IN MEMORIAM

(несколько слов об Александре Тимофеевне Кукушкиной)

В мае 2019 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Александры Тимофеевны Кукушкиной, профессора кафедры немецкой филологии, первого Почетного профессора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Трудовая биография А. Т. Кукушкиной началась в 1945 г., когда она, будучи еще студенткой третьего курса, работала старшим преподавателем немецкого языка в Ставропольском государственном педагогическом институте. Закончив с отличием институт в 1946 г., Александра Тимофеевна заведовала кафедрой немецкого языка, затем стала деканом факультета романо-германских языков Ставропольского государственного педагогического института иностранных языков.

Трудовую деятельность в Горьковском государственном педагогическом институте иностранных языков им. Н. А. Добролюбова А. Т. Кукушкина начала в 1959 г. после окончания годичной аспирантуры при 1-м МГПИИЯ.

В 1962 г. она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а в 1964 г. ей было присвоено ученое звание доцента. В 1960-1965 гг. А. Т. Кукушкина работала деканом факультета немецкого языка, с 1973 г. по 1989 г. — проректором по научной работе ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова. А. Т. Кукушкина преподавала все дисциплины по иностранным языкам, вела практические занятия по немецкому языку, фонетике и грамматике, истории немецкого языка, читала лекции в разное время по теоретическим дисциплинам.

Научные интересы А. Т. Кукушкиной были чрезвычайно разнообразными. К их числу относились проблемы словообразования, морфологии и синтаксиса, функциональной грамматики, методики обучения иностранным языкам, общетеоретические вопросы языкознания, среди которых проблемы синкретизма языкового знака и экономии языковых средств на уровне языкового знака, ономаσιологический и семасиологический аспекты систематизации разноуровневых единиц языка, соотношение логических и грамматических категорий, проблемы грамматической семантики. Большое внимание она уделяла исследованию функции замещения и способам ее реализации в современном немецком языке.

Особенно ярко выявились оригинальность и новизна подхода А. Т. Кукушкиной к решению сложных теоретических проблем не только в выборе самих тем, но и в их нетривиальной разработке. Ее новаторские взгляды на факты языка нашли отражение в более чем 100 авторских научных работах.

Будучи талантливым и энергичным организатором, Александра Тимофеевна подняла на новую ступень научную и научно-исследовательскую работу в институте. Она осуществляла руководство планированием и координацией комплексных и коллективных тем НИР института как в рамках тематического (институтского) плана, так и с учетом планов работы кафедр, планов аспирантуры, нацеленной на подготовку научных кадров по шести специальностям, деятельности научно-методического совета института, филологического общества, совета молодых ученых и издательской деятельности кафедр, выступила организатором целого ряда научных конференций преподавателей и студентов, курировала работу пяти лабораторий института, функционировавших на общественных началах.

Поскольку перестройка образования в нашем институте уже дала ощутимые положительные результаты, ею заинтересовались многие высшие учебные заведения страны, осуществлявшие подготовку кадров не только по иностранным языкам, но и по другим специальностям. Возникла необходимость в консультировании руководителей и преподавательского состава ряда советских вузов в отношении новых подходов в организации высшего образования, потребность познакомить их с новыми принципами обучения студентов. В первую очередь это касалось сферы преподавания иностранных языков.

Учебно-методическая комиссия Министерства просвещения РСФСР назначила А. Т. Кукушкину научным руководителем темы «Профессионально-педагогическая направленность в обучении иностранным языкам», реализуемой в РСФСР. Позднее к ней подключились республиканские институты иностранных языков. С этого времени возникли и получили дальнейшее развитие контакты ГГПИИЯ со многими вузами страны, традиционным стал обмен опытом и новыми идеями в развитии научно-методической составляющей процесса вузовского преподавания. Александра Тимофеевна стала частым гостем в институтах иностранных языков страны.

Однако командировки А. Т. Кукушкиной не могли помочь охватить всех желающих ознакомиться с методами преподавания, внедряе-

мыми в ГГПИИЯ. Поэтому по инициативе А. Т. Кукушкиной в институте открылись курсы повышения квалификации для преподавателей вузов, началась работа Школы педагогического мастерства молодых преподавателей, филологического объединения. Ежегодно проводились внутри- и межинститутские, а затем всесоюзные и международные научные конференции, в которых принимали участие многие вузы, заинтересованные в изучении научно-методического опыта ГГПИИЯ. Среди них МГПИИЯ им. М. Тореза, Московский педагогический институт им. Н. К. Крупской, Педагогический институт им. В. И. Ленина, Иркутский, Киевский, Пятигорский, Ереванский институты иностранных языков и многие другие.

А. Т. Кукушкина была самым активным участником и организатором этих конференций. В 1984 г. ее пригласили на международную конференцию в Киев с пленарным выступлением на тему «Роль функциональных синонимов в текстообразовании». Доклад с одобрением был принят такими известными лингвистами, как проф. Г. Михель, В. Флейшер, Г. В. Колшанский, Е. И. Шендельс, Л. И. Прокопова, Д. О. Добровольский и др.

Практика работы показала, что основу владения каждым языком составляет знание его грамматики — «позвоночника» языка. Однако, несмотря на значительное количество учебных часов, отводимых на изучение грамматики, высокую профессиональную подготовленность и научную эрудицию преподавателей, овладение немецким языком вкупе с изучением грамматики не давало ощутимых результатов.

В этих условиях А.Т. Кукушкина пришла к выводу о том, что необходимо менять методику преподавания не только грамматики, но и практики преподавания языка. Она разработала особый курс грамматики, основанный на функциональном подходе к языковым явлениям и органично сочетавший преподавание грамматики и практики немецкого языка. Этот курс получил название «Систематизирующего курса грамматики» и приказом Министерств просвещения СССР и РСФСР был включен в учебный план ГГПИИЯ как обязательная дисциплина.

По аналогии с «Систематизирующим курсом грамматики» в дальнейшем был разработан «Систематизирующий курс фонетики». Практика преподавания этих курсов позволила реализовать и закрепить новые подходы в сфере обучения иностранным языкам, преподавания дисциплин психолого-педагогического цикла и др. А. Т. Кукушкина пришла к заключению, что преподавание как любой отдельно взятой

дисциплины в педагогическом вузе, так и всех дисциплин в комплексе должно иметь профессиональную педагогическую направленность. Эта идея не вызвала споров среди членов ученого совета ГПШИЯ и была поддержана. В это же время на кафедры методики и педагогики были приняты высококвалифицированные специалисты с учеными степенями и званиями (К. И. Соломатов, М. Н. Захаренкова, Н. А. Жулидова и др.), которые стали разрабатывать упомянутую выше проблематику применительно к разным направлениям подготовки студентов. Эти и другие изменения в подходах к преподаванию способствовали решению проблемы комплексного планирования научной и учебно-методической работы, к созданию учебно-методических комплексов по каждой дисциплине, к широкому использованию технических средств в обучении и т.д.

А. Т. Кукушкина показала себя опытным наставником и воспитателем научных кадров высшей квалификации. Под ее руководством диссертационные исследования выполнили более 60-ти аспирантов. Практически все они успешно защитили кандидатские диссертации и сейчас работают в разных вузах страны. География мест работы специалистов, писавших свои диссертации под руководством А. Т. Кукушкиной, весьма широка: это — Москва, Владимир, Дзержинск, Нижний Новгород, Ульяновск, Волгоград, Саранск, Чебоксары, Сыктывкар, Усть-Илимск, Северодвинск, Пенза, Барнаул и др.

Многие из ее учеников завершили работу над докторскими диссертациями. Ученая степень доктора филологических наук была присвоена Л. М. Владимирской, Ж. В. Никоновой, а также некоторым другим ученым, которым посчастливилось работать под руководством А. Т. Кукушкиной. Высоко оценена научно-педагогическая деятельность Ю. Г. Куровской (Усть-Илимск), Е. Д. Смирновой (Уфа), Г. А. Калмыковой (Ульяновск), В. И. Куракова (Волгоград), Е. А. Алексеевой (Нижний Новгород), Н. А. Голубевой (Нижний Новгород), Р. А. Ивановой (Нижний Новгород), Н. Е. Бажайкина (Нижний Новгород), И. Ю. Зиновьевой (Нижний Новгород), Г. И. Макаровой (Владимир) и мн. др.

На сегодняшний день научная школа проф. А. Т. Кукушкиной объединяет не только молодых ученых, доцентов, докторантов, докторов наук, профессоров, но и членов-корреспондентов РАН.

Научные проблемы, интересующие руководителя научной школы, обнаруживают очевидную связь с проблематикой, разрабатываемой

его последователями и учениками. Это подтверждает тематика ряда диссертационных исследований, выполненных под руководством проф. А. Т. Кукушкиной. Направления научных исследований ее учеников касаются области практического языкознания, в частности, методологии коммуникативно-концептуальных грамматик. В ряду частных проблем могут быть названы проблемы вторичной номинации, синкретизма, «экономного синтаксиса», видов речевой деятельности, установления связи и различий между функциональной школой и школами структурализма, семасиологический подход к построению лексических, морфологических, грамматико-лексических, лексико-синтаксических, словообразовательных, мотивационных и др. полей, проблема транспозиции, мыслительных моделей в глагольном блоке, генеративно-трансформационная грамматическая модель, прагматика как необходимое расширение лингвистической семантики, роль семантики в генеративно-трансформационной модели грамматики и др.

В рамках разработки горизонтального подхода к анализу текста защищены кандидатские диссертации:

- «Кореференция и коннексия как основные свойства смысловой и структурной организации текста» (Ваганова Е. Н., 2001);
- «Выражение типов поведения в письменной речи современного немецкого языка» (Данилина О. А., 2002);
- «Способы вербализации контактоустанавливающей функции в современном немецком языке» (Кульнина Е. А., 2002);
- «Синтактико-семантический статус NICHT в первой позиции предполя в современном немецком языке» (Зиновьева И. Ю., 2002).

В рамках изучения вторичных функций языковых знаков защищены диссертации:

- «Вторично-номинативная функция причастий в современном немецком языке» (Голубева Н. А., 1991);
- «Вторичные функции местоимений в современном немецком языке» (Шарифуллина С. Р., 1996);
- «Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке» (Тяпкина Т. М., 2002).

Проблематика частей речи и грамматических категорий стала объектом изучения в работах:

- «К вопросу о присубстантивных словах (на материале современного немецкого языка)» (Чураева М. И., 1969);
- «Эксплицитная модальность в современном немецком языке и

ее роль в создании речевой характеристики литературных персонажей (на материале романов Э. Штриттматтера)» (Левинская Р. И., 1975);

- «Семантико-синтаксическая единица импликации и способы ее вербализации (на материале немецких романтических сказок)» (Калмыкова Г. А., 1994);

- «Функциональный потенциал инфинитива в современном немецком языке» (Никонова Ж. В., 1995);

- «Дирекционал и средства его выражения в современном немецком языке» (Кузнецова О. Г., 1996);

- «Категория суперлативности в современном немецком языке» (Розина М. М., 1998);

- «Статус категории утверждения/отрицания в современном немецком языке» (Владимирская Л. М., 1999);

- «Слова-предложения в современном немецком языке» (Пруссова О. В., 2001).

Связь словообразования и грамматики освещена в работах:

- «Роль суффиксальных элементов в формировании периферии функционально-семантических полей в современном немецком языке» (Бажайкин Н. Е., 1988);

- «Тесные экспликативные синтагмы с сопряженным атрибутивным комплексом в современном немецком языке» (Муратова С. В., 2001).

Синкретизм в морфологии и синтаксисе стали объектом изучения в диссертациях:

- «Явление синкретизма в морфологии современного немецкого языка» (Кураков В. И., 1976);

- «Темпоральный синкретизм в синтаксисе современного немецкого языка (на материале предложно-субстантивных сочетаний и придаточных предложений в обстоятельственной функции)» (Сребрянская А. А., 1986);

- «Синкретизм временных форм в современном немецком языке» (Береснева В. А., 1999);

- «Межкатегориальный синкретизм финитных форм спрягаемого глагола в современном немецком языке: с позиции идей Й. Л. Вайсгербера» (Гемплер М. А., 2009).

Системный подход к описанию языковых категорий реализован в работах:

- «Функционально-семантическое поле количества (на материале

современного немецкого языка)» (Кашина Ю. А., 1973);

- «Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке» (Федосеева Н. С., 1997);

- «Выражение значения приблизительности в современном немецком языке» (Никишенкова Ю. В., 2000).

Проблематика определения предикативного знака применительно к синтаксису немецкого языка нашла свое отражение в работе:

- «Предикативный знак и способы его реализации в современном немецком языке» (Лобановская Е. В., 1996).

Логико-грамматические категории языка и проблемы логического синтаксиса стали объектом изучения в работе:

- «Лексико-грамматические индексы в сложноподчиненном предложении (на материале современного немецкого языка)» (Иванова Р. А., 1997).

Проблематика ментально-коммуникативного пространства носителей языка разрабатывалась в работах:

- «Немецкий язык как отражение ментальности его носителей» (Флакман А. А., 2005);

- «“Миры”» лица в коммуникативном пространстве современного немецкого языка (Матвеева И. В., 2009).

Рассказ о проф. А. Т. Кукушкиной был бы неполным без упоминания о еще одном значимом аспекте ее научной деятельности. Она всегда уделяла самое серьезное внимание проблеме приобщения студентов вуза к научно-исследовательской работе. В течение многих лет А. Т. Кукушкина руководила НИРС и УИРС и была бессменным председателем совета по НИРС ГГПИИЯ. Под ее руководством проводились конкурсы-смотри студенческих научных работ по всем циклам наук, олимпиада «Студент и научно-технический прогресс», внутри- и межвузовские студенческие научные конференции «Ленинские чтения» и др.

Высокий уровень научного руководства, зрелость лингвиста-исследователя нашли свое выражение во всей учебной и научно-исследовательской деятельности А. Т. Кукушкиной: в разработке курса теоретической грамматики для студентов факультета немецкого языка ГГПИИЯ (НГЛУ) и слушателей ФПК, в создании ряда пособий по систематизирующему курсу грамматики, проведении спецкурсов и спецсеминаров по проблемам функциональной грамматики, в руководстве курсовыми и дипломными работами студентов.

Постоянное внимание проф. А. Т. Кукушкина уделяла укрепле-

нию связей вуза со школами. В течение шести лет она возглавляла совет ГГПИИЯ по связям со школой; по ее инициативе при институте был создан сельский университет научно-педагогических знаний.

Широкое признание деятельность А. Т. Кукушкиной получила в научно-организационных органах союзного, республиканского и областного уровней. Она была членом совета по организации научно-исследовательской работы в педагогических институтах при Главном управлении высших и средних педагогических учебных заведений (секция гуманитарных наук и секция издательской деятельности), членом научно-методической комиссии по основному иностранному языку при Управлении учебных заведений Министерства просвещения СССР, членом жюри Всероссийского конкурса научных работ преподавателей педагогических вузов. С 1975 г. по 1982 г. А. Т. Кукушкина являлась членом ученой комиссии по иностранным языкам научно-методического совета при Министерстве просвещения РСФСР, председателем бюро координационного центра научно-исследовательской работы институтов и факультетов иностранных языков Волго-Вятского региона, членом президиума областного совета по НИРС и членом оргкомитета по проведению научно-теоретических конференций молодых ученых, организуемых по инициативе и при участии Горьковского обкома КПСС, обкома ВЛКСМ и обкома профсоюзов, членом диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций в НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

Научно-педагогическая и научно-организационная деятельность проф. А. Т. Кукушкиной была высоко оценена и по достоинству отмечена Министерством просвещения РСФСР, руководством партийных и профсоюзных органов СССР и РСФСР.

За достигнутые успехи в обучении и воспитании А. Т. Кукушкина была награждена орденом «Дружбы народов», почетными знаками «Отличник просвещения СССР», «Отличник народного просвещения РСФСР», «За отличные успехи в работе», «Победитель соцсоревнования 1974 года», медалью «Ветеран труда», медалью К. Д. Ушинского, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Александра Тимофеевна Кукушкина навсегда осталась в нашей памяти как человек редкого трудолюбия, кипучей энергии и неиссякаемого оптимизма, исполненный чувства любви к науке и преданности долгу. Требовательность к себе и коллегам гармонично сочеталась в ней с доброжелательностью и чуткостью. Отличительными чертами ее многогранной личности были широта научного кругозора, умение без-

ошибочно определять и разрабатывать наиболее актуальные и перспективные направления научных исследований, добросовестность и талант ученого, ответственность за порученное дело.

Проф. А. Т. Кукушкина является автором целого ряда работ, некоторые из которых перечислены ниже:

Кукушкина А. Т. Семантическая характеристика некоторых репрезентантов // Сб. науч. тр. ГГПИИЯ. Вып. 20. Горький: ГГПИИЯ, 1960. С. 363—389.

Кукушкина А. Т. Понятие репрезентации в современном немецком языке // Сб. науч. тр. ГГПИИЯ. Вып. 19. Горький: ГГПИИЯ, 1961. С. 146—176.

Кукушкина А. Т. Слова типа *darauf-worauf* как одна из групп класса репрезентантов в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1962.

Кукушкина А. Т. К вопросу об экономии языковых средств при формообразовании // Тезисы докладов к межвуз. науч. конф. Горький: ГГПИИЯ, 1966.

Кукушкина А. Т. Группировка (сближение) языковых элементов как одно из условий проявления принципа экономии в языке // Тезисы докладов к III региональной научной сессии. Секция иностранных языков. Горький: ГГПИИЯ, 1967.

Кукушкина А. Т. Репрезентанты и экономия словесных средств // Вопросы германской филологии: уч. зап. ГГПИИЯ. Вып. 32. Горький: ГГПИИЯ, 1967.

Кукушкина А. Т. Формы вежливости в современном немецком языке (в плане экономии языковых средств) // Тезисы докладов к III республиканской науч. конф. Горький: ГГПИИЯ, 1968.

Кукушкина А. Т. Der systematisierende Grammatik-Kurs. Горький: ГГПИИЯ, 1974-1977.

Кукушкина А. Т. Die deutsche Sprache im 20. Jahrhundert. Горький: ГГПИИЯ, 1977.

Кукушкина А. Т. Vorlesung in der theoretischen Grammatik: „Valenzbegriff und Modellierung der Sätze“. Горький: ГГПИИЯ, 1981.

Кукушкина А. Т. Das Vorgangsfeld. Горький: ГГПИИЯ, 1981.

Кукушкина А. Т. Objektive Methoden der Erforschung der grammatischen Einheiten. Горький: ГГПИИЯ, 1981.

Кукушкина А. Т. Der systematisierende Grammatik-Kurs. Die deutsche Grammatik in Tabellen. Горький: ГГПИИЯ, 1987.

Кукушкина А. Т. К вопросу о местоименной компетенции студентов // Комплексное обучение второму иностранному языку на коммуникативной основе в педвузе: сб. науч. тр. Владимир, 1993.

Кукушкина А. Т. Лексическое и грамматическое в системной организации языковых единиц // Культура и мир. Восток—Запад: тезисы докладов междунар. науч. конф. Нижний Новгород: НГЛУ, 1995.

Кукушкина А. Т. Еще раз о предикативности // Грамматические категории и единицы: Синтаксический аспект: тезисы докладов междунар. науч. конф. Владимир, 1995.

Кукушкина А. Т. Системная обусловленность таксиса граммом в дискурсе // Язык. Культура. Деятельность: Восток—Запад: тезисы докладов междунар. науч. конф. Набережные Челны, 1996.

Кукушкина А. Т. Некоторые особенности языковой импликации в категории залога (на материале современного немецкого языка) // Уч. зап. ГГПИИЯ. Вып. 38. Горький: ГГПИИЯ, 1968.

Кукушкина А. Т. Местоимения не являются «замкнутой системой» // Герценовские чтения: сб. мат-лов конф. СПб., 1998.

Кукушкина А. Т. Синкретизм как основной способ экономии языковых средств // Российско-германские культурные связи в прошлом и настоящем: тезисы докладов междунар. конф., 12-16 мая 1999 г.). Нижний Новгород: НГЛУ, 1999.

Кукушкина А. Т. ИмPLICITный кондиционал и способы его вербализации в немецком языке // Теория и практика германских и романских языков, ч. 1: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. (в соавт. с Г. А. Калмыковой).

Кукушкина А. Т. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Нижний Новгород: НГЛУ, 2000.

Кукушкина А. Т. О спорном в теории валентности // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. тр. Смоленск, 2001.

Кукушкина А. Т. Способы выражения «немаркированной» каузативности в немецком языке // Теория и практика германских и романских языков, ч. 1: мат-лы III Всероссийской науч.-практ. конф. Ульяновск, 2002.

*Ж. В. Никонова
А. В. Иванов*

Раздел I
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. НЕОЛОГИЗМЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1. Введение

Языковая картина мира меняется со временем вслед за изменением действительности. При этом возникают новые единицы языковой картины мира и изменяется содержательное наполнение существующих единиц (концептов, фреймов, сценариев), за счет чего происходит их реструктурирование.

Мы можем наблюдать постоянное развитие языковой картины мира, обратившись к анализу неологизмов и «слов года». Такие лексические единицы играют двоякую роль. С одной стороны, они отражают языковое развитие, являясь вербальными индикаторами изменений в языковой картине мира. Для исследователя появление нового слова является сигналом, что что-то изменилось.

С другой стороны, эти лексические единицы создают предпосылки возникновения таких изменений, «сгущая» определенное содержание до уровня понятия. Возникновение новых лексических единиц завершает некоторое видоизменение когнитивных структур — появление новых понятий в разных фрагментах языковой картины мира. Как следствие, общее наполнение определенных тематических областей получает новое содержательное членение, потому что вновь возникшие единицы начинают свое существование не на пустом месте, а в системе средств, объективирующих содержание соответствующего фрагмента языкового сознания. И соответственно, новообразования должны быть связаны отношениями с другими компонентами фрагмента языковой картины мира.

Поскольку возникновение новых слов не случайность, а закономерный результат мыслительной деятельности человека, анализ неологизмов может являться не только средством выявления изменения содержания единиц языковой картины мира, но и способом определения тенденций смыслового развития этих единиц.

2. Неологизм как единица концептуализированной области

Существуют различные подходы к определению неологизмов, которые не рассматриваются в настоящей статье; подробнее см.: (Попова 2011). Мы остановимся лишь на положениях, важных для нашего исследования.

Во-первых, это вопрос, какие слова и выражения могут считаться неологизмами. По точному замечанию А. Г. Лыкова, «генетическим

стержнем и принципиальной основой понятия неологизма является качество новизны слова» (Лыков 1976: 79). Т. В. Попова считает этот признак ключевым для определения неологизма (Попова 2005: 5). Х. Бусманн в «Лингвистическом словаре» определяет неологизм как «*neu eingeführten oder neuartig gebrauchten sprachlichen Ausdruck*» (Bußmann 2002). Однако признак новизны невозможно измерить количественно (Лыков 1976: 100). Если рассматривать неологизмы с психолингвистической точки зрения как субъективно новые слова (что подлежит измерению), то сложно прийти к выводу, касающемуся всей языковой общности. Для нашего исследования использовался словарь неологизмов Института немецкого языка в Мангейме, в котором данные приводятся по десятилетиям: 90-е годы, нулевые, десятые. Исходя из этого, можно условно определить временные границы, в которых слово может считаться неологизмом. Это приблизительно тридцать лет. Ясно, что такие границы условны, но их установление все же необходимо в целях исследования.

Во-вторых, согласно самой распространенной — денотативной — теории, неологизм — это слово обозначающее новое явление или понятие (Козырев 2004: 69). Не соглашаясь с этим определением (представляется целесообразным считать неологизмами любые новые слова независимо от объекта означивания), обратим внимание на связь процессов неологизации с изменением когнитивных структур (таков подход, применяемый в нашем исследовании).

В-третьих, выделим как одну из причин образования неологизмов «стремление носителя языка к экспрессивности и выразительности» (Попова 2005: 41). Известно, что «экспрессивность как одно из свойств языковой единицы тесно связана с категорией эмоциональной оценки...» (Гридин 1990). Иначе говоря, экспрессия возникает применительно к объектам, вызывающим эмоциональное отношение, что и приводит к образованию нового слова.

В-четвертых, необходимо разграничение между «*wirklichen Neologismen*“ und den *“Mode- und Schlagwörtern“*, die der Sprache Gewalt antäten und allmählich ihre Ausdruckskraft verlören» (Merta 1966). Такие слова «не приживаются» в языке, однако часто они не исчезают бесследно, а переходят в разряд историзмов (Попова 2011: 7). Возникает некоторое противоречие: с одной стороны, неологизмы — это новые слова, а с другой стороны, им необходима проверка временем (только в таком случае можно их отделить от «модных» слов). Можно предположить, что в раз-

ряд неологизмов не переходят новообразования, обозначающие объекты и явления действительности, обладающие краткосрочной актуальностью (например, отдельные политические события).

3. Описание исследования и обсуждение результатов

3.1. Исследование неологизмов на материале словаря Института немецкого языка

Для дальнейшего обсуждения приводим ниже статистические данные по количеству неологизмов в каждой тематической группе в определенный временной период (см. Табл.).

Таблица. Тематические группы неологизмов с распределением по годам

Sach- und Fachgebiet	Jahre		
	90-er	Nuller	Zehnter
Arbeitswelt / Bildung	44	48	11
Gesellschaft	76	57	35
Soziales	11	27	1
Demografischer Wandel	3	24	2
Politik	55	39	19
Wirtschaft / Handel	59	19	9
Banken / Finanzwesen	30	12	3
Umweltschutz / Energie	21	17	6
Computer / Internet / Technologie	137	66	43
Tätigkeit in Bezug auf Computer/Technologie	24	19	6
(Computer-)Kriminalität	15	27	6
Telekommunikation	28	12	—
Medien	91	28	8
Verkehr Auto	25	16	7
Ernährung	31	38	22
Gesundheit / Körperkult	45	55	8
Sport	73	37	8
Mode	29	30	7
Freizeit / Unterhaltung	52	42	10
Expressive Benennungen	46	38	3
Fazit	895	651	214

Приведенные статистические данные ни в коем случае не следует рассматривать как абсолютные цифры, потому что существуют разные варианты списков новых слов; кроме того, эти списки могут варьировать в зависимости от размера гнезд родственных слов (например, в

рассматриваемый список входят отдельные единицы (*Frühstudent, Frühstudierende, Frühstudierender*)

Однако по приведенным данным можно составить общую картину, которая свидетельствует о неразрывной связи общественного и языкового развития. Из таблицы видно, как в языке находит отражение изменение окружающей действительности — основной стимул создания новых слов.

По данным словаря, в 90-е годы в язык вошла бóльшая часть приведенных в нем неологизмов. Это было время глобальных перемен в немецком обществе (что отразилось в количестве новых слов тематических групп «Gesellschaft», «Politik», «Wirtschaft / Handel») и компьютерной революции во всем мире (пополнение словарного состава тематических групп «Computer / Internet / Technologie», «Tätigkeit in Bezug auf Computer / Technologie, Medien, Telekommunikation»).

Изменения в демографии («Demografischer Wandel») становится отдельной тематической областью практически только с нулевых годов, в это же время возрастает преступность с использованием компьютерных технологий («(Computer-)Kriminalität»). На этот же период (после эйфории от объединения Германии) приходится всплеск интереса к социальным проблемам («Soziales»).

Предметные области «Питание» («Ernährung»), «Здоровье / Культура тела» («Gesundheit / Körperkultur»), «Мода» («Mode»), «Досуг / развлечения» («Freizeit / Unterhaltung»), «Работа / Образование» («Arbeitswelt / Bildung») постоянно обновляются за счет новых слов: данные по временным периодам различаются незначительно. Так же стабильно образуются экспрессивные неологизмы (среди них много новых фразеологизмов).

Последнее десятилетие (с 2010 г.) дало мало новых слов. Статистические данные, очевидно, объясняются тем, что для этого временного периода пока нельзя провести границу между «wirkliche Neologismen» и «Mode- und Schlagwörter», то есть, неясно, какие новые слова продолжают существование в языке, а какие будут забыты.

3.2. Исследование неологизмов на материале «слов года» Общества немецкого языка

Как известно, каждый год Общество немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache) в Германии выбирает 10 слов года, располагая их ранжированно. Критерии отбора определены следующим образом:

«Für die Auswahl der Wörter des Jahres entscheidend ist dabei nicht die Häufigkeit eines Ausdrucks, sondern vielmehr seine Signifikanz und Popularität: Die Liste trifft den sprachlichen Nerv des sich dem Ende neigenden Jahres und stellt auf ihre Weise einen Beitrag zur Zeitgeschichte dar» (<https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/>).

То есть, словами года становятся новые лексические единицы, которые лучше всего характеризуют изменения в жизни немцев.

Например, слово *Flexitarier* (образование от *flexibel* и *Vegetarier*) обозначает людей, которые сознательно ограничивают потребление мяса, не отказываясь от него полностью. Или *Echokammer*, слово, с помощью которого обозначают явление предполагаемого сужения кругозора человека вследствие интенсивного общения с единомышленниками в соцсетях. В обоих случаях очевидно, что в ходе создания вербальной единицы лингвокультурное сообщество фокусирует свой взгляд на определенном фрагменте картины мира, выявляет некоторые содержательные границы, и, как следствие, возникает новое понятие. Само обозначаемое явление могло существовать и ранее, и даже продолжительное время (вероятно, всегда были люди, сознательно ограничивающие потребление мяса), однако оно не имело специального обозначения.

Особый интерес представляет выявление фрагментов языковой картины мира, которые за последние годы претерпели наибольшие изменения. Для определения таких фрагментов мы провели анализ слов года за последние десять лет, распределив их по тематическим группам.

Тематические группы можно условно разделить на три части:

- 1) реакция на политические события;
- 2) вербальная фиксация разработок и развития материальных объектов;
- 3) отражение изменений в общественном сознании.

Слова первой группы связаны с тем, что случилось в стране и мире, поэтому они не подлежат систематизации. Однако можно отметить постоянное возникновение неологизмов в сфере обозначения миграции, миграционной политики правительства. Если проанализировать значение неологизмов, то можно выявить тенденции развития концепта «Миграция» с 2013 г. (в этом году в первый раз слово тематической сферы вошло в список слов года) до 2018 г. (последние доступные на сегодня данные). Цепочка неологизмов (ниже дано их толкование), составленная во временном порядке — *Armutseinwanderung* (2013), *Willkommenskultur* (2014), *Flüchtling* (2015), *Silvesternacht* (2016), *Obergrenze* (2017), *Ankerzentren*, *Mutter aller Probleme* (2018), — показывает изме-

нение отношения общества к мигрантам от сочувствия и прития до понимания, что миграционная политика привела к возникновению проблем во всех сферах жизни¹.

Ко второй части мы отнесли группы «Техника» (с выделением подгрупп «Компьютерная техника», «Автомобили»), «Мебель, предметы быта», «Еда». Очевидно, что новые слова этих групп называют новые объекты, которые появились в соответствующих областях. Изменения в материальной культуре отражаются в сознании представителей лингвокультурной общности как знание о новых объектах и отношении к ним. Проанализировав совокупность новообразований, можно увидеть не только пополнение некоторой тематической группы, но и протекающее развитие концепта.

Например, в тематическую группу «Еда» за последние десять лет вошли новые единицы *Chia*, *Chiasamen*, *veggie*, *Veggie*, *Veggie*, *Veggie*, *Flexitarier*, *Vöner*, *Superfood*, *Pop-up-Restaurant*, *Bubble-Tea*. Какие выводы можно сделать, проанализировав значение этих слов, помимо совершенно очевидных? Во-первых, слова *Chia*, *Chiasamen*, *Superfood*, *veggie*, *Veggie*, *Veggie*, *Flexitarier* свидетельствуют о формирова-

---

¹ Пояснение значения неологизмов — это цитаты из комментариев, взятые с официального сайта Общества немецкого языка: «Die *Armutseinwanderung*, einerseits aus Krisengebieten in Afrika nach Europa, andererseits innerhalb Europas aus Ländern wie Rumänien und Bulgarien, aus denen sich viele Menschen auf die Suche nach einer besseren Zukunft in Deutschland oder einem anderen wohlhabenden Land machen. Das Wort *Willkommenskultur* steht für die Bereitschaft, Menschen, die in Not sind und hierzulande Asyl beantragen, aufzunehmen. Mit der altbekannten Zusammensetzung *Silvesternacht* wurde 2016 eine neue, unerfreuliche Assoziation verbunden. Gemeint waren die sexuellen Übergriffe auf Frauen sowie andere Straftaten, die in der Nacht auf den 1. Januar 2016 in Köln und etlichen anderen Städten von Gruppen junger Männer aus dem nordafrikanischen und arabischen Raum verübt worden waren. Der Ausdruck *Obergrenze*, mit dem die CSU monatelang die asylpolitische Debatte befeuert hatte. Sie forderte, maximal 200.000 Flüchtlinge pro Jahr aufzunehmen. Mit der Einführung von *Ankerzentren* wollte die Große Koalition das Problem der unkontrollierten Migration in den Griff bekommen. Das Erstglied *Anker* steht hier nicht für Fixierung oder Sicherung wie beim Anker eines Schiffs, sondern für »Ankunft, Entscheidung, Rückführung«, ist also eine Art Akronym. In einem *Ankerzentrum* sollen Flüchtlinge untergebracht werden, bis sie in Kommunen verteilt oder aber — nach Ablehnung ihres Asylantrags — in ihr Herkunftsland abgeschoben werden. *Die Mutter aller Probleme*. So hatte Innenminister Horst Seehofer die Migration bezeichnet».

нии устойчивого интереса к здоровому питанию и оздоровлению с помощью питания (как известно, в настоящее время диетологи рекомендуют ограничивать потребление мяса, устраивать разгрузочные вегетарианские дни; суперфуд — пища, обладающая якобы уникальной концентрацией полезных свойств, семена чиа, например, вызывают среди прочего потерю веса при отсутствии чувства голода). Популярность в Европе поп-ап-ресторанов (появляющиеся на короткое время в определенном месте) и (быстро прошедшее) увлечение бабл-ти показывают, что люди постоянно хотят чего-то нового и оригинального. Этим новым могут быть и блюда национальной кухни: *Vöner*. Если рассматривать еду не только как тематическую группу, а как лингвокультурный концепт, то можно полагать, что он развивается в определенном направлении: основными тенденциями является стремление к здоровому образу жизни и к новизне, то есть массовый интерес смещается в сторону компонентов «здоровый» и «новый».

Третья часть — это группы «Толерантность», «Равенство и равноправие», «Гендерное равенство и права женщин», «Справедливость», «Охрана окружающей среды», «Социальное поведение» (вероятно, следует отдельно выделять тематическую группу «Социальные сети»).

На примере группы «Толерантность» рассмотрим специфику продолжающегося формирования одноименного концепта. Толерантное отношение общество испытывает к сексуальным меньшинствам (неологизм *Ehe für alle*). Оно лояльно решает вопросы воспитания детей: дает возможность матерям отказаться от ребенка (*Vertrauliche Geburt*).

В эту группу была включена и часть слов из группы «Миграция», потому что беженцы являются одним из объектов толерантности. Общество принимает беженцев (неологизмы *Willkommenskultur*, *Willkommensklasse*). Однако здесь начинают намечаться некоторые границы толерантности. Согласно определению *Willkommenskultur* (<https://gfds.de/wort-des-jahres-2014/>), это слово может выражать полярность отношения к явлению: от безоговорочного принятия всех приезжих до безоговорочного требования интеграции этих приезжих в свое общество. Иначе говоря, для толерантности ставятся определенные ограничения — по мнению части общества, она должна проявляться только по отношению к тем приезжим, которые готовы стать полноценными членами нового для них общества. Сомнения в «безграничности» толерантности нашли свое выражение и в неологизме *Obergrenze*, которое вошло в список слов года в 2017 г. Но предпосылки к возможному огра-

ничению политической толерантности возникли еще раньше. *Flüchtling* стало словом года в 2015 г. со следующим комментарием:

«... klingt *Flüchtling* für sprachensible Ohren tendenziell abschätzig: Analoge Bildungen wie *Eindringling*, *Emporkömmling* oder *Schreiberling* sind negativ konnotiert, andere wie *Prüfling*, *Lehrling*, *Findling*, *Sträfling* oder *Schützling* haben eine deutlich passive Komponente» (<https://gfds.de/wort-des-jahres-2015/>).

На примере развития концепта «Толерантность» можно выявить связь концептов разной степени абстрактности: один из фрагментов концепта «Толерантность» развивается вместе с концептом «Миграция». Если мы рассматриваем развитие концепта «Толерантность» от *Willkommenskultur*, *Willkommensklasse* к *Obergrenze*, то без обращения к концепту «Миграция» (имеющего в своем составе компоненты *Silvesternacht*, *Mutter aller Probleme*) сложно объяснить происходящие изменения в картине мира носителей немецкого языка.

Другую часть неологизмов данной тематической группы образуют лексические единицы, которые порицают определенное поведение. Это неприятие ультраправых взглядов (*Denkmal der Schande*, *schlechtes Blut*), опасения по поводу возможного влияния на жизнь людей сбора персональной информации (*Big Data*), осуждение агрессивного поведения (*Gruselclown*).

Анализ совокупности неологизмов этой тематической группы позволяет утверждать, что к содержанию концепта «Толерантность» добавляются новые компоненты. Это мысль о необходимости ограничения толерантности в определенных случаях (в первую очередь, это ситуация с беженцами, а также активность правых радикалов; далее следует неприятие агрессии и возможного вмешательства в жизнь граждан). Говоря другими словами, формируется круг явлений за пределами толерантности, к которым общество не толерантно. И в то же время концепт получает конкретизацию случаев реализации.

4. Выводы

1. Статистические данные о количестве неологизмов тематической области позволяют выявить концепты, которые в конкретный временной момент находятся в процессе формирования. С точки зрения исследователя это дает возможность определить изменяющиеся структуры, представляющие интерес для изучения. Более того, определив какой-либо концепт как формирующийся / изменяющийся, следует соблюдать осторожность при работе с данными предшествующих исследова-

дований, основанных на более ранних временных периодах (необходима перепроверка этих данных).

2. В отдельную группу можно выделить предметные области, неологизация которых происходит постоянно, о чем свидетельствует небольшая (по сравнению с другими предметными и тематическими областями) разница статистики по временным периодам. К ним относятся «бытовые» концепты: «Еда», «Мода», «Досуг», «Здоровье», а также «Работа и Образование». Эти концепты можно считать линейно развивающимися в отличие от концептов, которые развиваются скачкообразно. Потребность в экспрессии также является постоянным двигателем словотворчества, что отражается в непрерывном продуцировании экспрессивных слов и выражений. Особый интерес представляют процессы фразеологизации, в связи с которыми встает вопрос концептуального изучения метафор, в ходе чего может быть обнаружена смена парадигм означивания явлений действительности.

3. Формирование и развитие абстрактных концептов нужно проследивать в связи с развитием концептов большей степени конкретности, потому что изменение абстрактных концептов вызывают конкретные явления действительности, которые затем в ходе абстрагирования и оценивания получают интерпретацию в абстрактном концепте.

4. Количественные данные, свидетельствующие о всплеске неологизации почти во всех тематических областях в немецком языке в 90-е гг. XX в., могут объясняться коренными изменениями в немецком обществе и продуктивным развитием технологий. Если это так, то существует связь между крупными общественными и технологическими изменениями и стремлением носителей языка к его обновлению. То есть, такие изменения стимулируют развитие языка во всех тематических областях (а не только в тех, которые были затронуты изменениями непосредственно). Это только предположение, и для такого вывода необходимы диахронические исследования.

5. Неологизмы обычно возникают как средство означивания фрагмента действительности в рамках некоторой единицы языковой картины мира (гораздо реже неологизмы являются именами новых единиц, например, *Толерантность* в русском языке). «Сгущенное» до уровня понятия содержание, становится означаемым нового знака, а его имя — означающим знака. И, как любой знак, новое слово существует в трех семиотических измерениях — семантике, синтактике и прагматике.

В семантическом измерении особый интерес представляет опре-

деление места неологизма в содержании соответствующего концепта. Для этого необходимо соотнести значение нового слова и значения близких слов данной предметной области. В качестве основного компонента этих отношений следует рассматривать оппозицию. Именно определение оппозитивных отношений в рамках определенной тематической области / концепта / фрагмента языковой картины мира должно помочь выявить те компоненты значения новых лексических единиц, необходимость выражения которых и привела к возникновению неологизма. Иначе говоря, путем сопоставления новообразования с другими единицами данной тематической области можно выявить содержание, которое не могло быть выражено иначе как путем его «концентрации» в новом слове или выражении.

В парадигматике появление неологизма приводит к реструктурированию содержания единицы языковой картины мира. Например, содержание, представленное оппозитивно (*Vegetarier* — *Nichtvegetarier*), с появлением неологизма выражается уже трехчленно (*Vegetarier* — *Flexitarier* — *Nichtvegetarier*).

В синтаксическом измерении нужны исследования сочетаемости нового слова, что можно исследовать как на национальном корпусе, так и сравнительно на основе сочетаемости других единиц данной тематической области (например, в каких контекстах *Flexitarier* может заменять *Vegetarier* / *Nichtvegetarier*).

Прагматическое измерение связано с применением знака. Появление неологизма фиксирует изменение когнитивных структур сознания носителей языка, которые дополнительно вырабатывают новые условия классификации действительности. Это значит, что, например, для характеристики потребления человеком мяса на базе новых критериев говорящий должен выбирать из трех (а не из двух) единиц. И в сознании носителей языка формируется определенный набор объектов / явлений действительности, к которым применимо новое понятие.

5. Заключение

Связь между изменениями в жизни общества и их отражением в языке можно использовать прогностически: определять темы исследований, обнаружив развитие окружающей действительности и прогнозируя скачок в развитии соответствующих концептов разной степени конкретности. Это позволит устранить временное отставание научных работ от реального положения дел. Определение линейно развивающихся концептов приводит к мысли о необходимости их периодического исследо-

вания. Обнаружение формирующихся концептов (по всплеску неологизации тематической области) ставит вопрос изучения этих концептов.

Выявление компонентов содержания неологизмов определенной тематической области, необходимость объективации которых и обусловила появление новых знаков, помогает установить, каким содержанием пополняется определенный концепт, определить направления формирования и изменения концептов.

© *Вашунина И. В.*

1.2. ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКЕ

1. Введение в проблематику исследования

В современной науке о языке при описании интенционального аспекта значения особая роль отводится лингвистической прагматике, обладающей высоким объяснительным потенциалом функционирования языковых знаков в речи. Кроме того, именно в недрах лингвистической прагматики появилась теория значения, предполагающая его рассмотрение не только в референциальном, но и в интенциональном аспекте.

Теоретические основы лингвистической прагматики как отрасли языкознания были заложены в 60-е гг. XX в. в трудах представителей Оксфордской школы логиков (Дж. Остин, Дж. Серль и др.) и оформились в 70-х гг. под влиянием тех изменений, которые происходили в языкознании и «характеризовались переходом от изучения языка как формальной системы, абстрагированной от условий его использования, к рассмотрению языка как средства коммуникативного воздействия, осуществляющегося в социальном контексте» (Безменова, Герасимов 1984: 6). Возможность таких изменений в языкознании была во многом подготовлена идеями К. Бюлера (Linke 2004: 194) и развитием семиотических теорий Ч. Морриса и Ч. Пирса, акцентировавшим внимание на языковом знаке в его отношении к объектам (семантика), к другим знакам (синтактика) и на отношениях между знаком и говорящим (прагматика).

Термин «прагматика» был введен в научный обиход Ч. Моррисом в 30-х гг. XX в. и послужил, наряду с одноименным понятием, основанием для развития междисциплинарной теории прагматики, изучающей процессы функционирования языка с позиции философии, лингвистики, психологии, истории, культурологии и других гуманитарных наук; см. подробнее (Сусов 2009).

Лингвистический аспект теории прагматики оказался также тесно связан с предметом классической риторики в ее европейской традиции; подробнее см. (Ottmers 1996; Ueding 2000). Многие ученые подчеркивали, что лингвистическая прагматика и риторика имеют между собой много общего, поскольку представляют ту сферу теории языка, которая затрагивает условия и правила его функционирования в отношении к коммуникантам (Т. ван Дейк). Однако риторика больше позиционируется как искусство речи. Лингвистическая прагматика выступает в самом

широком смысле «наукой о речевой деятельности» (Четыркина 2006: 95), исследующей «язык в действии» (Арутюнова 1990б: 389).

В языкознании лингвистическая прагматика связывается учеными с коммуникативной функцией языка. Прагматический фактор пронизывает всю речевую деятельность, «где тесно переплетаются узкопрактические цели, потребности повседневной жизни и крупномасштабные социальные акции» (Колшанский 1990: 100). Через язык оказывается воздействие. В нем закрепляются взгляды и оценки различных социальных групп (Дридзе 1980). Прагматический фактор определяет и формирование в сознании носителей языка концептуальных систем, понимаемых как совокупность бытовых, научных, квазинаучных, эстетических, этических и других представлений носителей языка о мире (Павиленис 1981; Якобсон 1985).

По мнению Г. В. Колшанского, в лингвистике выделяются два основных подхода к определению прагматического аспекта языка:

«1) использование языкового знака как средства формирования мысли с последующим достижением результата (т.е. функция языка как средства воплощения мышления); 2) воздействие вербальной формы в поведении человека, в физическом и интеллектуальном плане (в соответствии с интенцией автора)» (Колшанский 1984: 145-146).

В связи с этим значение языковых знаков представляется языковедам обусловленным двумя аспектами речи — пропозициональным и интенциональным, что указывает на необходимость рассматривать их «как две метатеории значения — референциальную и интенциональную» (Г. Паррэ).

Данный взгляд на теорию значения во многом определил проблематику и развитие лингвистической прагматики, получившей в научной литературе среди прочего название «прагмалингвистика». Изучая внешние и внутренние параметры прагматической стороны высказывания, разработчики проблем прагмалингвистики акцентируют внимание на решении проблемных вопросов в целях выявления условий, факторов, видов, типов и средств языкового выражения интенционального аспекта значения высказывания. Центральной нитью данный вопрос проходит сквозь все теории прагмалингвистики, в том числе формирует проблемное ядро ее центральной концепции — теории речевых актов.

2. Интенциональный аспект значения в теории речевых актов

В основу рассмотрения интенционального аспекта значения в трудах последователей теории речевых актов положен деятельностный ха-

рактической речевой деятельности.

Основоположник теории речевых актов Дж. Остин в своих лекциях во второй половине 50-х гг. прошлого века впервые обратил внимание лингвистов на тот факт, что высказывания, помимо сообщения о чем-либо, являются совершением действий. С их помощью мы даем обещания, порицаем, отдаем приказы, т.е. используем язык для осуществления самых различных речевых актов (далее — РА). По Дж. Остину, совершение РА предполагает осуществление:

1) локутивного акта через произнесение членораздельных звуков, принадлежащих общепонятному языковому коду; построение высказывания из слов естественного языка по правилам его грамматики; придание ему смысла и референции (т.е. соотнесение с действительностью) посредством речения (англ. *locution*);

2) иллокутивного акта, включающего придание речению целенаправленности (англ. *illocutionary act* (термин Дж. Остина));

3) перлокутивного акта, предполагающего вызывание искомых последствий (англ. *perlocution*), т.е. воздействий на сознание или поведение адресата, создающих новую ситуацию (например, объявление войны) (Austin 1973). Функции РА получили в теории Дж. Остина название иллокутивных сил (англ. *illocutionary forces*), а соответствующие им глаголы стали называться иллокутивными (Арутюнова 1990в: 412).

Обнаружив, что «не язык и не текст сам по себе является действительным предметом нашего теоретического рассмотрения и дотеоретического интуитивного восприятия» (Павиленис 1986: 380), Дж. Остин определил, что минимальной единицей языковой коммуникации выступает не предложение, а РА как действие, осуществляемое посредством языка. Понятие РА ученый связывал с его иллокутивной функцией, которая, в отличие от цели высказывания, имеет прагматическую природу и не всегда, по мнению ученого, предполагает исключительно вербальную репрезентацию.

Дальнейшее исследование проблематики иллокутивных актов, включая вопросы не только их таксономии, условий, правил успешности, но и внутренней и внешней структуры РА, а также процедуры интерпретации косвенных (небуквальных) РА, выполняющих ту или иную иллокутивную функцию, предпринял в своих работах Дж. Серль (Searle 1971, 1975, 1982, 1985). Доказывая особый статус иллокуции и ее отличие от пропозиции, он приводил в качестве аргумента тот факт, что одно и то же содержание пропозиции, выступающее результатом

соответствующих актов референции и предикации, может быть выражено в разных по своему иллокутивному значению РА. Он писал: «Остин дал этим различающимся по своему значению речевым актам название «иллокутивные акты», я буду также впредь пользоваться этим термином» (Searle 1969: 39).

Термины «иллокуция», «иллокутивный» были с легкостью восприняты и другими исследователями. В современной научной литературе теория иллокутивных актов применяется для объяснения различных фактов человеческой коммуникации не только в лингвистике, философии языка и психолингвистике, но и в культурологии, социологии, методике и других гуманитарных науках.

Однако несмотря на кажущуюся легкость, выделение и описание значения иллокутивной составляющей речевого акта (далее — ИСРА) относится к проблемным вопросам современной лингвистической прагматики как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Анализ теоретических источников позволяет выделить три основных подхода к определению и описанию ИСРА.

2.1. Перформативный подход

Перформативный подход основан на традиционном представлении лингвистов о способности иллокутивного значения РА к перефразированию посредством перформативного глагола как номинатора того или иного (типа) РА в системе языка или номинатора иллокутивной функции конкретного РА при его реализации в дискурсе.

В первом случае речь идет о выделении и описании в системе языка перформативных глаголов как номинаторов типов и видов РА. Перформативные глаголы описываются языковедами на материале различных языков в составе глаголов речи (Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, М. Я. Гловинская, Е. А. Ушакова и др.), глаголов поведения (Л. И. Гришаева, Е. В. Старостина и др.), как номинативные единицы иллокутивных (J. Ossner) и коммуникативных концептов в языке (G. Harras), как речеактовые (перформативные, иллокутивные) глаголы (Е. Н. Сыркина, Е. В. Натяженко, Д. Р. Низеева и др.). Многие исследователи указывают при этом на многообразие и лингвокультурную специфику семантики и парадигматической организации перформативных глаголов в системе конкретного языка. Подробный обзор трудов представлен в работах (Никонова 2007, 2010).

Во втором случае перформативность рассматривается языковедами применительно к показателю иллокутивной функции, определяемому

наряду с пропозициональным показателем в глубинной структуре высказывания. По Дж. Серлю, данные показатели выявляются в соответствии с канонической (перформативной) формулой РА «Я + перформативный глагол в первом лице единственного числа изъявительного наклонения активного залога несовершенного вида» (Серль 2004: 62).

В случае, когда иллокутивная функция высказывания выражается в его поверхностной структуре эксплицитно, говорят о перформативном высказывании (или также перформативе). Перформативы, построенные по приведенной (канонической) формуле, Дж. Остин называет эксплицитными. Это Я-высказывания с перформативным глаголом, которые имеют в своей основе парадигматический набор допустимых реализаций канонической формулы в соответствии с грамматическими нормами языка (И. П. Сусов).

Вариативность возможных форм реализации перформативов связана, в том числе, с тем, что не все типы перформативных высказываний могут быть выражены посредством эксплицитно выраженной формой перформативного глагола: «*Ты у меня еще увидишь!*» является угрозой, но вряд ли кто-то скажет: «*Я угрожаю тебе!*». Это справедливо в отношении фраз с глаголами типа *льстить, угрожать, насмеяться, ругать, лгать, похваляться*, которые в лингвистической литературе описываются как случаи иллокутивного самоубийства (Вендлер 1985), так как в случае экспликации в поверхностной структуре высказывания перформативного глагола, соответствующего иллокутивному типу высказывания и коммуникативному намерению, в его семантику закладывается элемент, делающий невозможным их успешную реализацию, поскольку одним из условий успешности в данных РА является сокрытие говорящим своего коммуникативного намерения.

По мнению Ю. Д. Апресяна, перформативная (каноническая) формула имеет при реализации РА приоритет перед перформативным глаголом (Апресян 1995: 203).

Перформативный глагол выступает в качестве основного маркера иллокутивной функции РА наряду с другими иллокутивными индикаторами, в качестве которых, например, в немецком языке, выделяются:

- грамматические типы предложений (Aussage / Frage / Aufforderung / Ausruf);
- порядок слов в предложении (Wortfolge);
- наклонение глагола (Indikativ / Konjunktiv / Imperativ);
- просодические средства (Tonhöhenführung, Satzaccent, Pause);

- модальные частицы (doch, mal и др.) (Lewandowski 1990).

Тем не менее многими лингвистами перформативный глагол признается номинатором иллокутивной функции РА и его абсолютным аналогом. В зарубежном языкознании эта точка зрения послужила основой для развития так называемой перформативной гипотезы, выдвинутой представителем порождающей семантики Дж. Р. Россом (1968) и поддержанной впоследствии в концепциях перформативного анализа высказывания других ученых (G. Lakoff, M. Sadock, J. McCawley).

Согласно перформативной гипотезе глубинную структуру любого РА можно представить как матричное предложение (гиперпредложение), включающее подлежащее (= 1 лицо), перформативный глагол в 1 л. ед. ч. наст. вр. акт. залога и косвенное дополнение (= 2 лицо) (Bußmann 1990: 568); см. Рис. 1.

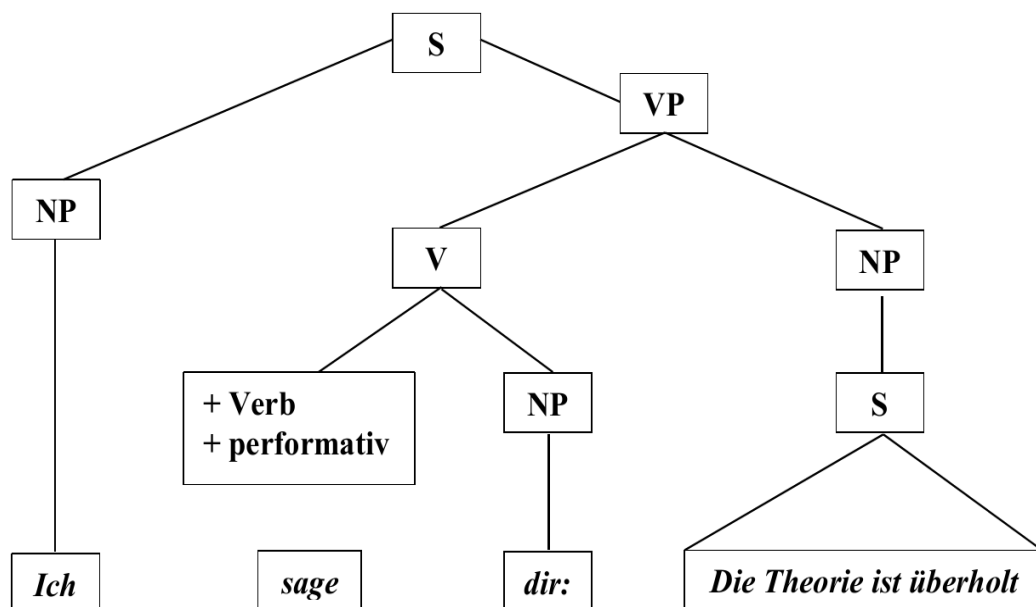

Рис. 1. Глубинная структура речевого акта

Перформативные глаголы вводятся, таким образом, в глубинную структуру всех типов предложения. «Понятие перформатива получает расширительную интерпретацию, нивелирующую различие между коммуникативным актом и социальной акцией» (Арутюнова 1990а: 372-373).

Перформативная гипотеза достаточно сильно критиковалась в дальнейшем в плане описания всех возможных перформативных реализаций предложения со стороны лингвистов, считающих, что имеются

случаи, когда иллокутивную функцию конкретного РА невозможно передать через перформативные глаголы языка. Классификации РА и глаголов, обозначающих соответствующие РА, совершенно независимы друг от друга (Meibauer 1999). РА различаются в данном случае по типовым признакам иллокутивных сил, и попытки их классификации представляют собой разнообразные уточнения классификации РА по типам иллокутивных сил Дж. Серля (Ballmer 1979; Ulkan 1993; Wunderlich 1976; Богданов 1990).

Некоторые современные лингвисты придерживаются интегративного подхода, указывая, что классификация РА не сводится к классификации перформативных глаголов, но ее необходимо строить с учетом глагольных единиц, служащих в системе языка для их обозначения. Пример такой классификации РА встречается в работе (Bach 1975).

Исследования иллокутивной составляющей РА в рамках перформативного подхода позволили всесторонне изучить сам феномен перформативности в языке.

Прежде всего, перформативность характеризуется как основополагающая категория РА (Е. Fischer-Lichte, F. Liedtke, Ю. Б. Грязнова, А. А. Красина, Е. Л. Липская, О. Г. Почепцов, И. В. Четыркина и др.). В частности, Е. Л. Липская указывает на характер перформативности как лингвистической многоаспектной семантико-прагматической категории, средствами реализации которой в дискурсе являются эксплицитные, эксплицитно-модифицированные (грамматически-модифицированные, модализированные, номинативные, партиципальные) и имплицитные (императивные высказывания, устойчивые лексико-грамматические структуры, идиомы-перформативы) перформативные высказывания, которым присущи определенные структурно-семантические и когнитивно-прагматические особенности в разных языках. Основным средством реализации перформативности в языке выступает при этом перформативный глагол в перформативном употреблении, поскольку он является точным показателем иллокутивной функции высказывания (Липская 2010).

Самое широкое толкование получает перформативность

«как акциональный процесс исполнения, посредством которого ситуационно и неповторимо осуществляется в процессе коммуникации социокультурное событие» (Четыркина 2006: 5).

Концепция перформативности охватывает в данном случае не столько разграничение констативных и перформативных высказываний

в теории РА, сколько перформативность системы Ж. -Ф. Лиотара, а также различных направлений и течений в искусстве, где перформативность постулируется, прежде всего, как перформанс — коммуникативное требование для самопонимания и самоутверждения (Ю. Хабермас). Здесь наблюдается расширение перформативной гипотезы и ее переход в универсально-культурную концепцию, демонстрирующую акциональный характер перформативных практик и акцентирующую внимание на перформативности как конститутивном признаке культуры. Перформативность текста / дискурса рассматривается в данном случае в том ракурсе, «что силу и значимость оно получает, прежде всего, в РА и через него» (Ibid.).

Таким образом, перформативность по-разному характеризуется современными исследователями.

По мнению И. М. Кобозевой, можно говорить о двух основных точках зрения лингвистов относительно феномена перформативности.

Представители первой из них (Е. Бенвенист, А. Вежбицкая, Дж. МакКоли и др.) считают, что перформативность есть, прежде всего, свойство РА, отличающее его от констативных высказываний. Для них наиболее существенным является отличие высказываний типа «Я утверждаю, что S есть P» (констативных) от высказываний типа «Я клянусь, что S есть P» (перформативных), а не то, что их объединяет. В данном случае перформативность понимается в узком смысле слова как

«значение высказывания, в определенных прагматических условиях равного выполнению обозначаемого им действия» (Россолова 2008: 4).

Сторонники второй традиции, к которым И. М. Кобозева причисляет и себя, отказываются от дихотомии, растворяя ее в общем учении о РА, который всегда представляет собой совершение действия, точнее, целого ряда одновременных действий. При таком подходе понятие перформативности связывается не с противопоставлением типов высказываний, а с противопоставлением языковых выражений, актуализируемых в составе РА. Здесь выделяются категории «перформативного употребления выражения, которое равносильно выполнению обозначаемого этим выражением действия» (Кобозева 1986: 1). Перформативность предстает здесь в широком смысле как семантико-прагматическая категория, «коммуникативная фактуализация явления» (Горбачева 2015: 8).

И в том, и в другом случае перформативность характеризуется, тем не менее, как свойство РА в целом (Сковородина 2004: 7), не зави-

сящее непосредственно от его отдельных компонентов, и сближает понятия иллокуции и перформативности, которые зачастую выступают в современной лингвистической литературе как синонимы. Однако их следует разграничивать по нескольким причинам.

Первая заключается в разных ассоциативных связях, возникающих при употреблении приведенных терминологических лексем.

Употребление термина «иллокуция» предполагает его рассмотрение и использование в рамках трихотомии «локуция» — «иллокуция» — «перлокуция» как симультанной составляющей РА. Употребление термина «перформативность» характеризует его как относительно самостоятельное понятие, связанное с характеристиками РА как действия, осуществляемого субъектом речи.

Вторая проистекает из онтологии анализируемых феноменов.

Иллокуция есть составляющая РА наряду с локуцией и перлокуцией, перформативность — свойство РА, иллюстрирующее его антропоцентрический характер, акцентирующее внимание на деятельностном потенциале речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА. В этом отношении перформативные свойства РА выступают атрибутом его иллокутивной составляющей и аккумулируются в семантическом фокусе иллокутивного акта — перформативном глаголе.

Третья причина, позволяющая разграничить понятия «иллокуция» и «перформативность», связана с интенциональностью иллокуции.

В то время как при описании перформативных свойств РА акцент делается языковедами, как показано выше, на его антропоцентрических характеристиках, при употреблении термина «иллокуция» внимание лингвистов фокусируется на интенциональном состоянии субъекта речи (Кобозева 2003). Поскольку оно во многом определяется иллокутивной целью РА и предопределяет иллокутивные функции его вербального коррелята, данное направление можно обозначить как функциональный подход к рассмотрению ИСРА.

2.2. Функциональный подход

Понятие иллокутивного акта как акта осуществления одной из языковых функций — вопроса, оценки, приказа и т.п. (Блинов 1996) является на сегодняшний день достаточно распространенным среди лингвистов.

В этом отношении ИСРА сводится к иллокутивной функции речевого произведения — интегральной, т.е. обобщенной и целост-

ной характеристике высказывания как средства осуществления иллокутивного акта. В фокусе внимания находится тот факт, что в отличие от перлокутивной функции, ориентированной на внешние последствия РА, иллокутивная функция (*illocutionary function / illokutive Funktion*) нацелена на внутренние последствия (Ossner 1985: 123) и может быть перефразирована с помощью перформативного глагола (Roulet 1985: 11).

В современной научной литературе имеются многочисленные упоминания об иллокутивной функции речевого произведения.

В синтаксической теории иллокутивная функция признается одним из основных признаков высказывания и представляется соотносящей высказывание с одним из типов (монологическим или диалогическим) дискурса наряду с его формальными признаками, структурными характеристиками и признаками. Тем самым иллокутивная функция выступает константной характеристикой любого высказывания, связанной с его функциональной природой.

В лингвистической прагматике под иллокутивной функцией высказывания традиционно понимается функция, выполняемая высказыванием как некоторым типом РА (Bunt, Katwijk 1980: 277). При этом подчеркивается ее ориентация на внутренние последствия РА в отличие от перлокутивной функции речевого произведения, нацеленной на его внешние последствия (Ossner 1985: 123).

Внутренние последствия связываются лингвистами с различными факторами осуществления РА как минимальной единицы речевой коммуникации, определяющими типовые характеристики иллокутивных функций РА. Некоторые языковеды считают главным из таких факторов социальную цель установления и поддержания равных отношений между людьми. В частности, Дж. Лич выделяет в зависимости от названного фактора четыре типа иллокутивных функций, первые два из которых существенно связаны вежливостью:

- конкуренция (имеет место тогда, когда иллокутивная цель конкурирует с социальной целью, например: приказ, вопрос, просьба);
- совпадение (имеет место тогда, когда иллокутивная цель совпадает с социальной ролью, например: приглашение, приветствие, благодарение, поздравление);
- сотрудничество (имеет место тогда, когда иллокутивная цель безразлична по отношению к социальной цели, например: утверждение, сообщение, объявление, инструкция);

- конфликт (имеет место тогда, когда иллокутивная цель находится в конфликте с социальной целью, например: угроза, обвинение, проклятие, упрек) (Leech 1983: 104).

В качестве другого фактора называется акциональная природа иллокутивной функции. По мнению П. Майера, иллокутивная функция в тексте есть то, что отвечает на вопрос «How to do things with texts» (как добиваться своих целей с помощью текстов) (Meयर 1983: 102). Иллокутивные функции, которые представлены в тексте, по мнению автора, тремя крупными классами — семантико-топиковыми, каузальными и аргументативными — позволяют интерпретировать и переинтерпретировать уже воспринятые фрагменты текста (Ibid.). Данный подход к описанию иллокутивной функции речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом РА, тесно связан с традицией определения иллокутивного акта в трудах современных лингвистов как выполнения действия посредством речи: побуждения (просьбы, приказа), вопроса, сомнения, утверждения, обещания. При таком рассмотрении понятие иллокутивного акта сближается с понятием РА, поэтому термины «иллокутивный акт» и «речевой акт» часто употребляются исследователями как синонимы. В фокус научного описания иллокутивной составляющей РА ставится при этом антропоцентрический фактор и связь иллокутивного акта не только с другими составляющими РА, но и с его внутренними и внешними параметрами.

Третьим фактором выступает интеракциональный характер иллокутивной функции, который подчеркивается в работе (Roulet 1985), где автором выделяются инициативная (нацеленная на то, чтобы вызвать реакцию у собеседника) и реактивная иллокутивные функции (Roulet 1985: 25).

Подавляющее большинство ученых связывают внутренние последствия РА с его интенциональной природой. В данном случае в лингвистических исследованиях подчеркивается непосредственная связь иллокутивной функции РА с коммуникативной функцией языка. Коммуникативный подход к описанию иллокутивной функции связывается в лингвистике с понятием иллокутивного акта как акта, характеризующего коммуникативную направленность (интенцию) речевого высказывания: утверждение, вопрос, приказ, просьба и т.д. И. П. Сузов, относящий феномен иллокутивных актов к коммуникативному вектору функционального использования языка, направленному на передачу тех или иных сообщений от одного человека другому (или

же другим) в форме коммуникативных актов, прежде всего, РА, подчеркивает ведущую роль иллокутивной составляющей в структуре РА, в силу чего он может характеризоваться как иллокутивный акт (Сусов 2009). В современной лингвистической прагматике представлены многочисленные и подробные типологии РА по иллокутивной цели, подробный обзор которых представлен в работах различных исследователей; см., например: (Почепцов 1986). Однако следует подчеркнуть, что значение иллокутивной функции РА, отражающей его иллокутивную цель, не в полной мере отражает иллокутивную семантику РА.

Очень часто иллокутивная семантика оказывается в реальной речевой ситуации более широкой или другого качества, чем это демонстрируется через иллокутивную цель речевого произведения.

Прежде всего, это касается ситуаций, когда иллокутивная цель РА передает только определенную часть коммуникативного намерения говорящего, т.е. является более узкой по отношению к общей иллокутивной семантике РА, например:

- (1) „Die Mutter ist tot“. — *In seiner Stimme klang alles: Verzweiflung, Schmerz, Vorwurf, Zorn, Frage und bittere Tatsache, dass er seine Mutter nie mehr umarmt* (M. Walser). «Мама умерла», — в его голосе прозвучало все: разочарование, боль, упрек, гнев, вопрос и горькая правда.

В данном примере иллокутивная цель репрезентативного РА, которую можно перефразировать перформативными глаголами «утверждать», «информировать», является более узкой по сравнению с общей иллокутивной семантикой РА, раскрытой в словах автора, и включающей семантические компоненты других типов иллокуций (упрека (Vorwurf), вопроса (Frage)) и психологических состояний говорящего, влияющих на интенсивность реализации иллокутивной силы, — разочарования (Verzweiflung), боли (Schmerz), гнева (Zorn).

Иллокутивная семантика РА также не сводится к показателям его иллокутивной функции в тех ситуациях, в которых общая иллокутивная семантика РА включает не только компоненты, отражающие иллокутивную цель, но и показатели, отражающие интенсивность реализации говорящим иллокутивной цели, например:

- (2) *“Halt, hab ich gesagt!”* (SD). — «Стой, я сказал!»

Наряду с показателями иллокутивной функции приказа (форма повелительного наклонения; форма побудительного высказывания), в приведенном РА имеется интенсификатор директивной иллокутивной силы говорящего «hab ich gesagt» — «я сказал», который, не модифици-

руа интенциональной направленности РА, усиливает его воздействие.

Особенно ярко проявляется асимметрия плана содержания и плана выражения иллокуции в косвенных РА. В таких ситуациях общения действительная иллокутивная семантика РА не соответствует, как правило, демонстрируемой в нем иллокутивной цели и детерминируется социокультурными, речевыми и языковыми конвенциями (Searle 1975b). В частности, в примере

- (3) „*Es zieht hier*“ — ***behauptete sie leise und dies bedeutete für ihn eine laute Aufforderung, die Tür zuzumachen*** (M. Walser). «Здесь дует», — сказала она тихо, и это значило для него громкое требование закрыть дверь.

при помощи слов автора эксплицирована иллокутивная семантика директивного РА *Aufforderung* (требование) «*Es zieht hier*» («Здесь дует»), осуществляемого посредством РА *Behauptung* (утверждение) с репрезентативной иллокутивной силой (по классификации Дж. Серля).

Приведенные и другие примеры указывают на то, что функциональный подход к описанию иллокутивной семантики РА также оказывается неспособным учесть все факторы, влияющие на формирование и вербализацию иллокутивного значения РА.

В связи с этим следует обратить внимание еще на одну традицию в исследовании ИСРА, которая фокусирует внимание исследователя на понятии иллокутивной силы РА как неотъемлемом атрибуте говорящего и феномене ИСРА в деятельностном аспекте.

2.3. Деятельностный подход

Рассмотрение РА как действия посредством речи осуществляется лингвистами традиционно в рамках общей теории деятельности в психолингвистике и семантической теории иллокутивных сил в лингвистической прагматике.

В теории речевой деятельности внимание исследователей фокусируется на процессах порождения и осуществления акта речи в его операциональном аспекте (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, С. Д. Кацнельсон, Г. В. Колшанский, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев, Л. В. Щерба и др.). Как и любое другое, речевое действие представляет соотносимый с целью структурный компонент деятельности и единицу анализа деятельности индивида (Б. А. Душков, А. В. Королев, Б. А. Смирнов и др.). Основными видами действий человека выступают управляющие, исполнительные, утилитарно-приспособительные, перцептивные, мнемические, умственные, коммуникативные действия, в каждом из которых происходит использование как усвоенных, так и индивидуально разрабо-

танных средств и орудий (И. Кондаков). При этом действия могут быть как внешними, выполняемыми в развернутой форме с участием двигательного аппарата и органов чувств, так и внутренними, выполняемыми в уме (Конюхов 1992). Соответственно, речевое (или внутриречевое) действие относится к коммуникативным действиям человека и определяется в психолингвистике как «социальное действие, выполняемое на основе произнесения (например, обещание, приветствие, просьба, согласие, проклятие)» (В. А. Жмуров), которое определяется в интенциональном аспекте речевого действия с иллокутивным актом (Ibid.).

В семантической теории иллокутивных сил осуществление иллокутивного акта рассматривается как реализация говорящим в акте коммуникации некоторой иллокутивной силы (illocutionary force, illokutive Kraft) по отношению к заданному пропозициональному содержанию, «акт переноса говорящим содержания сказываемого (мысль, замысел) на то, о чем сказывается, на то, на что направлено (речевой акт)» (Conrad 1988). Процесс переноса происходит благодаря его главному свойству — направленности. Направленность присуща любому иллокутивному акту, осуществление которого посредством языка совпадает с действием, совершаемым в ходе произнесения (А. Егоров); см. Рис. 2.

Исходя из того, что само понятие иллокутивного акта возникло в недрах английской аналитической философии, оно генетически связано с логико-философской концепцией использования языка как средства передачи некоторого содержания посредством иллокутивной силы.

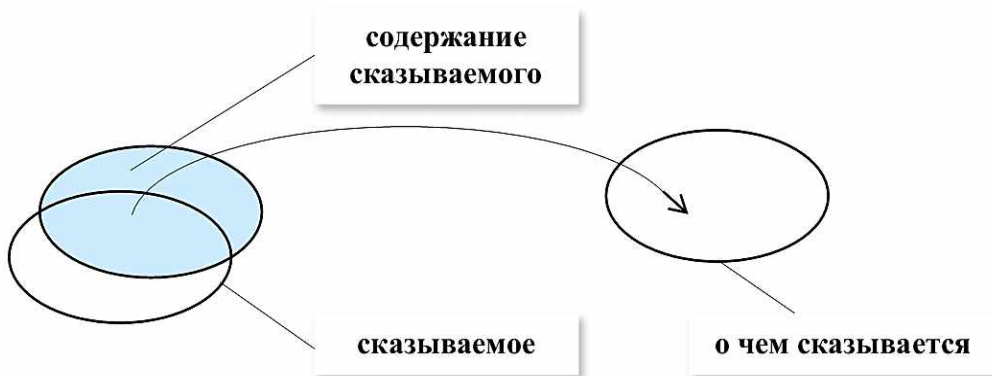

Рис. 2. Реализация иллокутивного акта

Идея силы высказывания восходит к работам Г. Фреге. Автор различает на уровне содержания предложения мысль и утверждающую силу, посредством которой осуществляется процесс вербализации как «овеществления» данной мысли. Процесс утверждения не оценивается

при этом как истинный или ложный, но влияет на истинностную оценку всего предложения в целом.

«Если кто-то произносит некоторое предложение шутя, делает это с театральной сцены, или осуществляет акт произнесения без соответствующей серьезности, то утвердительная сила подобным образом осуществленного предложения теряется, и оно не может быть оценено как истинное или ложное» (Фреге 2000: 330).

По мнению Г. В. Карпова,

«фрегеанское понятие утверждающей силы, обобщенное и переработанное Дж. Остином, в сочетании с введенными им понятиями локуции и перлокуции, выступают в качестве мощного инструмента анализа способов использования языка» (Карпов 2009: 35).

Каждый речевой акт рассматривается в свете присущей ему иллюкутивной силы, причем это отождествление

«имеет место вне зависимости от конкретных способов выражения в языке. Иллюкутивная сила в этом смысле есть особая языковая функция, аргументом которой является локуция, а значением – перлокутивный эффект» (Ibid.).

Типовые характеристики реализации иллюкутивной силы связаны в языке с определенными родами конвенциями. По мнению Дж. Серля, осуществление иллюкутивного акта становится возможным только при осуществлении ряда условий, или «конститутивных» правил. Определенные фразы, произносимые носителем языка, имеют определенный иллюкутивный смысл только в конкретных коммуникативных ситуациях, где они могут быть эффективными (успешными) для совершения задуманных действий. Так, например, для иллюкутивного акта просьбы лингвистами описывается обязательное наличие в РА следующих условий (правил):

«1) Правило пропозиционального содержания: *Содержание высказывания P относится к действию X, которое должно быть совершено слушающим*; 2) Подготовительные правила: а) *слушающий способен выполнить действие X, и говорящий уверен в этом*; б) *для обоих участников интеракции очевидно, что слушающий не осуществил бы действие X, если бы его об этом не просили*; 3) Правила искренности: *Говорящий желает, чтобы действие X было выполнено слушающим*; 4) Существенное правило: *Произнесение высказывания P является попыткой побудить слушающего совершить действие X*» (Рябинская 2002: 81).

Таблица. Типы иллокутивных сил по Дж. Серлю

	Репрезентативы	Директивы	Комиссивы	Экспрессивы	Декларативы
Иллокутивная цель	Констатация (фиксация) некоторого положения дел в реальной действительности	Побуждение слушающего к осуществлению некоторого действия (линии поведения)	Побуждение говорящего к реализации в будущем некоторого действия (линии поведения)	Выражение психологических состояний	Установить определенное соответствие между содержанием пропозиции и положением дел в реальной действительности
Направление реализации соответствия	От слов к миру	От мира к словам	От мира к словам	Отсутствует	Двойное: от слов к миру и от мира к словам
Психологическое состояние	Убежденность	Желание	Намерение	Состояние	Право на (ответственность за) совершение действия
Примеры РА (на материале немецкого языка)	behaupten, mitteilen, berichten	bitten, befehlen, raten	versprechen, vereinbaren, anbieten, drohen	danken, grüßen, beglückwünschen, klagen	ernennen, entlassen, taufen

Конститутивные правила иллокутивного акта, на которые обращает внимание Дж. Серль, напрямую соотносятся с его конвенциональными характеристиками. Они указывают на типовые признаки иллокутивной силы, открытой говорящим к распознаванию. Отметим, что при этом осуществление РА с заданной иллокутивной силой может как соответствовать принятым нормам речевого общения, так и входить с ними в противоречие. Однако нарушение хотя бы одного из конститутивных правил реализации иллокутивной силы ведет к изменению ее конвенциональных характеристик и, как следствие, — к демонстрации говорящим иллокутивной силы другого типа, либо неуспешности РА в целом. Успешность или неуспешность РА не следует рассматривать в этом случае в связи с его перлокутивным эффектом, а только в связи с его способностью делать открытой для распознавания иллокутивную силу РА.

Типы иллокутивных сил, выделенные Дж. Серлем с учетом ряда условий и конвенциональных правил, представлены в таблице выше.

Классификация иллокутивных актов Дж. Серля до настоящего времени не претерпела существенных изменений и остается базовой для исследователей при описании системы РА, иллокутивных функций и условий успешности речевого произведения не только в рамках логико-философской концепции иллокутивных актов, но при описании способов функционирования языка в рамках других гуманитарных наук, прежде всего, в лингвистической прагматике; см.: (Bach 1975; Leech 1983).

3. Выводы

Обобщая вышеизложенное о подходах к исследованию иллокутивной составляющей РА, отметим, что каждый из них отражает определенную специфику описания интенционального аспекта значения высказывания / текста, выступающего вербальным коррелятом РА.

Широкий спектр проблем, требующих учета при лингвистическом анализе ИСРА, определяет имеющуюся понятийную полигональность в данной сфере. Однако каждый из терминов, употребляющихся языковедами для описания исследуемых процессов, имеет свою семантическую сферу, отражающую параметры соответствующего феномена. Несмотря на то, что исследования интенционального аспекта значения высказывания на сегодняшний день активно продолжаются, последователи теории речевых актов и других концепций современной лингвистической прагматики опираются на прочный фундамент научно до-

казанных положений, разработанных предшественниками. Проблемы, стоящие на повестке дня, продиктованы необходимостью более детальной разработки детальных вопросов реализации иллокутивной функции РА в реальных дискурсивных условиях.

© Никонова Ж. В.

1.3. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗРАБОТКИ ИНТЕРАКТИВНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

1. Введение

Описание новых объектов исследования, казалось бы, естественным образом связано с необходимостью введения в научный обиход терминологии, фиксирующей наименование самих новых объектов, их признаков и свойств.

Тем не менее перед лингвистами достаточно часто встает вопрос о целесообразности введения новой терминологии при обращении к «старым» объектам научного исследования как закономерному пути развития научного знания, о котором говорил Ю. М. Лотман:

«Чтобы находить новое и важное, есть разные способы. Самый простой — способ захвата новых территорий, когда мы начинаем изучать совершенно новые области и, естественно, находим новые материалы. Но другой путь — путь обновления «старого», в процессе которого мы узнаём, что старое совсем не есть устаревшее, а известное — совсем не так уж известно» (Лотман 1995: 456).

Базовые научные принципы современной науки в целом и лингвистики в частности, постулируемые Е. С. Кубряковой (Кубрякова 1995: 207), — «экспансионизм», «антропоцентризм», «функционализм», «экспланаторность» — диктуют необходимость своеобразного движения по спирали, т.е. изучения, казалось бы, хорошо известных исследователям объектов с новых позиций, выявления ранее не зарегистрированных признаков, свойств, функций, механизмов реализации, лингвистических и экстралингвистических коррелятов. Представляется, что основным результатом реализации названных научных принципов является разработка интерактивных, или корреляционных, классификаций, позволяющих выявить значимые связи между собственно лингвистическими элементами и экстралингвистическими факторами, определяющими их структурные, семантические и функциональные особенности.

Несомненно важной отличительной чертой данных классификаций является их экспланаторность, т.е. способность объяснять механизмы протекания речемыслительных процессов, варьирующие под влиянием тех или иных внелингвистических факторов. Кроме того, классификации такого рода имеют прогностический потенциал, т.е. могут использоваться в качестве инструмента исследования значимых свойств объекта на основе выявленных корреляционных связей между

элементами лингвистической и экстралингвистической составляющих.

Интерактивные классификации имеют, по крайней мере, две составляющие: классификацию лингвистических признаков и классификацию экстралингвистических факторов. Поиск как собственно лингвистических, так и экстралингвистических коррелятов в целом ряде случаев не так очевиден, как это может показаться. Так, например, при построении классификационного ряда «возраст говорящего» необходимо иметь в виду два аспекта данного явления — возраст как универсальный биологический феномен и возраст как социальный культурно обусловленный феномен. О. А. Лисенкова, исследующая синтаксические особенности мужской и женской речи в аффективной речи, разрабатывает методологию дифференцирования собственно пола, т.е. имманентных неизменных биологических характеристик, свойственных любому мужчине или женщине, и гендера — норм поведения, меняющихся в зависимости от социокультурных условий (Лисенкова 2007).

Задача установления корреляции между признаками обеих составляющих классификации, таким образом, может потребовать выделения, описания и терминологического обозначения либо новых, ранее не изученных феноменов, либо «старых», известных феноменов, которые, как отмечалось в приведенном фрагменте выступления Ю. М. Лотмана, совсем не так уж известны.

Ниже рассматривается опыт создания интерактивной классификации синтаксических структур, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения. На примере конструкций с повтором обсуждаются вопросы, связанные с проблемами выделения коррелирующих эмоциональных факторов, с одной стороны, и лингвистических признаков, с другой стороны, и их терминологического обозначения.

2. Обсуждение принципов построения терминологического аппарата интерактивной классификации

Разработка интерактивной синтаксической классификации структур, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения, базировалась на гипотезе о том, что сильные эмоции (аффективные состояния) оказывают влияние на речемыслительные процессы, а их различные проявления манифестируются через разные структурные формы (Синеокова 2004). Соответственно, ставилась задача выделения и систематизации как самих синтаксических конструкций, реализуемых в эмоциональных ситуациях, так и типов состояний, запускающих механизмы их дифференцированной реализации.

2.1. Экстралингвистическая составляющая интерактивной классификации

Аналитический обзор существующих работ по проблемам эмоционального синтаксиса на материале различных языков позволил прийти к выводу о том, что их авторы не ставили перед собой задачу выявить статистически значимые корреляционные связи между типом эмоционального состояния и особенностями структурирования речи. Более того, однотипные конструкции регистрировались исследователями в условиях реализации под воздействием положительных и отрицательных эмоций, различающихся по степени интенсивности или продолжительности протекания, и т.д.

Не обсуждая длительный процесс отбора релевантных для целей исследования существующих психологических классификаций эмоциональных состояний, приведенный в (Синеокова 2004: 27-43), подчеркнем, что ни одна из них не могла быть использована в качестве «готовой» экстралингвистической составляющей интерактивной классификации. К данному выводу приводили и интуитивные представления разработчика классификации о глубинных свойствах объекта исследования, и многократное не оправдавшее надежд итеративное тестирование языкового материала с целью обнаружения статистически значимых психологических и синтаксических коррелятов, и, наконец, отмечаемые самими психологами и физиологами проблемные зоны типологизации эмоциональной сферы. В частности, дискутируя по поводу правомерности описания проявлений эмоциональной сферы в традиционно используемых терминах-названиях аффективных состояний, Р. Плутчик писал:

«It is important to note that the words used are only approximate terms borrowed from the introspective language. It is perfectly possible to use the same model without these words since a more general, nonsubjective language is available. This is the language of functions» (Plutchic 1970: 11).

Именно на основе функционального критерия С. Л. Рубинштейн разделил эмоции на стенические, повышающие, и астенические, понижающие жизнедеятельность; стенические эмоциональные состояния повышают продуктивность всех функций организма, и наоборот, астенические приводят к дезорганизации поведения (Рубинштейн 1976). Не случайно в последние годы объектом психологических исследований все чаще становятся не проявления конкретных эмоций или аффектов, а их разнообразные функциональные признаки (Keltner, Gross 1999;

Cosmides, Tooby 2000; Russell 2003; Nesse 2005; Scherer 2005; Zinck, Newen 2007; Mordka 2017; и др.).

Полученные психологами, физиологами, психолингвистами данные об особенностях процесса речепорождения в состоянии эмоционального напряжения позволили сделать вывод о необходимости систематизации существующих точек зрения и создания собственной классификации психологических состояний. Определенную смелость при решении этой задачи придавало мнение основателя нового междисциплинарного научного направления — лингвистики измененных состояний сознания — Д. Л. Спивака, который говорит о необходимости изучения лингвистами относительно краткосрочных, обратимых изменений функционального состояния, обусловленных задачами приспособления человека к разнообразным внешним нагрузкам:

«В теории измененных состояний сознания (ИСС) <...> указанным состояниям придается исключительное значение, однако их лингвистический аспект остается практически неразработанным» (Спивак 1998: 3).

В своих работах автор неоднократно подчеркивает, что физиологические корреляты ИСС пока не обеспечивают их полноценного распознавания, в то время как выявление лингвистических коррелятов, базирующееся на значительно бóльших выборках, позволяет сделать это более дифференцированно.

Критерием выделения психологической составляющей разрабатываемой интерактивной классификации является характер воздействия эмоционального состояния на речемыслительные процессы — деструктивное (деформирующее) или конструктивное (благоприятное). Рассмотрим подробнее данный классификационный ряд, включающий три состояния.

Для обозначения первого состояния был выбран хорошо известный в психологии термин «диссоциация». Лингвисту этот термин понятен вследствие его семантико-этимологической прозрачности: от лат. *dissociatio* — ‘разъединение, распад’. Дж. Древер определяет состояние диссоциации (*dissociation*) как

“a functional interruption of associations and connexions in the mind <...>, upon which the revival of memories and systems of ideas depends, as well as the personal control normally exercised on various motor processes” (Drever 1977: 71).

Достаточно подробно состояние диссоциации описано в (Коган, Сёмина 2010). При диссоциации речемыслительная деятельность чело-

века осуществляется в состоянии крайнего возбуждения или торможения, бурно протекающий аффект получает доминантный характер, а восприятие внешнего мира почти полностью выключается или искажается. При этом знак протекания эмоциональной реакции — положительный (например, восторг) или отрицательный (например, ярость) — не релевантен. Для данного состояния характерно торможение наиболее поздно усвоенных, сложных форм поведения и временное восстановление менее сложных, более стереотипных форм реакций, включая речевые (Спивак 1998: 60).

Второе состояние, напротив, стимулирует работу сознания и оказывает благоприятное воздействие на процессы речепорождения. Знак протекания эмоционального возбуждения в данном случае также не имеет значения. Поскольку положительные аффекты свидетельствуют об удовлетворении потребностей, а отрицательные аффекты — об их неудовлетворении, то говорящий стремится

«максимизировать (усилить, продлить, повторить) первое состояние и минимизировать (ослабить, прервать, предотвратить) второе» (Симонов 1982: 46).

Учет особенностей мотивации деятельности говорящего, находящегося в состоянии аффекта, позволяет сделать вывод о том, что воздействие на собеседника входит в его интенцию и является одной из коммуникативных задач. Подтверждением сказанного можно считать то, что волеизъявления рассматриваются как неотъемлемая составная часть аффективной сферы (Рубинштейн 1976).

Исходя из указанной особенности рассматриваемого состояния, первоначально оно было названо «апеллятивным». Использование данного термина предполагало акцентуацию внимания на его важном функциональном отличии от состояния диссоциации. При деструктивном воздействии эмоциональность как аспект высказывания соответствует самовыражению говорящего, замыкается в его «Я» (Блох 2000), на первый план выдвигается эмотивная информация, связанная с прямым отражением эмоционального состояния говорящего, а речь человека импульсивна и не всегда предполагает наличие собеседника. Напротив, контакт с собеседником, апелляция к его чувствам и рассудку, осознанное стремление «заразить» переживаемым состоянием, донести до него собственную эмоциональную оценку фактов действительности являются важными мотивационными составляющими коммуникативной ситуации.

Анализ языкового материала позволил прийти к выводу о том, что существует некое третье, переходное, состояние, в котором находящийся в состоянии диссоциации человек стремится преодолеть деформирующее воздействие эмоции на сознание. Выполнение коммуникативной задачи при этом осложняется определенными затруднениями в речемыслительной деятельности. За неимением термина в специальной литературе данное состояние было названо «поисковым», поскольку особенности структурирования речи отражали процесс последовательного поиска говорящим смысловых и структурных компонентов, адекватных целям коммуникации.

Таким образом, в зависимости от характера воздействия сильного эмоционального напряжения на речемыслительные процессы был разработан следующий классификационный ряд психологических состояний: диссоциативные, поисковые и апеллятивные состояния. При этом термин «состояние диссоциации» был заимствован из психологии, в то время как термины «поисковое состояние» и «апеллятивное состояние» представляли собой новообразования, подчеркивающие функциональный аспект значения данных терминов.

Появление большого количества работ в области психологии, физиологии, нейрофизиологии, биохимии, посвященных особенностям жизнедеятельности человека в стрессогенных ситуациях и включающих новую или уточняющую существующую терминологию, позволило в дальнейшем унифицировать данную классификацию, заменив термин «состояние диссоциации» на термин «состояние дистресса», «поисковое состояние» — на «адаптивное поисковое состояние», «апеллятивное состояние» — на «состояние эвстресса».

Несмотря на некоторую схематичность и невысокую степень дифференцированности, данный классификационный ряд отражает наиболее существенные аспекты операционного уровня деятельности человека, находящегося в состоянии сильного эмоционального напряжения. Добавим также, что данный классификационный ряд был использован В. А. Безруковым для изучения способов номинации измененных состояний сознания в драматургических ремарках (Безруков 2007). Помимо того, что автор доказывает эффективность функционального подхода при классифицировании эмоциональной сферы для лингвистических исследований, в работе проводится дальнейшая стратификация каждого из названных выше психологических состояний в зависимости от конкретных механизмов, определяющих особенности

их протекания.

Заметим, что для обозначения интересующих его процессов В. А. Безруков также в ряде случаев вынужден создавать собственную терминологию, и в этом смысле его терминологический ряд небезупречен. Так, например, в силу разработанности терминологического аппарата смежных дисциплин в работе используются следующие наименования психофизиологических механизмов состояния дистресса: «торможение действий и движений», «регресс сложной модели поведения», «пассивно-оборонительная реакция («охранительное бегство»)), «хаотическая модель поведения / моторное сверхвозбуждение». В рамках поискового состояния (автор сохраняет данный термин) выделены «ориентировочная реакция», «превентивная адаптация («защитный колпак адаптации»)), «собственно реакция адаптации (поисково-настроечная модель поведения)». В то же время при описании состояния эвстресса, помимо термина «активно-оборонительная реакция (агрессия)», автор вводит термины «демонстративная модель поведения» и «контактообусловленная модель поведения», при этом последняя подразделяется им на «контактоустанавливающую» и «контакто-прерывающую» модели (Безруков 2007: 15-19). Представляется, что дальнейшие совместные исследования в области влияния стрессогенных факторов на речемыслительную деятельность позволят разработать единую междисциплинарную терминологию в данной сфере и в определенной степени снизить остроту вопроса вариативности терминологических определений как одной из ключевых проблем современного терминоведения (Лейчик 2009; Григорьев, Ручкина 2019; Cabré Castellví 2003; Faber 2012; и др.).

2.2. Лингвистическая составляющая интерактивной классификации (на примере конструкций с повтором)

В силу высокой частоты использования в речи, в том числе в речи, реализуемой в состоянии эмоционального напряжения, повторы являются объектом, неизменно привлекающим внимание лингвистов. Основными характеристиками повторов признаются их дистрибуция, компонентный и лексический состав, семантическая ценность, коммуникативная значимость, количество реализаций. Соответственно, к настоящему времени существует устоявшаяся терминология, отражающая названные свойства конструкций с повторами.

Тем не менее изучение названных структурно-семантических характеристик привело к выводу о том, что корреляционные связи между

выделенными на их основе классификационными группами и рассмотренными выше психологическими состояниями прослеживаются лишь в самом общем плане, а сама классификация не обладает сколь-нибудь значимым прогностическим потенциалом. Поэтому возникла необходимость создания многочисленных «промежуточных» классификаций, основывающихся на самых разнообразных сторонах рассматриваемого синтаксического явления — от строго формальных структурных признаков повторов до их общей семантической функции. Смысловой и статистический анализ материала показали, что одним из важных критериев классифицирования повторов в эмоциональной речи является обусловленная психологическим состоянием коммуникативная интенция говорящего.

В результате были выделены две группы повторов, получивших терминологическое обозначение «экстериорные повторы» и «интериорные повторы». Первые возникают при реализации говорящим элементов высказывания собеседника, вторые являются повторениями фрагментов собственного высказывания.

Экстериорные конструкции с повтором. К экстериорным разновидностям повтора относятся эхологический повтор, повтор-подтверждение / отрицание, мнимый переспрос, отклоняющий повтор и повтор-подлинный переспрос.

Термин «эхологический повтор» давно известен в лингвистике и используется для описания структур, дублирующих фрагмент реплики собеседника. Несмотря на то, что с его помощью номинируется довольно обширный круг синтаксических структур (Sobin 1990; Escandell-Vidal 2002; и др.), этот термин показался удачным для обозначения произвольных и неосознанных экстериорных повторений в стрессогенной ситуации, вызванных сужением сознания говорящего на эмоционально доминирующем смысловом элементе в реплике собеседника. Произносятся такого рода построения могут с вопросительной, утвердительной и восклицательной интонацией:

- (1) *Miss Mossie. ...And I've brought in a few kind friends to help me. Mulligan (rising from his chair in blank surprise, and almost echoing Miss Mossie). A few friends to help you?*¹

Термин «повтор-подтверждение / отрицание» был введен разработчиком классификации для номинации структур, представляющих

---

¹ O'Casey, Seán. (1951) *Collected Plays*. London: Macmillan & Co., Ltd., 256.

собой повтор реплики собеседника с целью выражения эмоционального отношения к услышанному. Данные конструкции имеют широкий спектр реализаций. Нередко происходит элиминация, субституция или репрезентация элементов исходного высказывания (2), а в повторе-отрицании могут отсутствовать эксплицитные средства выражения отрицания (слово *no* и его структурные и смысловые эквиваленты) (3):

- (2) *Father de Leo. No, you are not a woman, you are an animal. Serafina (striking her wrists together). Yes, it's me, it's me!*²
- (3) *Willy, accusing, angered: You didn't see him, did you? Biff: I did see him!*³

Тем не менее все они были объединены в одну группу по функциональной тождественности, что и нашло отражение в новом термине.

Термин «**мнимый переспрос**» используется в психолингвистике и собственно лингвистике для номинации довольно широкого круга явлений. В стрессогенной ситуации конструкции, которые можно квалифицировать как мнимый переспрос, отражают эмоциональную реакцию говорящего на услышанное и представляют собой вопрос, сопровождающийся дополнительным высказыванием. В построениях такого рода вопросительная часть является исходным пунктом — усиленной темой — для дальнейшего высказывания:

- (4) *Willy. Then why'd you go? Biff. Why did I go? Why did I go! Look at you! Look at what's become of you!*⁴

Термин «**отклоняющий повтор**» заимствован у Ю. М. Скребнева и представляется вполне адекватным для номинации конструкций, копирующих реплику или часть реплики собеседника и выражающих с помощью соответствующего интонационного оформления отклонение, отрицание истинности или уместности сказанного (Скребнев 1985: 179):

- (5) *Harry (shouting). Tell your mother to stop it, she's the cause, it's her row. Don't you know your mother by now? (He has moved away to the door.) Sarah. I'm the cause? Me? You hear him, Ada, you hear him? I'm the cause!*⁵

---

² Williams, Tennessee. (1964) *Three Plays*. New York: A New Directions Book, 86.

³ Miller, Arthur. (1964) *Death of a Salesman*. New York: Viking Press, 109.

⁴ Miller, Arthur. *Ibid.*, 113.

⁵ Wesker, Arnold. (1960) *The Wesker Trilogy*. London: Penguin Books, 34.

Термин «*повтор-подлинный переспрос*» был введен для номинации структур, реализация которых вызвана стремлением говорящего уточнить смысл услышанного. Причиной подлинного переспроса в стрессогенной ситуации является состояние крайнего удивления, вызванного словами собеседника.

Повторной реализации могут подвергаться элемент / элементы или вся реплика собеседника в целом. Отличительной особенностью такого рода построений в аффективной речи является то, что вопросительное слово в подлинных переспросах находится в постпозиции:

- (6) *Evans (tenderly). Ned told me — the secret — and I'm so happy, dear!*
*Nina (stammering). Ned told you — what?*⁶

В некоторых случаях исходная утвердительная реплика собеседника повторяется без структурных изменений, оформляясь соответствующим образом интонационно:

- (7) *Abbie (dully). Ye need't. Eben's gone fur him.*
*Cabot (amazed). Eben — gone fur the Sheriff?*⁷

Интериорные конструкции с повтором представлены артикуляторными персеверациями, ложным повтором, повтором-вокативом, повтором-аффективом, повтором-побуждением и фокусирующим повтором.

Термин «**артикуляторная персеверация**» заимствован из работ по психологии, психолингвистике, психиатрии, описывающих причины и механизмы моторных речевых повторений. Некоторые исследователи, занимающиеся проблемами разговорной речи, исключают артикуляторные (моторные) персеверации из круга рассматриваемых вопросов. Так, например, Ю. М. Скребнев, один из создателей теории коллоквиального синтаксиса, пишет:

«Непроизвольное повторение отдельных сегментов, вызываемое психологическими причинами (нерешительность, растерянность, испуг и т.п.), представляет собой явление, относящееся к патологии речи, вследствие чего оно вряд ли может считаться объектом описания моделей субъязыка» (Скребнев 1985: 161).

Представляется, однако, что рекуррентность и универсальность моделей воспроизведения такого рода конструкций здоровыми людьми, находящимися в стрессовых ситуациях, свидетельствует о целесооб-

---

⁶ O'Neill, Eugene. (1958) *Three Plays*. New York: Vintage Books, 146.

⁷ O'Neill, Eugene. *Ibid.*, 344.

разности их включения в круг рассматриваемых явлений при построении интерактивной лингвистической классификации, обладающей прогностическим потенциалом относительно психологического состояния говорящего. Механизм реализации артикуляторных персевераций у здорового (подчеркнем это) человека базируется на вызванных сильной (как положительной, так и отрицательной) эмоцией физиологических сдвигах, которые, в свою очередь, приводят к нарушению дыхания, возрастанию напряженности мышц речевого аппарата, неспособности говорящего управлять ими. Самопроизвольные артикуляторные персеверации и паузы между ними вызваны, таким образом, кратковременной разрегуляцией оперативного уровня порождения речи:

(8) *York (almost inarticulate with rage). It – it – it comes to this.*⁸

Термин «ложный повтор» был введен для номинации построений, связанных с нарушениями интеллектуальной деятельности мозга и возникающими в связи с этим затруднениями в выборе последующих компонентов высказывания. Ложный повтор реализуется в случае стремления говорящего преодолеть деформирующее воздействие сильной эмоции на речемыслительные процессы и подобрать адекватные структурно-смысловые компоненты высказывания, удлиняя необходимые для их обдумывания паузы путем повторения уже реализованных элементов:

(9) *Davey (his accent grows more Welsh in excitement). I'd love you, Nell! I'd love you! I'd — I'd look after you! I'd take you away out of it!*⁹

Ложные повторы характеризуются контактным расположением повторяемых элементов реплики самого говорящего, по компонентному составу они могут представлять собой суженные и расширенные повторения исходного высказывания. В случае успешной для протекания мыслительных процессов адаптации характерны расширенные ложные повторы (10); в случае неудачи дальнейшей реализации высказывания — суженные повторы (11):

(10) *Biff. You — you gave her Mama's stockings! (His tears break through and he rises to go.)*¹⁰

---

⁸ Carswell, Donald. (1951) Count Albany. In *Seven Short Plays for Reading or Acting*. London: Pan Books, 214.

⁹ Hughes, Richard. (1951) The Man Born to Be Hanged. In *Seven Short Plays for Reading or Acting*. London: Pan Books, 89.

¹⁰ Miller, Arthur. Op. cit., 120.

- (11) *Peter (wincing as if she had struck him in the face, stares at her with a stricken look of horrified repulsion — with bitter, broken anger). ... I hope you'll be punished — I —*¹¹

Если с точки зрения информативности семантически ценными являются расширенные вариативные повторения, то с точки зрения коммуникативной значимости оба вида ложных повторов объективно полезны для процесса общения, поскольку они позволяют планировать дальнейшее высказывание и осуществлять акт коммуникации, затрудняемый состоянием аффекта.

Термин «повтор-вокатив» также является новым. Этим термином обозначен широкий круг структур (с контактными и дистантными расположением повторяющихся элементов, с их изолированной реализацией или реализацией в начале высказывания, с использованием разнообразных лексических единиц), основной функциональной характеристикой которых является обращение говорящего к собеседнику с целью привлечения его внимания:

- (12) *Mrs. Antrobus (shrieks). Henry! Henry! Why — why can't you remember to keep your hair down over your forehead?*¹²
- (13) *Beatie (suddenly Beatie stops as if listening to herself. She passes, turns with an ecstatic smile on her face). D'you hear that? D'you hear it? Did you listen to me? I'm talking. Jennie, Frankie, Mother. I'm not quoting more.*¹³

Новый термин «повтор-аффектив» используется для обозначения структур, реализуемых в силу стремления говорящего выразить эмоциональную оценку происходящего. К повтору-аффективу относятся повторы изолированно употребляемых слов утверждения и отрицания *yes / no* и их эквивалентов, а также повторы оскорблений, ругательств и проклятий, равнообъемные, расширенные и суженные:

- (14) *Papp. You're losing face?*
*Curio (after a moment of undecision). I — still — YES! Yes, yes, yes. I get tricked into seeing a man in the square and he doesn't come and NOW I DON'T BELIEVE HE EVER EXISTED!*¹⁴

---

¹¹ O'Neill, Eugene. Op. cit., 375.

¹² Wilder, Thornton. (1960) *The Skin of Our Teeth*. In *Famous American Plays of the 1940s*. New York: The Laurel Drama Series, 41.

¹³ Wesker, Arnold. Op. cit., 148.

¹⁴ Cameron, Kenneth. (1973) *Papp*. In *The American Place Theatre: Plays*. New York: A Delta Original, 49.

- (15) *Martha*. ... *And you want to know the clincher? You want to know what big brave Georgie said to Daddy?*
George. **NO! NO! NO! NO!**¹⁵
- (16) *Michaela* (*pulling away from his embrace, swiftly kicking him on the knee*). **Bastard! Bastard!**¹⁶

Термин «повтор-побуждение» введен для обозначения многократного повторения различного рода побуждений, от мольбы до категорического запрета. В качестве повтора-побуждения может выступать повтор любого глагола в повелительной форме:

- (17) *Lang* (*horrified*). **Stop it! Stop!**¹⁷

Повторы вопросительных предложений, выражающих настойчивое требование говорящего ответить на его вопрос, также отнесены к повторам-побуждениям:

- (18) *Willy* (*astonished*). **What're you doing? What's you doing? (To Linda:)**
*Why is he crying?*¹⁸

Особую группу представляют повторы, получившие терминологическое обозначение «**фокусирующий повтор**». Такого рода конструкции реализуются в ситуациях, когда говорящий сознательно или неосознанно подвергает повтору элементы, являющиеся для него эмоциональной доминантой. Эмоциональная доминанта, находящаяся в фокусе сознания говорящего, может быть выражена любыми компонентами предложения.

В данную группу включены те типы высказываний, которые не могут быть квалифицированы в рамках семантических особенностей, присущих рассмотренным выше разновидностям повтора. Тем не менее это не означает, что группа образована по остаточному признаку. Она представляет особый интерес вследствие достаточной разнородности характеризующих ее дистрибутивных, конструктивных и лексических признаков, что, собственно, и является ее отличительной чертой. В рамках фокусирующего повтора выделены следующие разновидности повторений: тавтологический повтор, сужающий повтор, расширяю-

---

¹⁵ Albee, Edward. (1962) *Who's Afraid of Virginia Woolf?* New York: Atheneum House, 136.

¹⁶ Pinner, David D. (1967) *Dickon*. In *New English Dramatists — 10*. London: Penguin Books, 149.

¹⁷ Tabori, George. (1973) *The Cannibals*. In *The American Place Theatre: Plays*. New York: A Delta Original, 141.

¹⁸ Miller, Arthur. *Op. cit.*, 133.

щий повтор, модифицирующий повтор и смешанный повтор. При этом первые три термина достаточно широко используются при описании компонентного состава синтаксических структур, в то время как два последних введены разработчиком классификации для номинации конструкций, рассматриваемых на начальном этапе разработки классификации в качестве гипотетических коррелятов психологических состояний и подтвердивших в дальнейшем свой прогностический потенциал.

Так, **модифицирующий повтор** характеризуется заменой смысловых элементов при повторе с помощью словарных или контекстуальных синонимов, репрезентации и субституции:

- (19) *D a d (chaunters unconsciously). Dylan Thomas — he bloody knew — he bloody did — all that raging against the light...*¹⁹

Смешанный повтор характеризуется наложением упомянутых признаков в одном высказывании:

- (20) *S e r a f i n a (in a fierce whisper). I will go back in the house and smash the urn with the ashes — if you do not tell me! I will go mad with the doubt in my heart and I will smash the urn and scatter the ashes — of my husband's body!*²⁰

3. Верификация терминологии, дефиниций и инструкций по идентификации классификационных признаков

Рассмотренные выше два классификационных ряда — экстралингвистических признаков (типов эмоционального состояния) и признаков лингвистических (конструкций с повторами) — обнаружили статистически значимые корреляционные связи (Синеокова 2004), что свидетельствует о высоком прогностическом потенциале разработанной интерактивной классификации. Тем не менее верификация работоспособности классификации на основе алгоритмов прогнозирования подтвердила лишь целесообразность выбранного подхода при выделении основных типов психологических состояний в стрессовой ситуации и эффективность использования преимущественно функционального критерия, учитывающего механизмы протекания речемыслительных процессов в каждом состоянии, при типологизации конструкций с повтором.

Следует отметить, что выявленная высокая работоспособность классификации не обязательно автоматически делает ее удобным ин-

---

¹⁹ Fugard, Athol. (1967) Papp. In *New English Dramatists — 13*. London: Penguin Books, 141.

²⁰ Williams, Tennessee. Op. cit., 84-85.

струментом для решения прикладных задач, например, при проведении идентификационных и диагностических лингвистических (лингвокриминалистических) экспертиз. Разработчик классификации, несомненно, стремится к тому, чтобы она могла использоваться в практических целях. Проблема состоит в том, что, как было показано выше, и признаки, и обозначающие их термины, и дефиниции самих терминов часто являются новой, практически неизвестной для экспертов областью знаний.

Представляется, что проверка разработанной классификации на возможность ее использования любым средним экспертом-лингвистом является важным завершающим этапом исследования.

В (Беляева, Синеокова 2012) приводится методика корректировки признаковых описаний (инструкций по идентификации) с целью повышения их однозначности. Было выявлено, что сами термины, номинирующие тот или иной лингвистический признак и являющиеся, с точки зрения автора классификации, «говорящими», мотивированными, далеко не всегда выполняют функцию маркера конструкции, а предъявляемые к дефиниции требования краткости и четкости не всегда могут быть соблюдены в связи со сложностью критериев выделения признаков, сочетающих их формальные структурные, семантические и функциональные особенности.

Более важную роль для правильной идентификации признаков играют ясные, однозначные инструкции, акцентирующие внимание экспертов на структурно-семантических и функциональных различиях между признаками, а в ряде случаев даже пошаговые описания (алгоритмы) их распознавания.

Так, например, если первоначально при идентификации экспертами признаков *эхолалический повтор*, *повтор-подлинный переспрос*, *повтор-мнимый переспрос*, *отклоняющий повтор* были допущены многочисленные ошибки замещения, то в ходе последующих итераций эксперимента, после ряда значимых корректировок в их описаниях, было зарегистрировано статистически подтвержденное значимое улучшение в распознавании и дифференциации данных структурно схожих видов экстерного повтора.

Добавим также, что для повышения работоспособности классификации в целом была проведена экспериментальная проверка на однозначность описания сорока лингвистических признаков, реализуемых в стрессогенных ситуациях, включая повторы (Беляева 2018). Процессы выделения и идентификации лингвистических признаков описаны с

опорой на когнитивные механизмы, обуславливающие особенности вербализации признаков описаний и восприятия признаков экспертами. Среди лингвистических причин ошибок идентификации классификационных признаков выделяются такие факторы, как новизна, «яркость», частотность, сходство и неполнота описания признаков. Автор исследует три типа ошибок идентификации (ложное обнаружение признака, пропуск признака и замещение признаков) и добивается их значительного нивелирования за счет правок признаков описаний: перекрестных и неперекрестных примечаний-меток, ссылок разъясняющего характера, дифференцирующих ссылок и дополнений инструкции. Важно, что в тестировании однозначности классификации в качестве «привилегированного» эксперта участвовал сам разработчик классификации, поскольку, как выяснилось, в некоторых случаях стремление к краткости, четкости, ясности инструкции может привести к выхолащиванию существенных характеристик объекта идентификации.

Примечательно, что заключительный этап разработки интерактивной классификации позволил не только оптимизировать признаки описания, но и решить ряд других задач: выделить новые (не выявленные разработчиком) структурные классификационные признаки; обнаружить новые разновидности в рамках выделенных ранее классификационных признаков; выявить и описать сложные для идентификации особенности комбинаторики классификационных признаков. Сравнение параметров оценки прогностического потенциала классификации до и после корректировки признаков описаний показало эффективность данного этапа исследования с точки зрения не только его практической направленности, но и расширения и уточнения представлений об объекте исследования в целом.

4. Заключение

Таким образом, интерактивные лингвистические классификации, базирующиеся на интеграции знаний относительно объекта исследования, полученных в разных научных областях, позволяют выявить корреляционные связи между экстралингвистическими факторами, обуславливающими особенности протекания речемыслительных процессов, и их собственно лингвистическими коррелятами.

Создание такого рода классификаций, включающих по крайней мере два ряда признаков-коррелятов, нередко требует пересмотра существующих подходов к критериям выделения и типологизации элементов, что, в свою очередь, обуславливает необходимость нового тер-

минологического обозначения выявляемых признаков объекта и его имманентных свойств.

Как показывает опыт разработки интерактивной синтаксической классификации структур, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения, для понимания механизмов порождения высказывания лингвисту приходится «вторгаться» в смежные научные области и в ряде случаев, безусловно, опираясь на имеющиеся в них данные, создавать классификацию экстралингвистических факторов, отвечающую задачам проводимого исследования. Представляется, что в тех ситуациях, когда использование «готового» термина (т.н. транстерминологизация) сопровождается его переосмыслением или когда такого термина по тем или иным причинам пока просто не существует, лингвист (в том числе на основе собственных наблюдений и предпочтений) вправе создать новую или частично новую терминосистему. Доказательством правомерности выделения неких экстралингвистических сущностей является выявленный на заключительном этапе исследования прогностический потенциал интерактивной классификации, ее работоспособность. При этом и термины, и их дефиниции, и описания признаков подвижны и могут меняться или уточняться по мере развития самих смежных дисциплин.

Принципы описания в интерактивной классификации собственно лингвистических элементов, акцентирующие внимание на их семантике и функции, также позволяют выявить новые качественные характеристики, требующие номинирования и дефиниции. Средством верификации лингвистической составляющей классификации может стать поэтапная проверка степени однозначности описаний составляющих ее признаков на основе итеративного эксперимента — алгоритмизированной процедуры тестирования терминосистемы экспертами, позволяющей выявить проблемные зоны в области как ясности и прозрачности терминов, так и их дефиниций. Помимо решения задачи сделать классификацию более удобной для распознавания признаков в практической деятельности, проверка на однозначность позволяет также выявить новые признаки, дифференцировать выделенные, описать частотные случаи их комбинаторики и тем самым увеличить прогностический потенциал классификации.

© Синеокова Т. Н.

Раздел II
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРИАТИВНОСТЬ

2.1. ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТРОВНЫХ ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА СУПРАСЕГМЕНТНОМ УРОВНЕ

1. Введение

Несмотря на повышенный интерес классической немецкой диалектологии к изучению интонации, до настоящего времени нет еще достаточно полных исследований в этой области. В свое время на недостаточность исследований интонации указывали такие ученые, как В.М. Жирмунский (Schirmunski 1962: 149) и П. Визингер (Wiesinger 1998). С середины 1970-х до 1990-х гг. практически не было ни одной публикации по исследованию диалектной интонации в Германии. Лишь в начале XXI в., как отмечает Й. Петерс, благодаря становлению автосегментной фонологии и стремительному развитию компьютерных технологий анализа речи появляется ряд работ по данной проблеме (Peters 2006: 200-203).

Впервые сравнительно-сопоставительным анализом интонации диалектов начал заниматься немецкий ученый Е. Вайблингер (Waiblinger 1925), построивший на основе записей 22 информантов со всей территории Германии схемы направления частоты основного тона, на которые впоследствии накладывались соответствующие звуковые высказывания информантов (Waiblinger 1925: 44). Необходимо отметить, что Е. Вайблингер создал тонограммы, в которых высота тона наиболее сильных ударных слогов выделялась при помощи черных точек, располагавшихся на шкале полутонов и связанных между собой пунктирными линиями. Данные линии соединяли колебания высоты тона, как на ударных, так и неударных слогах. Однако представленные схематичные изображения направления частоты основного тона не показывали инвариантных особенностей изменений высоты тона говорящего, они обозначали лишь «типичные» тенденции, характерные для интонации того или иного определенного высказывания.

Сравнительно-сопоставительное исследование интонации предполагало наличие инвариантного понятия мелодического контура, дававшего возможность идентифицировать индивидуальные направления изменения высоты тона как его реализации в различных диалектах. Количество подобных исследований значительно увеличилось с развитием описательной модели Британской школы, американского структурализма и автосегментно-метрической фонологии, так как, по мнению

Й. Петерса, они ввели абстрактные, то есть системные фонологические понятия контура (*tune, contour*), которые впоследствии были разложены на тональные единицы (Peters 2006: 204). Основываясь на результатах исследований Британской школы и американского структурализма, автосегментно-метрическая фонология создала более продуктивную модель сравнительно-сопоставительного описания интонации языков. Цель автосегментно-метрической модели тоновой секвенции, по мнению Р. Лэда, состояла не только в точном описании интонационного контура, но и в создании и разработке «фонологии интонации» (Ladd 1996). Согласно Р. Лэду, в центре внимания находятся не интонационные контуры, а тоны, которые располагаются на различных уровнях диапазона голоса. Благодаря соединению отдельных тонов возникает определенное интонационное оформление фразы («Тон создает мелодию»; ср.: [Wunderlich 1988]). Начиная с исследований интонации шведского и английского языков, предпринятых Г. Брюсом (Bruce 1977) и Дж. Пьерхамберт (Pierrehumbert 1980), постепенно была разработана модель описания тона в языке, которая успешно применяется и в настоящее время.

Тоны автосегментно-метрической модели понимаются как абстрактные конечные точки движения тона, расположенные на двух уровнях. Многие исследователи интонации различают два типа тонов: высокий тон и низкий тон, которые схематично обозначаются следующими сокращениями H (*high tone*) и L (*low tone*). Конечные точки тонов находятся в верхней и нижней четвертях диапазона голоса. Интонационные контуры рассматриваются как последовательная реализация высоких и низких тонов.

В зависимости от ударности слога внутри интонационной фразы (далее — ИФ) различают определенные типы высоких и низких тонов. На ударных слогах образуются акцентные тоны, обозначаемые схематично звездочкой (*). Таким образом, знаками H*, L* выделяются высокий и низкий тоны на ударных слогах или акцентных тонах, которые могут быть монотональными и битональными. В монотональных акцентных тонах H*, L* ударный слог воспринимается как высокий или как низкий. Битональные акцентные тоны, в отличие от монотональных, связаны с предшествующими и последующими тонами (предударными и заударными). Так, например, символ L*+H обозначает нисходящий тон, который переходит в высокий тон (нисходяще-восходящий тон). Если при битональном акцентном тоне тон без звездочки предше-

ствуется тону со звездочкой, то здесь следует говорить о последующем тоне (trailing tone) и предшествующем тоне (leading tone). Символ L+N* показывает, что ударному слогу с восходящим тоном предшествует нисходящий тон, который формируется на предупредительных слогах. Необходимо отметить, что монотональные акцентные тоны являются неподвижными, а битональные — подвижными. Акцентные тоны в автосегментно-метрическом исследовании интонации служат для маркировки части информации ИФ, они делят высказывания на более мелкие ИФ. Что касается пограничных тонов, то они определяют движение тона в безударных слогах ИФ. Эти так называемые «фразовые пограничные тоны» или «пограничные тоны» обозначаются добавлением к сокращениям H, L символа %. Предшествующий акцентному тону, символ % определяет начальный фразовый пограничный тон, а последующий акцентному тону символ % характеризует конечный фразовый пограничный тон. Так, например, пограничный тон L% характеризует низкое положение тона в конце ИФ. А %H соответственно обозначает высокий начальный пограничный тон. Как отмечают М. Грайс и Ш. Бауман, начальный пограничный тон в немецком языке обычно определяется как нисходящий или средне-восходящий, поэтому символ % не используется. Напротив, для редких случаев начального высокого пограничного тона в ИФ символ % указывается (Grice, Baumann 2002: 283).

Каждую ИФ можно разделить на небольшие части, которые обладают акцентным тоном и маркируются собственным пограничным тоном. Иначе говоря, ИФ состоит из отдельных отрезков, границы которых совпадают, что образует комбинацию пограничных тонов. Наряду с пограничными тонами ИФ H%, L%, необходимо отличать пограничные тоны отдельных частей ИФ, которые схематично обозначаются знаком <—>: H—, L—. Эти пограничные тоны часто называют «фразовыми тонами» («phrase tone») (Pierrehumbert 1980) или «фразовыми ударениями» («phrase accents») (Grice 2002: 280). По мнению М. Грайс и Ш. Бауманна, благодаря пограничному тону каждой из частей ИФ можно «описать весь интонационный контур» (Grice, Baumann 2002: 280). Таким образом, эти дополнительные пограничные тоны необходимы для того, чтобы правильно воспринимать возможные тонологические контрасты в языке.

Для маркировки направления тона в лингвистическом словаре GToBI (German Tones and Break Indices — Система транскрипции для интонации немецкого языка) имеются следующие обозначения. Напри-

мер, вершина высокого тона ядерного слога располагается ниже, чем предшествующая вершина ударного слога. Для того, чтобы обозначить этот «спуск» (ср.: Beckmann, Pierrehumbert 1986: 255-309), перед сокращением Н используется символ <!> (!Н, Н*+!Н). Данная тоновая модификация возможна только в том случае, если в ИФ имеется еще один высокий тон. Сверхвысокие тоны по системе GToVI обозначаются символом ^ (^Н). Ниже представлен полный список комбинаций акцентных и пограничных тонов (см. Табл. 1).

Таблица 1. Комбинации акцентных и пограничных тонов

Акцентные тоны	Комбинации пограничных тонов	Начальный пограничный тон
Н*	Н-%	%Н
L+Н*	Н-^Н%	
L*	L-Н%	
L*+Н	L-%	
Н+L*		
Н+!Н*		

На основе соединения акцентных и пограничных (фразовых) тонов возникают многочисленные интонационные контуры, которые, согласно М. Грайсу и Ш. Бауманну, могут подразделяться на нисходящие, восходяще-нисходящие, восходящие, остающиеся на одном уровне, нисходяще-восходящие (Grice, Baumann 2002: 285).

По мнению М. Кенстовича (Kenstowicz 1994), при исследовании диалектов, интонационная система которых еще не была ранее изучена, необходимо использовать трехуровневую модель описания интонации, которая позволяет отличать друг от друга фонетическую реализацию, тонологическую и фонологическую структуры. Вышеназванное разграничение необходимо для сопоставления фонетических реализации одной тоновой структуры в различных вариантах языка. Трехуровневая модель описания интонационной системы представлена ниже (см. Табл. 2).

Таблица 2. Трехуровневая модель интонационной системы

Интонационный уровень	Цель интонационного уровня
фонетика	реализация интонационных контуров
тонология	автосегментно-метрическое создание интонационных контуров
фонология	функция интонационных контуров

2. Методика и материал исследования

Как известно, в Кировской области существуют отдельные замкнутые языковые острова, в которых сохранились немецкие диалекты, представляющие собой уникальную форму языка, и которые функционируют в рамках внутри- и межъязыкового взаимодействия. В сферу исследования вовлекается не только изучение сегментного состава, но и явлений супraseгментного уровня, поскольку без учета последних невозможно получить полную картину функционирования исследуемых диалектов.

Так как одной из главных функций интонации является текстообразующая, а именно, структурирование речи, которое оформляет высказывание в единое целое в соответствии со смыслом, одновременно расчленяя его на ритмические группы и синтагмы, то мы считаем, что в соответствии с данной функцией необходимо проанализировать образцы просодического оформления речи, которые характерны для речи носителей верхне- и нижненемецких диалектов Кировской области. Для анализа выбраны завершенные и незавершенные ИФ (синтагмы), выступающие в качестве независимых величин исследования. Необходимо отметить, что зависимой от интонационной реализации величиной является регионально-специфическая интонационная окраска рассматриваемых ИФ. Для того, чтобы определить независимо от интонационной реализации завершенные и незавершенные ИФ, в исследовании использованы неинтонационные критерии, основанные на синтаксических, семантических и прагматических особенностях ИФ. Выбранная функция интонации анализируется на языковом материале, собранном во время диалектологических экспедиций в северные районы Кировской области, проведенных в 1999-2018 гг. сотрудниками Научной лаборатории экспериментально-фонетических и перцептивных исследований языков различного типологического строя Вятского государственного университета. В основе используемой методики лежит методика исследований немецких региональных диалектов Германии П. Гиллеса, описанная им в работе «Regionale Prosodie im Deutschen: Variabilität in der Intonation von Abschluss und Weiterweisung» (Gilles 2006). При исследовании завершенных и незавершенных ИФ, были рассмотрены только так называемые субстанциональные (содержательные) ИФ. Критерии для обозначения субстанциональности (содержательности) ИФ были введены еще У. Чейфом (Chafe 1994), который определял их следующим образом: во-первых, фраза должна быть пол-

ностью реализована с точки зрения просодии, т.е. в наличии должен быть интонационный контур с главным ударением, и, во-вторых, ИФ должна содержать определенную информацию (Chafe 1994: 63).

3. Результаты исследования

3.1. Критерии определения завершенности / незавершенности в звучащей речи

Согласно П. Гиллесу (Gilles 2006: 48-52), при определении завершенных и незавершенных ИФ необходимо обращать внимание на следующее обстоятельство: если синтаксическая незавершенность ИФ всегда указывает на абсолютную незавершенность, то из синтаксической завершенности ИФ не всегда следует, что налицо законченность мысли. Завершенность и незавершенность ИФ только тогда определяются однозначно, когда их исследование проводится на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях (Gilles 2006: 44).

При выделении завершенных ИФ П. Гиллес использует неинтонационные критерии, основанные на синтаксических, семантических и прагматических особенностях ИФ. Согласно С. Форд и С. Томпсон (Ford, Thompson 1996: 155), чтобы признать ИФ законченной, необходимо рассмотреть ее синтаксическую структуру, которая не должна предполагать дальнейшего дополнения. На уровне семантики завершенность интонационной фразы возникает в том случае, если фраза имеет явную законченную мысль, например, *und da war's, so ist das eben alles*, т.е. фраза заканчивает более длинный речевой акт. Более точные указания на завершенность фразы выводятся из исследования прагматической структуры. По мнению С. Форд и С. Томпсон, высказывание с точки зрения прагматики только тогда закончено, когда оно как сложный речевой акт истолковывается в соответствии с контекстом. Иначе говоря, прагматическую завершенность ИФ определяет законченность речевого акта (Ford, Thompson 1996: 150). При определении завершенных и незавершенных ИФ П. Гиллес уделяет большое внимание смене собеседников в разговоре: если происходит смена разговора, то ИФ, способствующая этому, является абсолютно завершенной. При смене говорящих в беседе необходимо различать «реальную» смену собеседников, при которой слушающий вступает в разговор, и реакцию слушающего на слова говорящего посредством контактоустанавливающих частиц, например, *ja, mh* и другие (Gilles 2006: 49). Если в первом случае однозначно можно установить, что речевой акт со стороны говорящего и слушающего определяется как законченный, то

во втором сложно однозначно решить, считает ли слушающий представленный речевой акт законченным или же своей реакцией он позволяет собеседнику продолжать разговор. П. Гиллес предлагает относить эти сигналы к предложению продолжения беседы, т.е. к незавершенной структуре ИФ.

Для того чтобы определить незавершенные ИФ, П. Гиллес рассматривает их, прежде всего, с точки зрения синтаксиса, семантики и прагматики. Синтаксически незавершенная ИФ определяется тем, что она содержит синтаксическую конструкцию, требующую продолжения в последующей фразе/фразах. Примером могут служить все предшествующие главному предложению придаточные предложения. В исследуемом корпусе языкового материала это часто встречающиеся придаточные предложения условия (*wenn.../dann...*). К этой же категории относятся неполные синтаксические конструкции, которые могут быть разделены с учетом их размера на несколько ИФ. Согласно П. Гиллесу, незавершенность ИФ с точки зрения семантики возникает в том случае, если лексический элемент фразы предполагает определенное продолжение в последующей фразе. По мнению У. Энгеля, незавершенные ИФ должны включать такие вводные слова, как *zwar*, *eigentlich*, *schon*, *sicher*, *erstens*, *vielleicht* (Engel 1988: 89). Прагматическая незавершенность ИФ присуща, прежде всего, длинным речевым актам, например, в рассказах, описаниях и т.п., когда говорящий использует речевые единицы, которые не позволяют закончить речевой акт.

Обобщая концепцию П. Гиллеса об определении завершенности / незавершенности ИФ на основе неинтонационных критериев можно сделать вывод о том, что абсолютная завершенность определяется только в том случае, если субстанциональная ИФ синтаксически и прагматически закончена и сопровождается сменой говорящих. Если смена говорящих отсутствует, то в данном случае можно говорить только о возможно завершенной ИФ. Абсолютная незавершенность определяется, в первую очередь, с точки зрения незавершенности синтаксиса и семантики. Если же говорить о возможно незавершенных ИФ, то следует иметь в виду уже не только их синтаксическую и семантическую, но и прагматическую незавершенность.

3.2. Определение частоты основного тона

Как известно, под частотой основного тона (ч.о.т. или F_0) понимается число колебаний голосовых связок в единицу времени (секунду). Следует отметить, что существует ряд причин, которые могут при-

вести к неправильному расчету F_0 . К этим причинам относятся побочные шумы или физиологические изменения в голосе (например, скрипучий или хриплый голос), или так называемые «прыжки на октаву». Необходимо также обратить внимание на согласные, которые оказывают влияние на последующий и частично предшествующий интонационные контуры. Глухие щелевые и смычные согласные приводят к повышению F_0 , звонкие согласные понижают F_0 (подробно см. Lehiste 1976: 230). Большая часть погрешностей, связанных с измерениями F_0 , устраняется с помощью метода сглаживания. С этой целью используется функция компьютерной программы PRAAT «Smooth-Funktion», которая стирает все «мешающие» измерения величины и корректирует интонационный контур. На основе этого появляется так называемый сглаженный контур, который в дальнейшем и применяется в исследованиях.

Следующий предварительный этап работы представляет собой выбор шкалы измерения основной частоты. Так как определение интервала тона является существенным для данного исследования, то за основу измерения выбирается логарифмическая шкала, которая дает возможность, определять и сравнивать интервалы тона, располагающиеся в разных частотных диапазонах (например, мужской и женский, высокий и низкий голоса). Наряду с логарифмической шкалой для более объективного определения F_0 используется шкала полутонов. Если оси той и другой шкалы относительно друг друга на интонационном графике совпадают (выравниваются), то основная частота логарифмической шкалы идентична основной частоте по шкале полутонов. Частотные величины можно перенести с логарифмической шкалы, наложить их на шкалу полутонов и тем самым определить количество полутонов. 0 пунктов на шкале полутонов соответствует частоте в 100 Гц.

Далее определяется система транскрипции. В настоящее время существуют различные системы интонационных транскрипций: ToVI и G-ToVI, базирующиеся на результатах фонетико-фонологического анализа интонации английского и немецкого языков (более подробно см. Grice, Benz Müller 1995; Grice, Baumann 2002). Однако, как отмечает П. Гиллес, представленные системы вряд ли подходят для описания немецких диалектов, так как они не показывают различий между фонетической реализацией и тонологической систематизацией и имеют ограниченный инвентарь символов для описания интонации региональных диалектов (Gilles 2006: 56).

Система интонационной транскрипции, отвечающая всем требованиям исследования должна, с точки зрения П. Гиллеса, давать возможность более точно определить и охарактеризовать интонационный контур. Это обеспечивается, в свою очередь, четкостью транскрипционных знаков. Таким образом, интонационная транскрипция — это важное вспомогательное средство для структурирования полученных экспериментальных данных. Самая подходящая система транскрипции, применяемая для описания региональных диалектов — это система транскрипции IViE (Intonational Variation in English «Интонационные вариации в английском языке»), созданная Э. Грабе (Grabe 2001) в рамках проекта исследования региональной интонации британско-английских диалектов. Она дает четкое разделение фонетической, фонологической и ритмической структур интонационной фразы, что является основным условием в выявлении региональной интонационной специфики.

Данная система транскрипции обладает более широким инвентарем символов, различающих уже три уровня высоты тона — низкий (L, l), средне-высокий (M, m) и высокий (H, h). Эти уровни дают возможность анализа одиночных слогов, на которых происходит изменение направления тона. В упомянутой системе используются прописные и строчные буквы, которые показывают различие между ударными и неударными слогами. Прописные буквы маркируют ударные, строчные — неударные слоги. Фразовые границы, как и в ToBI, маркируются при помощи символа %. Ядерный слог выделяется заглавной буквой, за ядерные слоги — строчными. Преимущество данного метода состоит в том, что он различает тонологическую (только прописные буквы) и фонетическую транскрипции (прописные и строчные буквы).

Конечный тон в неударном слоге маркируется строчными буквами (h/l/m). Что касается ударного слога, необходимо отметить следующее: если на ударном слоге наблюдается скользящее движение тона, начинающееся на предшествующем или заканчивающееся на последующем слогах, то для маркировки данного явления применяются символы — заглавные буквы LH (для маркировки восходящего движения тона) или HL (для маркировки нисходящего движения тона). Для того чтобы выразить изменяющееся направление тона, между двумя символами ставится знак < – >, например, запись l–h соответствует нисходяще-восходящему движению тона. Остающееся без изменения направление тона для отдельных слогов выражается строчными буквами h–h,

I–I, m–m. Если последний слог является фразовым пограничным сигналом, то добавляется символ %, например, h–% показывает, что направление тона остается на высоком уровне до конца ИФ. Одно из важных отличий системы IViE от других систем интонационной транскрипции касается количества интерполированных отрезков в ядерном контуре. Как правило, в этой системе допускается только один интерполированный отрезок контура, который устанавливается исключительно между двумя последними маркировками тона. Для определения сложных контуров необходимо рассматривать два интерполированных отрезка контура. Например, нисходяще-восходящее движение тона обозначается символами H–I–h%, где два отрезка контура, объединенные в записи знаком тире, включают несколько слогов. При маркировке изменения направления тона на двух соседних слогах символы, обозначающие данные слоги, не соединяются тире. Например, комбинацию символов Lh можно охарактеризовать следующим образом: за низким тоном на ударном слоге следует неударный слог с высоким уровнем тона.

На основе системы IViE выделяются следующие примеры изменения высоты тона:

- 1) H–I% нисходящее движение тона до низкого уровня;
- 2) LH–I% повышающееся движение тона на ударном слоге, которое снижается до низкого уровня в конце ИФ;
- 3) H–I–h% нисходяще-восходящее движение тона до высокого уровня;
- 4) H–I–m% нисходяще-восходящее движение тона до среднего уровня;
- 5) H–% остающийся без изменения высокий тон;
- 6) LNh–% повышающееся движение тона на ударном слоге, максимальная высота тона находится на следующем слоге, высокий тон остается до конца ИФ;
- 7) L–h% восходящее движение тона до высокого уровня;
- 8) Lh–% низкий тон на ударном слоге, на последующем слоге наблюдается повышение тона.

3.3. Просодические характеристики интонационных фраз завершенности и незавершенности в немецких островных диалектах

Определение завершенности и незавершенности ИФ проводилось на основе расшифрованных (затранскрибированных) магнитофонных записей верхненемецких и нижненемецких диалектов, сделанных во время диалектологических экспедиций в поселки Созимский и Чер-

ниговский Верхнекамского района Кировской области. Проведенное экспериментально-фонетическое исследование выполнялось при помощи компьютерной программы PRAAT (более подробно см. на сайте www.praat.org). Говоря о методах исследования звучащей речи, необходимо выделить два важных метода — метод слухового и метод инструментального анализа. Целью слухового анализа, является получение интонационной транскрипции, т.е. определение типов ядер, составление тонограмм. Метод инструментального анализа дает возможность определения темпоральных характеристик речи (длительности звуков, слогов, синтагм, предложений / фраз, а также разделяющих их пауз), определения изменений интенсивности, получения исходных данных об изменении частоты основного тона.

Следует отметить, что ввиду обширного языкового материала лингвистический анализ ограничился повествовательными высказываниями, при этом из материала исследования исключены различного вида вопросы: общие, специальные, альтернативные и др. В исследуемом языковом материале на основе неинтонационных критериев определены завершенные и незавершенные ИФ. Следующим этапом является установление тонологической структуры рассматриваемых интонационных контуров, на основе анализа которых мы получаем возможность выявить их структуру и частотность. В качестве конечного этапа исследования выступает определение инвентаря ядерных контуров отобранных завершенных и незавершенных ИФ.

Все собранные во время диалектологических экспедиций магнитофонные записи были сегментированы при помощи слухового анализа на отдельные ИФ, общее количество которых составило 6700 единиц. Для анализа взяты только ядерные контуры, включающие ядро ИФ и заядерные слоги. Поскольку лингвистическая информация, как ожидается, в более сконцентрированном виде представлена в интонационном центре (или ядре), предъядерный интонационный контур оставлен за рамками исследования.

На первом этапе исследования на основе аудитивно-фонетических методов были выбраны 750 примеров — ИФ, используемые в последующем исследовании. В основе отбора ИФ лежат три вида контуров: нисходящие контуры (250 примеров), восходящие контуры (250 примеров) и восходяще-нисходящие контуры (250 примеров). С помощью компьютерной программы PRAAT в выбранных ИФ были рассмотрены средние величины частоты основного тона. Наряду с об-

щим $F0_{umfang}$ — диапазоном основной частоты, который необходим для создания интонационного контура, определялись средние значения для общих высших и низших точек частоты диапазона.

Для реализации интонационного контура используется определенный диапазон частот, размер и положение которого устанавливается для каждого информанта индивидуально. Как правило, определяющими для положения самой низкой и самой высокой частоты диапазона, внутри которого реализуются все интонационные контуры, являются физиологические особенности голоса: мужской или женский, высокий или низкий. При этом диапазон основной частоты меняется на протяжении всей фразы. Он может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от интонационного контура, эмоционального настроения, дискурсивного статуса высказывания. На основе этих изменений можно определить максимальную $F0$ ($F0_{max}$) и минимальную $F0$ ($F0_{min}$), значения которых определяют ширину и относительное положение диапазона основной частоты. В повествовании $F0_{min}$ находится, как правило, в конце ИФ и имеет относительно постоянное значение, в то время как $F0_{max}$ демонстрирует различные величины. Задачей этого этапа является определение величин $F0_{max}$, $F0_{min}$, $F0_{umfang}$ как в ИФ-реализациях отдельных информантов, так и обобщенно в речи всех информантов и совокупности их высказываний, что можно считать характеристикой диалектов рассматриваемого региона. Наряду с общим диапазоном ($F0_{umfang\ global}$) определяются связанные с ним особенности общего максимального значения ($F0_{max\ global}$) и общего минимального значения ($F0_{min\ global}$) основной частоты.

Данный анализ преследует две цели: во-первых, установить, существуют ли различия в общем диапазоне основной частоты между рассматриваемыми верхненемецкими и нижненемецкими диалектами Кировской области. Как утверждал в своем труде «Deutsche Phonetik» О. Бремер (Bremer 1993: 196), «диапазон в диалектах значительно различается. Небольшой диапазон основной частоты показывает, что мелодия протекает без напряжения, неэнергично, с достаточно сглаженными контурами» или, как отмечает в своей работе «Die “singende” Sprechmelodie im Deutschen. Der metaphorische Gebrauch des Verbums “singen” vor dem Hintergrund sprachwissenschaftlicher Befunde» Г. Циммерманн, с «низкой степенью напряженности внутри интонационного контура» (Zimmermann 1998: 8). Широкий диапазон основной частоты, в свою очередь, характеризуется напряженностью, энергичностью, резкими конфигурациями интонационного контура (Bremer 1893: 196).

Во-вторых, сравнение нисходящих, восходяще-нисходящих и восходящих интонационных контуров абсолютно и возможно завершённых и незавершённых интонационных фраз, выбранных из языкового материала 20-ти информантов-дикторов — носителей верхне- и нижненемецких диалектов рассматриваемого региона, а также определение на основе этого сравнения региональных различий вышеназванных диалектов, если таковые имеются.

На основе ИФ используемого языкового материала был определён $F0_{umfang}$ для 20-ти информантов — носителей верхне- и нижненемецких диалектов. Для этого было выбрано у каждого информанта-диктора по 40 ИФ (20 завершённых и 20 незавершённых ИФ), которые в дальнейшем были подвергнуты инструментальному анализу: в каждой ИФ при помощи компьютерной программы PRAAT измерялись $F0_{max}$, и $F0_{min}$, разница которых затем определяла $F0_{umfang}$.

Все полученные в герцах (Гц) значения были переведены в полутона (st). На основе подсчетов $F0_{max}$, и $F0_{min}$, $F0_{umfang}$ всех ИФ для каждого информанта были определены средние значения основной частоты:

$F0_{max\ global}$ средняя максимальная основная частота ИФ;

$F0_{min\ global}$ средняя минимальная основная частота ИФ;

$F0_{umfang\ global}$ средний диапазон основной частоты ИФ;

$F0_{umfang\ global}$ как разница $F0_{max\ global}$ и $F0_{min\ global}$.

Значения $F0_{max}$ и $F0_{min}$ внутри ИФ определяются во многих случаях типом ядерного контура. При нисходящих ядерных контурах $F0_{max}$ часто находится на вершине акцентного слога H^* (как правило, на ядерных слогах), а $F0_{min}$ большей частью располагается на неударном слоге в конце фразы. При восходящих контурах $F0_{max}$ находится обычно в конце ИФ на высоком конечном пограничном тоне $h\%$, в то время как $F0_{min}$ локализуется на низком ударном или на безударном слогах.

Полученные результаты показали, что в исследуемом языковом материале высота голоса располагается на различном частотном уровне, что в основном зависит от физиологических факторов (размер голосовых связок и форма тракта), а также от стиля высказывания. Средние диапазоны основных частот практически у всех информантов-дикторов, носителей ниже- и верхненемецких диалектов (представительниц женского пола) располагаются между 6 и 10 полутонами (st) (ср. носители верхненемецких диалектов — ЮЗКж¹ $F0_{umfang\ global}$ (Гц) —

---

¹ В обозначениях используются сокращения фамилий, имен и отчеств информантов-дикторов, представителей нижненемецких и верхненемецких диалек-

193.00, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 9.87; МИБЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 169.70, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 8.52; КМАЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 171.17, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 8.69; МЕИЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 158.58, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 7.95; РЭПЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 172.81, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 8.90; ИИРЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 175.54, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 9.01; ДАЮЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 158.73, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 7.99; носители нижненемецких диалектов — РМКЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 175.85, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 9.70; РЭГЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 172.89, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 9.25; ГОДЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 156.71, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 6.76; СЭАЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 164.90, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 7.15; КАХЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 196.51, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 10.17; ПЕЕЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 191.17, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 9.88; ВГАЖ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 184.46, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 8.71)

Несколько иные средние диапазоны основных частот характеризуют информантов — носителей верхненемецких и нижненемецких диалектов — представителей мужского пола (ср. носители верхненемецких диалектов — ГФФМ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 121.67, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 3.03; ЮТАМ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 128.39, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 3.89; ИКРМ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 137.85, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 5.51; носители нижненемецких диалектов — РРГМ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 138.73, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 5.63; РБГМ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 110.48, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 3.66; ШИИМ $F_{0\text{umfang global (Гц)}}$ — 132.42, $F_{0\text{umfang global (st)}}$ — 5.12).

Как известно, средний диапазон основных частот мужского голоса уже, чем женского; в данном случае диапазон расположен между 3.03 пт и 5.63 пт. У женщин же, наоборот, средний диапазон основных частот расположен между 6.76 пт и 10.17 пт, что в принципе говорит о достаточно широком голосовом диапазоне. Наиболее широкий диапазон основных частот наблюдается у носителей верхненемецких диалектов ГАКЖ (9.01 пт), ЮЗКЖ (9.87 пт), носителей нижненемецких диалектов ПЕЕЖ (9.88 пт), КАХЖ (10.17 пт). Различие между наиболее узким и наиболее широким диапазоном основных частот составляет 7.14 пт или одну кварту.

Опираясь на полученные экспериментальные данные, можно рассмотреть средние диапазоны основных частот в целом по верхненемецким и нижненемецким диалектам, представленным в Кировской области. Средний диапазон основной частоты у носителей нижненемецких диалектов — женщин составляет 176,25 Гц или 8,7 полутонов, у мужчин —

тов, а также следующие сокращения: **ж** — представительница женского пола, **м** — представитель мужского пола.

128,17 Гц или 4,2 полутона. Средний диапазон основной частоты у носителей верхненемецких диалектов — женщин составляет 172,84 Гц или 8,6 полутонов, у мужчин — 125,61 Гц или 3,9 полутона.

Для более объективного анализа рассматриваемого языкового материала вычислены отклонения выборочных частот от средней и среднее квадратичное отклонение для средних величин $F0_{\min \text{ global}}$, $F0_{\max \text{ global}}$, $F0_{\text{umfang global}}$ носителей верхненемецких и нижненемецких диалектов. Что касается вероятной ошибки в определении средней частоты, следует отметить, что если действительная средняя частота находится вблизи средней частоты выборки, то можно определить, случайны или существенны отклонения выборочной частоты от их средней при помощи «Хи-квадрат» критерия или критерия согласия вычисленных по формуле величин с величинами теоретическими, соответствующими закону случайного варьирования одной и той же вероятности.

Рассмотрение полученных данных проводится для оценки критического порога отклонений: ошибка меньше 5% — это случайное отклонение от средней частоты. Необходимо отметить, что в статистике применяют понятие «границы существенности», которыми являются те критические вероятности, переход через которые свидетельствует о существенных колебаниях или расхождениях частот. Таких границ две: ими обычно считаются 95-процентная и 5-процентная вероятность большего значения. В нашем случае величина «Хи-квадрата» у носителей нижненемецких диалектов — РМКж ($F0_{\max \text{ global}} \text{ СНI}$, P: 9,3 — 5%, $F0_{\min \text{ global}} \text{ СНI}$, P: 9,4 — 5%), РЭГж ($F0_{\max \text{ global}} \text{ СНI}$, P: 9,47 — 5%), СЭАж ($F0_{\min \text{ global}} \text{ СНI}$, P: 8,6 — 5%), и носителей верхненемецких диалектов — МЕИж ($F0_{\text{umfang global}} \text{ СНI}$, P: 9,8 — 5%), ИИРж ($F0_{\min \text{ global}} \text{ СНI}$, P: 9,3 — 5%). При 4-х степенях свободы это соответствует 5% вероятности большего значения, и поэтому принимается гипотеза о случайности колебания наблюдавшихся частот относительно их общей средней частоты. Нет оснований отвергать предположение о действии этой закономерности в той совокупности в целом, из которой были взяты выборки.

4. Заключение

Проанализировав средние величины основной частоты каждого информанта-диктора, а также в целом представителей верхненемецких и нижненемецких диалектов рассматриваемого региона, необходимо отметить, что размер среднего диапазона указывает только на различия между мужскими и женскими голосами и не указывает на различия между вышеназванными диалектами. Существенные различия в общем

диапазоне частоты основного тона между рассматриваемыми верхненемецкими и нижненемецкими диалектами Кировской области не установлены. Диапазон основной частоты носителей вышеназванных диалектов определяется как узкий, свидетельствующий о том, что движение тона протекает без напряжения, неэнергично, с достаточно сглаженными контурами.

© Байкова О. В.

© Бухаров В. М.

2.2. АНГЛИЙСКИЙ КАК ЛИНГВА ФРАНКА В РЕФЛЕКСИВНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Введение

Важнейшим вопросам социально детерминированной вариативности современных языков на национальном и транснациональном уровне посвящено значительное число фундаментальных трудов современных ученых, представляющих ведущие научные центры Российской Федерации и ряда зарубежных стран.

В последние десятилетия в языкознании произошел поворот в сторону социологизации явлений языка, углубленного изучения форм связи с действительностью. Результатом исследований являются формирующиеся ныне новые отрасли науки о языке, среди которых социолектология, контрастивная социалингвистика, контактная вариантология.

В 80-е гг. прошлого столетия в Крыму (Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского) сформировалась научная школа социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко, члены которой осуществляют научные изыскания, ориентированные на социальные аспекты стратификации национальных и транснациональных языков в рамках фундаментальной научно-исследовательской темы Института иностранной филологии КФУ им. В. И. Вернадского «Социальная и национальная вариативность языка и литературы».

В сферу проблем изучения включены такие крупные темы, как двуязычие и многоязычие, языковая вариативность и социальное расслоение говорящих и целый ряд других. На основе изучения взаимодействия социальных и языковых явлений раскрываются различные аспекты языковой нормы, динамики звуковой системы в синхронии и диахронии, рассматриваются базисные единицы социофонетики и фоностилистики, демонстрируется комплексная методика данных исследований, осуществляется анализ речи с точки зрения теории о развивающихся языковых изменениях для установления тенденций развития ряда элементов системы языка. Авторами всесторонне анализируются социальные и языковые аспекты вариативности речи поли- и билингвальных языковых сообществ, поскольку повсеместно возникающий национально обусловленный билингвизм становится особенностью коммуникации многочисленных социальных групп и важнейшим фактором их идентификации. Исследователи вносят существенный вклад в рассмотрение вопросов со-

циолектологии, гендерной проблематики, в изучение билингвизма, диглоссии, языковой ситуации в разных регионах мира в рамках разрабатываемой научной школой теории социально обусловленной вариативности национального языка как целостной структуры.

Актуальность представленного ниже исследования заключается в том, что сопутствующим результатом языковых контактов становятся новые этнически и социально стратифицированные инструменты межнациональной коммуникации, которые находятся в прямой зависимости от внеязыковых факторов и стереотипных параметров коммуникативных ситуаций.

Проблематика исследования исходит из сложности определения функционально-прагматического статуса глобализованного английского как контактного языка межнациональной коммуникации.

Сложившаяся реальность языковых контактов требует нового подхода к обучению контактному языку, ориентированному на разнообразие современного мира, и включения технологий адаптации в мультикультурной среде.

Целью данного исследования является обоснование концепции предметно-ориентированного контактного английского языка и поиск путей модификации лингвокультурной ориентации университетского курса иностранного языка с тем, чтобы он отвечал условиям межнациональных и межкультурных контактов начала XXI в.

Новизна исследования заключается в том, что впервые предлагается использование концепции предметно-ориентированного контактного английского языка в процессе рефлексивного обучения, соответствующего требованиям диверсификации современного мира.

2. Функционально-прагматический статус контактного английского языка межнациональной коммуникации

В широком тематическом диапазоне исследований научной школы А. Д. Петренко выделяются разработки, направленные на концептуальное переосмысление функционально-прагматической роли контактного английского языка (далее — АЯ) межнациональной коммуникации как инструмента современного этапа глобализации, представленного совокупностью процессов, в ходе которых мир оказывается все более взаимосвязанным на местном, региональном и глобальном уровнях.

Используемые социолингвистами формулировки *International English* и *English as an International Language* не предполагают, что международный АЯ является стандартным языком, неким объединен-

ным кодифицированным вариантом АЯ, основанным на нормах носителей языка и предназначенным для международной коммуникации, своего рода предшественником английского лингва франка. Это минимально сложный, но максимально выразительный язык, нормы которого основаны на образцах узуса компетентных неносителей АЯ (Modiano 2009: 224).

По словам английского социолингвиста Д. Грэдола, «современные тенденции развития международного АЯ гораздо сложнее, чем предполагалось до недавнего времени: они создают проблемы для носителей языка и требуют более глубокого осмысления» (Graddol 2006: 3). Ситуация, сложившаяся с АЯ в XXI в., действительно, уникальна. Никогда прежде ни один из языков не получал такого распространения и не характеризовался формированием новых разновидностей и новых норм, связанным с разрушением старой и появлением новой идентичности людей, говорящих на этих разновидностях АЯ (Нестеренко 2011: 51). Как замечает В. М. Смокотин, проблема описания международного АЯ состоит в том, чтобы, исследовав его сущность и специфику, аргументировать комплементарность его отношений с этнокультурной идентичностью пользователей и его функциональное назначение в процессе глобализации, поскольку он служит дополнительным языком по отношению к национальным и территориальным вариантам АЯ (Смокотин 2011: 5).

Для многих исследователей английского как контактного языка международной коммуникации, аксиоматичным является тезис, что он не должен отождествляться ни с одним основным языковым вариантом и не должен выбирать ни один из вариантов носителей АЯ в качестве целевой модели (Anchimbe 2009; Graddol 2006; Jenkins 2007; Seidlhofer 2009). Ученые, рассматривающие АЯ международной коммуникации с позиций функционального назначения, определяют его как вариант со стандартом в стадии формирования, который используется в коммуникативной функции для обеспечения взаимопонимания между различными этносами и не имеет четко выраженной этнокультурной идентичности (Смокотин 2011: 25). В упрощенном представлении международный английский язык — это разделяемый всеми язык межнациональной коммуникации, который никому из участников не отдает социальных, политических, культурных и т.д. привилегий, хотя в реальности язык становится международным именно благодаря политическим, военным, экономическим и прочим факторам (Erling 2004: 9; Hall 2001: 305).

Австралийский социолингвист Дж. Братт-Гриффлер идентифи-

цирует четыре центральных фактора развития глобального языка:

1) экономико-культурные функции языка, поскольку АЯ является продуктом развития мирового рынка и глобальных перемен в области науки, технологии, культуры и средств массовой информации;

2) преобладающее использование АЯ в роли лингва франка людьми на всех социальных уровнях, а не только экономической элитой;

3) упрочение билингвизма благодаря сосуществованию мирового языка с другими языками в двуязычных и многоязычных контекстах, где он закрепляется рядом с местными языками и способствует многоязычию, а не вытеснению слабых языков;

4) языковые изменения происходят в процессе конвергенции и дивергенции мирового АЯ, т.е. мировой АЯ распространяется, прежде всего, благодаря тому, что его учат, и только затем вследствие миграции людей, говорящих по-английски. Эти два процесса происходят одновременно, точно так же, как одновременно появляются новые варианты и сохраняется единое языковое пространство международного АЯ (Brutt-Griffler 2002: 110).

С функциональных позиций, распространение АЯ в мире является свершившимся фактом, однако его функционально-прагматическая идентификация как международного АЯ или как английского лингва франка (далее — АЛФ) все еще является предметом дискуссии, и взгляды авторов во многом обусловлены такими субъективными факторами, как этническое происхождение, регион проживания и вариант АЯ, на котором они говорят (Canagarajah, Wurr 2011; Firth, Wagner 2007; House 2003; Knapp, Meierkord 2002).

Экстраполяция традиционных представлений на современную глобальную языковую ситуацию не способствует правильной оценке роли контактного АЯ в процессах международной коммуникации. Например, прогноз демографических факторов распространения таких языков, как китайский, испанский и арабский в 1950-2050 гг. дал основания Д. Грэддолу констатировать их вероятное вхождение в число мировых языков и потенциальную перспективу вытеснения ими АЯ с позиций языка глобальной коммуникации уже в XXI в. (Graddol 2006: 60, 61).

Мы не можем согласиться ни с такими прогнозами, ни с попытками найти в современном АЛФ какие-то аналогии с контактными языками прошлого. Основное отличие между мировым АЯ и, например, мировым китайским языком заключается в принципе эксклюзивности/инклюзивности.

Так, коммуникативная ситуация на китайском языке должна включать носителя языка в качестве постоянного участника и любого неносителя в качестве переменного участника, выучившего китайский язык как иностранный, если это происходит, к примеру, в Китае или любой стране, где имеется китайская диаспора. Если это происходит в Малайзии или Сингапуре, где китайский является одним из официальных языков, неноситель может усвоить его как второй язык. Китайский язык в межнациональной коммуникации эксклюзивен, т.е. он исключает все коммуникативные контексты, где не присутствует носитель языка.

И, напротив, английский, как лингва франка международной коммуникации, является инклюзивным языком, поскольку принадлежит коммуникантам любого этнокультурного происхождения. Говоря другими словами, инклюзивность определяется как политика включения в социальный и коммуникативный процесс людей, которые иначе могли быть исключенными или занимать маргинальную позицию, так как относятся к этническому, гендерному, сексуальному, возрастному и т.п. меньшинству (Карвасарский 2006: 835).

В контексте факторов развития мирового языка необходимо указать положение, которое представляется ключевым для последующего обсуждения. Это роль пользователей международного контактного АЯ, интерактивных субъектов процесса языкового развития, формирующих (в условиях двуязычия и многоязычия) как собственно используемый ими АЛФ, так и определяющих функции, которые АЛФ выполняет в их сообществах. Естественно, что языковая деятельность субъектов коммуникации не ограничивается жесткими языковыми нормами, но в ней просматривается перспектива концептуализации и нормализации АЛФ, необходимой для его внедрения в систему преподавания (Seidlhofer 2007: 310).

Концепт языкового сообщества является ключом к пониманию статуса АЛФ в глобальном континууме АЯ. Традиционная трактовка сообщества как локальной общины непосредственно взаимодействующих индивидов потеряла актуальность, и фактор местонахождения уже не служит основанием его идентификации. Современное представление о сообществе как совокупности людей базируется на наличии общих интересов индивидов, составляющих данную совокупность, общей социальной практики, т.е. повторяющегося рутинизированного способа взаимодействия, а также определенной организационной структуры (Ипатова 2009).

В конкретном языковом сообществе используется конкретная социально-коммуникативная система — совокупность кодов и субкодов, находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнителности и имеющих свои функции, которые не пересекаются с функциями других кодов и субкодов (Крысин 2000: 61). Тем самым коды и субкоды пользователей АЛФ функционально дополняют друг друга, образуя систему, способную обслуживать все коммуникативные потребности данного сообщества и все сферы общения пользователей АЛФ, которые могут относиться к самым разным областям деятельности.

В системе функциональной дополнителности мирового сообщества лингвокультурные особенности новых контактных вариантов АЯ получают легитимный статус нейтральных идентифицирующих признаков без какой-либо негативной коннотации, ранее возникавшей при сравнении с аналогичными явлениями британского или американского АЯ. Для современной глобальной языковой ситуации характерны новые функциональные образования, которые можно определить как практические или деятельностные разновидности АЛФ, практики, функционирующие в пределах сообществ (Мележик 2013: 110).

В дополнение к экстралингвистическому взаимодействию в какой-либо области интересов, языковая практика на АЛФ является той общей платформой, которая объединяет межнациональные сообщества практики. На этом основании Б. Зайдльхофер предлагает квалифицировать коллективы пользователей АЛФ как дискурсивные сообщества, группы людей, характеризуемых общими деятельностными нормами и объединяемых тем, что они сообща владеют определенным количеством типов или жанров дискурса, при помощи которых они осуществляют свои коммуникативные цели (Seidlhofer 2007: 308). В широком смысле дискурс отражает общие коммуникативные особенности данного сообщества, особые условия коммуникации, в которых фонетическая и лексико-грамматическая вариативность и нестабильность оформления конкретными коммуникантами прагматически важной информации регулируются на основе принципа приоритета по отношению к значимым компонентам смысла. Участники коммуникации осуществляют успешное дискурсивное взаимодействие с помощью стратегий контроля, кооперации и политкорректности.

Ясно, что, в частности, у российских пользователей АЛФ существуют общие лингвокультурные представления, помогающие им вести взаимно приемлемую межнациональную коммуникацию. При этом со-

беседники показывают коммуникативную компетенцию, достаточную для обсуждения интересующей их темы (Подлеская, Кибрик 2006: 7, 8). Построение дискурса основано не на применении языковых норм и стандартов, а на регулировании имеющихся языковых ресурсов согласно требованиям коммуникативной ситуации, и на воздействии на окружение, с тем чтобы оно соответствовало имеющимся языковым ресурсам (Canagarajah 2011: 10).

Как доказывают исследователи функциональной прагматики, понимание смысла в дискурсе на АЛФ регулируется именно стратегиями собеседников. При этом проблема интерференции речевых норм родного языка не является существенной, а речевое взаимодействие ориентировано на консенсус, сотрудничество и взаимную поддержку. (House 2003; Seidlhofer 2009). По мнению Б. Зайдльхофер, основной принцип языковой идеологии АЛФ заключается в том, что сообщество, использующее его, перестает быть «нормозависимым» и становится «норморазвивающим», а затем и «нормообеспечивающим» (Seidlhofer 2009: 239).

Известное высказывание австрийского социолингвиста К. Хюльмбауэр свидетельствует о том, как участники общения на АЛФ относятся к оценке нормативности их речи: «Знаете, мы не стремимся говорить правильно. Мы говорим так, чтобы вы могли понять нас!» (Hulmbauer 2009: 324). Следуя метафорическому выражению К. Крамш, можно сказать, что, благодаря особенностям АЛФ, говорящие на нем люди перебрасывают мостик между своей идентичностью и пониманием, т.е. язык служит инструментом создания групповой идентичности, социальной значимости и исторической преемственности (Kramsch 2002: 5).

3. Предметная концептуализация контактного языка межнациональной коммуникации

В поисках общей платформы, на которой можно объединить различные подходы к изучению межнациональной коммуникации на АЛФ, мы обращаемся к принятому в когнитивной лингвистике понятию домена. Домен представляет собой сферу (интересов), поле (деятельности), область (знаний) По определению Р. Лэнекера, домены есть чисто когнитивные сущности, репрезентационные пространства или концептуальные комплексы, т.е. «любая связанная область концептуализации, выступающая в качестве контекста для определения значения языкового знака» (Langacker 2008: 147, 547).

Широко используемый в теории и практике программирования термин «домен» является, в частности, компонентом словосочетания

domain-specific language, т.е. предметно-ориентированного языка. Это язык программирования с ограниченными выразительными возможностями, ориентированный на некую конкретную предметную область и предназначенный для выполнения функций, связанных с этой областью (Фаулер 2011: 17, 18).

Фактически, межнациональный АЛФ также представляет собой язык, ориентированный на использование в определенных предметных областях, доменах. Он предназначен для выполнения функций, связанных с обменом любой специализированной информацией: в бизнесе, по месту работы, в организационной и профессиональной сфере, в коммуникации, отражающей любые конкретные домены социально-культурного разнообразия современного общества. Для обозначения контактного АЛФ межнациональной коммуникации, отражающей любые домены социально-культурного разнообразия современного общества, мы вводим концепт *предметно-ориентированного английского лингва франка* (далее — ПОАЛФ). Подчеркнем, что типичная ситуация, в которой дискурс на ПОАЛФ не только является эффективным, но и носит эгалитарный характер, — это ситуация малозначащего социального взаимодействия. В такой ситуации осуществляется взаимоприемлемый для собеседников социальный контакт, не предполагающий получение какого-либо практического результата (Show 2011; Ehrenreich 2008). Это, например, общение в свободное время иностранных и российских студентов, когда нет необходимости следить за эффективностью понимания.

В нашем исследовании мы выдвигаем положение о том, что ПОАЛФ — это контактный АЯ межнациональной коммуникации любого сообщества, предметная ориентация которого может определяться как специализированная для данного сообщества область социально-культурного, экономического, политического и иного разнообразия. Мы определяем два типа ПОАЛФ в зависимости от исходного языка субъектов коммуникации:

В сообществах, где постоянно задействованы представители различных исходных языков, он выполняет функцию контактного языка коммуникативной практики. Это — *ПОАЛФ коммуникации*. ПОАЛФ коммуникации используется в процессе как институционального внутриорганизационного и межорганизационного взаимодействия, так и для неформального общения в разного рода международных политических и общественных институтах, межнациональных транспортных сетях,

транснациональных корпорациях, международных средствах массовой информации, компаниях, сотрудничающих с иностранными партнерами, высших учебных заведениях, предлагающих иностранным студентам курсы на АЯ, и т.д.

Основными критериями ПОАЛФ коммуникации являются:

1) определяемый путем самооценки коммуникативной компетенции критерий достаточности владения языковыми средствами, необходимыми для реального англоязычного взаимодействия;

2) критерий достаточности коммуникативных стратегий, способствующих преодолению языкового барьера, нарушающего реальное англоязычное взаимодействие партнеров коммуникации;

3) критерий языковой комфортности общения, достаточный для интерпретации и категоризации своего социального окружения в интернациональных контекстах.

Структура институциональной коммуникации на ПОАЛФ соответствует: (а) открытому институциональному уровню межорганизационного взаимодействия, (б) закрытому институциональному уровню в пределах транснациональной организации, (в) уровню интеграции транснациональной организации в локальных гражданских сообществах.

Критерии фонетической и лексико-грамматической правильности речи на ПОАЛФ уходят на второй план, а на первый план выступает способность точной передачи информации в приемлемой для слушателей форме с использованием соответствующего тематике обсуждения набора специальной лексики. Социальное взаимодействие на ПОАЛФ обеспечивает эффективность координации деятельности всех участников и распространения организационной информации в межнациональных коллективах.

В сообществах, включающих представителей одного исходного языка, но являющихся потенциальным компонентом какого-либо международного домена, ПОАЛФ выполняет функцию инструмента интернационализации в ситуациях возможных контактов с представителями других исходных языков. Это — *ПОАЛФ интернационализации*, функционирующий, в первую очередь, в системе высшего образования, в университетских сообществах.

Использование ПОАЛФ как прагматического инструмента интернационализации субъектов в глобальной сети высшего образования служит катализатором перехода от традиционного высшего образования к обеспечению потребностей интернациональной экономики и ин-

фраструктуры. ПОАЛФ выполняет три основных функции в интернационализации российского высшего образования. Во-первых, он используется в различных формах университетской учебной и научно-исследовательской деятельности, в качестве контактного языка. Во-вторых, он обслуживает интернациональную инфраструктуру и обеспечивает различные виды мобильности всех субъектов этого процесса. В-третьих, выступает как инструмент вторичной социализации, обеспечивающий коммуникантам вхождение в специфическую культуру международного университетского сообщества.

В сфере российского университетского образования ПОАЛФ интернационализации регулярно используется «сверху» вследствие регламентации образовательной деятельности, в условиях которой АЯ является обязательным предметом учебной программы.

Коммуникативная практика на ПОАЛФ имеет место в процессе как реального, так и виртуального институционального взаимодействия участников и отличается языковой спецификой, реализуемой в институционально обусловленном дискурсе.

ПОАЛФ интернационализации индивидуально используется «снизу» членами университетского сообщества в целях их самостоятельного вхождения в сферу межнациональной коммуникации. Пользователи ПОАЛФ потенциально являются русско-английскими/ПОАЛФ билингвами. В университетской профессиональной деятельности такой билингвизм осознается как фактор повышения социального статуса личности. В становлении русско-английского/ПОАЛФ билингвизма критическую роль играют социолингвистические факторы, требующие повышения уровня владения и практической реализации знания ПОАЛФ. Проведенные авторами статьи наблюдения над различными группами, составляющими университетское сообщество, показывают, что уровень владения ПОАЛФ изменяется от одного университетского поколения к другому по мере их вхождения в процесс интернационализации.

Основными ориентирами исследования ПОАЛФ интернационализации являются:

- 1) определяемый путем самооценки коммуникативной компетенции уровень владения языковыми средствами, которые коммуникант может использовать в потенциальных ситуациях англоязычного взаимодействия как в предметно-ориентированном, так и в бытовом общении;
- 2) фиксированный набор социолингвистических переменных, определяемых как фонетические, морфосинтаксические, и лингвокуль-

турные особенности, характеризующие ПОАЛФ данного сообщества;

3) лингвокультурный компонент, представленный эксплицитными и имплицитными формами и передающий набор ценностей и поведенческих норм, которые усваивают члены университетского сообщества посредством вторичной социализации и интернационализации АЯ в процессе учебной коммуникативной практики.

Использование ПОАЛФ интернационализации не требует социальной идентификации коммуникантов и категоризации языковой комфортности общения, так как представление о них экстраполируется из коммуникации на родном языке. Объединяющим фактором бытовой и профессиональной коммуникации на ПОАЛФ, осуществляемой информантами, является их принадлежность к университетскому сообществу, в котором они организованы по интересам, отражающим специфические области технического, экономического, общественно-политического и культурного разнообразия. Их институционально ограниченная коммуникация представляет собой как процесс распространения предметно-ориентированной информации, так и дискурс, порождаемый ими в процессе распространения этой информации в таком сообществе.

4. Роль ПОАЛФ в рефлексивном обучении межкультурной коммуникативной компетенции

Необходимость усвоения ПОАЛФ в процессе интернационализации университетского образования ставит в XXI в. задачу использования таких инструментов, как нейролингвистическое планирование (далее — НЛП) и рефлексивное обучение (далее — РО), которые носят комплементарный характер.

НЛП определяется как эффективный инструмент в преподавании АЯ для ускорения обучения, своего рода «система альтернативной терапии», предназначенная для обучения студентов самосознанию и эффективному общению, а также моделированию своего социального и эмоционального поведения (Siddiqui 2018; Wake 2012).

Аргументация в пользу включения приемов НЛП и РО в университетские программы ПОАЛФ методологически опирается на критическое осмысление преподавателем своей работы в аудитории, то есть на самооценку на основе наблюдений (Barcelos, Kalaja 2011a). Методологическая платформа представлена набором идей, которые способствуют развитию ПОАЛФ на основе собственных убеждений всех участников процесса, на их наблюдениях и теоретико-практических предпо-

ссылках. При этом РО является средством достижения определенных целей в процессе преподавания и изучения ПОАЛФ: это набор шагов или процедур, которые преподаватель эффективно развивает, основываясь на своих собственных убеждениях, наблюдениях и теоретико-практических предположениях.

РО помогает понять, какое представление о языке лежит в основе нашей педагогической практики. Если мы понимаем язык только как систему, отделенную от социального контекста, наши действия, исходя из правил этой системы, будут ориентироваться на развитие такого же понимания у студентов. И напротив, если мы понимаем язык как социальную практику, наши действия в аудитории могут выходить за пределы грамматических правил и процессов кодирования и декодирования текста, достигая уровня дискурса. Это означает, что действия преподавателя помогут студенту почувствовать себя в социальном мире, построенном с использованием языка, и критически осознавать то, что изучение нового языка означает формирование нового смысла в мире. Это процесс непрерывных переговоров между участниками процесса по отношению к более широкому социальному контексту (Barcelos, Kalaja 2011b).

Рефлексивное обучение может включать сбор информации, которая подвергается анализу и оценке, что в дальнейшей практике приводит к оптимизации межкультурной компетенции студентов. Одновременно рефлексия является одним из средств, способствующих профессиональному развитию преподавателя, поскольку дает возможность рассмотреть проблему с помощью ее основных типов: рефлексии в действии путем осмысления действий в процессе их осуществления; рефлексии на действие или реакции на действие после его осуществления; рефлексии перед действием путем логистики будущих действий.

Основные этапы цикла рефлексивной самооценки — это дефиниция задач, сбор информации, осмысление, постепенное внедрение изменений в преподавательскую деятельность, осмысление результатов изменений. Как преподаватели, так и студенты опираются на представления, приобретаемые в результате предшествующего опыта, основанные на личном восприятии различных аспектов, связанных с процессом преподавания и усвоения языков, и способные изменяться в определенных условиях (Barcelos, Kalaja 2011b: 181).

Мы определяем три предпосылки, без которых невозможно рефлексивное обучение межкультурной коммуникации.

1. Университетская программа должна разрабатываться с учетом того обстоятельства, что современное реальное содержание учебного предмета «английский язык» привязано не к английскому языку Великобритании, США и других стран, где проживают его носители, а к английскому языку, используемому в качестве ПОАЛФ всеми, кто принимает участие в транснациональной коммуникации.

2. На смену задаче овладения культурой стран носителей языка пришла задача овладения универсальными навыками межкультурной коммуникативной компетенции, отвечающими представлениям культурного разнообразия участников транснациональной коммуникации.

3. Транснациональная коммуникация всегда предметна и направлена на аспекты, представляющие интерес для ее участников, поэтому мы вводим концепцию ПОАЛФ интернационализации как дисциплины университетской учебной программы. Отметим, что широко преподаваемый курс «Английский язык для специальных целей (English for Special Purposes — ESP)» является частным случаем ПОАЛФ, где все участники межнациональной коммуникации объединены на строго регламентируемой основе принадлежности к какой-либо профессиональной, специализированной области знания.

Преподаватель должен проводить предварительный анализ будущих потребностей студентов и с учетом результатов этого анализа осуществлять разработку и организацию учебного плана, поиск учебных материалов для занятий и т.д.

Поиск средств выполнения этих задач должен быть связан с представлениями мультикультурализма, требованиями межкультурной компетенции и междисциплинарным содержанием глобализованного мира.

Эти три аспекта должны быть тщательно изучены преподавателем английского языка и требуют знаний в различных областях. Междисциплинарные и межкультурные подходы в рефлексивном обучении межкультурной компетенции способствуют формированию мотивационных предпочтений как преподавателей, так и студентов. Мотивация преподавателя может исходить из локуса внутреннего контроля (если я считаю, что мое поведение определяет события моей жизни) или внешнего (если я считаю, что события находятся вне моего контроля). Внешняя мотивация касается материальных выгод, связанных с профессией, таких, как зарплата, социальная безопасность и т.д. Внутренняя мотивация связана с убеждениями преподавателя, чувством собственного достоинства, личностным ростом, эмоциональной оценкой

своей компетентности и полученных результатов. Убеждения воспринимаются как метакогнитивные знания, которые следует использовать, чтобы лучше понять свой потенциал. Они являются результатом личного опыта, взаимодействия с внешним миром. Как таковые, убеждения являются социальными, но также и индивидуальными, стабильными и контекстуальными (Barcelos, Kalaja 2011b: 183).

Отображение убеждений всех участников процесса РО характеризуется широким разнообразием возможных источников, среди которых: (а) предпочтения коммуникации на ПОАЛФ в исходном сообществе, (б) собственный опыт использования ПОАЛФ в обучении и социальной практике, (в) личностные факторы и предпочтения для моделирования коммуникации на ПОАЛФ, (г) принципы, основанные на известных подходах или методах.

Убеждения концептуализуются как форма мышления, как конструирование транснациональной реальности, как способы видения и восприятия мультикультурного мира и его явлений, сконструированные в индивидуальном опыте и являющиеся результатом интерактивного процесса наших интерпретаций.

5. Заключение

Выявление общественно значимых вариантов и исследование употребления этих вариантов в социологически релевантных группах, в определенных ситуациях и при определенной целевой направленности речевой коммуникации является одним из перспективных направлений социолингвистических исследований. Стратификационный метод, применяемый в современной социолингвистике, позволяет подойти к изучению речевого поведения как к процессу выбора вариантов для построения социально корректной коммуникации. Перспективным видится выявление механизма отбора социально значимых вариантов, установление критериев, лежащих в основе такого выбора, определение тех социальных факторов, которые заставляют говорящих предпочитать один вариант другому.

Различия между вариантами контактного языка ПОАЛФ определяются культурными и языковыми характеристиками субъектов коммуникации, поскольку язык их общения не является изолированным феноменом, который можно объяснить с помощью понятий, непосредственно относящихся к международной коммуникации. Он рассматривается в тесной взаимосвязи с внеязыковыми явлениями и/или прагматическими факторами, которые, собственно, и приводят к становлению

ПОАЛФ. Особый акцент должен быть сделан на том, как язык модифицируется в контекстах международной коммуникации сообществами субъектов, отличающихся друг от друга по различным параметрам, в частности, по уровню языковой компетенции.

Современный этап развития социолингвистики характеризуется не только процессом совершенствования методологии исследований в области взаимодействия лингвистических и социальных феноменов, но и предполагает расширение параметров и плоскостей изучения самого предмета данной научной отрасли, который варьирует в зависимости от прикладной цели: язык как средство моделирования коллективной идентичности, как способ познания исторической действительности, как информационный канал и механизм онтогенеза.

ПОАЛФ служит инструментом моделирования коллективной идентичности дискурсивного сообщества, реально или потенциально принимающего участие в межнациональной коммуникации. Он обеспечивает участникам межнациональной коммуникации обмен любой предметной информацией в ситуациях как специализированного, так и малозначащего социального взаимодействия. Методика рефлексивного обучения является оптимальным механизмом онтогенеза ПОАЛФ, развития межкультурной коммуникативной компетенции, укрепления представлений о транснациональной реальности мультикультурного мира.

© Мележик К. А.

© Петренко А. Д.

2.3. ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ КОНТАКТНОЙ ОРИЕНТОЛОГИИ

1. Статус английского языка в современном мире

На сегодняшний день английский язык занимает особое место среди национальных языков как по количеству говорящих на нем, так и по территории его распространения. Исследователи отмечают, что он получил беспрецедентное распространение на всей планете и стал средством выражения многих культур. Очевидные предпосылки для этого заложены в истории формирования национального английского языка и английского как официального языка колоний Великобритании в XVII–XIX вв. на Африканском континенте, в Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Распространению английского языка способствовала языковая политика, отражающая стремление Британской империи к расширению своих владений и сохранению власти, что предопределило в качестве ее основной задачи закрепление английского как языка правящих кругов, который был вынужден адаптироваться к окружающей среде, функционируя, в основном, как язык элиты, и «соперничая» с местными языками. С течением времени вследствие контактов с местными языками английский язык начинал переживать ряд трансформаций, результатом которых становилось возникновение его региональных вариантов.

Большинство стран, получивших политическую независимость в XX в., не стали отказываться от языка колонизаторов, признавая его одним из официальных или вторым государственным языком (Индия, Сингапур, Бангладеш, Пакистан, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Нигерия и пр.). В наши дни английский язык является государственным или одним из государственных языков в 60 странах (Crystal 1995: 106-109). В международной сфере английский язык занимает лидирующие позиции, обгоняя другие рабочие языки, крупных (ЕС, ООН, НАТО, МБРР, ЮНЕСКО, МАГАТЭ) и менее значительных (Международная авиационная федерация, Азиатская комиссия по правам человека, Международный полярный фонд) организаций. Важным доказательством признания английского языка в мире также является его приоритетный выбор в качестве иностранного языка в образовании: английский язык изучается как иностранный более чем в 100 странах мира, включая такие крупные государства, как Россия, Китай и Бразилия.

Как отмечает В. В. Кабакчи, осознание того, что английский язык стал бесспорным лидером международного общения, наступило лишь в последней четверти XX века, а утверждение его в этой функции происходило уже на протяжении ряда предыдущих десятилетий, и на сегодняшний день нет никаких сомнений, что английский язык — это язык международной политики, международного бизнеса, межкультурных контактов, язык науки, морской и воздушной навигации, международной корреспонденции и журналистики, шоу-бизнеса и спорта (Кабакчи 1998: 2).

Причины наличия высокого статуса у английского языка рассматриваются в исследованиях лингвистов, историков, культурологов и др. Некоторые из них полагают, что существующее положение дел объясняется, главным образом, политико-экономическими факторами (значительную ролью в становлении и развитии современного устройства мира Великобритании и Соединенных Штатов Америки) (Crystal 1995: 106), другие отмечают важность научно-технической революции, в ходе которой английский язык стал международным языком информационного менеджмента (Kaplan 1987: 137-148), третьи предпринимают попытки выявления чисто лингвистических факторов, способствующих быстрому распространению английского языка (Galloway 2015), четвертые обращают внимание на широкое использование английского языка в качестве средства межнациональной коммуникации и внутреннюю готовность других стран к его принятию в качестве международного (Прошина 2001: 13).

Помимо этого, исследователи, выделяя основные геополитические предпосылки глобализации английского языка, наряду с его распространённостью на разных континентах и закреплением в качестве языка правящей элиты, отмечают распад социалистической системы, уничтоживший оппозицию «капитализм vs. социализм», в результате чего

«русский язык, долгое время выполнявший функцию языка международного общения, потерял свое приоритетное значение, поскольку статус «сверхдержавы» закрепился только за одной страной — США» (Юзефович 2014: 35), а

«уничтожение советской гегемонии в восточной Европе и ряде бывших советских республик обусловило отказ от русского языка как средства межгосударственного общения, и приоритет получил английский язык» (Northrup 2013: 141-145).

Решающее значение имела также разработка компьютерных тех-

нологий, активное развитие Интернета и формирование статусного имиджа, маркирующего престиж английского языка (особенно среди молодежи) как в бывших колониях в качестве второго языка, так и в Китае, России, Японии (Gupta 1997). Вполне очевидна справедливость вывода о том, что «реальные причины широкого распространения английского языка в современном мире и приобретения им статуса международного языка лежат в комплексе всех перечисленных факторов» (Прошина 2001: 14). Динамичность формирования системы английского языка в ходе исторического развития, увеличение языковых контактов и открытость инновациям подтверждают его адаптивные возможности в качестве средства мирового общения. Языковая глобализация представляет собой неизбежный процесс, который имеет ряд положительных черт: глобальный английский способствует расширению межкультурных контактов, укреплению научного взаимодействия, выражению этнической и национальной идентичности, самовыражению отдельных личностей и т.п.

Термин *глобальный английский язык* носит обобщающий характер, обозначая вербальное средство общения многих лингвокультур в разнообразных ситуациях межкультурного взаимодействия. Глобальный английский язык объединяет региональные, территориальные и прочие разновидности, выполняя функции в соответствии с коммуникативными потребностями социума, ведущими из которых являются функция общения в транснациональных организациях и функция выражения инолингвокультурной идентичности. Вполне очевидно, что для дальнейшего использования английского языка в качестве глобального необходимо сохранять его базовые нормы, которые регулярно размываются в инокультурной среде, что приводит к его дроблению и возникновению новых разновидностей.

Д. Кристал предлагает рассматривать две альтернативные возможности хода событий. Согласно первой из них, английский язык в будущем распадется на варианты, кардинально отличающиеся друг от друга, что в последующем сможет привести к появлению «английской» семьи языков. Вторая возможность предполагает, что он займет главенствующее место в языковой иерархии, вытеснив все другие языки и, как следствие, мир станет полностью англоязычным (Кристал 2001: 187-235). По нашему мнению, на предпочтение, которое отдают говорящие тому или иному языку, влияет сложная система факторов, таких как демографические изменения, развитие коммуникации, междуна-

родное разделение труда и др. В настоящее время все они претерпевают значительные изменения, что, очевидно, отразится на статусе глобального английского в будущем. В любом случае, какими бы ни были перспективы развития английского языка, следует понимать, что на сегодняшний день он перестал быть привязанным к какой-либо определенной культуре и представляет собой язык, на котором говорит весь мир и который имеет много разновидностей. Как считает К. Фергюсон: «Развитие английского языка в современном мире все меньше и меньше определяется людьми, для которых он является родным языком» (Ferguson 1992: 19). Именно в этом заключается *плюрицентричность* английского языка, которая приходит на смену дуоцентрической (британский и американский английский) модели его функционирования и научного описания, что способствует выделению множества его разновидностей (World Englishes).

2. Основные проблемы World Englishes Paradigm и понятие контактной ориентологии

2.1. Международной английский язык vs. английский язык как международный

Активное распространение английского языка в качестве средства общения по планете способствовало появлению нового направления языкознания, получившего название *World Englishes Paradigm* в зарубежной лингвистике (Kachru 1985: 209-212) и *контактная вариантология* в работах отечественных филологов (Прошина 2008: 198-207). Данное направление базируется на представлениях о множестве и равенстве всех вариантов английского языка как исторически первичных, так и производных, трансплантированных в новые социально-культурные условия. Вариантологи утверждают, что тезис о существовании единой нормы, которая непременно сводится к британской или американской модели, не оправдан, поскольку сегодня английский язык превратился из моно- или бицентричного языка в полицентричное образование. Все региональные варианты, *World Englishes*, равноправны и характеризуются собственными лингвистическими чертами, отличающими один вариант от другого (Davies 2006; Kachru 2006; Kachru 1985; Muwfenе 2001). Кроме того, одним из основополагающих представлений World Englishes Paradigm является представление о *глокальности*, отражающее параллельный характер функционирования глобального и локального английского языка и демонстрирующее взаимонаправленный ход языковых процессов, при котором «английский язык влияет на

локальные языки, а локальные языки оказывают влияние на английский» (Прошина 2014: 123).

Как научное направление контактная вариантология возникла на рубеже XX и XXI вв. Ее основоположниками по праву считаются Б. Качру и Л. Смит. Научная деятельность Баджа Качру, американского лингвиста индийского происхождения, началась в «Эдинбургском кружке» (1958 г.), известном объединении языковедов, одним из членов которого был Дж. Фирс, первым высказавший предположение о том, что варианты английского языка имеют право на самостоятельность. Благодаря поддержке именитого филолога, а также М. Хэллiday, своего нового научного руководителя после смерти Дж. Фирса, в 1961 году Б. Качру защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию статуса локальных особенностей индийского варианта английского языка, которую можно считать моментом рождения новой лингвистической парадигмы. Знакомство в 1977 г. Б. Качру с Л. Смитом и последовавшее после этого длительное и плодотворное сотрудничество позволили не только окончательно оформить World Englishes Paradigm в самостоятельное научное направление, но и привлечь к нему сторонников из разных стран.

Несмотря на динамичное развитие контактной вариантологии и накопленный ею теоретико-методологический потенциал в этой отрасли знания по-прежнему остается ряд нерешенных проблем. В первую очередь, исследователи активно обсуждают вопрос о правомерности признания равноправия новых региональных вариантов английского языка с традиционными. Этот вопрос онтологически связан с вопросом о противопоставлении понятий *международный (глобальный) английский язык* (International (Global English), IE) и *английский язык как международный* (English as an International Language, EIL).

Полемика об английском языке как о международном (глобальном) языке началась еще в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века, когда Б. Качру выдвинул концепцию World Englishes, а Р. Квирк сформулировал ряд проблем, касающихся степени вариативности и трудностей массового обучения английскому языку международной коммуникации в постколониальных странах (Quirk 1983: 37). Вопросы, поднятые в ходе дискуссии, привлекли внимание многих исследователей, в результате чего в контактной вариантологии появился ряд подходов, авторы которых предлагали свои пути соединения принципа всеобщей доступности международного (глобального) английского языка с прин-

ципом сохранения национально-культурной идентичности говорящих на нем людей. Так, Л. Смит, предложил использовать вместо термина *английский язык* (English), термин *English as an International Auxiliary Language* (EIAL) — английский как международный вспомогательный язык, который более точно отражает ситуацию с положением английского языка в мире, поскольку показывает его принадлежность не только носителям языка и культурам англоязычных стран. По мнению исследователя, ответственность за эффективную коммуникацию в равной мере разделяют как носители, так и неносители английского языка, в связи с чем первые должны понимать носителей EIAL, что возможно при объединении новых вариантов английского языка со старыми в виде некоего международного стандарта, который будет функционировать как нейтральный инструмент коммуникации, позволяющий экспликацию любой идентичности (Smith 1983: 2).

Эта идея нашла своих сторонников, которые начали разрабатывать терминологию для описания такого стандарта. Например, Д. Кристал заявил, что для создания приемлемого для всех стандарта международной коммуникации всем понадобится овладеть двумя стандартными вариантами английского языка (*two standard Englishes*) — одним, обеспечивающим национальную или локальную идентичность, и другим, обеспечивающим контакт с остальным человечеством. В будущем региональные варианты английского языка разойдутся до такой степени, что для общения с представителями других стран понадобится нейтральный стандартный язык, *World Standard Spoken English* (WSSE) — *мировой стандартный разговорный английский язык*, существование которого позволит сохранять национальную или региональную языковую идентичность и гарантировать успешность международной коммуникации (Crystal 1988: 138).

Эту точку зрения разделяет М. Модiano, считающий, что в будущем многие пользователи будут владеть, по меньшей мере, двумя вариантами — региональным и интернациональным (Modiano 1999: 27). Дж. Брутт-Гриффлер предлагает называть общий для всех английский язык международной коммуникации *World English* — *мировой английский* (Brut-Griffler 2002: 97), С. Ахулу — *General English* — *общий английский* (Ahulu 1997: 19), а А. Дэвис — *International English* — *международный английский язык*, включающий весь континуум вариантов

«от языка образованных носителей до пиджинизированных и креолизированных диалектов Западной Африки и таких специально урезан-

ных кодов, как язык авиадиспетчеров (Airspeak) и портовых диспетчеров (Seaspeak) <...>, минимально подверженный изменениям стандартный язык, вариативность которого зависит от региона или сферы применения, что дает возможность проявления локальной или национальной идентичности» (Davies 1989: 450).

Таким образом, международный английский язык в общем понимании представляет собой разделяемый всеми язык межнациональной коммуникации, который не отдает социальных, политических, культурных и прочих привилегий никому из участников. Данное представление соотносится с такими синонимичными понятиями как Global English, World English, Common English, General English и предполагает наличие языкового стандарта, базирующегося на англо-американской языковой норме. Сторонники использования термина International (Global) English при описании статуса английского языка в современном мире традиционно обращают внимание на то, что понятие языкового варианта предполагает автономность, а региональные варианты английского языка ею не обладают, поскольку являются разновидностями одного языка и предвещают возможный распад английского языка в будущем на отдельные языки, подобно латыни, в случае признания самостоятельности всех его региональных вариантов, поскольку между ними может возникнуть взаимонепонятность (Graddol 1997; Modiano 1999).

Для того чтобы предотвратить этот процесс, необходимо выделить общее ядро, присущее всем вариантам, и использовать его в качестве стандарта для преподавания. Такое ядро будет представлять собой «гравитационный центр», вокруг которого будут вращаться все варианты английского языка (Brutt-Griffler 2002: 177). Именно факт существования такого центра, обнаруживающего совокупные признаки английского языка и соответствующего представлениям о единой норме, которая объединяет разные варианты английского языка и делает их взаимопонятными, соотносится с термином *международный вариант английского языка* (Crystal 1998; Jenkins 2000). Среди способов выделения такого ядра указываются различные методики (Greenbaum 2006; Seidlhofer 2001), которые, по мнению ряда исследователей, преимущественно, сводятся к обоснованию выделения двух типов языковых норм, базирующихся, однако, не на регионально-функциональных признаках (британский и американский варианты английского языка), а на формах речи, письменной и устной (Прошина 2009: 98).

В своих критических выступлениях по этому поводу Б. Качру отмечает, что представление об International (Global) English является

искусственным конструктом, а не живым вариантом, поскольку не существует такого общего варианта международного английского языка, который был бы свойствен абсолютно всем пользователям, вместо него есть различные региональные разновидности (World Englishes), имеющие свое культурное основание и использующие собственные риторические стратегии (Kachru 2006: 434-455). Сам термин International English по структуре напоминает такие термины, как American English, Singaporean English или Chinese English, обозначающие региональные варианты английского языка, что противоречит реальному статусу и роли английского как международного языка — лингва франка межнациональной и межкультурной коммуникации на глобальном уровне (Sharifian 2009: 2). Вполне очевидно, что представление об английском языке как о языке международной коммуникации требует признания автономности всех его региональных вариантов и предпочтительности использования при описании его современного статуса термина English as an International Language (EIL) — английский язык как международный, который в полной мере подчеркивает неоднородный характер его функционирования в различных социумах.

По мнению З. Г. Прошиной, в основе полемики сторонников IE и EIL лежит противопоставление понятий *язык* и *речь*, что позволяет найти некий компромиссный вариант при определении содержательной сущности этих терминов и разграничении сфер их употребления (Прошина 2009: 95). Вполне очевидно, что IE — это теоретический конструкт, в то время как EIL и World Englishes — материальная реализация языка в речи, связанная с локальной культурой и испытывающая перенос некоторых черт автохтонного языка своих пользователей, что отражается на всех речевых уровнях. IE представляет собой языковой инвариант, необходимый в качестве нормы, в первую очередь, в целях преподавания. В действительной же практике каждый преподаватель, хочет он того или нет, реализует в своей речи тот вариант английского языка, пользователем (или носителем) которого он является. Именно варианты имеют под собой культурную основу и характеризуются специфичными для них инновациями и девиациями, степень проявления которых зависит от индивидуального уровня владения языком и сферы его функционального использования.

Кроме этого, необходимо принимать во внимание тот факт, что все варианты и разновидности английского языка, несмотря на некоторые различия между ними, действительно относятся к одному языку,

что позволяет говорить о ситуации диглоссии (точнее полиглоссии), однако используются не одной этнической общностью и поэтому не соответствуют всем критериям понятия диглоссия. При этом говорить об отношении вариантов английского языка между собой как о ситуации билингвизма также нельзя. Указанные обстоятельства позволяют выделить третий тип отношений, который характеризуется как *плюрицентризм*, предполагающий самостоятельность и равенство всех региональных вариантов английского языка наряду с их зависимостью от региональных вариантов первичной моно- или бицентричной модели функционирования английского языка в мире (Прошина 2001: 33). Именно это представление легло в основу названия журнала «World Englishes», в предисловии к первому номеру которого Б. Качру и Л. Смит обратились к своим читателям со словами:

«Редакционная коллегия считает, что пользователи английским языком как родным и неродным являются равными партнерами в рассуждениях относительно использования английского языка и его преподавания в международном масштабе <...>, поэтому аббревиатура WE — «мы» полностью соответствует философии, на которой зиждется наш журнал, и принципам членов редколлегии» (Kachru, Smith 1985: 209).

2.2. Региональный вариант языка, диалект, норма, модель

Другой проблемой современной вариантологии становится соотношение понятий *региональный вариант языка* и *диалект*, опирающихся на представления о *диглоссии* и *билингвизме* (Жлуктенко 1974; Семенец 1985; Hudson 1996; Munro 1996). Научное осмысление территориальных разновидностей одного и того же языка привело к появлению ряда терминов, используемых для их описания. Благодаря работам отечественных ученых в лингвистике получило широкое признание представление о *варианте языка (национальном варианте языка)*, под которым понимается национально специфическая форма функционирования языка, обслуживающего несколько национальных общностей, в основе которых лежит единая языковая структура, адаптированная к условиям конкретной нации, со своей языковой традицией и политикой; литературно-нормированная языковая система, которая является универсальным письменным и устным средством общения отдельной нации и суверенного государства (Степанов 1963; Бухаров 1995; Домашнев 2005).

В контактной вариантологии английского языка традиционно используется термин *региональный вариант языка*, который, согласно определению, взятому из «Словаря терминов межкультурной коммуникации», представляет собой локализованный вариант языка, отражаю-

щий культуру и менталитет данного лингвокультурного этноса и обычно имеющий некоторые языковые девиации, которые возникают в результате воздействия автохтонного языка. Под *диалектом* в этом случае понимается языковая система, которая служит средством общения небольшой территориально замкнутой или связанной социальной общностью группы людей (Жукова, Лебедев, Прошина, Юзефович 2013: 50, 98). Ключевым в указанном определении регионального варианта языка является указание на его социолингвистическую природу, предполагающую прямую зависимость возникающих девиаций от менталитета данного лингвокультурного этноса.

Еще одной проблемой World Englishes Paradigm является разграничение представлений о *норме* и *модели*. Понятие нормы соединяет в себе два смысла: с одной стороны, норма предполагает прескриптивизм, то есть нормативность, с другой стороны, она, в конечном счете, подчинена узусу, то есть ориентируется на употребление большинства носителей языка. Представление о модели предполагает существование некоего лингвистического идеала, к которому стремятся преподаватель и учащийся при изучении языка (Kachru 1981: 117). Языковая норма является совокупностью стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом. Она отличается определенной двойственностью своей природы, поскольку включает собственно языковой (объективный) и социально-исторический (субъективный) аспекты. Языковая сторона отражается в том, что установление нормы подчиняется внутренним лингвистическим механизмам, под субъективной стороной подразумевается то, что норма должна быть осознана и принята носителями языка как правильная и стать «специфическим признаком национального литературного языка определенного периода» (Ицкович 1968: 33).

Б. Качру убежден, что, будучи интернациональным, английский язык в каждой стране функционирует по-своему. Существование разных вариантов языка, по его мнению, предполагает наличие нескольких видов норм, в связи с чем, исследователь выделяет *эндоформу* и *экзоформу* (Kachru 1986: 21). Первая предполагает наличие стандарта, выработанного внутри варианта языка, а вторая предполагает заимствование инородных элементов, не являющихся изначально его компонентом. О. Е. Семенец описывает три возможных варианта ориентации вариантов английского языка на норму: эндоцентричный вариант, преду-

смаатривающий абсолютную языковую лояльность к аксиологической и деонтической нормам со стороны их носителей; экзоцентричный вариант, ориентированный на заимствованную внешнюю форму и энзоцентричный вариант, предполагающий разные уровни включения местных носителей в англоязычное общество: от полного вытеснения английского языка из общественной жизни, до параллельного использования английского и местного языков и последовательного укрепления позиций первого (Семенец 1985: 157-162).

2.3. Подходы к классификации региональных вариантов английского языка

Широко обсуждаемой проблемой контактной вариантологии является также выработка универсальной категоризации региональных вариантов английского языка, существующих в современном мире. Одним из первых шагов в этом направлении стало создание так называемой «карты мира английского языка», созданной П. Стревенсом, и призванной продемонстрировать, как далеко ушел английский язык от территорий своего первичного нахождения и насколько многочисленны его региональные варианты (Stevens 1980). В основу появившейся чуть позже теории «трех концентрических кругов» Б. Качру положен историко-географический принцип распространения английского языка в мире: «первая волна (диаспора)» — переселенцы из Англии, Шотландии и Ирландии в Новый Свет (Северную Америку, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию), принесшие туда свой родной язык, который с течением времени трансформировался в соответствующие региональные варианты внутреннего круга; «вторая волна (диаспора)» — колонизаторы Азии и Африки, длительное время принимавшие активное участие в политической жизни многих государств этого региона, в которых английский язык впоследствии приобрел статус государственного и явился основой для формирования региональных вариантов среднего круга; «третья диаспора» — население стран мира, никогда ранее не использовавшее английский язык, но активно задействующее его в повседневной жизни в последние десятилетия и формирующее региональные варианты расширяющегося круга (Kachru, Smith 2008).

Наряду с всеобщим признанием концепция Б. Качру не раз становилась объектом критики. Оппоненты исследователя упрекают его в том, что он уделяет основное внимание устоявшимся региональным вариантам английского языка, игнорируя существование переходных состояний, упрощает дискуссию о языковом многообразии (Jenkins 2006:

14-15) и не учитывает наличие суправариантного уровня английского языка, приемлемого для носителей всех его региональных вариантов (Modiano 1999: 3-13). В ответ на это Б. Качру обращает внимание на подвижность границ между всеми кругами, поскольку языковые варианты, относимые к ним, обладают потенциальной возможностью смены своего статуса:

«На одном историческом этапе развития социума региональный вариант английского языка может представлять собой английский язык как второй язык, трансформирующийся в английский язык как иностранный на другом историческом этапе его развития, и наоборот» (Kachru 2006: 434-455).

Среди альтернативных классификаций следует отметить классификацию Э. В. Шнайдера, разработавшего динамическую модель постколониальных вариантов английского языка, которая опирается на социолингвистический принцип «идентичности» языкового варианта окружающей его действительности. Выделяются пять этапов становления и развития варианта языка: становление, экзонормативная стабилизация, нативизация, эндонормативная стабилизация и дифференциация (Schneider 2007). Региональные варианты английского языка, находящиеся на этапе становления, последовательно проходят две первичные стадии языковой интеракции: 1) между английским языком и языками, используемыми для общения с населением данного региона и 2) между различными диалектами, возникшими в результате взаимодействия английского языка с автохтонными языками. На этапе экзонормативной стабилизации наблюдается упорядочивание единого диалекта, который стремится вобрать в себя формализованные нормы вариантов английского языка внутреннего круга. Этап нативизации характеризуется переходом сформировавшегося диалекта в новое состояние, при котором носители автохтонных языков пытаются отражать реалии, присущие жизни только их социума при помощи английского языка. На этапе эндонормативной стабилизации в сформировавшийся диалект вносится значительное количество норм, созданных носителями автохтонных языков. На этапе дифференциации сформировавшийся диалект все более обнаруживает признаки языкового варианта, который начинает трансформироваться в различных социолингвистических ситуациях (Mesthrie, Rakesh 2008).

Помимо этого широкую известность в контактной вариантологии получили классификации М. Герлаха, Дж. Дженкинс и М. Модiano, ко-

торые в той или иной мере тяготеют к принципам, заложенным в ранее созданных теориях. Например, система вариантов английского языка, предлагаемая Дж. Дженкинс, основана на представлениях о функциональной роли английского языка в жизни социума. Она включает три группы: английский как родной язык (English as a Native Language, ENL), английский как второй язык (English as a Second Language, ESL) и английский как иностранный язык (English as a Foreign Language, EFL) (Jenkins 2006: 14-15).

В первом случае речь идет о региональных вариантах английского языка, традиционно являющихся родными для большей части населения страны (США, Великобритания, Австралия и пр.). Во втором случае подразумеваются региональные варианты, имеющие статус второго государственного языка, используемого в международном общении либо при взаимодействии между различными этносами одного государства, говорящими на разных языках (Индия, Нигерия, Сингапур и пр.). В третьем случае — это региональные варианты английского языка, которые используются только для международного общения и никогда не имели статуса государственного на территории страны (Китай, Япония, Корея и пр.). Несложно заметить, что подобный классификационный подход в целом соотносится с концепцией «трех концентрических кругов» Б. Качру и, по нашему мнению, нуждается в определенной корректировке.

Понятие «Английский язык как второй» не может быть признано вполне удачным, поскольку его часто подменяют или путают с представлением об английском языке как иностранном. Термин «Английский язык как второй» (ESL) уравнивает два разных статуса: статус официального (государственного) языка в исконно неанглоязычной ситуации (в развивающихся и развитых странах) и статус второго языка, получаемого через образовательную систему в англоязычных странах. Функционируя как второй язык (ESL), английский язык проявляется в двух вариантах, в зависимости от среды функционирования, англоязычной (например, язык иммигрантов в США) или неанглоязычной (например, официальный язык в Индии) (Прошина 2001: 40). Данное обстоятельство наводит на мысль о необходимости расширения и дополнения системы кругов Б. Качру еще одним, четвертым кругом, размещенным между внутренним и средним. Таким образом, новая схема, включает четыре круга, соответствующих вариантам английского языка: английский как родной язык, английский как второй язык в англо-

язычной среде, английский как второй (официальный) язык в иноязычной среде, английский как иностранный язык.

2.4. Контактная ориентология как самостоятельное направление вариантологических исследований

Попытки систематизации региональных разновидностей английского языка, существующих в современном мире, не прекращаются по сегодняшний день. Так, исследователи давно практикуют объединение нескольких близких друг другу региональных вариантов в группы по географическому принципу: британская группа, североамериканская группа, африканская группа и пр. Одним из крупных надвариантных объединений подобного типа является азиатская группа, которая включает восточноазиатские, южноазиатские и юго-восточноазиатские региональные варианты английского языка (Proshina 2007: 75-107). Часть из них принадлежит к среднему кругу системы Б. Качру (региональные варианты английского языка Индии, Пакистана, Бутана, Непала, Шри-Ланки, Мальдив, Сейшелл, Сингапура, Брунея, Филиппин, Маврикия), тогда как другая — к расширяющемуся кругу (региональные варианты Индонезии, Малайзии, Таиланда, Мьянмы, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Китая, Японии, Кореи).

Кроме чисто географического фактора, объединяющего региональные разновидности английского языка в азиатскую группу, существует ряд иных оснований, позволяющих рассматривать их как единое целое:

— численный фактор: по своим количественным показателям население азиатских стран, проживающее достаточно компактно в юго-восточной части Евразии, на сегодняшний день превышает все оставшееся население планеты;

— психолингвистический фактор: население азиатских стран обладает особой ментальностью, отличающейся от ментальности европейца или жителя африканского континента, что находит свое отражение в языке;

— коммуникативный фактор: при использовании английского языка представители стран Азии используют специфические коммуникативные нормы, принятые в их социумах для различных ситуаций межличностного взаимодействия: особую вежливость, преобладание приказа над просьбой, условность, ирреалистичность и пр. (Kirkpatrick, Zhichang 2014: 269-279).

Очевидным итогом всему сказанному, по нашему мнению, явля-

ется возможность выделения из исследовательского поля контактной вариантологии самостоятельного направления, занимающегося изучением азиатских региональных вариантов английского языка, которое может быть названо *контактная ориентология*. Предпосылки для этого находим в исследованиях таких теоретиков и практиков-вариантологов, занимающихся изучением особенностей функционирования английского языка в азиатских странах, как Дж. Д'Анджело, М. Л. Баутиста, А. Ф. Гупта, В. Л. Завьялова, Т. А. Иванкова, С. С. Ильина, Д. Б. Кент, Т. Кэннон, А. Норман, А. Пакир, В. Паттерсон, З. Г. Прошина, Н. Уоррен и др. Работы названных авторов позволяют получить представление о региональных вариантах английского языка Азии и свести воедино их изучение в рамках контактной ориентологии, что соответствует девизу М. Л. Баутиста: «Английский язык — азиатский язык» (Bautista 1997: 30).

Слово *ориентология*, образованное от понятия *ориентализм* и входящее в состав предлагаемого термина, заслуживает отдельного обсуждения, поскольку может вызвать возражения у определенной части вариантологов. Основной причиной этому является то, что после выхода в свет в 1978 г. знаменитой работы американского ученого арабского происхождения Э. В. Саида «Ориентализм» эта языковая единица стала политически нежелательной, так как приобрела устойчивую ассоциацию с жестким критическим подходом автора к американским и европейским воззрениям на Восток, ставшим духовной поддержкой и оправданием колониализма. История постижения Азии, по мнению исследователя, сводится к придумыванию Западом «своего» Востока, «своих» восточных людей, культуры и подчинению себе пугающего «чужого», но никак не познание и постижение этого чужого. Европейские представления о Востоке, по мнению Э. В. Саида, не более чем сложный комплекс мифов и репрезентаций, «догматический сон», порожденный политическими интересами Европы и Америки на Востоке и способствующий доминированию Запада над Востоком. Таким образом, «ориентализм» — это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты (Саид 2006).

По нашему мнению, правомерность использования термина *ориентализм* и его производных в рамках лингвистических исследований вполне очевидна в силу нескольких причин. Во-первых, следует отметить, что дерогативный характер оценки, закладываемый в него

Э. В. Саидом, носит спорный характер и не может быть распространен на все явления, связанные с познанием цивилизаций Востока. Оппоненты автора подчеркивают, что, сосредоточившись на исследованиях французских и английских ориенталистов, он оставил без внимания работы немецких востоковедов (имевших заметное влияние в XIX в.), равно как итальянских и венгерских, — словом, тех, кто жил в государствах, внешняя политика которых не была напрямую связана с утверждением контроля на Востоке (Irwin 2003). Кроме этого, по мнению отдельных исследователей, Э. В. Саид недооценил объективность научного знания и напрасно приписал «ориентализм» не только политикам и поэтам, но и востоковедам (Hourani 1984: 27-30), а один из самых настойчивых критиков Э. В. Саида, историк и специалист по Ближнему Востоку Б. Льюис, отмечает, что попытка выдать Средний Восток (при этом без Турции, Персии и Израиля) за «Восток вообще» — гротескна (Lewis 1993).

Сказанное позволяет сделать вывод об условности «негативной» семантики термина *ориентализм* и его производных, которая не может быть закреплена за всеми случаями их употребления. В качестве аргумента в пользу полноценного использования этого слова говорит также тот факт, что для большинства носителей автохтонных языков и носителей региональных вариантов английского языка среднего и расширяющегося кругов термин *ориентализм* и его дериваты не содержат негативных коннотаций и системно используются в различных коммуникативных ситуациях. Например, крупнейший научный центр региональных и международных исследований ДВФУ, Восточный институт, известен всему англоязычному миру как Institute of Oriental Studies, а популярное китайское издание как Oriental Daily News. В различных отраслях отечественной науки устоялись такие понятия, как *Ориент*, *ориентальный*, *ориенталист* и *ориентализм*. Наконец, в пользу возможности использования этого термина и его производных в рамках настоящей работы говорит то, что наиболее предпочтительным вариантом перевода понятия *контактная ориентология* на английский язык является Asian Englishes Paradigm (по аналогии с World Englishes Paradigm), который, очевидно, снимает трудности с его восприятием у представителей западных лингвистических школ.

При выделении контактной ориентологии следует принимать во внимание фундаментальный принцип объективности World Englishes Paradigm, в соответствии с которым описание разновидностей англий-

ского языка в мире не зависит от политической конъюнктуры, а «ценности неродных вариантов английского языка базируются не во внутреннем круге, а проявляют оттенки локального контекста» (Д'Анджело 2014: 34). Таким образом, дальнейший ход развития данного направления определяется региональными вариантами английского языка, относящимися к расширяющемуся кругу, и выделение научных направлений, занимающихся их изучением, является своевременной необходимостью.

В качестве возможных основных задач контактной ориентологии следует назвать:

— уточнение границ функционирования термина «расширяющийся круг» в отношении региональных вариантов английского языка стран Азии;

— изучение их нормативной природы;

— систематизацию исследований, проводимых в этой области;

— изучение азиатской группы в целом и каждой из ее подгрупп (восточноазиатские, южноазиатские и юго-восточноазиатские региональные варианты английского языка), в частности;

— обзор образовательной политики, проводимой в каждой из азиатских стран, и выработку практических рекомендаций по совершенствованию системы обучения английскому языку;

— проведение социолингвистических и междисциплинарных исследований и пр.

3. Перспективные направления исследований восточноазиатского английского языка

Восточноазиатские страны имеют общее прошлое и схожую историю взаимоотношений с английским языком. Исследователи дают убедительное обоснование выделению дальневосточного или восточноазиатского культурно-исторического ареала, в который входят Китай, Япония, Корея и дальневосточная часть России (Журавлев 1989: 22). Предполагается, что данный ареал имеет единый ханьский культурный эпицентр, поскольку все восточноазиатские культуры формировались под значительным воздействием древнекитайской цивилизации и имеют много общего между собой, в связи с чем их иногда называют странами «китайского культурного круга» (Маевский 2000). В течение длительного времени Китай, Япония и Корея оставались закрытыми государствами, что ограничивало всякие межъязыковые контакты и возможности для их полноценного изучения. История развития отношений

между народами, населяющими эти страны, и англоязычным миром, обнаруживает много общего: от первых контактов с англоязычными моряками и купцами до британской колонизации Китая и Кореи, борьбы за независимость и временного правления США в Японии. На сегодняшний день региональные варианты английского языка, представленные во всех трех странах, функционируют в качестве иностранного языка, за исключением территории Гонконга, где английский язык имеет статус второго (официального) языка, и реализуют, по мнению Я. Брутт-Гриффлер, инструментальную и транскультурную функции, наряду со значительно ограниченными регулятивной, интерперсональной и креативной функциями (Brutt-Griffler 2002: 177).

Подобно другим вариантам расширяющегося круга региональные варианты Восточной Азии обнаруживают гетерогенный характер своего функционирования, предполагающий наличие акролекта, отражающего норму книжной письменной речи, мезолекта, отражающего коммуникативную норму устно-разговорной речи и базилекта, представляющего собой малограмотную разговорную креолизированную форму (Kachru 1997: 214). Традиционно наименования базилектов региональных вариантов английского языка стран Восточной Азии содержат компонент *ish* (от *English*), передающий дерогативную оценку (*Chinglish*, *Japlish* (*Janglish*), *Konglish*). Мезолекты и акролекты носят однотипные наименования: *Chinese English*, *Japanese English*, *Korean English*, в связи с чем, в вариантологии получает все большее распространение мнение о том, что они звучат несколько пренебрежительно, и названия их могут быть заменены другими вариантами, например: *China English* (Proshina 2007: 40). Если эта идея найдет своих сторонников, то в недалеком будущем можно ожидать появления таких сочетаний, как *Japan English*, *Korea English*. Кроме этого, восточноазиатские страны имеют собственные уникальные системы письменности (иероглифики), и всем им пришлось адаптироваться к английскому языку через латинизацию своих фонографических систем. На сегодняшний день английский язык в азиатских странах, так же как в африканских и европейских, служит не для выражения понятий и ценностей британской или американской культуры, а для выражения собственных мыслей и чувств народов этих стран (Оно 1992: 79).

Перечисленные факты, наряду с традиционными национально-географическими наименованиями разновидностей английского языка (японский английский язык, китайский английский язык и корейский

английский язык), позволяют, по мнению ученых, использовать один обобщающий термин *восточноазиатский английский язык* (East Asian English), унифицирующий представление об английском языке, используемом населением Японии, Китая и Кореи. Развернутое обоснование выделения данной региональной разновидности английского языка было дано З. Г. Прошиной в докторской диссертации «Английский язык в коммуникации народов Восточной Азии и России (проблемы опосредованного перевода)» (Прошина 2002) и в монографии «Английский язык и культура народов Восточной Азии» (Прошина 2001), а также в работах таких авторов, как К. Болтон, Т. Макартур, Т. А. Иванкова и др. В силу того, что системность является очевидной имплицитно выраженной частью понятия *региональный вариант языка*, научное описание системного характера азиатских вариантов английского языка стало основной задачей контактной вариантологии на начальных этапах ее развития. Так, исследования Б. Качру, Р. Гаргеша, Т. Макатура и др. позволили установить фонологические, грамматические, лексические и дискурсивные особенности региональных вариантов английского языка Южной Азии. В работах П. Традгила, М. Л. Баутиста и др. были описаны системные отличия региональных вариантов английского языка Юго-Восточной Азии.

Восточноазиатский английский язык был также подробно исследован отечественными и зарубежными вариантологами как в рамках его общей типологии (Д'Анджело 2014; Прошина 2001; Kachru 1997; Smout 1988), так и с позиции отдельных языковых вариантов (D'Angelo 2008; Dustheimer 1999; Ike 1995; Kent 1999; Norman 1955; Patterson 1988; Warren 1993). Выявляя, в первую очередь, факторы социолингвистического характера, они детально описали специфические языковые и дискурсивные черты, присущие как всему восточноазиатскому варианту английского языка, так и его разновидностям, подчеркивая, что тезис о самостоятельности восточноазиатского английского подтверждается многочисленными отклонениями от нормообразующих вариантов английского языка, обнаруживаемых на всех уровнях языковой системы.

Характеризуя контакты восточноазиатского английского языка с автохтонными языками, исследователи отмечают, что из-за масштабов своего распространения английский язык оказывает определенное влияние и на коренные языки данного региона (Kachru 1994: 135-154). Наблюдающаяся в настоящее время интернационализация культуры проявляется в складывании ряда черт общечеловеческой духовной куль-

туры, в восприятии некоторых категорий европейско-американской культуры и в заимствовании огромного числа понятий, относящихся к политике, экономике, науке, технике. Эти процессы обуславливают все возрастающее влияние западноевропейских языков на лексико-семантические системы восточных языков, которые реализуются, прежде всего, в виде прямых заимствований восточными языками отдельных лексем и даже целых терминологических систем со всеми их означаемыми и нередко со многим означающими (Исаев, Никольский 1983: 9). Лингвисты-востоковеды обращают особое внимание на схожесть лексической базы японских, китайских и корейских слов, принадлежащих к интеллектуально-терминологическому уровню языковой системы. Как считает Д. Б. Кент, процесс заимствования английских слов в язык и речь народов Восточной Азии расширяется, что, с одной стороны, облегчает изучение английского языка как иностранного (знакомые корни помогают усваивать вокабуляр); а с другой стороны, — служит своего рода препятствием (из-за формально-семантических изменений, которым подвергаются заимствования, из-за нарушения грамматических признаков исходного слова, поскольку при заимствовании может меняться его частеречная характеристика) (Kent 1999: 202).

Изучение вопросов, связанных с актуализацией представлений о норме и инновациях в восточноазиатском английском языке, позволяет сделать вывод о том, что, будучи языком расширяющегося круга, восточноазиатский английский язык зависит от внешней формы, то есть ориентируется на экзонорму, британскую или в последние десятилетия преимущественно американскую. Это, однако, не означает отсутствия в нем инноваций, главным образом, лексического характера. Создавая инновации, региональный английский язык демонстрирует свое творческое начало (креативность), которое особенно заметно тогда, когда появляется необходимость в *аккультурации*, под которой понимается приспособление английского языка к местным условиям, выражение особенностей азиатской культуры через язык-посредник (Прошина 2001: 66).

Вариантологи подчеркивают объективную необходимость адаптации западноевропейского языка-посредника, коим является английский язык, к выражаемой им культуре восточных народов, начальным этапом которой являются многочисленные заимствования в английский язык из автохтонных языков (Никольский 2000: 202). Значительный интерес представляет явление интерференции, возникающей при взаимодействии языковой системы английского языка с языковыми системами

китайского, японского и корейского языков. Отмечается, что объединение в один региональный тип восточноазиатского английского языка трех локальных разновидностей, китайского, корейского и японского, возможно также из-за их подобия (Прошина 2001: 67-68).

4. Выводы

Совокупность многочисленных факторов и предпосылок, начиная от особенностей исторического развития и заканчивая престижностью, обеспечили английскому языку статус мирового. Глокальный характер его функционирования в современном мире, заключающийся в параллельном существовании глобального английского языка и его локальных разновидностей, демонстрирующий взаимонаправленный ход языковых процессов, при котором английский язык влияет на локальные языки, а локальные языки оказывают влияние на английский, способствовал развитию региональных вариантов английского языка и предопределил возникновение нового научного направления — контактной вариантологии, занимающейся их изучением.

Все региональные варианты английского языка отражают культуру определенных социумов и особенности менталитета различных лингвокультурных этносов. Каждый из них имеет собственные лингвистические черты, которые возникают в результате воздействия автохтонных языков и позволяют отграничить один вариант от другого. Взаимоотношения между региональными вариантами английского языка характеризуются плюрицентризмом: каждый региональный вариант обособлен от своих прототипических вариантов и не имеет преимуществ перед другими вариантами в плане культурного доминирования.

Одним из перспективных направлений дальнейшего развития контактной вариантологии является выделение в ней отраслей, занимающихся изучением отдельных групп региональных вариантов английского языка. Компактное географическое расположение, значительная численность населения и особая ментальность народов Азии, находящая свое отражение в языке, позволяют отделить от исследовательского поля контактной вариантологии *контактную ориентологию* — научное направление, изучающее региональные варианты английского языка стран Азии и располагающее собственным понятийно-терминологическим аппаратом и методами практического анализа эмпирического материала.

Большое количество азиатских стран и их культурно-языковое разнообразие обуславливает деление региональных вариантов англий-

ского языка, используемых на этих территориях, на несколько крупных групп в соответствии с географическим принципом. В состав одной из таких групп входят региональные варианты английского языка Восточной Азии (Китая, Японии и Кореи). Кроме близкого географического расположения, эти страны имеют общую историю, похожие системы письменности и во многом схожий менталитет населяющих их народов, что позволяет использовать унифицирующий термин *восточноазиатский английский язык* при описании региональных вариантов английского языка в этой части Азии.

© Федоров В. В.

Раздел III
СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

3.1. К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА (КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ)

1. Постановка проблемы

В рамках отечественной и зарубежной функциональной парадигмы прослеживается постоянный научный интерес к проблеме вторичной природы языкового знака, которая не утратила своей актуальности и перспективности в наши дни, так как касается непреходяще важной области филогенеза языка. В основу предпринятых в этом направлении научных поисков положен ведущий методологический принцип — выделение вторичных функций языкового знака (Н. А. Голубева, Г. А. Калмыкова, В. Н. Телия, Е. Л. Туницкая, Т. М. Тяпкина, Э. Фортейн, В. И. Чуглов, С. Р. Шарифулина; E. Eggs, Ja. Firbas, M. A. K. Halliday, Ch. Lehmann, H. Paul, R. Pasch, J. R. Payne, W. Schmidt, M. Stede, U. H. Waßner и др.).

Процесс осмысления лингвистами вторичности (производности) языковых функций имел своим результатом выявление и изучение:

— вторичных категорий языковых единиц (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, Л. М. Борисенкова, А. Т. Кукушкина, Е. В. Лобановская, О. В. Магировская, О. В. Пруссова, Н. К. Рябцева; P. Deane, G. Diewald, U. Engel, M. Johnson, R. Keller, G. Lakoff, M. Reisigl, W. Wundt);

— вторичных концептов (Л. В. Бабина, А. П. Бабушкин, Ж. К. Гух, Л. М. Ньюбина, В. Ю. Синцов, Д. А. Шепелева; A. Hübler, E. Sweetser);

— вторичных фреймовых структур (Е. А. Огнева);

— метаконцептов (Т. А. Клепикова, А. Г. Лошаков);

— вторичных текстов (Н. Д. Голев, С. В. Ионова);

— вторичных речевых актов, вторичных пропозиций (И. М. Кобозева, Е. В. Мартыанова, Ж. В. Никонова; U. Brauße, I. Max, R. Pasch, J. R. Searle, S. Wendler);

— ретрансляции / адаптации смыслов, вторичной коммуникации (Л. И. Гришаева, Ю. Н. Караулов, С. В. Лебедева, О. А. Леонтович, М. М. Филиппова).

Целью исследования является рассмотрение на материале немецкого языка вопроса о вторичной, в нашей терминологии, прецедентной функции языковых единиц с позиций когнитивного подхода.

Здесь следует пояснить, что в корреляции когнитивная лингвистика — функциональная лингвистика последнее понятие шире, так как оно охватывает все направления лингвистики, занимающиеся организацией, развитием языка и другими его аспектами, то есть обращается к функционированию языка в целом. В лингвистике существуют такие направления, как социо-, прагма-, психо-, компьютерная лингвистика и др., которые выходят за рамки когнитивистики, но они относятся к функционализму. Кроме того, широко известный постулат о двух важнейших функциях языка — когнитивной («быть действительностью мысли») и коммуникативной (быть средством общения) (Слюсарева 1990: 564-565) — неоспоримо указывают на первостепенную роль изучения функции языкового знака.

К исследованию функционирования любого объекта или явления можно идти двумя путями. Первый путь — изучить, как этот объект используется среди других, это — его внешняя перспектива. Кофемолка, например, служит для того, чтобы молоть в ней кофе. Второй путь — изучить, каким образом данный объект выполняет свою функцию, то есть узнать, как эта кофемолка устроена, из каких деталей она собрана, это — его внутренняя перспектива. Применительно к языку на вопрос, как он используется, мы получаем наиболее обобщенный, но вполне убедительный ответ (см. о двух важнейших функциях языка).

Что касается второго пути, то предметом когнитивной лингвистики является соотношение когнитивных и языковых структур, механизмы и факторы их взаимодействия. Мышление с точки зрения языка «может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью <...> Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения» (Сепир 1993: 36).

Узнать, каким образом организованы или структурированы наши мысли и как они мотивируют существование языковых структур, позволяет второй путь изучения функционирования какой-либо сущности, в частности языкового знака. Таким образом, в задачи нашей дискуссии входит рассмотрение категориального статуса прецедентного знака, а также его конкретные прецедентные функции в системе языка и дискурсе.

2. Онтогенез прецедентного языкового знака

Эта часть теоретических размышлений, в терминологии Н. Хомского, будет отражать *competence* (знания о предмете) и посвящена он-

тологии и функционированию прецедентных языковых феноменов в русле прецедентной лингвистики как области изучения прецедентных лингвистических фактов, перед которой ставится задача внести определенный теоретический вклад в понимание и систематизацию производных языковых фактов.

Своеобразным триггером, хотя, скорее, на интуитивном уровне, к более глубокому изучению прецедентной функции языкового знака стала работа (Голубева 1991), в которой исследовалась вторично-номинативная функция причастия в современном немецком языке. В науке имеет место суждение, что естественные науки занимаются тем, что сотворил Бог, а гуманитарные — тем, что сотворил человек (Мюллер 2009). Язык как естественный феномен «с биологической функцией» (Кравченко 2015) занимает положение между первыми и вторыми и является в фигуральном смысле творением Бога. В подтверждение правомерности этой мысли приведем еще одну точку зрения, согласно которой язык понимается как продолжение человеческих органов чувств (Morris 1938). А если это так, то нельзя не согласиться еще с одним мнением: «В биологии все лишено смысла, если не рассмотрено в свете эволюции (Dobzhansky 1964: 449). Таким образом, «язык и его основные составляющие: лексику, грамматику и лексико-грамматический интерфейс — имеет смысл изучать только в эволюционном и онтогенетическом плане» (Кошелев 2015:138).

Эволюционный характер языкового знака всегда представлял научный интерес для лингвистов разных направлений: в теории номинации (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, R. Steinitz, H. Vater, W. Fleischer, V. Erich), грамматикализации (G. Diebold, M. Haspelmath, V. Heine, T. Givón, K. Lehmann, J. Meibauer, A. Meillet, E. S. Traugott) и теории трансформации (П. Адамец, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Б. Касевич, В. С. Храковский, А. Д. Швейцер; A. N. Chomsky, Je. Fourquet, Z. S. Harris, S. Kanngießer); онтологическая связь между языковыми знаками рассматривается на семиотическом уровне в рамках теории вторично-моделирующих систем (Ю. М. Лотман), а также теории деривационных отношений текста (Н. Д. Голев, С. В. Ионова, Л. Н. Мурзин; K. Brinker, A. J. Greimas, S. Kanngießer, J. Petöfi, H. Vater). Это предопределило в дальнейшем систематизацию производных языковых явлений в рамках отдельной категории прецедентных единиц (Голубева 2010).

Научно-методологической основой для этого послужила, кроме

названных выше, концепция известного деятеля «когнитивной революции» Н. Хомского, которая постулирует, что знание универсальной грамматики (P & P) постоянно порождает необходимость обращения к грамматическим синонимам.

Проблема прецедентности в отечественном научном ландшафте является одной из широко дискутируемых проблем, благодаря ее универсальности и междисциплинарности, которые базируются на общемировоззренческом значении. Это значение обусловлено в первую очередь наличием системы прецедентов в разных областях знания (юриспруденция, спорт, искусство, история и др.), которая является логико-содержательной базой для существования мега-формата знания, «когнитивной матрицы» (в терминах Н. Н. Болдырева) и прецедентного моделирования. Прецедентное моделирование как один из методов когнитивного моделирования активно используется при создании искусственного интеллекта (Варшавский 2005; Шамшев 2010), а также нами при форматировании категории прецедентных единиц.

Выше отмечено, что осмысление производности языкового процесса как универсального явления наблюдается при исследовании разных аспектов языка и в рамках разных лингвистических парадигм. В зарубежной лингвистике термин «прецедент» обрел свои лингвистические очертания во второй половине XX в. применительно к синтаксическим явлениям. Впервые он введен в научный оборот немецкой германистики французским лингвистом Жаном Фуркье как *Präzedenzbeziehung* «прецедентное отношение». Оно обнаружилось в позиционной немецкой грамматике между второй позицией спрягаемого глагола в простом повествовательном предложении в синхронии и конечной позицией спрягаемого глагола в диахронии. Таким образом, вторая позиция предиката в предложении обоснована как производная (Fourquet 1974).

Идея производности синтаксического знака положена в основу работ целого ряда германистов (D. Clément, G. Gazdar, D. Gibbon, G. Kentner, E. Klein, G. Pullum, W. Tümmel, A. von Stechov, M. Wesselowski). Эмпирический и теоретический опыт, накопленный в ходе изучения отдельных разносубстратных языковых фактов в немецкой германистике с признаком *sekundär* «вторично», а также в аспекте *Grammatikalisierung / Degrammatikalisierung* «грамматикализация / деграмматикализация» при исследовании междометий, предлогов, союзов, прилагательных и др. (G. Diewald, C.-Di Meola, R. Harweg, V. Komenda, M. Reisigl, Th. Stolz, I. Trost, U.-H. Waßner) не оформился,

однако, в целостную концепцию производности грамматического знака.

Отечественная традиция изучения прецедентности, включая дидактический аспект, базируется на лингвокультурных феноменах (Л. И. Гришаева, Д. Б. Гудков, М. Я. Дымарский, В. И. Карасик, И. В. Космарская, В. В. Красных, Н. М. Орлова, Г. Г. Слышкин, С. И. Сметанина, М. А. Фокина и др.). В конце прошлого столетия понятийный объем термина «прецедент» был перенесен в область филологии как образцовый, ментальный, языковой и речевой факт, который служит моделью для воспроизводства сходных фактов, то есть обладает императивностью (Гудков 1999). Несомненный вклад в создание общей теории прецедентности внесла теория языковой личности, разработанная Ю. Н. Карауловым, положения которой стали бифуркационной точкой для появления теории прецедентных феноменов (Караулов 1987).

Вместе с тем не всякий феномен, обладающий прецедентностью, может быть назван прецедентным, так что уже в рамках этого направления учеными ставился вопрос о соотношении понятий «прецедентный феномен» — «феномен прецедентности» (Красных 1998; Гришаева 2004). В филологии и других интеллектуальных сферах хорошо известны прецедентные феномены (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный факт и др.). Но существуют еще прецеденты «актуального языкового употребления», которые, в отличие от первых, порождают языковые единицы разного уровня без обращения к энциклопедическому знанию (поговорки, клише и др.) (Сулимов 2006).

Таким образом, феномен прецедентности, определяется через набор таких когнитивных признаков, как общеизвестность, образность, отсылочность, ассоциативность и является когнитивным понятием, которое раскрывается в знаковой способности лингвистических явлений производить и быть производными на уровне системы языка и/или дискурса.

Из сказанного выше закономерно вытекает вывод о том, что языку как феномену, порожденному природными процессами, присущ динамический аспект, на котором строится определяющий постулат прецедентной лингвистики, объектом которой являются производные языковые единицы. Прецедентная лингвистика — это область языкового знания, в рамках которой изучаются лингвистические факты, прошедшие этап вторичной языковой категоризации и подлежащие когнитивному моделированию через концепт «прецедент» (Голубева 2009; 2010).

В рамках теории когнитивной лингвистики семантика (как лексических, так и грамматических форм) считается неотъемлемой частью

нашего воплощенного человеческого опыта (Ченки 2015: 561). В нашем понимании, прецедентная единица является языковым элементом, который объективирует определенный когнитивный (мыслительный) контекст, раскрывающий его генетическую связь с языковым и/или коммуникативным прецедентом (прототипом). При этом следует различать прецедентность как когнитивно-семантический признак языкового знака не только в синхронии, но и в диахронии, в парадигматике и синтагматике.

Принадлежность языковой единицы к той или иной категории определяется по ряду критериев, а именно, форме, функции и значению. Значение прецедентной единицы определяется фактитивностью знания о событии, предмете, образе, его качестве или свойстве. Прецедентное значение, лексическое, грамматическое и др., основывается на пресуппозиции существования языковой единицы (форматива) и заключается в его производности.

По форме прецедентные единицы не являются однородными. Каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносят свой вклад в их образование. Для прецедентных единиц в грамматике — это производные грамматические формы и средства, которые складываются в каждой языковой системе, в лексике — производные единицы ментального лексикона.

Когнитивная функция прецедентных единиц заключается в хранении когниций (системных или коммуникативных структур языкового знания), другими словами, в отсылке к языковому или коммуникативному первообразу — прецеденту (лексическому, грамматическому и др.). Таким образом, языковая единица, употребление которой мотивируется путем отсылки к прецеденту любого типа (языкового или коммуникативного / эпистемического), считается прецедентной. Если отталкиваться от постулата, что знак — это материя, отягощенная смыслом, то прецедентный знак — материя, отягощенная производным — прецедентным смыслом.

Прецедентные единицы служат единицами осмысления и измерения жизненных и интеллектуальных ценностей человека, они передают его языковую компетенцию (грамматическая метафора, поговорка или просто сложное слово). Таким образом, прецедентные единицы языка реализуют прецедентное мышление.

По мнению Форрестера, старики всегда мыслят прецедентно. В юности людям не хватает жизненного опыта, и они пытаются заменить

его схемами. Старики, в свою очередь, тоже когда-то мыслили схематично, но постоянные, систематические сбои этого мышления — случаи, которые никак не укладываются в схемы, заставили их перейти на прецедентное мышление. Прецедентное мышление использует общее не как закон, не догматически, а как интуитивно, герменевтически постигаемый «образец», как некий род неявного знания, динамично меняющегося в зависимости от эмпирической ситуации (Forrester 1996).

В свете вышесказанного мы приходим к заключению, что языковая, другими словами, прецедентная, функция производных единиц заключается в выражении производного языкового значения, в основе которого лежит прецедентный смысл, через производную языковую форму или производное языковое средство, что показано на примере императивов и вокативов в немецком языке (Голубева 2014; Прокопьева, Голубева 2017). Прецедентная функция реализует, таким образом, «функциональную этимологию». Под этим термином понимается языковое знание о том, как та или иная языковая форма изменила в ходе своего исторического развития свою функциональную нагрузку, в том числе принадлежность к определенному семиотическому полю, каким образом произошли ее категориальные изменения (Ehlich 1994).

3. Прецедентный характер категории отрицания

В свете сделанных выше теоретических установок назрела необходимость предложить *performance* (Н. Хомский) на примере функционирования отдельных прецедентных лингвистических фактов в немецком языке. Первым объектом научного поиска сделаем отрицание. Лингвистика располагает богатым опытом исследования отрицания. Начиная с античности, подарившей миру непреходящие общечеловеческие ценности, не ослабевает научный интерес к категории бытия, в рамках которой актуализируются и представлены в разных областях знания отрицательные смыслы (формальная логика, философия, психология, литература, лингвистика).

Отрицание понимается учеными как семантическая категория «небытия». В лингвистике она изучалась в рамках разных исследовательских парадигм (В. Г. Адмони, Н. Д. Арутюнова, Н. А. Булах, Н. Н. Болдырев, В. Н. Бурчинский, С. А. Васильева, Л. М. Владимирская, И. Ю. Зиновьева, А. А. Калинина, А. Т. Кукушкина, Г. Г. Почепцов, О. А. Прокофьева, Е. И. Шендельс; K. Adamzik, H. Altmann, O. Behaghel, H. Blühdorn, F. Eggs, H. Engert, J. Gebauer, J. Grimm, A. Kramer, W. Heinemann, G. Helbig, E. Hentschel, L. Horn, O. Jespersen, H. Paul,

H. Seiler, G. Stickel, Y. Yang, W. Weiß, W.A. Zerebkov).

Уже у Аристотеля, а затем и у Л. Витгенштейна отрицание трактуется как связь «изображения» (сообщения) с позицией «создателя изображения», то есть говорящего, единственного, кому принадлежит право решать, существует ли предмет, событие, явление с его определенными свойствами или нет.

Философы подчеркивают, что в основе отрицания лежит положительное знание — различие, противоположность («противность»), несовместимость чего-то с чем-то (Б. Бозанкет, Г. Гегель, Г. Райл, Г. Плукэ, А. Тренделенбург). По их мнению, отрицание существует только в мыслях и применяется лишь в смысле указания на ложность предшествующего утвердительного суждения в целом. Отрицательное суждение — это только суждение о суждении, как нечто вторичное, как реакция на преодоление психологического заблуждения (Бондаренко 1983: 20).

Обсуждая проблемы формирования сознания с точки зрения психологии, А. Н. Леонтьев различал первичное (понятийное) осмысление, ведущее к формированию значений, которые репрезентируют опыт всего человечества, и вторичное (субъективное) осмысление как обретение значений для себя, ведущее к формированию личностного смысла. Таким образом, вторичное осмысление неразрывно связано с индивидуальностью и психическим состоянием человека, с тем, что ученый называл их связыванием с реальной жизнью и мотивами конкретного человека (Леонтьев 2000: 100-104).

Как известно, уже А. А. Потебня отмечал, что отрицание рождается при осознании процесса замещения одного восприятия другим, которое следует за первым. Отрицание обязательно мотивируется в сознании действительной, положительной величиной (Потебня 1958). Г. Пауль также указывал на то, что отрицательное предложение производно от утвердительного, потому что первое передает суждение, которое возникает там, где возникает необходимость связать два представления, которые одновременно столкнулись в сознании (Пауль 1960: 157). Продолжая эти рассуждения, Н. Н. Болдырев пишет о том, что «отрицание профилирует отсутствие чего-либо на фоне определенного стереотипного знания» (Болдырев 2006: 17).

Ученые отмечают при этом, что когнитивно-психологическая направленность в определении логической связи между какой-либо сущностью и ее свойством смыкает категорию отрицания с категорией

модальности, поскольку обе они «жестко» управляют процессом коммуникации и повышают степень понимания текста (В. Г. Адмони, О. С. Ахманова, И. Н. Бродский, Л. М. Владимирская, Е. В. Милосердова; K. Dieling, W. Heinemann, G. Helbig, J. Maruso, W. Schmidt, G. Stichel, W. Weiß).

На этом основании категория отрицания рассматривается как модальная категория, главная особенность которой заключается в особом функциональном характере ее концептуальной основы, в ее внутриязыковой природе, вторичном статусе и инферентности. Последняя предполагает потребность в выводном знании для формирования необходимого смысла, которая реализуется средствами негации любого языка (Болдырев 2010: 49). Подтверждение этой мысли мы находим в работе (Владимирская 1999), где автор рассматривает категорию утверждения / отрицания и категорию модальности в рамках одной системы, одного поля.

С позиций разных подходов и языковых теорий отрицание трактуется лингвистами как общезыковая категория, грамматическая, логико-грамматическая, синтаксическая, функционально-семантическая, лексическая, а также как дискурсивная категория. В семантических теориях отрицание предстает семантическим примитивом. В частности, А. Вежбицкая видела в отрицании «модальный примитив» (Wierzbicka 1988). Эту точку зрения разделяет Е. В. Падучева, которая полагает, что эта семантика не поддается вычленению из нее других более простых семантических составных элементов (Падучева 1990).

Современные подходы к изучению категории отрицания характеризуются повышенным интересом языковедов к роли «человека в языке», выражению эмоционального состояния «творца» высказывания, отражению его мировосприятия и этнохарактеристики, то есть с позиции коммуникативной и прагмалингвистической.

Хотя в изучении отрицания долгое время наблюдалась методологическая преемственность (Н. А. Булах, П. С. Вдовиченко, И. Ю. Зиновьева, А. Т. Кукушкина, А. Д. Райхштейн, Е. И. Шендельс; Н. Blühdorn, W. Heinemann, G. Helbig, W. Kürschner, J. Schwitalla, G. Stichel, G. Zifonun), на определенном этапе обозначился новый виток в исследовании этой категории с опорой на деятельностную концепцию высказывания; заметно возрос научный интерес к эмотивным средствам выражения отрицания: отдельным частям речи, экспрессивным фразеологическим моделям в синтаксисе, диалогическим единствам (О. Г. Бровеев, В. Ф. Егоров, Н. А. Гастилене, В. А. Касландзия, Л. М. Михайлов,

Т. И. Попова, А. Л. Сотникова, С. С. Янелюнайте; Н. Blühdorn, F. Hermanns, L. Horn). Языковые структуры, обладающие определенной эмоционально-когнитивной «выделенностью», лингвисты считают отклонением от нормы, да и отрицание в целом в противоположность утверждению (второе можно принять за идеализированную норму) расценивается как отклонение от нормы (Аругтюнова 1987).

С когнитивно-прагматических позиций отрицание сигнализирует наблюдателю однозначные указания блокировать ожидания, связанные с содержанием предшествующей пропозиции (E. Eggs, W. Erms, H. Weinrich). Все сказанное однозначно указывает на то, что отрицание как логико-семантическая категория производна, то есть прецедентна.

Аксиоматичная связь лексики и грамматики играет большую роль в реализации многих языковых категорий, в том числе категории отрицания через лексемы аксиологической сферы. Для этого достаточно вспомнить хотя бы «Что такое хорошо и что такое плохо» В. В. Маяковского, где мы без труда соотносим «плохо» с аксиологическим знаком «не хорошо». Отрицательные суждения в отношении разных сущностей предполагают разное их осмысление, но очень часто с суждением «хорошо» или «плохо», ср.: *нет денег, нет здоровья, нет счастья* (= «плохо»), *продукт без ГМО, большая зарплата, семейный брак без ссор* (= «хорошо»).

Лексемы с этой оценочной семантикой реализуют определенные виды оценочной деятельности такие, как подтверждение / опровержение, одобрение / неодобрение, согласие / несогласие, похвала / порицание и др., которые онтологически маркируют категории утверждения / отрицания.

Языковой реализации оценки посвящено немало научных трудов (А. В. Васильева, Е. М. Вольф, И. И. Докучаев, Е. С. Гриценко, В. И. Заботкина, А. А. Ивин, Г. Г. Кошель, О. В. Озаровский, Н. Е. Перл, Н. И. Поройкова, М. С. Ретунская, А. Л. Сотникова, Н. П. Сучкова, З. Е. Фомина, С. С. Хидекель, U. Fix, W. Fleischer, Th. Schippan, M. Schwarz и др.).

Интересным поисковым материалом выступает отрицательный контекст с точки зрения временной характеристики. Негация останавливает движение времени, превращая дискурсивное событие в факт. Оно остается отрицанием в тексте до тех пор, пока сущность, выраженная предложением, не подвергается дальнейшей репрезентации (Weinrich 1993).

Широкий спектр исследований категории отрицания в функциональном, семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах, представленных упомянутыми отечественными и зарубежными языковедами, обозначил ряд проблем, связанных с асимметрией языкового знака (его обозначением и значением) при выражении категории отрицания (Л. М. Владимирская, Э. Хенчел, Ю. А. Шаньшин и др.). Это связано с необходимостью адекватной интерпретации, как языкового знака, так и интерпретирующей функции самой категории. Например, в высказывании с эксплицитным утверждением *Das weiß der Kuckuck!* (досл. «Это знает кукушка») имплицировано отрицательное значение «никто не знает».

Из сказанного выше следует, что категория отрицания как модусная категория относится к интерпретирующей системе языковой категоризации, которая предполагает интерпретацию человеком результатов познания в различных аспектах в плане их соответствия представлениям человека о порядке вещей, его системе ценностей, мнений и оценок, то есть интерпретацию в рамках его индивидуальной концептуальной системы. В ней отражается антропоцентрический характер языка, который позволяет человеку реализовать собственную индивидуальность в восприятии и осмыслении событий окружающего мира, передать индивидуальный характер знаний, свое отношение к ним (Болдырев 2006, 2009). Данная система включает категории модальности, отрицания, оценки, аппроксимации, эвиденциальности, экспрессивности и др., которые репрезентируют вторичное (субъективное) осмысление сущностей и вещей. При этом интерпретация рассматривается как отдельный метод вторичной репрезентации знаний в языке.

Исходя из этого, как уже отмечено, данную категорию можно считать производной от первичной — категории утверждения, а все языковые формы и средства, которые выражают эту категорию, рассматривать в качестве производных по своей логико-содержательной структуре, то есть как лексические прецедентные единицы.

Проследим реализацию категории отрицания конкретными средствами негации не из области «универсальной грамматики» (Н. Хомский) со сводом общих правил, а на примере устойчивых языковых образцов, которые представляют не «ядро» грамматики, а находятся на ее периферии и не всегда получают в нормативных грамматиках должного освещения. Среди них, прежде всего, заслуживает внимания диалогическая частица *nein*. Она стоит вне предложения, не входит в грамматиче-

ские отношения с другими элементами предложения, но имплицитно логико-содержательную структуру предшествующих пропозиций и на этом основании имеет статус предложения (Пруссова 2001). Ср.:

Hast du jetzt Zeit? — Nein. / Nein, ich habe keine!

Обратимся далее к отрицательной частице *nicht*. Она является так же, как и *nein* «пропозициональным концентратом» (термин Э. Эггса). Особенно убедительно в этом смысле выглядит «синтаксически выделенное» (термин У. Энгеля) позиционирование этой частицы, при котором она, в отличие от *nein*, полностью устраняет релевантность высказанного в последующей пропозиции содержания и изоморфна метакоммуникативному предикату: *Mit (...) ist nicht gemeint / gesagt* (Этим ... не имеется в виду):

Mir schien, als wüsste er nicht weiter. — (Nicht:) Mir schien, wie es mir scheinen würde, wenn er nicht mehr weiterwüsste (Duden 2002, 686).

В прагматическом аспекте отрицание сигнализирует наблюдателю однозначные указания блокировать ожидания, связанные с содержанием предшествующей пропозиции. В когнитивном ракурсе отрицание профилирует отсутствие чего-либо на фоне определенного стереотипного знания (Болдырев 2006), то есть прагматическое отрицание профилирует динамику развития события — очень резкую смену его представления в дискурсе.

Пропозиция, вводимая *nicht*, объективирует не событие, а сущность или факт, потому что первому присущи категории время и место, чего нет у вторых (Vater 2005: 79). Соответственно, факт вторичен. Таким образом, отрицание не только опровергает отношение, складывающееся в речевом акте, но несет собой выражение оценки определенной информации. Это непосредственно связано с оценкой модальной, а потому еще раз убеждает в том, что отрицание выражает вторичное категориальное значение по отношению к утверждению.

В отдельном рассмотрении, вслед за Э. Эггсом, нуждается «прагматическое отрицание», имплицитное в коннекторе *weil*. Например:

Petra heiratet Klaus nicht, weil er reich ist (Eggs 2001: 69).

Это предложение синтаксически многозначно. Отрицание в главном предложении может пониматься семантически как *Die Heirat findet nicht statt*, а прагматически как *Petra heiratet Klaus nicht, weil er reich ist, sondern weil sie ihn liebt*.

Дальнейшее толкование прагматического отрицания выглядит так:

*Petra heiratet Klaus, **aber nicht**, weil er reich ist, **sondern** ...*

*Es ist **nicht so**, **dass** Petra Klaus heiratet, weil er reich ist, **sondern** ...*

Последние две интерпретации с дополнительными когнитивными проекциями, которые эксплицируют вставки, особенно наглядно иллюстрируют значение *weil*, в котором выражается отрицание содержания вводимой им пропозиции.

Таким образом, синтаксически выделенное отрицание, равно как и отрицание в эксплицирующей смысл перифразе, можно трактовать как «активное отрицание» (термин Т. И. Поповой) для актуализации когнитивно-модальной координации наблюдателя.

Синтаксический уровень реализации отрицания можно определить, скорее, как лексико-грамматический, так как речь часто идет в этом случае об экспрессивных отрицаниях, которые передаются, в том числе с помощью фразеологизмов (лексикализованных структур). Фразеологизмы могут иметь разный синтаксический статус.

1. Форма целого предложения, в котором ни один компонент не свободен (*Da beißt **keine** Mause einen Faden ab*).

2. Форма целого предложения, где компонент *damit* свободно замещается, остальные компоненты связаны (*Damit ist **kein** Blumentopf zu gewinnen*).

3. Форма словосочетания, где все компоненты связаны (*klamm sein, nur über meine Leiche*).

4. Форма словосочетания, где связаны глагол и предложная группа (*jemandem **nicht** um die Ecke trauen; **keinen** Hehl aus etwas machen*).

Во фразеологизмах отрицание может реализоваться, как эксплицитным, так и имплицитным способом. Ср.: *sein Herz auf der Zunge tragen* (*Wissen / Informationen **nicht** verschweigen können*); *auf der Straße liegen* (*arbeitslos sein*); *jemandem einen Korb geben* (*einen Bewerber **abweisen***); ***keinen** Finger krumm machen* (*für etwas gar **nichts** tun*).

Отдельного обсуждения заслуживают косвенные отрицания, которые выражаются междометиями *ach wo*, *ach was*, *papperlapapp*, *psch-scht* и междометных высказываний, таких как *um Gottes willen*, *Gott bewahre* и др.

К междометиям примыкают некоторые лексические единицы с негативной семантикой, такие как *Quatsch*, *Blödsinn* и др. Например:

*Er redet lauter **Blödsinn***. (<https://www.dwds.de/wb/Blödsinn>)

*Hier habe ich **Quatsch** gemacht*. (<https://www.duden.de/rechtschreibung/Quatsch>)

Изучение категории отрицания в русле когнитивно-дискурсивного направления, а именно в рамках теории прецедентности, вводит теорию негации в область вторично-моделирующих систем. Представленная выше когнитивно-семантическая парадигма категории отрицания является главным аргументом для отнесения категории отрицания к объектам прецедентной лингвистики.

4. Эвфемия как функция прецедентного знака

Отечественные и зарубежные лингвисты причисляют эвфемии к объектам риторики (Е. А. Батурина, В. И. Заботкина, И. Н. Кабанова, А. М. Кацев, С. А. Киселева, Л. П. Крысин, П. С. Левина, Н. Н. Морозова, В. П. Москвин, Л. В. Порохницкая, J. Ayto, B. Fraser, W. Havers, G. Michel, H. Rawson, Th. Schippan, H. Schröder и др.).

Повышенный научный интерес к этой проблеме обусловлен важностью изучения манипулятивной функции языкового знака и наличием целого ряда сопряженных вопросов. В частности, они связаны с лингвистической безопасностью, понимаемой нами в рамках когнитивного подхода как специфический модус реализации мысли (Голубева 2019). Одновременно существует необходимость более глубокого изучения лингвокультурных особенностей эвфемии как способа реализации определенных когнитивно-дискурсивных стратегий. Кроме того, эвфемизмы мотивируют появление в лексиконе новых слов с изменившимся значением и расширяют альтернативное пространство языка, а, следовательно, способствуют его динамическому развитию. Обозначенные факторы объясняют актуальность исследования проблемы.

Термин «эвфемизм» отсылает исследователя к латинизированной форме греческого слова εὐφροσύνη (euphēmía), понимаемого как «мягкое слово», «утаивающее слово», «маскирующее слово», «приукрашивание» (Gemoll 1965: 43; Арапова 1990: 590). В лингвистике этот термин фигурирует как выражение, которое именуется лицом, группой лиц, предмет или сущность, используемое с намерением смягчить, приукрасить или скрыть истинные качества обозначаемого денотата.

Логическую оппозицию термину «эвфемизм» создает термин «дисфемизм», или «какофемизм», понимаемый как слово с огрубляющим, пренебрежительным, уничижительным значением, то есть с отрицательной коннотацией (Ibid.). Коррелирующая семантическая пара традиционно рассматривается в лингвистике в контексте риторических фигур.

Возвышающие, нейтральные или ретуширующие формулировки

— иногда неосознанно — могут употребляться по разным мотивам, но их реализация может осуществляться также одновременно. Прежде всего, это связано с нежеланием нарушить существующие табу или социальные нормы, с намерением избежать конфликта, пощадить чувства собеседников, не исключая также желаний вызвать у них определенный интерес к предмету речи, а также из собственной корысти ввести их в заблуждение, замаскировать факты, вследствие чего нередко возникает «эффект обмана».

Из обзора литературы, касающейся проблем эвфемии, можно заключить, что «приукрашивающее» говорение не ограничивается каким-либо отдельным языком или какой-либо тематической областью, оно по своей природе универсально. Эвфемистические выражения (структуры и формы, если иметь в виду и грамматику) употребляются в общественной сфере преимущественно в политике и экономике (Кабанова 2017; Schröder 1998).

В повседневной жизни они часто встречаются в табуированных темах, таких как секс или экскременты, и связанных с этим обозначений местоположений и частей тела. К этому смысловому полю можно отнести также болезнь и смерть. Например, в противоположность пейоративному (уничжительному) смыслу *um die Ecke müssen* «отправиться на тот свет» употребляются эвфемизмы *schlafen* «спать» для *tot sein* «быть мертвым», *entschlafen* «заснуть» для *sterben* «умереть». Для обозначения этих сфер принято находить щадящую лексику. Эвфемизмы придают высказыванию мелиоративный (возвышающий) смысл; ср.: мягкое побуждение во фразе *zur Kasse gebeten werden* «приглашение к кассе» вместо «жесткого» *bezahlen müssen* «обязанность платить».

При этом число конвенциализированных эвфемизмов в лексиконе любого языка составляет незначительную долю. Их функционирование большей частью детерминируется конкретными речевыми обстоятельствами (повод, место, социальная группа, коммуникативное намерение), на фоне которых определяется, что является эвфемизмом, когда и где его употребление уместно.

4.1. Функции эвфемизмов

Использование языка всегда функционально окрашено. Употребление эвфемизма предполагает влияние на что-то конкретное. Это влияние может носить субъективный характер в виде мотива говорящего прибегнуть к тому или иному эвфемизму. Однако это не означает, что за его употребление ответственность несет только говорящий. Он де-

лит, как правило, эту ответственность со своим окружением. Функции эвфемизмов зачастую трудно отделить друг от друга, хотя часто доминирует один конкретный мотив. Прокомментируем некоторые из них.

Вместо настоящих обозначений лица, вещи или дела в самых разных формах обычно в целях возвышения их ценности употребляются замещающие их прикрашивающие выражения. Таким образом, получить признание или быть представленным в лучшем свете может либо само обозначаемое, либо лицо или группа лиц, соотносящихся с обозначаемым, которым также будут адресованы вежливость и уважение. В этом случае принято говорить о функции валоризации, понимаемой, в частности как «политическая корректность». Так, далеко не у всех пользователей немецкого языка известный лингвистический термин «абсолютный» / «этический» компаратив (сравнительная степень прилагательного) выступает в качестве средства «смягчения» интенсивности признака. В результате *alte Dame* «старая дама», *alter Herr* «старый господин» через «этический» компаратив во фразах *ältere Dame*, *älterer Herr* приобретают значение «пожилая дама», «пожилой господин», а *größere Anschaffung* «значительное приобретение» звучит более скромно и мягко, чем «крупное приобретение».

Эвфемизмы ослабляют значение хлестких, резких выражений, которые они замещают. Функция смягчения и бережного отношения направлена на уважение чувств партнеров по коммуникации, как собеседника, так и самого говорящего, когда принято демонстрировать оказание чести, чуткого отношения и вежливости, то есть преимущественно в ситуациях, когда определенные общественные и культурные установки и нормы требуют такого такта. Стремление носителей языка к выражению большей «дипломатичности» или использование ими языка в манипулятивных целях приводит к появлению новых слов и к изменению старых значений. Картина «семантических боев» раскрывается на примере многих лексем; ср.: *Raumpflegerin* вместо *Putzfrau* «уборщица», *Haushaltshilfe* вместо *Dienstmädchen* «служанка», *Gastarbeiter* вместо *Fremdarbeiter* «иностранный рабочий». Слово *Arbeitswilliger* сменило *Streikbrecher* «штрейкбрехер», поскольку составляющие его семы *Arbeit* и *willig* вызывают у пользователя языка положительные ассоциации (Duden 1984: 409).

Эвфемизмы с функцией ретуширования, маскировки, сокрытия именуют вещи или сущности таким образом, что истинно мыслимое в значении слова не появляется или по меньшей мере не выступает на пе-

редний план. Ср. выше: *zur Kasse gebeten werden* (= *bezahlen müssen*).

В связи с этим можно упомянуть также пассивный залог, который в случае необходимости скроет нежелательного деятеля. Ср.: *Sechs Millionen von Juden sind im zweiten Weltkrieg vernichtet worden*. Через пассивную конструкцию общеизвестная информация об источнике зла делается «файлом по умолчанию», мягко удаляется прямое упоминание людей, ответственных за это вселенское злодейство.

Это особенно актуально при строгих нормах и табуированных смыслах, там, где сущность сознательно должна быть замаскирована (сокрыта), например, в публичной речи во избежание общественного возмущения в тоталитарных политических системах. Лингвисты видят разницу между ретушированием и маскировкой. Первое действие предполагает узнавание этого действия собеседником, в то время как второе не опознается им (Luchtenberg 1985; Zöllner 1997). Употребление эвфемизмов в этом случае можно считать сознательным влиянием на собеседников в собственных интересах.

Так, слово *gesamtdeutsch* «общегерманский» как определение, отражающее западный взгляд на вещи и имевшее хождение в ФРГ, вытеснило употреблявшееся в ГДР слово с пейоративной коннотацией *großdeutsch* «великогерманский» «пангерманский», а лексема *kapitalistisch* «капиталистический» тихо уступила место лексеме *marktwirtschaftlich* «рыночный».

4.2. Тематические области и дискурсивные реализации эвфемизмов

Исчерпывающий анализ дискурсивных сфер функционирования эвфемизмов представлен в (Luchtenberg 1985). Результаты этого анализа могут быть положены в основу их классификации:

- сфера политики (внешняя и внутренняя политика, а также военная сфера);
- сфера экономики (экономическая политика, производство, торговля, профессиональная занятость и др.);
- общество (различные социальные сферы, касающиеся общественных норм и социальных правонарушений);
- религия (языковые табу, суеверие, христианская религия);
- смерть (уход из жизни, покойник, погребение, суицид);
- духовно-психическая сфера (именование личных качеств и чувств, обозначение «я»);
- телесная сфера (элементы сексуальности, беременности и рож-

дения, специфические болезни, части тела);

- алкоголь (названия алкоголя, обращение с ним, состояние).

Ориентируясь на представленную выше классификацию, проследим только некоторые когнитивно-дискурсивные реализации эвфемизмов, проанализируем эвфемизмы в специфических семантических сферах, оставляя вне рассмотрения другие не менее важные социальные и культурные сферы. В каждой социальной общности существуют табу, а также этические и нравственные нормы, требующие для определенных вещей маскирующего или, по меньшей мере, смягчающего способа выражения, если не считать того, что для некоторых ситуаций существует полный запрет на их вербализацию. Табу имеют своим следствием тактики молчания, отрицания или избегания. Это касается таких областей табу, как инцест, насилие в семье или гомосексуализм.

Установки на норму в виде предписаний на словоупотребление и поведение, например, в вопросах секса, могут касаться всех членов общности, а могут ограничиваться субгруппами — отдельными социальными слоями или возрастными группами. Вместе с тем многое, что понимается как норма, сопровождаемая определенным речевым поведением, может подвергаться влиянию времени, как например, тема сексуальности, гигиенических манипуляций, представлений красоты или способа и масштаба изображения самого себя. В качестве примера можно привести слово *Verhältnis* «отношение», заимствованное из сферы политики. Его эвфемистическая функция закрепились в выражении *ein Verhältnis haben* «иметь (близкие) отношения» между мужчиной и женщиной. В соответствии с этим каждая эпоха рождает свой эвфемизм и его функцию.

Низшие социальные слои часто связываются с грубой речевой и поведенческой моделью, в то время как в других социальных сферах вместо этого широко употребляются эвфемизмы. Взаимобусловленную связь эвфемизма и табу не следует, однако, рассматривать как пример взаимнооднозначного соответствия. Так, в тематической сфере, где употребляется эвфемизм, может существовать табу. Но это не обязательно, потому что эвфемизмы могут функционировать и по другим причинам, равно как и табу не обязательно должно сопровождаться употреблением эвфемизмов, как это имеет место в определенных социальных группах, где табуизация остается далеко не регулярной.

Начнем с религиозных и нравственных норм и табу. Изначальная мотивация к употреблению эвфемизмов заложена в языковом табу, вы-

ходящем из религии и суеверия. Она основана на вере в то, что слово и обозначаемое есть одно и то же, что можно увидеть в поговорке *Wenn man den Teufel nennt, er kommt gerannt* «Если черта позвать, то он прибежит». Чтобы не нарушать базирующиеся на вере табу, избегают слов и формулировок, прямо называющих такого рода тему или непосредственно указывающих на ее толкование. Они замещаются другими словами, например, *der Gottseibeius*, досл. «Будь с нами Бог!» или *der Leibhaftige* «нечистый дух» / «сатана», вместо *der Teufel* «черт» / «дьявол». Ср.: «шут с ним» и «черт с ним». Далее: *Vater im Himmel* «Отец Небесный» / *Herr* «Господь» / *Allmächtiger* / *Allerbarmer* / *Ewiger* «Все-сильный», *Schöpfer* «Создатель», *Jahwe* / *Jehova* «Бог в Ветхом завете» вместо *Gott* «Бог», а также *Erlöser* / *Heiland* «Спаситель» вместо *Jesus* «Иисус Христос», *Menschensohn* «Сын Человеческий» вместо *Gottessohn* «Сын Божий».

Такие эвфемизмы не воспринимаются уже как маскирующие слова, что, с одной стороны, можно объяснить сокращением религиозных табу в целом, а с другой стороны, тем, что в теологии такие слова призваны служить семантической дифференциации обозначаемого (Luchtenberg 1985: 91). Эвфемистический вокабуляр для этой сферы очень ограничен, и едва ли возможны новообразования, которые смогут утвердиться в общем словаре.

В греческой мифологии также встречаются эвфемистические прозвища, которые служили для лести и укрощения гнева божеств во время обращения к ним или для упоминания о них в устной или письменной форме, иногда с использованием совсем неподходящего по смыслу именованию. Так, для трех богинь мести и ненависти, называемых *Эринии* «гневные», фигурирует эвфемизм *Эвмениды* — «дочери ночи», «благомыслящие» (Лосев 1991: 638).

Эвфемистический вокабуляр востребован также в сфере экономики (в профессиональном употреблении), где речь идет о чувствительных вопросах, таких, как рабочие места, ценообразование, то есть о вещах, релевантных в политическом отношении и касающихся существования людей. Широко известны выражения *Freisetzung* «освобождение (от занимаемой должности)» вместо *Entlassung* «увольнение», потому что в лексеме *freisetzen* слышатся слова «свобода», «быть свободным», и тем самым нейтрализуется негативное значение *entlassen werden* «быть уволенным», в русском варианте которого отчетливо просматривается значение «воля», своя или чужая, в случае с формулиров-

кой «уволить по собственному желанию». Другим примером может служить эвфемизм *Gewinnwarnung* «возможные риски» с позитивным значением *Gewinn* «выигрыш», «прибыль», с помощью которого на самом деле обозначаются нереализованные цели или утрата предприятия.

Слова *Assistent* «ассистент» и *Mitarbeiter* «сотрудник», относящиеся к сфере кадровой политики предприятия, изначально очень повышали значимость простой или менее ответственной деятельности, отвлекали от осмысления подчиненной позиции работающего в производственной иерархии. В этом смысле *Mitarbeiter* «сотрудник», безусловно, звучит красивее, чем, например, *Putztrampel* «штукатур».

Из других сфер экономики, которые часто нуждаются в «облагораживающем» языковом оформлении, следует назвать цены. В выражениях *Anpassen von Preisen* «регулирование цен» и *Preiskorrektur* «изменение цен» вместо *Preiserhöhung* «повышение цен» блекнет значение нежелательного, а потому отрицательно воспринимаемого слова «повышение». О личном доходе в среднеевропейских культурных кругах говорят только конкретным близким лицам, в других случаях этот вопрос обходят, он подлежит в некотором смысле языковой табуизации.

Эвфемизмы можно встретить повсюду в рекламе и торговом обороте, например, *Transpiration* «испарина» вместо *Schweiß* «пот». Использование некоторых слов избегают полностью. Так, в эвфемизмах *preisgünstig / preiswert* (досл. «выгодно по цене») вместо *billig* «дешево» обыгрывается возможная неполноценность товара и / или скрывается финансовая проблема покупателя — отсутствие у него возможности купить нечто лучшее за большие деньги (Römer 1976: 195).

В ранние 70-е гг. прошлого века эвфемизм *Haarglanzmittel* «блеск для волос» полностью заменил *Haarfärbemittel* «средство для окрашивания волос», потому что в то время окрашенные волосы в Германии вызывали в обществе далеко не у всех приятные эмоции. Подобно этому избегали употребления слова *Toilettenpapier* «туалетная бумага», вместо него фигурировало слово *Krepp* «креп» как разновидность ткани, сходной с туалетной бумагой по признаку шершавой поверхности. В том же духе в повседневной речи в разных ситуациях вместо слова *Rolle* «рулон», «катушка» употреблялся эвфемизм *Ersatz* «запас» (www.euphemismen.de). В торговых диалогах часто игнорируют слова *Preis* «цена» и *kaufen* «покупать», вызывающие нередко раздражение и стресс. Эти слова заменяются эвфемизмами *in ein Produkt investiert* «в продукт инвестировано», *Geld angelegt* «вложены деньги», *Sie bekom-*

men dafür... «Вы получите за это ...» и др. (Römer 1976: 195).

Особой сферой употребления эвфемизмов является армейский (солдатский) язык. Определенные социальные группы обходятся собственным, характеризующим их языком, посредством которого они сознательно хотят отделиться от общей массы людей и по которому членов этих групп можно идентифицировать. В целом солдатский лексикон уже на протяжении многих столетий характеризуется как образный, самобытный, богатый на языковые вариации. Это касается в большей или меньшей степени определенных сфер военной жизни. Четкое отграничение солдатского вокабуляра от других специальных языков, например, языка школьников или молодежи, было и остается до сих пор сложным делом. Как полагают лингвисты, в эту картину всеобъемлющего специального способа выражения и именованя вписывается то обстоятельство, что языковое приукрашивание и маскировка не всегда укладывается в четко очерченное поле деятельности военнослужащих (Horn 1905).

Солдатский язык известен тем, что он в своем жаргоне обнаруживает богатый реестр настоящих эвфемизмов либо выражений, которые ошибочно принимают за эвфемизмы. Так как сфера деятельности солдата постоянно соотносится с угрожающими ситуациями, где на карту ставится все, то вещи и вопросы, истолковывающие ранение или смерть и выступающие в качестве психической компенсации, часто именуются очень грубым, циничным или саркастическим образом. Тогда возникает вопрос, можно ли на примере таких выражений говорить об эвфемизме, то есть о настоящем приукрашивании. Многие из солдатских выражений кажутся, скорее, противоположностью эвфемизмам — какофемизмами, но с функцией первых — быть маскирующей заменой тем выражениям, которые прямо обозначают вещи и ситуации, угрожающие существованию. Эту жаргонную манеру говорения в мире военных можно встретить не только в ситуациях ведения боя (войны), но и других сферах солдатской жизни. Вместе с тем многие из обозначений для повседневных и невоенных тем солдатской жизни, хотя и именуются другими словами, носят чисто шуточный характер и, следовательно, не могут выступать эвфемизмами, то есть являются, по нашему мнению, псевдоэвфемизмами.

Псевдоэвфемизмы могут иметь ограничение по месту или времени. К этому подвиду можно отнести выражения *knitterfreier Zylinder* «немнущийся цилиндр» для *Stahlhelm* «стальной шлем», *Heilsarmee* «армия спасения» для *NATO-Truppen* «войска НАТО», *Kanalarbeiter-*

frachtbrief «ассенизаторская транспортная накладная» для *Toilettenpapier* «туалетная бумага» или *Argumentationsverstärker* «усилитель аргументации» для *Waffe* «оружие», а также выделенный Б. Крайским эвфемизм *Kettenfahrzeug* «цепная повозка» для слова *Panzer* «танк» (<http://www.zeit.de/1983/43/bruno-kreiskys-letzter-sieg/seite>).

Для обозначения картин боя и войны используется много смягчающих слов, назначение которых умалить их милитаристскую сущность и связанные с этим угрозу и опасность. В этом смысле, несмотря на шуточный, нередко циничный характер таких слов, их можно все-таки рассматривать как эвфемизмы. Например: *Dauerregen* «затяжной дождь» для *Trommelfeuer* «ураганный огонь» (в артиллерии), *Grill* «гриль» и *Handofen* «ручная печь» для *Flammenwerfer* «огнемёт», *Metallregen* «металлический дождь» для *Flugzeugabsturz* «падение самолета», *Schneeballschlacht* «игра в снежки» для *Handgranatenkampf* «бой с применением ручных гранат», *spucken* «плевать» для *schießen* «стрелять», а также *den Gegner neutralisieren* «нейтрализовать противника» для *den Gegner kampfunfähig machen* «сделать противника небоеспособным», то есть *töten* «убить». Последний эвфемизм, а также эвфемизм *fallen* «погибнуть, пасть» для выражения *im Krieg getötet werden* «быть убитым на войне» вошли в общий словарь и получили статус профессиональной лексики.

На примере специальных дискурсов мы наиболее полно исследовали лексический аспект эвфемии как наиболее рельефный для понимания сущности эвфемии как лингвистической проблемы и частично затронули ее грамматический аспект. За рамками рассмотрения остались другие семантические области функционирования эвфемизмов, другие языковые способы их реализации не только в дискурсе, но и в системе языка в целом. Не менее результативным может оказаться анализ диахронического аспекта этого лингвистического феномена.

5. Прецедентная функция метафоры

Целью предпринимаемого лингвистического анализа является выявление и описание эволюционного характера языковой (лексической и грамматической) единицы путем метафорического переосмысления, то есть обоснование лексической и грамматической метафоры как прецедентного явления языка.

5.1. Лексическая метафора

Достижение поставленной выше цели можно проиллюстрировать на примере функционирования этнонимов. Этноним занимает особое

место среди антропонимов, так как он обозначает не отдельного человека, а целую этническую общность со всеми присущими ей характеристиками. Поэтому этнонимы часто приобретают коннотации и, следовательно, легко развивают лексическое прецедентное значение, выполняя прецедентную функцию по реализации этого значения. Механизм вторичного когнитивного моделирования этнонимов состоит в том, что соответствующие семы этнонимов не исчезают, а с изменением контекста переходят в семантическую структуру прецедентного значения. Для того, чтобы понимать механизм появления прецедентного, то есть на основе уже существующего, значения необходимо признать наличие «лингвокреативного мышления», которое было выделено Б. А. Серебренниковым, считавшим, что это мышление отличается от других типов его двойкой направленностью.

«Оно, с одной стороны, отражает окружающую человека действительность, с другой, самым тесным образом связано с наличными ресурсами языка. Было бы неправильно предполагать, что для обозначения новых понятий ... язык прибегает к каким-то новым композициям фонем, к поискам еще не использованных словосочетаний. Обычно для этих целей используются уже существующие» (Серебренников 1988: 198).

В семантической структуре этнонимов четко отражена «логоэпистемическая» составляющая (термин В. Г. Костомарова), в которую входит универсальный семантический признак — национальные предрассудки, иначе говоря, национальные стереотипы, которые мотивируют переосмысление первичной номинации.

Методология предпринятого нами лингвистического поиска сводится, прежде всего, к формированию соответствующего терминологического аппарата, критериев и принципов вычленения этнонимов как производных единиц и к обоснованию их когнитивной прецедентной функции. Для этого отобран корпус из 48 единиц с этнонимическим компонентом и их фразеосемантических производных типа *Amerikaner: reiche Tante aus Amerika; der amerikanische Traum; Chinese: chinesisches reden; chinesisches für j-n sein; Türkei: der türkische Koffer*, сформирован алгоритм исследования данных единиц. Этот алгоритм заключается в выделении пяти критериев их отбора и лингвистической интерпретации, из которых ведущим выступает «когнитема» (К). Кроме ведущего критерия релевантными для анализа являются:

- скопус немецкого фразеологизма (С);
- дефиниция фразеологизма на немецком языке (Д);

- этимологический фон (если имеется) (ЭФ);
- соответствующий эквивалент в русском языке (Э).

Когнитема понимается в исследовании (Иванова 2014) как когнитивная модель, пропозициональная единица знания, функционально значимая для реконструкции ментального образования, что теоретически перекликается с идеей «исходной когнитивной мотивированности языковой формы» А. Е. Кибрика (Кибрик 2015). Когнитема в нашем случае представляет собой минимальную единицу знания, которая служит базисом для вторичной репрезентации этнонимов. Эта модель используется здесь как операциональная единица концептуального анализа семантики этнонимов, которая позволила вычленивать из одиннадцати этнических когнитивно-семантических признаков десять когнитем.

Попытаемся по принятым выше критериям дать когнитивно-семантическую характеристику следующим этнонимам:

- 1) **Amerikaner**: reiche Tante aus Amerika; der amerikanische Traum;
- 2) **Chinese**: chinesisches Reden; chinesisches für jmdn. sein; mit den Chinesen Bruderschaft getrunken haben; Chinese spielen; Tee nach China tragen; Wenn... / dann bin ich der Kaiser von China!;
- 3) **Engländer**: nicht die feine englische Art sein; englisch einkaufen (kaufen); sich englisch (auf Englisch) empfehlen;
- 4) **Franzose**: sich französisch / auf Französisch empfehlen / verabschieden (süddeutsch: französisch Abschied nehmen); französische Krankheit / französisch krank sein; Träumereien an französischen Kaminen;
- 5) **Jude**: darauf borgt kein Jude etwas; fürs Gewesene gibt der Jude nichts; handeln wie ein Jude; eine Judenschule aufmachen; mit dem Judenspieß rennen;
- 6) **Neger**: aussehen wie Neger; negerschwarz sein; das Negerhaar;
- 7) **Pole**: da (heute) ist Polen offen; polnische Wirtschaft; sich polnisch verheiraten; polnisch zusammenleben; polnische Ehe;
- 8) **Russe**: die Russen spannen langsam ein, fahren jedoch schnell; an den russischen Monat denken; einen Russen haben (einen Ruß im Gesicht haben); voll wie hundert (tausend) Russen; saufen wie ein Russe; jmdm. einen Russen aufbinden; fluchen wie zwanzig Russen; russisches Roulette spielen;
- 9) **Schwede**: jemandem den Schweden wünschen; Dass dich der Schwede!; hausen wie die Schweden; hinter schwedische Gardinen kommen; jmdn. hinter schwedische Gardine bringen; den Schwedentrunk erhalten; einem ein Schwedentränklein vorsetzen (eingießen);

10) **Türke**: einen Türken bauen; arbeiten wie ein Kümmeltürke; der Türkenbund, türken;

11) **Zigeuner**: so blond wie ein Zigeuner sein; da fahren sogar die Zigeuner im Trab vorbei, zigeunern.

Обратимся к конкретной интерпретации некоторых из представленных языковых образцов.

Polnische Wirtschaft (salopp, abwertend) (Duden 2002: 584).

Д: *Schlamperei, Durcheinander, Unordnung.*

Э: *неряшливость, беспорядок, неаккуратность.*

ЭФ: Этот фразеологизм основывается на старом дискриминирующем предрассудке, согласно которому поляки в своих жизненных ситуациях слыли как безразличные к порядку, делающие все «спустя рукава», небрежно. Причиной тому был кризис конца XVIII в. Сейчас это выражение используется в качестве синонима для выражения «экономический кризис» и может обозначать экономическое положение любой страны или города, что свидетельствует о нейтрализации этнонимической семы в слове «polnisch». Таким образом, эта лексема является вербальным воплощением знания исторического прошлого.

С: словосочетание.

К: социально-экономические отношения.

Jmdm. einen Russen aufbinden (ugs., selten) (R: 1265).

Д: *jmdn. belügen; ihm unwahres als glaubhaft ausgeben.*

Э.: обманывать кого-л., представлять ложь в качестве правды, выдавать что-л. за правду.

ЭФ: Фразеологизм зафиксирован после 1945 г. в Лейпциге как производное фразеологизма *jmdm. einen Bären aufbinden*, потому что медведь является животным-символом России. Этот фразеологизм изначально является прецедентным, как так он возник в результате метафорического переноса с «медведя» как неотъемлемой части русской культуры на самого русского человека. На примере этого фразеологизма можно говорить о функциональной этимологии.

С: словосочетание.

К: 1) культура, 2) поведение.

Jemandem den Schweden wünschen (R: 1438).

Д: *einem größtes Unglück wünschen.*

Э: быть злорадным, желать несчастья, неудачи.

ЭФ: В данном фразеологизме мы выделяем когнитивную «поведение». Она сформировалась в результате столкновения в Тридцатилет-

ней войне двух наций, в которой шведы разгромили Германию.

С: Скопус фразеологизма *Dass dich der Schwede!* представляется жесткой обусловленностью псевдопридаточного предложения.

К: политика.

Arbeiten wie ein Kümmeltürke (ugs.) (DUW 1996: 973).

Д: *schwer arbeiten*.

Э: надрываться; работать, не покладая рук.

ЭФ: Политически некорректное (ущемляющее национальные качества) выражение, употребляемое по отношению к туркам, в первую очередь проживающим в Германии. Выражение появилось в XVIII в. и относилось к турецкому студенту, жившему вблизи университета. Местность вокруг, где возникло это выражение, называлось раньше шутливо *Kümmeltürkei* «укропная Турция», так как там выращивалось много укропа, и студенту приходилось много и тяжело работать.

С: словосочетание.

К: образ жизни.

Englisch einkaufen (kaufen) (К: 208).

Д: *diebisch sein, betrügerisch handeln*.

Э: красть, воровать, заниматься воровством, быть вороватым, провороваться.

ЭФ: Многие немцы не любят англичан. Антипатия проявилась с новой силой в конце XIX в. — начале XX в. во времена бурской войны (1899-1902) как результат колониальной политики Англии. Англию упрекали в том, что она купила свои колонии «по-английски», то есть путем аннексии. После 1945 г. у немцев был повод припомнить это, что дало новую жизнь этому фразеологизму.

С: словосочетание.

К: политика.

Фрагментарно представленный когнитивный анализ фразеологизмов и лексем с этнонимическим компонентом как «двуплановых знаков» указал на реализацию ими двух разных типов знаний о мире, зафиксированных на различных когнитивных уровнях — уровне внутренней формы и уровне актуального значения, вместе образующих единое когнитивное пространство. Заключение в них знание может быть представлено в виде отдельных «информационных блоков» — когнитивных. Используемая в работе как операциональная единица анализа когнитивная помогает перейти с первичного семантического уровня в иную плоскость — когнитивную, которая переводит единицу на иную сте-

пень обобщения (концепт), не привязанную к изолированной лексической единице. В результате когнитивного анализа фразеологических единиц с этнонимическим компонентом удалось выявить следующие когнитемы: поведение, образ жизни, характер, культура, политика, внешность, цвет кожи, место происхождения, чужой язык, род деятельности, уровень жизни.

На примере формирования прецедентного значения во фразеологических единицах с этнонимической семой мы проследили взаимозависимость коллективного общекультурного и индивидуального опыта познания и подтвердили, таким образом, тезис о существовании лексического вида прецедентности.

Изучение производных этнонимов в немецком языке как обширной совокупности языковых знаков подтвердило также, что в основе их отнесения к прецедентным единицам языка лежит классифицирующий когнитивный признак «прецедентность», который обусловлен существованием когнитемы как результата реализации разных типов знания и опыта человека. Кроме того, исследование выявило возможность определения степени прецедентности, как в примере *jmdm. einen Russen aufbinden*.

Перспектива исследования видится в нескольких ракурсах, один из которых ориентирует на исследование этнического семантического компонента в трансформированных фразеологизмах.

5.2. Грамматическая метафора

Объектом данного этапа исследования также является языковая образность. Приверженцы традиционного «риторического» критицизма не нашли бы здесь потенциальных возможностей для анализа, так как речь пойдет о грамматической образности. В нашу задачу входит показать плодотворность метафоры (в широком смысле) в грамматике, которая не должна уступать подобным изысканиям в области литературной критики и может послужить почвой для не менее значимых выводов, что обуславливает актуальность предлагаемой научной дискуссии.

Стереотип мышления носителя языка, не являющегося лингвистом, интуитивно связывает термины «метонимия» и «метафора» с фигурами речи. Только специалист может соотнести эти понятия с грамматикой, и неслучайно, потому что все грамматические структуры являются схемами концептуализации действительности, и, с легкой руки Е. И. Шендельс, их называют сегодня «своеобразной метафорой» (Шендельс 2006; Кузнецов 2007).

Общеизвестно, что когнитивная репрезентация базируется либо непосредственно на перцептивном опыте, либо косвенно на механизме концептуальной метафоры. Первый путь как мотивационный базис для грамматической репрезентации исключается, так как сама ее абстрактная природа исключает любое прямое закрепление знания в перцепции. Следовательно, грамматические репрезентации уже изначально мыслятся как метафорические.

Существенной для метафорической грамматики предстает теория «телесности» П. Дина, последователя Д. Лакоффа (Deane 1992). Суть теории заключается в том, что опыт обращения человека со своим телом или его частями в пространстве является мотивационным базисом для возникновения метафор, иначе говоря, схематизация этого опыта служит основанием для его переноса на абстрактные понятия. Так, «прямотостояние» человека и соответствующие этому положению отвесные лестницы, дома и пр. при абстрагировании от конкретных образов формируют при абстрагировании от конкретных образов схему вертикали, по которой цены могут «повышаться» или «понижаться», например, *Preise rauf- / runtergehen; die Temperatur steigt an / sinkt; die Heizung dreht man auf / ab*. Отклонения в весе тела от нормы фиксируются нашим сознанием как *Über- / Untergewicht*. Все, что связано с «увеличением», по схеме вертикали идет «вверх», с «уменьшением» — «вниз» (Hübler 2001).

Мотив «телесности» выводит на когнитивную концепцию тесной связи между «языковым» и «пространственным» в трактовке синтаксических отношений. Грамматическое знание и пространственный опыт, по П. Дину, мыслятся как изоморфные, воспроизводимые на общем уровне абстракции. Так появились в немецком синтаксисе концепты *An-, Bei-, Neben-, Unterordnung, Anschließung; Haupt- и Nebenglieder; Haupt- и Neben- / Gliedsatz, Satzglied, Satzkopf; übergeordneter Satz, übersatzmäßige Einheit*.

Такой метафорический прием с успехом служит также при построении текста. Ср.: *oben zitierte Sätze, die weit unten vorgeführten Schemata, die rechts gezeigten Pfeile, vorstehende / nachstehende Beispiele, anschließend*; ср. в русском языке, *сочинение, подчинение, сверхфразовое единство, вышеприведенные / нижеследующие примеры* и др.

Но если грамматику в целом можно воспринимать как совокупность языковых метафорических знаков, то грамматическую метафору — как перенос и образность в грамматическом материале. Когнитивной

базой лексической и грамматической метафоры является вторичное языковое знание; для грамматической метафоры — это грамматическое знание, актуализированное в контексте. В случае с лексической метафорой перенос значения происходит в рамках разных парадигм (тематических групп), при грамматической метафоре перенос значения ограничивается рамками одной парадигмы (категориального значения).

Как результат переосмысления первичного грамматического значения грамматическая метафора (в смысле грамматическая единица) передает выводное грамматическое знание. Грамматическая метафора — результат транспозиции, под которой понимается употребление одной грамматической формы в грамматической функции другой. В своей вторично-языковой функции ее грамматический маркер приобретает другое грамматическое содержание и выражает прецедентное отношение, а, следовательно, является грамматической прецедентной единицей (Голубева 2010; 2015).

Обе сферы функционирования переосмысленных единиц (а в расширительном значении метафора отражает все случаи непрямого употребления слова (Арутюнова 1990: 296), то есть включает и метонимию) обусловлены когнитивными процессами, стоящими за метафоризацией. Имеется в виду, что ее когнитивная база формируется замещением концептов в случае с метонимией и их переносом в случае с метафорой. Понимаемые таким образом они отражают стратегии решения коммуникативных проблем и одновременно стимулируют процесс грамматикализации.

По мнению лингвистов, метафора строится на результатах метонимии (Norper, Traugott 2006: 92). Следует предположить, что фаза грамматикализации в метонимии предшествует тому же процессу в метафоре. Чтобы понять термин «концептуальная метонимия» в грамматике, рассмотрим сначала метонимию как фигуру речи. Этот троп заключается в том, что одно выражение заменяется другим на базе того, что ассоциативно между обоими существует функциональное или реальное отношение включенности, вовлеченности в одну ситуацию. Прототипическим примером может служить использование имени автора вместо его произведения, например:

(1) Ты читал Умберто Эко?

Здесь имя Умберто Эко «соприкасается», сопредельно с его произведениями. Именно на отношении включенности в один (единый) когнитивный контекст покоится концептуальная метонимия. Она реализу-

ет когнитивный процесс, в котором связываются два граничащих друг с другом концепта, как в примере (1) — концепт *Person* «лицо» и концепт *Produkt der Tätigkeit dieser Person* «продукт деятельности этого лица».

Язык изобилует метонимическими переносами, в которых коррелируют концепты, например: *Stempel* «Prägegerät» → *Stempel* «Abdruck»; *Bibliothek* «Raum zur Aufbewahrung der Bücher» → *Bibliothek* «Büchersammlung».

Проследим подобное концептуальное развитие на сочинительном союзе *und*, функция которого заключается в соединении двух конъюнктов. Под «конъюнктом» понимается синтаксическая единица. Семантические сущности, передаваемые конъюнктами, называются «коннектами» (Pasch, et al. 2003). Конъюнкты могут выражаться словами, словосочетаниями, например, *kurz und bündig, in einer großen hektischen Stadt und einer kleinen dörflichen Siedlung*. Конъюнкт может передаваться пропозицией и выражаться предложением. В таком случае два конъюнкта связываются «коннектором». О критериях отнесения союзных слов к коннекторам (Ibid.). Сравним:

(2) *Die Mutter ging zum Markt und kaufte frisches Gemüse.*

Ср. далее: *Пошла муха на базар и купила самовар.*

Функция союза *und* (*u*) называется аддитивной, или функцией связывания; значения коннектов следует рассматривать как инстанции единой общей инстанции упорядочивания (Lang 1977). Этот тезис предпосылает сложный концептуальный анализ союза *und*.

В приведенных предложениях выражаются две сущности (два действия): 1. *Die Mutter ging zum Markt* (Пошла муха на базар). 2. *Die Mutter kaufte frisches Gemüse* (Муха купила самовар).

Союз *und* в примере (1) кроме названия двух действий (поход на базар и покупка овощей) обеспечивает еще два блока дополнительной информации:

- 1) оба эти действия следуют друг за другом;
- 2) мама пошла на базар, с целью купить свежих овощей (то есть, свежие овощи были куплены на базаре).

Расширение информации 1) и 2) обусловлено имеющейся у нас когнитивной базой — восприятием мира и способом категоризации действительности. Когнитивную базу мы проецируем на порядок следования, в котором представляется информация в виде временной последовательности: сначала мы идем на базар, а там потом покупаем овощи. Временную последовательность мы интерпретируем тоже не

случайно, поскольку предполагаем, что первое действие ведет ко второму, иначе говоря: мама пошла на базар, чтобы купить овощи.

Таким образом, концепт «порядок следования» в процессе нашего мировосприятия связан с концептом «временная последовательность». Если мы видим на прилавке книжной ярмарки много книг, то понимаем, что они были выложены одна за другой. Концепт «временная последовательность» неизбежно граничит с концептом «цель», потому что книги выкладывают среди прочего с целью предложить их на продажу (продать).

Знания, содержащиеся в 1) и 2), проецируются в приведенном выше примере (1) на союз *und* и связаны с его основным значением, а также друг с другом метонимически. Так как эти знания, заключенные в концепты, граничат друг с другом, то они находятся в синтагматических отношениях по отношению друг к другу:

Порядок следования → Временная последовательность → Цель.

Эти образцы восприятия мира говорящие используют в речепроизводстве. Они «препарируют» свое высказывание таким образом, что слушающие, которые используют те же самые концептуальные образцы, интерпретируют их правильно. Говорящие рассчитывают на то, что слушающие прибегнут к той же линейной проекции построения концептов. Возможную нелогичную последовательность событий говорящие могут эксплицировать лишь отрицанием типа «Мама пошла на базар и купила свежие овощи. Но эти действия происходили в обратном порядке», то есть метаязыковым способом.

Объем «обогащенной» благодаря когнитивным проекциям 1) и 2) информации, содержащийся в примере (1), явно выходит за рамки семантики, то есть словесного, не зависимо от контекста значения отдельных слов. Любой союз указывает на то, что оба конъюнкта существуют (Meibauer 1999: 33). Так, в словосочетании *Land und Leute* союз *und* сигнализирует связь между двумя конъюнктами — *Land* и *Leute*. Но в случае с союзом *und* его грамматическое значение (а также грамматическая функция) не ограничивается союзностью (связующей функцией). Дополнительная информация (порядок следования и цель) — это умозаключения слушающего. Их называют конверсациональными импликациями (Grice 1989). Они извлекаются из контекста по примеру 1) и 2). В отличие от словесного значения они могут быть в любой момент сняты.

В примере (1) союз *und* служит своего рода проекционной пло-

щадкой для конверсациональных импликатур, потому что он, хотя и сигнализирует соединение, но недостаточно информативен. Такие извлеченные дополнительные информации, как в (1), создают прагматическую надстройку, способствуют прагматическому усилению союза (Traugott, König 1991: 209).

Когда метонимические процессы привели к новому прочтению значения, в «игру» вступает категориальная метафора. Это второй когнитивный процесс в рамках грамматикализации. В риторике метафорические отношения покоятся на ассоциациях подобия при сравнении денотатов. В целом же метафора представляет собой сжато выраженное подобие, но отличается тем, что подобие предлагает нам сравнение с сущностью, которую мы хотим изобразить, в то время как метафора стоит вместо самой вещи (Квинтилиан 1834, 8).

С когнитивной точки зрения, метафоризация — основная ментальная операция, способ познания и объяснения мира — связана с процессом отражения и обозначения нового знания через старое (Маслова 2004: 11). Возьмем, например, образное высказывание «*Es splintern die Säulen ewig grüner Paläste*» (Goethe 1967: 260), но едва ли кто из немцев скажет: *Die Fichten des Waldes splintern wie Säulen*. Употребление метафор расценивается как «знак» способности / таланта говорящего (Аристотель 1936).

Функция метафоры при грамматикализации заключается в том, чтобы на основании отношения подобия путем замены использовать грамматическое выражение конкретного концепта для абстрактного. Таким образом, метафоры формируют в языке конкретные, легко перерабатываемые картины мира и облегчают тем самым обозначение и понимание абстрактных явлений (Heine, et al. 1991: 45).

Рассмотрим это на предлоге *mit*:

- (3) *Der Junge öffnete die Tür mit einem Schlüssel.*
- (4) *Der Junge öffnete die Tür mit dem Fuß.*
- (5) *Der Junge öffnete die Tür mit Gewalt.*

В (3) предлог *mit* обозначает прототипический инструмент, при помощи которого совершают какое-либо действие, в (4) в качестве инструмента выступает нога. В (5) при помощи все того же грамматического средства *mit* отображается абстрактное, когнитивно-сложное содержание — «путем применения / применение определенным образом». Абстрактное значение возникло здесь из-за того, что в синтаксической конструкции *mit* + существительное вместо прототипического конкрет-

ного существительного (инструмент) употреблено абстрактное существительное. Это стало возможным, потому что все три слова *Schlüssel*, *Fuß* и *Gewalt* на морфосинтаксическом уровне «похожи». Все три существительных находятся в парадигматическом отношении друг к другу. Это сходство позволяет употребить далекий от прототипического инструмента концепт *Gewalt* в позиции существительного (инструмент). Метафора заключается в замещении прототипических менее прототипическими концептами (Bybee 2003).

Выше мы уже отмечали, что метафорическим мотивационным базисом продуктивно служит «тело человека». Б. Гейне и его единомышленники считают, что к основным когнитивным категориям, мотивирующим создание метафоры, относятся человек, объект, пространство, время (Heine, et al. 1991). Эти категории определяют наши процессы восприятия и переработки знаний. Так мы делим мир на одушевленные и неодушевленные вещи и предметы.

Например, категория «объект» служит областью-донором для области «активность / интенсивность». Такое переосмысление можно обнаружить в реализации рейнской структуры „am + substantivierter Infinitiv + sein“ (*am Lesen sein*). В предложении *Sie sitzt am Tisch* клитическая форма (*am*) соединяется с обозначением объекта *Tisch*. Но в синтаксической структуре *Sie ist am Lesen* существительное *Lesen* по функциональной аналогии — быть объектом (как *Tisch*) — выражает уже активность процесса.

Категория «активность» является в свою очередь донором для пространственных отношений. Например, в словосочетании *die hier eben beschriebenen Muster der Metapher* определение *beschriebenen* передает уже совершенную активность и мотивирует пространственное метафорическое отношение (*hier*), а пространственная концептуальная категория вызывает метафорическое переосмысление временных отношений (*eben*), на что указывает и порядок следования синтаксических элементов в словосочетании. Если данное словосочетание расширить модальным компонентом (*die hier eben ausführlich beschriebenen Muster der Metapher*), то наша концептуальная структура достигнет самой абстрактной категории «качество»: человек (лицо) (имплицативно) → объект → активность → пространство → время → качество.

Развертывание концептуальной метафорической цепочки не предполагает, однако, обязательность проиллюстрированного «соседства». Ср., например, в приведенной выше рейнской структуре прямой

переход от категории «объект» к категории «активность». Главный принцип заключается в том, что это развертывание происходит всегда от конкретного концепта к абстрактному концепту и слева направо.

Таким образом, мы проследили реализацию двух когнитивных механизмов в грамматикализации — метонимию и метафору. Первая работает на синтагматическом уровне между граничащими друг с другом концептами, вторая ведет, напротив, к замещению знаков, которые находятся в парадигматических отношениях друг с другом. Метафорические (в широком смысле) единицы — это грамматические формы или средства выражения переосмысленного, то есть прецедентного, грамматического значения в рамках одной категории, языковые единицы представления когнитивных трансформов, значение которых выводится из суммы значений формы и контекста.

Заключение

Вышеизложенные размышления позволили осмыслить производность языкового процесса, представленного ранее в рамках разных лингвистических парадигм, под другим углом зрения — с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Прецедентность обозначилась в отечественной и зарубежной германистике как универсальная и междисциплинарная проблема, которая базируется на ее общемировоззренческом значении.

Для этого возникла необходимость описания методологической части теории языковой прецедентности, важнейшим звеном которой является понятие прецедентной функции. Использование нового понятийного аппарата в рамках исследовательской парадигмы для выявления типологических характеристик прецедентных явлений, определение когнитивных и языковых механизмов их реализации ориентировано на новое понимание прецедентного знака в лингвистике. Оно дает возможность продемонстрировать новый способ моделирования лексического и грамматического знания, расширить парадигму прецедентных явлений как знаков осмысления языковой (внутриязыковой) и речевой действительности.

В ходе исследования необходимо было уточнить и размежевать ряд сопредельных понятий теории прецедентности, таких, как «прецедентный феномен» — «феномен прецедентности», «прецедентный смысл» — «прецедентное значение» и др.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода на материале немецкого языка представлен онтогенез конкретных лингвистических

фактов, который привел к интересным наблюдениям и концептуальным выводам. Отрицание, эвфемия, метафора (лексическая и грамматическая), хотя и являются разносубстратными лингвистическими величинами, но находятся в когнитивно-семантическом поле языковой прецедентности, а языковые формы и средства, реализующие их, объединены в рамках общей категории прецедентных единиц.

Предпринятое исследование подтвердило важные постулаты прецедентной лингвистики о том, что:

- 1) существование прецедентного знака лежит в области семиотики;
- 2) функционирование производных единиц — процесс прецедентного мышления;
- 3) прецедентная функция языковых единиц заключается в передаче ими прецедентного смысла.
- 4) прецедентность как концептуально-семантический признак языкового знака является показателем альтернативного пространства и динамического развития языка.

Разработанная научная проблема не лишена перспективы исследования. Реестр лингвистических фактов для описания их прецедентного характера может быть расширен. Для их лингвистического анализа могут быть использованы другие специальные дискурсы и другие языковые аспекты как наиболее рельефные для понимания их прецедентного характера. Кроме того, актуальным остается диахронический аспект этого лингвистического феномена, который позволит глубже раскрыть функциональную этимологию прецедентных единиц.

© Голубева Н. А.

3.2. АРХЕОЛОГИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВ

1. Этимологический словарь vs. историко-этимологический словарь?

История происхождения слова всегда находилась в фокусе профессионального интереса лингвистов, в первую очередь, лексикологов и лексикографов. За многовековой период становления языкознания как науки исторические описания слов предпринимались многими лингвистами как фрагментарно, так и системно, охватывая различные хронологические периоды истории того или иного языка, затрагивая в целом словарный состав языка или какую-либо его часть. Кропотливый труд исследователя в ряде случаев завершался появлением этимологического словаря, нацеленного на разъяснение происхождения включенных в него слов.

Этимолого-семантическим исследованиям праславянского и русского словарного фонда в разные годы уделяли серьезное внимание Шимкевич («Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими славянскими нарѣчїями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками»), Миклошич («Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen»), Горяев («Сравнительный этимологический словарь русскаго языка»), Преображенский («Этимологический словарь русского языка»), Фасмер («Russisches etymologisches Wörterbuch»), Трубачев («Этимологический словарь славянских языков», вып. 1 и след.), Шустер-Шевц («Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache»), Цыганенко («Этимологический словарь русского языка»), Шанский («Краткий этимологический словарь русского языка»), Черных («Историко-этимологический словарь современного русского языка»), Семенов («Этимологический словарь русского языка»), Крылов («Этимологический словарь русского языка»), Шапошников («Этимологический словарь современного русского языка») и др.

В ряду изданий, посвященных изысканиям в области праславянской этимологии, нельзя не упомянуть «Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae paleoslovenicae)», «Etymologický slovník slovanských jazyků», «Słownik prasłowiański», «Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon» Дерксена.

Осознание значимости лексикографирования русской региональной лексики с этимологической и историко-этимологической точек зрения привело к появлению целого ряда статей, в которых были пред-

ставлены проекты словарей, назначением которых является описание словарного состава говоров и диалектов. К числу таких лексикографических проектов можно отнести концепции «Этимологического словаря русской (в основном сибирской) экспрессивной лексики» Шарифуллина (1994), «Этимологического словаря севернорусских говоров» Герда (1996), «Словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах русского Севера» Матвеева (1996), «Этимологического словаря русских диалектов Сибири» Аникина (2000) с привлечением заимствованного лексического материала из уральских, алтайских и палеоазиатских языков, «Тематического этимологического словаря русских говоров Северо-Запада» Мызникова (2003), в который включены финно-угорские, балтийские и тюркские заимствования, и др. Некоторые из этих проектов были частично или полностью реализованы, к примеру, «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая», вып. 1: А-Б (2007); под ред. Шелеповой, «Словарь русских говоров Алтая» (1993-1998); под ред. Воробьевой и Ивановой. Иные пока находятся в стадии лексикографического воплощения.

Примером историко-этимологического словаря, относящегося к сфере частной, или специальной, лексикографии, может служить «Историко-этимологический словарь преступного жаргона» Зугумова (2015). Объектом лексикографического описания в словаре, как следует уже из его названия, является асоциальная лексика языка.

Этимология словарного состава английского языка становилась предметом исследования и последующей репрезентации в таких значимых с лексикографической точки зрения словарях, как «A Concise Etymological Dictionary of the English Language» Скита, «An Etymological Dictionary of Modern English» Уикли, «A Short Etymological Dictionary of Modern English» Партриджа, «Oxford Dictionary of English Etymology» Онъонза, «Chambers Dictionary of Etymology» Барнхарта, «The Concise Oxford Dictionary of English Etymology» Хэуда, а также пока единственный в своем роде отечественный «Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры» Маковского.

Немецкий словарный фонд этимологически и исторически наиболее последовательно был описан в словарях «Deutsches Wörterbuch» братьев Гримм, «Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache» Клюге, «Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes» Пауля, «Historisch-etymologisches Wörterbuch

der deutschen Sprache. Vorbemerkung und Probeartikel», «Etymologisches Wörterbuch des Deutschen» Пфайфера, «Duden-Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache», «Deutsches Etymologisches Wörterbuch» Кёблера, «Этимологический словарь современного немецкого языка» Маковского и др.

Прагерманский словарный фонд нашел свое лексикографическое отражение в словарях «Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen» Фика, «Indogermanisches etymologisches Wörterbuch» Покорного.

Разумеется, список перечисленных выше источников ни в коей мере не претендует на полноту и далек от своего завершения. Перечисление разноязычных лексикографических источников этимологической направленности не имеет своей целью показать, каких успехов в своей области добилась наука о теории и практике составления словарей, поскольку в противном случае список оказался бы гораздо более пространным и убедительным. Само по себе простое перечисление словарей вообще имело бы мало смысла, если бы не два очевидных, на наш взгляд, вывода, к которым можно прийти на основании изучения словарей из приведенного выше списка: (1) анализ микроструктуры словарей свидетельствует о некотором смещении жанров в некоторых из них (этимологическая информация vs. историко-этимологическая информация); (2) подавляющее большинство этимологических словарей нацелено на описание происхождения лексики общего языка или его региональных вариаций.

Относительно первого вывода. Как известно, назначение этимологического словаря состоит в том, чтобы информировать читателя об этимологии (происхождении) слова. При этом, по справедливому замечанию Варбот,

«совокупность сведений, доступных исследователю при этимологизации одного какого-либо слова, даже в принципе не может быть исчерпывающей, поскольку не сохраняется свидетельств о точном времени появления слов..., равно как не фиксируются все этапы их изменений» (Варбот 1993: 4).

Оставляя за скобками неполноту, гипотетичность, а в ряде случаев, и частичную неверифицируемость этимологической информации о слове, отметим только, что именно к ней одной и сводится основная функция словаря соответствующего типа вне зависимости от того, чью именно аргументацию — собственную или с опорой на мнение других

исследователей — предпочитает составитель.

В отличие от этимологического словаря историко-этимологический словарь реализует, как минимум, две функции, в числе которых уже упомянутое выше информирование о происхождении слова, а также изложение истории соответствующего письменного словоупотребления и возможных изменений формы и значения слова на различных этапах его бытования. Можно рассуждать о степени полноты информации о происхождении слова в историко-этимологическом словаре, однако этот вопрос в значительной мере решается составителем словаря с учетом его собственных лексикографических предпочтений и интересов круга пользователей, которым предназначен тот или иной словарный продукт. Неслучайно, поэтому, Пфайфер, выступая одним из разработчиков концепции историко-этимологического словаря немецкого языка, с самого начала озаботился поиском ответов на потенциальные и крайне важные, с его точки зрения, вопросы наивного пользователя: (1) каково происхождение данного слова, и когда оно появилось в родном языке?; (2) с какими словами родного языка и других языков оно связано?; (3) какое значение этого слова следует считать первоначальным, т.е. наиболее древним? (Pfeifer 1977: 1). Если первые два вопроса вполне укладываются в рамки задач, стоящих перед традиционной этимологией и составителями этимологических словарей, то третий вопрос существенно эти рамки расширяет, заставляя разработчиков апеллировать к области лексической семантики в ее историко-хронологическом аспекте. И это при том, что историко-этимологический словарь не заменяет собой словарь толковый. Однако справка о слове в словаре такого типа не может не включать информацию о семантике лемматизированного слова, ее развитии (расширении или сужении) с диахронической точки зрения, семантических связях леммы со словами как родного языка, так и других языков — источников лексических заимствований в родной язык. Описание семантики слова в толковом словаре (в форме определения, толкования, дефиниции и т.п. в зависимости от того, какое именно слово подлежит такому описанию) отлично от аналогичного описания в словаре историко-этимологической направленности. Отличия касаются, прежде всего, объема (минимизация семантической информации), формы (как правило, конкретной и избегающей излишних обобщений), а также содержания (оно всегда обращено к фоновым знаниям пользователя).

Возвращаясь к выводам, сделанным в ходе сопоставления микро-

структуры обследованных этимологических и историко-этимологических словарей, хотелось бы проиллюстрировать конкретными примерами отмеченное выше некоторое «смешение жанров».

Классическим образцом этимологического словаря, содержащего в целом информацию только этимологического характера, можно признать словарь Фасмера. Ограничения, в первую очередь, те, что касаются содержательной стороны толкований представленных в словаре лексических единиц и объема словника, к которым прибегнул сам автор в ходе работы над словарем, он объяснил в «Послесловии» разрастанием материала «до угрожающих размеров» и отсутствием времени на обработку огромного массива этимологических данных, полученных исследователями после 1949 г. (Фасмер 1996, I: 13).

В некоторых других из обследованных словарей этимологическая справка дается в расширенном виде за счет введения в тело словарной статьи историко-хронологических данных о возникновении слова.

В качестве примера приведем словарную статью «Существительное» из словаря Цыганенко:

«СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (имя) «часть речи, обозначающая предметы — носители признаков» (лингв.). Данный термин впервые употреблен в «Грамматике» М. Смотрицкого (1619 г.). Он представляет собой морфемную кальку лат. substantivum (nomen). Лат. substantivum является производным от глаг. substāre «быть в наличии», «существовать», где sub- «нахождение внутри» и stāre «стоять» (см. *статья*²). Для калькирования использованы ст.-сл. основа слова **существ-** слова **существовать**, сложный суф. **-ительн-** (как *строительный*) и оконч. **-ое...**» (Цыганенко 1989: 416).

Аналогичный способ предъявления информации о лемматизированном слове используется в Chambers:

«capriccio (kəprɛ'chēō) *n.* lively piece of music. 1696, earlier meaning “caprice”, in Shakespeare’s *All’s Well that Ends Well* (1601); borrowed from Italian *capriccio* CAPRICE» (Chambers 2008: 142).

Приведенные примеры иллюстрируют если не «смешение жанров», то, во всяком случае, некоторое различие в подходах к описанию лексики, приводящее к размытию границ между этимологическими и историко-этимологическими словарями.

Второе наблюдение связано с тем, что объектом описания в этимологических и историко-этимологических словарях, как правило, выступает лексика общенародного языка, вбирающая в себя помимо слов

общей семантики диалектизмы и регионализмы, или же лексика, относящаяся только к двум последним упомянутым стратам. Исключением выглядит на этом фоне историко-этимологический словарь Зугумова, содержащий криминальный жаргон, используемый деклассированными представителями социума. Это обстоятельство позволяет отнести лексикографический труд Зугумова к области специальной лексикографии. Историко-лингвистические работы такого рода появляются крайне редко и тем более ценными представляются они в аспекте обогащения лексикографической теории и практики новыми методами описания специализированной лексики.

2. Этимологическая справка как элемент описания лингвистической терминологии в словарях различного типа

Лингвистическая терминология как базовый элемент метаязыка, используемого лингвистами в целях описания общего языка, не единожды становилась объектом как терминографического, так и лексикографического (в широком смысле слова) описания.

Терминографическое описание лингвистической терминологии обыкновенно представлено в одноязычных терминологических словарях, которые предлагают читателю дефиниции лингвистических терминов. Информация об источниках и времени возникновения слов-терминов, относящихся к этому весьма специфическому пласту лексики, либо вообще отсутствует, либо ограничивается здесь в основном информацией о языке — источнике заимствования и иногда об этимоне слова-термина.

В качестве примера приведем отрывок из словарной статьи «Артикль» из словаря справочника Розенталя и Теленковой:

«**АРТИКЛЬ** (*франц.* article от *лат.* articulus — член). Служебное слово (частица) в некоторых языках при именах существительных для выражения их употребления в определенном или неопределенном значении» (Розенталь, Теленкова 2001: 30).

Еще один пример подобного рода, взятый из словарной статьи «Anakoluth» в словаре Левандовского:

«**Anakoluth** (*griech.* ἀνακόλουθον). Satzbruch, grammatisch unkorrekte Satzfortführung, Wechsel des Satzplans bzw. der Satzkonstruktion während des Sprechens (oder auch Schreibens)...» (Lewandowski 1990, I: 57).

В толковых и энциклопедических словарях общего типа лингвистические термины описываются в сжатом (сокращенном) виде, повторяя содержание дефиниций, приводимых в специализированных тер-

минологических словарях. В состав такого описания нередко включается краткая информация о происхождении термина.

Приведем несколько примеров.

«**СУБСТРА́Т** (от ср.-век. лат. *substratum* — подстилка, основа), <...> 3) В языкознании — язык населения, первоначально обитавшего на данной территории» (ИЭС 1997: 667).

«**suffix** \ˈsəfɪks\ *n* ES [NL *suffixum*, fr. L, neut. of *suffixus*, past. part. of *suffigere* to fasten underneath, fasten to, fr. *sub* + *figere* to fasten — more at DIKE] 1. an affix occurring at the end of a word, base, or phrase — compare prefix...» (Webster 1993: 2285).

«**Slang**, der; -s, -s [slän] <engl.> **1.** abwertend *nachlässige, oft fehlerhafte Umgangssprache, bes. im Englischen* : S. sprechen. **2.** *Ausdrucksweise bestimmter sozialer und beruflicher Gruppen* : der S. der Mediziner; die Artisten unterhielten sich in ihrem S.» (WDGS 1980, V: 3440).

Очевидно, что одноязычные словари общего типа едва ли могут служить источниками, в которых справочные данные о происхождении терминов языкознания предъявляются в исчерпывающем виде. Кроме того, лингвистическая лексика в силу своей специализированности и терминологичности не может быть включена в словари общего типа в полном объеме, поскольку это противоречило бы целям, задачам и принципам их составления. В словарях практически всех типов историко-этимологическая информация о лингвистических терминах может быть собрана и систематизирована едва ли не по крупицам.

Сделанные наблюдения приводят к мысли о целесообразности составления историко-этимологического словаря лингвистической терминологии, общую концепцию которого автор статьи в общих чертах попытался сформулировать и описать ниже.

3. Лексикографическая концепция историко-этимологического словаря лингвистической терминологии

Уровень развития культуры и науки любого этноса в значительной степени воплощен в его языке, поэтому практически любой словарь к моменту своего создания выступает в качестве материального носителя некоторого, систематизированного на тех или иных основаниях, объема общей или специализированной информации, отражающего этот уровень. Историко-этимологический словарь лингвистической терминологии (далее — ИЭСЛТ) едва ли окажется в этом смысле исключением за вычетом одного обстоятельства: его целью является описание лексического инструментария лингвистики в исторической динамике, поэтому представление словарного материала носит многоуров-

невый с точки зрения хронологии характер.

Причиной, побудившей автора обратиться к разработке концепции ИЭСЛТ и составлению пробных статей, стала уже упомянутая выше неполнота и отрывочность этимологических сведений, проливающих свет на историю возникновения терминологии языкознания. Значительная ее часть создавалась при непосредственном участии или под влиянием работ ученых античности и средневековья. Зримым отражением этого деятельного терминотворческого участия стал целый пласт специализированной языковедческой лексики греко-латинского происхождения, вошедшей в словарный фонд многих европейских языков. Это обстоятельство определило выбор языков словаря, лексический материал которых является объектом параллельного лексикографического описания: русского, английского и немецкого. Иначе говоря, под одной обложкой оказываются три этимологических словаря. Этот авторский замысел имеет как свои преимущества, так и изъяны.

К преимуществам такого представления терминологического материала можно отнести возможность параллельного культурно-исторического, хронологического, этимологического и структурно-семантического сопоставления лексики разных европейских языков, возможность выявления научных (а в более широком контексте — и культурных) связей между исследуемыми языками и их конкретными носителями в ту или иную историческую эпоху.

Наглядным примером такой связи может служить, скажем, перевод на немецкий язык «Российской грамматики» Ломоносова, увидевшей свет в 1757 г. и изданной в 1764 г. на немецком языке в переводе Ставенхагена. Сам по себе этот перевод (не говоря о тесных научных связях между русскими и немецкими учеными) интересен тем, что содержит лингвистическую терминологию, которая в тот момент уже вошла в немецкий научный обиход и в XVII-XVIII вв. широко использовалась языковедами.

Интересной представляется в связи с этим терминологическая история слова *тон* (нем. *Ton*, англ. *tone*). Как известно, это слово было взято в современные европейские языки из древнегреческого языка через посредство латинского. В немецком лексиконе оно появилось как прямое заимствование из латыни и существовало в древневерхне-немецком период в латинизированной форме *tonus*. В первой половине XIII в. зафиксировано его употребление миннезингером Ботенлаубеном

в значении ‘звук’, ‘голос’ («...mit dœnen und mit guoter rede»¹). Около 1272 г. слово обогатилось у Шарфенберга значением ‘язык’ («grâl benennet in engelschem dône»²), со второй половины XV в. оно встречалось в разных значениях применительно к слову в его звуковой форме, а в XVII-XVIII вв. широко употреблялось немецкими грамматиками в качестве онемеченного варианта латинского слова *accentus*, который мог функционировать как отдельно, так и в качестве определяемой части в сложных словах типа *Satzton*, *Wortton*, *Hauptton*, *Nebenton* и т.п. (Paul 2002: 54).

В переводе «Российской грамматики» Ломоносова слово *Тон* было использовано Ставенхагеном среди прочего как эквивалент русского слова *ударение* (LSG 2009: 1500). Сам же Ломоносов предпочитал применять исконный термин *ударение* («Разностию возвышенія и униженія составляетя удареніе, когда въ реченіи одинъ складъ или два выше другихъ голосомъ восходятъ»³) или в редких случаях его латинский эквивалент *акцент* («о перемѣнѣ акцента: вода, вѣды, книга, книги»⁴).

---

¹ Hagen, Friedrich Heinrich. (1838) *Minnesinger. Deutsche liederdichter des zwölften, dreizehnten und vierzehnten jahrhunderts, aus allen bekannten handschriften und früheren drucken, gesammelt und berichtet ... von Friedrich Heinrich von der Hagen*. Theil 3. Leipzig: Verlag von J. A. Barth, 40; Bechstein, Ludwig. (1845) *Geschichte und Gedichte des Minnesängers Otto von Botenlauben, Grafen von Henneberg. Mit einem Urkundenbuch und Abbildungen*. Leipzig: Georg Wigand's Verlag, 28.

² Scharfenberg, Albrecht. (1842) *Der jüngere Titurel*. Quedlinburg und Leipzig: Druck und Verlag von Gottfried Basse, 607. (Bibliothek der gesammten deutschen National-Litteratur von der ältesten bis auf die neuere Zeit, Bd. 24).

³ Ломоносов М. В. Российская грамматика Михайла Ломоносова // Полное Собрание Сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, Съ приобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ творений. Часть VI. С.-Петербургъ: Императорская Академія Наукъ, 1804. С. 18. [Lomonosov, Mikhail V. (1804) *Rossiyskaya grammatika Mikhaila Lomonosova* (Mikhail Lomonosov's Russian Grammar). In *Polnoye Sobraniye Sochineniy Mikhaila Vasil'yevicha Lomonosova, S priobshcheniyem zhizni sochinitelya i s pribavleniyem mnogikh yego nigde yeshchyu ne napechatannykh tvoreniy* (Complete Works of Mikhail Lomonosov, With Addition of the Writer's Life and of Many of His Works Which Have Not Yet Been Printed Anywhere). Part 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 18. (In Russian)]. [3rd ed.]

⁴ Ломоносов М. В. Материалы к Российской грамматике // Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. VII. / под ред. В. В. Виноградова, С. Г. Бархударова,

Слово *тон* он употреблял в значении ‘звук’, ‘голос’ («...Чтобъ стройность праздничнаго тона /.../ едина громко разносилась...»⁵). В этом же значении слово *тон* впервые зафиксировано в 1717 г. в переведенном Брюсом на русский язык сочинении «Книга мірозрѣнія» Гюйгенса.⁶

В письменных источниках на среднеанглийском языке слово *tone* появилось до 1300 г. в форме *ton* как заимствование из старофранцузского и использовалось в общем значении довольно длительное время. Но уже в 1604 г. оно встречается в форме *tone* в специализированном значении ‘интонация’, ‘ударение’, ‘акцент’ (‘a tune, note, or accent’) у Кодри в его «A Table Alphabeticall» (Cawdrey 2007: 147), а в XIX в. весьма часто употребляется в значении ‘словесное (слоговое) ударение’ (Weekley 1921: col. 1518; Skeat 1980: 562; ODEE 1966: 930; CODEE 1996: 497; Partridge 2006: 3405, 3408).

Как видим, историко-этимологическая информация уже только об одном слове-термине из области терминологии языкознания готовит широкую почву для лексико-семантических и иных изысканий сопо-

---

Г. П. Блока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 672. [Lomonosov, Mikhail V. Materialy k Rossiyskoy grammatike (Materials to Russian Grammar). In Vinogradov, Viktor V., Barkhudarov, Stepan G., & Blok, Georgiy P. (eds.) (1952) *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works). In 11 vols. Vol. 7. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 672. (In Russian)].

⁵ Ломоносов М. В. Ода на прибытіе изъ Голстиніи и на день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича 1742 года Февраля 10 дня // Сочиненія Ломоносова. В 3 т. Т. I. С.-Петербургъ: Изданіе А. Смирдина, 1847. С. 61. (Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ) [Lomonosov, Mikhail V. (1847) Oda na pribytiye iz Golshtinii i na den' rozhdeniya Yego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Velikogo Knyazya Petra Feodorovicha 1742 goda Fevralya 10 dnya (Ode to the Arrival from Holstein and to the Birthday of His Imperial Highness the Sovereign Grand Prince Petr Feodorovich, 1742, on the 10th of February). In *Sochineniya Lomonosova* (Lomonosov's Works). In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: A. Smirdin, 61. (In Russian)].

⁶ Гюйгенс Х. Книга мірозрѣнія, или Мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ, и ихъ украшеніяхъ (Christiani Hugonii Cosmotheoris sive de terris coelestibus, earumque ornatu conjecturae) / Пер. Я. В. Брюс. С.-Петербургъ, 1717. С. 141. [Huygens, Christiaan. (1717) *Kniga mirozreniya, ili Mneniye o nebesnozemnykh globusakh, i ikh ukrasheniyakh* (Christiani Hugonii Cosmotheoris sive de terris coelestibus, earumque ornatu conjecturae) (The Celestial Worlds Discover'd, Or, Conjectures Concerning the Inhabitants, Plants and Productions of the Worlds in the Planets). Trans. by Ya. W. Bruce. St. Petersburg, 141. (In Russian)].

ставительного характера.

Еще одним преимуществом параллельного разноязычного представления словарного материала оказывается возможность познакомить читателя с историей латинского или греческого этимона, который вошел в новые европейские языки и отразился в них во множестве форм и значений. В одном заимствующем языке этимон мог остаться прямым заимствованием и сохранить свой первоначальный облик, а иногда и значение, в другом же, став поначалу заимствованием, подвергнуться с течением времени воздействию языка-реципиента, изменить под его влиянием форму или значение, а в некоторых языках и обзавестись своеязычным дублетом.

Очевидным, но, с учетом выбранного способа представления материала, трудноустранимым изъяном при параллельной разноязычной презентации описываемой лексики становится объем словаря, который, как и в случае со словарем Фасмера, рискует принять «угрожающие размеры».

Лексикой греко-латинского происхождения, разумеется, не исчерпывается предполагаемый состав словника ИЭСЛТ, поскольку в него должна быть включена исконная терминология, требующая несколько иного обхождения в ходе ее историко-этимологического описания. Опора на общность происхождения в этих случаях оказывается невозможной, поэтому структура словарной статьи будет уже несколько иной.

Кроме того, право на вхождение в состав словника имеют исконные термины, которые могут не иметь точных переводных эквивалентов в других языках. Зачастую такого рода терминология сейчас является устарелой, но в историко-этимологическом аспекте ее ценность неоспорима. В этом случае отступление от канонической микроструктуры, принятой в словаре, может оказаться еще более значительным. Примером такой терминологии может служить слово *словоударение*, использованное в 1852 г. Аксаковым в его воспоминаниях о встречах с Державиным.⁷

Историей слова, как одним из периодов его жизни, не исчерпы-

---

⁷ Аксаков С. Т. Знакомство съ Державинымъ // Полное собраніе сочиненій. Томъ третій. С.-Петербургъ: Изданіе Н.Г. Мартынова, 1886. С. 237. [Aksakov, Sergey T. (1886) *Znakomstvo s Derzhavinym* (Acquaintance with Derzhavin). In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works). Vol. 3. St. Petersburg: N. G. Martynov, 237. (In Russian)].

вается вся информация о слове и его бытовании в языке. Второй, не менее важной стороной, выступает этимология слова. Этимологическая информация в ИЭСЛТ дается с опорой на сделанные ранее изыскания в этой области, отраженные в этимологических словарях и исследованиях. В отношении греко-латинских заимствований в новые европейские языки разногласия у исследователей возникают редко, поскольку происхождение такого рода слов-терминов, как правило, представляется очевидным, хотя роль и участие языков-посредников в этом процессе может оцениваться по-разному. К примеру, упомянутое выше слово *тон*, как полагают Горяев, Фасмер, Шапошников и др., заимствовано в русский язык через посредство немецкого или французского языков, в то время как Цыганенко считает, что речь идет о прямом заимствовании из латыни, которое со временем утратило окончание и приобрело известную сейчас форму.

Этимология исконных слов, получивших терминологический статус, как представляется, должна даваться с опорой на авторитетные источники, в первую очередь, этимологические словари. При разности точек зрения этимологов относительно происхождения того или иного слова целесообразно знакомить читателя с существом этих разногласий. Автор полагает, что едва ли в области этимологии лингвистических терминов могут быть совершены какие-либо открытия, поскольку эта сфера изучена в достаточной мере. Основная задача видится здесь в том, чтобы собрать и систематизировать в ИЭСЛТ уже имеющуюся информацию о происхождении этих терминов.

В нескольких словах следует описать принципы расположения заглавных слов с ИЭСЛТ и его микроструктуру. Статьи словаря следуют гнездовому принципу представления лексического материала. Статья, посвященная описанию какого-либо слова, включает и его производные, сохраняющие словообразовательные связи с производящей основой. Гнездовой принцип успешно применялся в этимологических словарях Преображенского и Черных, поскольку он позволяет расширить представление читателя о происхождении интересующего его слова, его структуре и словообразовательных возможностях. Для облегчения работы с лексическим материалом целесообразно ввести в структуру словаря терминологические индексы на русском, английском и немецком языках. В ходе дальнейшей работы с материалом необходимыми могут оказаться также индексы латинских и греческих терминов.

Статья открывается вводным разделом, содержащим граммати-

ческую информацию о производящем слове, которая позволяет избежать путаницы в определении грамматического статуса омонимичных форм. Особенно актуально это в отношении английского языка.

Далее следует блок информации о значении производящего слова. В нашем случае речь идет о дефинициях терминов. Это несколько необычно для этимологического словаря, однако представляется неизбежным, поскольку значения, казалось бы, эквивалентных с точки зрения перевода терминов в разных языках не всегда могут совпадать. Кроме того, значения слов-терминов со временем уточняются, конкретизируются, а иногда изменяются. Подобные модификации можно наблюдать на примерах постепенной терминологизации слов общего языка. При описании значений производящих и производных слов существенной представляется актуализация межстатейных связей, позволяющих соотнести значения терминов в каждом из сопоставляемых языков. С этой целью используются перекрестные отсылки к другим словам, снабженные значком ↑.

Основной раздел словарной статьи, посвященный производящему слову, состоит из двух частей, первая из которых включает информацию об истории слова, отражающую его фиксацию в том или ином значении в письменных источниках, как правило, с указанием автора и датировкой такого источника. Если источник издавался несколько раз, ссылка может быть сделана на любое переиздание, равно как и авторская цитата может быть взята из любого переиздания, однако при ссылке на такое переиздание обязательной является датировка первичного источника, в котором впервые зафиксировано искомое слово.

Источники условно разделяются на две группы, соотносимые с типом цитируемой литературы. Ко второй группе относятся источники справочного характера: словари, энциклопедии, лексиконы; к первой группе — все остальные. Ссылки на источники и цитаты из них располагаются в хронологическом порядке в соответствии с их отнесенностью к той или иной группе. Внутри каждой группы ссылок сохраняется своя хронология. Сначала дается информация из источников, входящих в первую группу, затем информация из словарей, энциклопедий и лексиконов, в которых искомый термин предъясняется обычно как заглавное слово.

Добавим к сказанному, что макроструктура ИЭСЛТ предполагает включение в свой состав списка всех цитированных в словарных статьях источников с полной библиографической справкой о каждом из них.

Вторая часть этого раздела, маркируемая значком ►, содержит информацию об этимологии слова со ссылками на используемые этимологические источники.

Информация, представленная в описанных выше разделах словарной статьи, не разделяется на абзацы, а дается в подбор.

В отдельном разделе статьи представлены производные слова. Способы и формы их лексикографической репрезентации аналогичны способам и формам, применяемым в отношении производящего слова.

Разноязычные блоки словарной статьи (за исключением русскоязычного) обозначены по начальным буквам языков, в состав которых входят описываемые термины: (А) — английский, (Н) — немецкий, (Л) — латинский и т.д. В каждом блоке приняты и соблюдаются единые принципы, способы и формы лексикографического представления информации.

Для суждения о происхождении слов крайне важным представляется знание межъязыковых соответствий из неродственных и близкородственных языков. Соответствующая информация приводится в заключительном разделе словарной статьи и снабжена значком ☞.

Формальное словесное описание микроструктуры ИЭСЛТ не кажется достаточным для получения исчерпывающей информации об особенностях лексикографического описания лингвистических терминов. Поэтому автор хотел бы наглядно проиллюстрировать свои рассуждения, представив две пробные словарные статьи, составленные в полном соответствии с приведенным выше описанием.

АКЦЭНТ, -а, м. — 1. Ударение в слове (= ударэние↑ в 1 знач., словоударэние↑). 2. Знак ударения (на письме) (= ударэние↑ во 2 знач.). 3. Особенности произношения, отступления от нормы в артикуляции звуков, свойственные говорящему не на своем родном языке. В знач. 'ударение в слове' слово известно главным образом с сер. XVIII в. (Черн 1993, I, 35-36). Предполож. могло быть употр. в знач. 'знак ударения' ранее сер. XVIII в. Адодуровым в его *Грамматике* (1738-1740/1741?). §§ 91-95, 99, 100 единств. русскояз. списка, в котором могло встреч. слово «акцент», утрачены и восстановлены по тексту швед. изд. Грёнинга (1750): «Знаки, которые отмечают протяжение тона в произношении, называются по-русски также акцентами» («Teknen, hwilka utmärka tonernes utwitgande i uttalet kallas i Ryskan äfwen A c c e n t e r») (Успенский 1975, 150, 160). Встреч. у Ломоносова в *Материалах к Российской грамматике* (1744-1757): «О подобии падежей и а к ц е н т о в ъ», «о перемѣнѣ а к ц е н т а: вода́, во́ды, книга, книги» (Ломоносов 1952, VII, 644, 672), в соч. *Письмо о правилахъ Россійскаго Стихотворства* в

знач. ‘ударение в слове’ и ‘знак ударения’: «... употребляль остроумный тотъ стихотворецъ <Овидий> въ стихахъ своихъ не инья, какъ только тѣ за долгіе слоги, на которыхъ а к ц е н т ъ стоитъ, а прочіе всѣ за краткіе» (ЛОМОНОСОВ 1847, I, 539; СРЯ 1984, I, 41). Употр. в 1755 г. в рукописи *Краткое ведение и историческое изыскание о начале и произведении вообще всех азбучных слов* сподвижником Ломоносова Богдановым в знач. ‘знак ударения’: «<Гражданские книги> печатаны были церковными литеррами, которые употребляются в своем виде со излишними а к ц е н т а м и и другими просодийческими знаками» (КОБЛЕНЦ 1958; СРЯ 1984, I, 41). В знач. ‘особенности произношения’ встреч. впервые в 1711 г. в записке кн. Б.И. Куракина о воспитании сына — А.Б. Куракина: «для лутчего а к ц е н т а въ Саксоніи, то есть въ Галѣ...» (*Архив князя Ф.А. Куракина* 1891, II, 356; та же дата указ. в [СРЯ 1984, I, 41; ШАПО 2010, I, 22]). Черных полагает, что это характерный для Куракина случай индивидуального словоупотребления (ЧЕРН 1993, I, 35-36). Отмеч. в 1863 г. у Даля: «усиленное выраженіе голоса на гласной буквѣ, на цѣломъ словѣ или на цѣлой речи; возвышеніе и пониженіе голоса: тономъ или звукомъ и силою, громкостію; удареніе, т.е. протяжка гласной, остановка на ней» (ДАЛЬ 1994, I, 9), у Толля: «усиленное удареніе голоса на отдѣльном слогѣ или на цѣломъ словѣ» (НС 1863, I, 56), у Черных (ЧЕРН 1993, I, 36). ► Заимств. из лат. (*accentus*) непосредственно и через франц. яз. (*accent*) (ТСРЯ 1935, I, ст. 25; СРЯ 1984, I, 41; СЕМЕ 2003). Черных полагает, что слово, вероятно, заимств. из франц. яз., «но с поправкой на латинское произношение» (ЧЕРН 1993, I, 36), Шапошников считает, что слово заимств. через нем. яз. (*Akzent*) «при вероятном влиянии на на внутр. и внеш. форму со стороны франц. *accent*, голл. *accent* и англ. *accent*» (ШАПО 2010, I, 22).

— **акцентировать** *гл. несов. в.* = ударять↑ *гл. несов. в.*, ударить *гл. сов. в.* — Ударять, выделять с помощью ударения, произносить с ударением. Отмеч. впервые в 1863 г. у Даля применительно к речи: «произносить съ удареніемъ, выразительно, понижая и повышая голосъ, усиливая или ослабляя его» (ДАЛЬ 1994, I, 9; ЧЕРН 1993, I, 36). Даль приводит устар. параллельн. гл. ф. несов. в. **акцентовѣть** (ДАЛЬ 1994, I, 9), которая без соотв. пометы включена в *Encyklopedijski rječnik lingvističkih naziva* (СИМ 1969, I, 31). ► Заимств., вероятно, через франц. яз. (ЧЕРН 1993, I, 36): рн.-франц. *accentuer* < ср.-лат. *accentuāre* < лат. *accentus* < *ad* + *cantus* < *canō*.

— **акцентóвка**, -и, *ж.* (устар.). — Система ударения. Встреч. в магистерской дис. Брандта: «Эти различія могли бы лечь въ основаніе при классификаціи системъ ударенія, или, какъ я буду ихъ называть, *акцентовокъ...*» (БРАНДТ 1880, 2). ► Лат. *accentus* < *ad* + *cantus* < *canō* + рус. -овк(а).

— **акцентоло́гия**, -и, *ж.* — 1. Раздел языкознания, изучающий природу и функционирование словесного ударения. 2. Система акцентуации. Встреч. в знач. ‘система акцентуации’ в магистерской дис. Брандта: «Боппъ въ своей *Акцентологіи* различаетъ три акцентовочные принципа...» (БРАНДТ

1880, 2). ► Лат. *accentus* < *ad* + *cantus* < *canō* + рус. -логи(я) < лат. -logia в знач. ‘наука’, ‘знание’, ‘(научная) дисциплина’ < греч. λόγος (*lógos*) в знач. ‘слово’, ‘речь’.

— **акцентуа́ция**, -и, ж. — 1. Система ударений. 2. Выделение элементов высказывания с помощью ударения. 3. Постановка ударений (в т.ч. средствами графики). Отмеч. впервые в 1863 г. у Даля: «ударение въ говорѣ, въ знач. дѣйствія» (ДАЛЬ 1994, I, 9; ЧЕРН 1993, I, 36), у Толля: «ударение въ говорѣ» (НС 1863, I, 56). ► Заимств., вероятно, через франц. яз. (*accentuation*); первоисточник — лат. (*accentus*) (ЧЕРН 1993, I, 36). Лат. *accentus* < *ad* + *cantus* < *canō* + рус. -ациj(a) < лат./франц. -tio(n).

Ⓐ **А́ССЕНТ** *n.* — 1. Ударение (б.ч. словесное или слоговое) (= *stress n*↑). 2. Знак ударения (на письме). 3. Манера (способ) произнесения (= *accentuation*↑ во 2 знач.). Встреч. в знач. ‘выделение части высказывания посредством ударения’, ‘слоговое ударение’ (‘prominence of speech or stress given to a syllable’) в переведенной Джоном де Тревиза с лат. на англ. яз. энциклопедии Бартоломея Английского *De proprietatibus rerum* (СНАМВ 2008, 6): «Tonus is the sharpnesse of voyce, and is difference and quantitie of harmonie, and standeth in a c c e n t and Tenor of voyce» (BARTHOLOMEUS ANGLICUS 1582, *De Musica*, cap. 134). Отмеч. после 1590 г. в знач. ‘знак ударения’ (‘diacritic mark indicating prominence of speech or stress’) и ‘манера (способ) произнесения’ (‘peculiar mode of utterance’) (WEEK 1921, col. 8; ODEE 1966, 7), в 1604 г. у Кодри в знач. ‘мелодия’, ‘интонация’, ‘изменение высоты голоса (тона)’ (‘tune, the rising or falling of the voice’) (САУ 2007, 46). До XVI в. употр. редко (CODEE 1996, 3). ► Англ. *accent* < ср.-франц. *accent* < ст.-франц. *acent* (в XIII в. в знач. ‘повышение голоса на слогe’ (‘*élévation de la voix sur une syllabe*’), ‘тоническое ударение’ (‘*accent de hauteur*’) [PIC 1992, 82]) < лат. *accentus* < *ad* + *cantus* < *canō* (WEEK 1921, col. 8; SKEAT 1980, 3; ODEE 1966, 7; CODEE 1996, 3; BUSS 2006, 7; PART 2006, 14; СНАМВ 2008, 6).

— **accé́nt** *vb.* = *stress vb*↑, *accé́ntuate*↑ в 1 знач. — Ударять, акцентировать, делать ударение. Отмеч. в XVI в. (ODEE 1966, 7; CODEE 1996, 3). Встреч. в 1530 г. в *Lesclarcissement de la langue françoise* у Палсгрейва: «I can nat a c c e n t a right in the latyn tonge, for my frenche tonge letteth me...» (PALSGRAVE 1852, 415; СНАМВ 2008, 6). ► Заимств. из ст.-франц. (*accenter*) < *accent* < лат. *accentus* < *ad* + *cantus* < *canō*.

— **accé́ntual** *a.* — 1. Тонический. 2. Относящийся к ударению. Отмеч. в XVII в. (ODEE 1966, 7; CODEE 1996, 3). ► Заимств. из лат. *accentus* + *-ual*. (ODEE 1966, 7; CODEE 1996, 3; PART 2006, 14).

— **accé́ntuate** *vb.* — 1. Ударять, акцентировать, делать ударение, выделять с помощью ударения (= *stress vb*↑; *accé́nt*↑). 2. Ставить знак ударения (на письме). Отмеч. в XVIII в. (WEBST 1993, 10; CODEE 1996, 3). ► Заимств. из ср.-лат. (прич. прош. вр. *accentuātus*) < *accentuāre* < лат. *accentus*; ср.: рн.-франц. *accentuer* (XVI в. в знач. ‘декламировать стих’ (‘*dire un poème*’) [PIC 1992, 82])

< лат. *accentus* (WEBST 1993, 10; CODEE 1996, 3; PART 2006, 14).

— **accentuación** *n.* — 1. Постановка ударения, акцентуация. 2. Манера (способ) произнесения (= *áccent*↑ в 3 знач.). Отмеч. в XIX в. (ODEE 1966, 7). ► Заимств. из ср.-лат. (прич. прош. вр. *accentuātus*) + *-ion* < ср.-лат. *accentuāre* < лат. *accentus* < *ad* + *cantus* < *canō* (ODEE 1966, 7; PART 2006, 14). Партридж полагает, что слово заимств. из рн.-франц. или франц. яз. (PART 2006, *Ibid.*).

Ⓜ **AKZÉNT**, *-(e)s, -e sm.* — 1. Ударение (б.ч. словесное или слоговое) (= *Betónung*↑, *Топ*↑ во 2 знач.). 2. Знак ударения (на письме) (= *Tónzeichen*↑ во 2 знач.). 3. Манера (способ) произнесения. 4. Интонация, мелодия, изменение высоты голоса (тона). Встреч. в нач. XVI в. в знач. ‘манера (способ) произнесения’ (*‘Ausspracheart’*), характеризующем в т.ч. региональные особенности произношения, у Лютера применит. к гессенскому произносительному варианту (HEWDS 1977, 41; PAUL 2002, 54, со ссылкой на ²DWB), в 1521 г. у Эберлина: «*im läsen oder außsprechen wissen sie nit rechten a c c e n t auch gemeiner wort*» (EBERLIN 1896, 60), у Бодена: «*die Vergiffter heissen φαρμακείαις, welches kein Jrthumb des Truckers ist / dann der A c c e n t erweißt das widerspiel*» (BODIN 1591, 261), в 1778 г. у Моцарта: «*Nun wirst Du ein ganzer franzos werden, und hoffentl: bedacht seyn den wahren a c c e n t der sprache Dir anzugewöhnen*» (SCHIEDERMAIR 1914, 14), у Сальери: «*Es verrathet ihn sein A c c e n t , so, wie seine Kleidung*» (SALIERI 1781, 34), у Альбрехта: «*Es wäre jetzt noch übrig, Regeln über den englischen A k z e n t , oder die Tonsetzung des Engländers zu geben*» (ALBRECHT 1784, 105). Встреч. в знач. ‘ударение’ (*‘Betönung’*) у Опица: «*ein fœmininus, welcher zue ende abschiessig ist / vnd den a c c e n t in der letzten sylben ohne eine hat*» (OPITZ 1624, 37), у Бройнера: «*Er wisse wohl, daß er in dem A c c e n t einen Fehler begangen...*» (BRÄUNER 1737, 397), в 1749 г. у Готтшеда (КНОВ 1961, II 2, 81-82) и весьма часто в его более поздних соч.: «*Hergegen reimet folgendes übel, weil die letzte Syllbe der ersten Zeile den A c c e n t nicht hat*» (GOTTSCHED 1762, 626), у Музеуса: «*...und jedes Wort derselben durch den gemäßen A c c e n t ihren Herzen einprägte*» (MUSÄUS 1760, 4), в 1767 г. у Лессинга: «*Ihr besonderer Vorzug ist eine sehr richtige Declamation; ein falscher Accent wird ihr schwerlich entwischen*» (LESSING 1970, IV, 252), в 1771 г. у Книгге: «*...denn er legte hie und da einen ganz falschen A c c e n t auf die Wörter*» (KNIGGE 1781/1783, 69-70), в муз. и лингв. знач. у Зульцера: «*In vielsylbigen Wörtern wird der grammatische A c c e n t durch den Oratorischen verstärkt oder verschwächt, oder gar aufgehoben und auf andre Sylben gelegt*» (SULZER 1771, 10), в 1786-1794 гг. у Гейнзе: «*In kurzen Sätzen kann man schon des Nachts bey Schildwachen vernehmen, die in Ernst rufen: Wer da? abgelöst! wie stark der A c c e n t auf Wer, und der Sylbe ab liegt*» (HEINSE 1903, 228), в 1795 г. у Гете: «*Über Declamation des Hexameters nach der Quantität und dem A c c e n t . <...> Die Sylbe, wo der A c c e n t steht, wird etwas gehoben und geschärft, z.B. hómmi, homínibus, etwa wie die Engländer den Consonanten in der Aussprache verdoppeln, der den A c c e n t hat. Aber der A c c e n t giebt auch*

eine gewisse Erhöhung des Tons, der ganz verschieden von der Länge und Kürze der Sylbe ist» (GOETHES GESPRÄCHE 1889/1896, VIII, 260), у Зиде: «und daß man sich <...> durch einen richtigen, ausdrucksvollen Ton und A c c e n t <...> Reiz geben könne...» (SIEDE 1797, 51). Встреч. в знач. ‘знак ударения’ (‘Akzentzeichen’) у Финкса: «Aber es muß der A c c e n t unten / und nicht oben stehen» (FINX 1690, 960). Отмеч. в словаре Рота в знач. ‘интонация’, ‘мелодия’, ‘изменение высоты голоса (тона)’ (‘Tonfall’): «das erheben oder niderlassung der stimm am reden oder singen», а также в знач. ‘знак ударения’ (‘Akzentzeichen’) при выделении на письме трех типов ударения — острого, тяжелого и облеченного (ROTH 1571), у Фриша в знач. ‘ударение’ (‘Betonung’): «Ton, tonus, der Sylben Tohn, nach der Grammatik, accentus, der A c c e n t eines Worts» (FRIS 1741, 374), у Аделунга: «...in der Sprachkunst die Erhebung der Stimme auf einer Sylbe der Ton und mit einem Lateinischen Worte der A c c e n t genannt» (ADEL 1801, IV, 624), в *Brockhaus Conversations-Lexikon*: «Der A c c e n t, a. d. Lat. die Auszeichnung einer Sylbe oder eines Worts von den übrigen Sylben oder Wörtern durch die Aussprache» (BCL 1809, 6), у Кампе: «in der Sprach- und Redekunst, die Erhebung der Stimme auf einer Silbe (A c c e n t)» (CAMP 1810, IV, 846, 849-850), в *Damen Conversations-Lexikon*: «A c c e n t (Musik) heißt in der Tonkunst das Hervorheben einzelner Noten und Figuren beim Vortrage. <...> Seiner Bedeutung nach ist der A c c e n t dem Rhythmus (s. d.) verwandt und untergeordnet. (DCL 1834, I, 33), в *Herders Conversations-Lexikon*: «A c c e n t die größere Höhe oder Stärke eines Tones in der Aussprache und in der Musik, es gibt also einen Sprachaccent und einen musikalischen A c c e n t. Der Sprachaccent ist Wortaccent oder Redeaccent» (HCL 1854, 24), у Пирера: «A c c e n t (v. lat.), 1) Hebung u. Senkung der Laute durch die Stimme; entweder von mechanischen od. oratorischen Ursachen herrührend, u. daher grammatischer od. Wort-, u. oratorischer od. Rede-A.; 2) Zeichen dieser Betonung» (PIER 1857, I, 69).

► Заимств. из лат. (accentus) < лат. accentus < ad + cantus < canō (КНОВ 1961, II 2, 81; DHW 2001, 27; PAUL 2002, БуВ 2002, 62-63; 54; KLUGE 2011, 27; EWD 2014, 24) в знач. ‘ударение’ (‘Betonung’), ‘интонация’, ‘мелодия’, ‘изменение высоты голоса (тона)’ (‘Tonfall’) в XV в. (DHW 2001, 27), по др. источникам в нач. XVI в. (EWD 2014, 24). Пауль указ. точн. дату — 1521 г. (PAUL 2002, 54). Со временем сфера словоупотребления расширилась: в XVI в. слово Akzent употр. в знач. ‘интонация’ (‘Tonfall’), ‘манера (способ) произнесения’ (‘Ausspracheart’), причем в послед. знач. часто произносилось и писалось на франц. манер (accent), в XVII в. в знач. ‘знак ударения’ (‘Akzentzeichen’), в XVIII в. — в знач. ‘ударение’, ‘акцент’, ‘эмфаза’ (‘Nachdruck’) (HEWDS 1977, 41; KLUGE 2011, 27; EWD 2014, 24-25).

— **Akzentuati3n**, -en *sf.* = Akzentuierung↑. — 1. Акцентуация, выделение элементов высказывания с помощью ударения. 2. Постановка ударений. Встреч. в 1738 г. у Бернда: «Ja, da der Herr Magister <...> ein Collegium Accentuatorium zu Hause hielt, so faßte ich die A c c e n t u a t i o n obwohl nur noch als ein

Secundaner...» (BERND 1973, 51), в 1762 г. у Гамана: «Der Rythmus und die A c c e n t u a t i o n vertrat die jüngere Dialectik» (HAMANN 1950, 124), в 1766 г. у Герстенберга: «man mache sogar eine besondre Gattung recitativischer Opern, der die lebhafteste A c c e n t u a t i o n der Aussprache <...> zum Grunde liegt...» (GERSTENBERG, 1890, 344), в 1801 г. у Гете: «Beim Auswendiglernen derselben sei vorzüglich darauf zu sehen, daß es nicht mit falscher A c c e n t u a t i o n u. s. w. geschehe» (GOETHES GESPRÄCHE 1889/1896, I, 219), в 1767 г. у Лессинга: «Aber die richtige A c c e n t u a t i o n ist zur Not auch einem Papagei beizubringen» (LESSING 1970, IV, 244), у Мундта: «Dies entspringt aus der eigenthümlichen A c c e n t u a t i o n der englischen Sprache, worin sich der Charakter dieses Volkes sehr nationalgetreu auslautet» (MUNDT 1837, 126), в нем. переводе соч. *Die Sûtra's des Vedânta* Бадараяны: «man müsste also annehmen, dass die Unterschiede der A c c e n t u a t i o n in ihrer Verbindung und Trennung lägen» (BĀDARĀYAṆA 1887, 174). Отмеч. в *Damen Conversations-Lexikon*: «berücksichtigte <...> endlich die Accentuation, den deklamatorischen Vortrag und die höhere Schönheit» (DCL 1835, III, 294-295), в *Herders Conversations-Lexikon*: «...die vorgeschriebene falsche A c c e n t u a t i o n der Takttheile» (HCL 1855, III, 396), у Пирера: «Accentuirter Tacttheil (Mus.), so v.w. Niederschlag; A c c e n t u a t i o n, Betonung» (PIER 1857, I, 70), в 1880 г. у Папе: «Vgl. über die Quantität u. A c c e n t u a t i o n Lob. Paralipp. 84 ff.» (PAPE 1914, 1442). ► Заимств. из рн.-франц. или франц. яз. (accentuation) < ср.-лат. (прич. прош. вр. accentuātus) < accentuāre < лат. accentus < лат. accentus < ad + cantus < canō (HEWDS 1977, 41; DHW 2001, 27; EWD 2014, 25).

— **akzentuieren** *vb.* — 1. Ударять, акцентировать, делать ударение, выделять с помощью ударения (= betónen↑). 2. Ставить знак ударения (на письме). Встреч. у Зиде: «Das richtige A c c e n t u i r e n und das Treffen des passenden Tons, setzt selbst Ihren Verstand in ein deutlicheres und helleres Licht» (SIEDE 1797, 73). Встреч. в нач. XVIII в. в единичн. случаях. Приблиз. с 1800 г. употр. часто (HEWDS 1977, 41; EWD 2014, 25). Пауль указ. точн. дату — 1714 г. (PAUL 2002, 54, со ссылкой на ²DWB). Отмеч. у Аделунга: «Daher, a c c e n t u i r e n, die Sylben mit diesen Accent Zeichen versehen...» (ADEL 1793, I, 142), в *Damen Conversations-Lexikon*: «A c c e n t u i r t e Töne sind hiernach solche, welche nach der Vorschrift des Tonsetzers beim Vortrage durch kräftigern Anschlag <...> hervorgehoben werden sollen, um so einzelnen Stellen einen größern Nachdruck zu geben» (DCL 1834, I, 33-34), в 1880 г. у Папе: «θελεμός (nach Arcad. so zu a c c e n t u i r e n, der es wie E. M. mit ἐθελημός zusammenstellt)» (PAPE 1914, 1192). ► Заимств. из рн.-франц. или франц. яз. (accentuer) < ср.-лат. accentuāre < лат. accentus < лат. accentus < ad + cantus < canō (HEWDS 1977, 41; DHW 2001, 27; EWD 2014, 25).

— **Akzentuierung**, -en *sf.* = Akzentuatió↑. — 1. Акцентуация, выделение элементов высказывания с помощью ударения. 2. Постановка ударений. Встреч. в ф. «Accentuirung» у Крейсле: «...und daß Schubert auf Wahrheit des Ausdru-

ckes, richtige A c c e n t u i r u n g und makellose Declamation vorzugsweise beachtet war, darf wenigstens zum Theil als Vogl's Verdienst bezeichnet werden» (KREISSLE, 1865, 121), обыкновенно в составе сложных слов типа Silbenaccentuirung, Wortaccentuirung, Satzaccentuirung у Зиверса: «Die Lehre von der S i l b e n a c c e n t u i r u n g zerfällt wieder in zwei Theile... <...> Die W o r t a c c e n t u i r u n g fällt nur zum Theile in das eigentliche Gebiet der Lautphysiologie... (109) <...> Ebenso geht die S a t z a c c e n t u i r u n g grossentheils ihre eigenen Wege... (110)» (SIEVERS 1876, 109-110; LEW 1990, I, 42). Отмеч. в *Damen Conversations-Lexikon*: «A c c e n t u i r u n g oder Declamation laßt sich deßhalb schwer erlernen, weil eben das Gefühl zu entscheiden hat...» (DCL 1837, I, 33), «eine gewisse Hemmung, absichtliche Umstellung im Tacte <...> durch stärkere A c c e n t u i r u n g der im Nachschlage stehenden Noten etc.» (DCL 1837, IX, 493). ► Нем. Akzentuierung < akzentuieren↑.

Ⓜ **Accéntus**, -ūs *sm.* — 1. Ударение, акцент. 2. Повышение голоса. Встреч. в лингв. знач. у Авла Геллия в *Noctes atticæ* (lib. XIII, cap. 6): «A c c e n t u s est Acutæ, vel Gravis, vel Inflexæ orationis elatio... <...> Nam ut nulla vox sine vocali, ita sine a c e n t u nulla» (GELLIUS 1824, III, 1377), у Квинтилиана в *Institutio Oratoria* (lib. I, cap. 5, §§ 22, 29-31): «Adhuc difficilior observation est per tonores <...> vel a c c e n t u s, quas Graeci προσῳδίασ vocant» (QUINTILIANUS 1920, 88), у Сервия Гонората: «A c c e n t u s dictus est quasi adcantus secundum Graecos, qui προσῳδίασ vocant» (SERVIUS 1864, 426), у Диомеда Грамматика в *Ars grammatica*: «a c c e n t u s quidam fastigia vocaverunt, quod in capitibus litterarum ponerentur» (DIOMEDES GRAMMATICUS 1857, 431), у Цицерона в трактате *Ad M. Brutum orator* (§§ 57, 58, 173) в знач. ‘sonus’, ‘vox’: «<...> ipsa enim natura, quasi modularetur hominum orationem, in omni verba posuit acutam v o c e m nec una plus nec a postrema syllaba citra tertiam» (CICERO 1884, 19). Для передачи знач. ‘ударение’ Цицерон в трактате *De Oratore* (lib. III, cap. XLVIII, § 186), помимо слова «accentus», использует также термин «percussio»: «distinctio et aequalium aut saepe variorum intervallorum p e r c u s s i o numerum conficit» (CICERO 1853, 187). ► Лат. accentus < (ac- < ad- перед «с») + -centus (корень cen-; ср. перф. cecinī) < cantus, -ūs, *m* ‘пение’, ‘песня’ < cantus (прич. прош. вр.) < canō, -ere (SIM 1969, I, 30; WEBST 1993, 10; ДВОР 2002, 18, 118). Лат. accentus является калькой др.-греч. προσῳδία (prosōidiā) < прос- + ῳδῆ ‘песнь’, ‘песня’. Встреч. у Платона в знач. ‘акцент’, ‘ударение’ (т.е. ‘мелодическое ударение’, понимаемое как повышение голоса [МАР 1960, 318]) и у Аристотеля в знач. ‘знак ударения’ ‘орфографический знак придыхания, количества или ударения’ (ДВОР 1958, II, 1425). После утраты мелодического ударения в греч. яз. термин προσῳδία стал применяться для обозначения острого ударения в слоге или в слове (EWD 2014, 24).

☞ Укр. акцент; болг. акцент; блр. акцэнт; с.-хорв. акцент/аксент акценат/аксенат; польск. akcent; чеш. akcent; словц. akcent; в.-луж. akcent; н.-луж.

akcent; мак. акцент; слвн. akcent; ндл. accent; швед., норв. akcent; франц. accent; исп. acento; итал. accento (МАР 1960, 318; СИМ 1969, I, 30; SSLT 1977, I, 130-131; НАЗ 1989, 16; АРСЛС 2001, 3; АХМ 2004, 39; ИВАН 2005, 72; БАР 2006, 20; ИВЛ 2006, 13; LSG 2009, II, 1595).

☞ Укр. акцентувати; болг. акцентирам ‘акцентирую’; блр. акцэнтаваць; с.-хорв. акцентирати/akcentirati; польск. akcentować; чеш. akcentovati; мак. акцентира; ндл. accentueren; швед. accentuerar; франц. accentuer; исп. acentuar; итал. accentuare (МАР 1960, 318; СИМ 1969, I, 31; SSLT 1977, I, 130-131; НАЗ 1989, 19; АРСЛС 2001, 3; АХМ 2004, 39; БАР, 2006 20; LSG 2009, II, 1595).

☞ Укр. акцентуація; болг. акцентуация, акцентуване; блр. акцэнтуацыя; с.-хорв. акцентуација/akcentiranje; польск. akcentuacja, akcentowanie; чеш. akcentuace; слвц. akcentuácia; в.-луж., н.-луж. akcentuacija; мак. акцентуација; слвн. akcentuacija; ндл. accentuatie; швед. accentuering; франц. accentuation; исп. acentuación; итал. accentuazione (МАР 1960, 23; СИМ 1969, I, 31; SSLT 1977, I, 130-131; НАЗ 1989, 18; АРСЛС 2001, 3; АХМ 2004, 39; БАР 2006, 20; LSG 2009, II, 1595).

СЛОВОУДАРЕ́НИЕ, -я, с. (устар.) = ударение↑ в 1 знач., акце́нт↑ в 1 знач. — Ударение (словесное или слоговое). Встреч. в 1852 г. в статье *Знакомство съ Державинымъ* Аксакова: «...онъ приходилъ въ нетерпѣніе и управлялся уже съ языкомъ безъ всякаго уваженія: гнулъ на колѣно синтаксисъ, с л о в о у д а р е н і е и самое словоупотребленіе» (АКСАКОВ 1886, 237). Отмеч. у Ушакова (ТСРЯ 1940, IV). ► Рус. сло́во↑ + ударение < ударять↑.

УДАРЕ́НИЕ, -я, с. — 1. Выделение одного из слогов в составе неодносложного слова, слова в составе синтагмы (речевого такта), синтагмы (речевого такта) в составе фразы различными фонетическими средствами, к примеру, усилением голоса, повышением тона в сочетании с увеличением длительности, интенсивности, громкости (= акце́нт↑ в 1 знач.). 2. Графический знак, показывающий на письме такое выделение (= акце́нт↑ во 2 знач.). Встреч. весьма часто у Смотрицкого в ф. «оударѣніе» в соч. *Грамматики Славенскія правильное свнтагма* (1619, 1648), где он применит. к ст.-слав. яз. систематизирует три вида ударения и знаки, отображающие их на письме, используя греч. терминологию (ПРОКОШИНА 1966, 96): «ѿ оударѣніи. Оударѣніа просодіи соуть три. ѿстраа. тѣжкаа. ѿблечѣннаа» (СМОТРИЦКИЙ 1619; 1648), часто у Тредиаковского в соч. *Разговоръ между чужестраннымъ человекомъ и российскимъ. Обь ортографіи старинной і новой* (1748): «есть еше і палочки, которые сіюю, тоестъ, просодіею, ілі у д а р е н і е м ъ іменуются» (ТРЕДИАКОВСКИЙ 1849, III, 48 и след.), *Къ читателю*: «...членъ Періода имѣеть безразборныя у д а р е н і я слоговъ, а Стихъ опредѣленныя по извѣснымъ мѣстамъ чрезъ одинъ, или чрезъ два слога неударяемый; что самое и составляетъ наши Стопы, изъ которыхъ иные у д а р е н і е м ъ начинаются...» (ТРЕДИАКОВСКИЙ 1849, I, XXIII-XXIV), *Способъ къ Сложенію*

Россійскихъ Стиховъ (1751/1752): «И понеже Літеры, Склады, Удареніе или Сила, коя однажды токмо во всякомъ словѣ, и на одномъ въ немъ нѣкоторомъ изъ складовъ полагается...» (ТРЕДИАКОВСКИЙ, там же, 123), у Ломоносова в *Материалахъ къ Россійской грамматикѣ* (1744-1757): «... <есть> е, имѣющее на себѣ удареніе, произносить должно какъ *тѣ*...» (ЛОМОНОСОВ 1952, VII, 683), «Онъ отъ аза для перемѣны удареній и для аналогіи знать...» (ЛОМОНОСОВ, там же, 691), «О удареніяхъ надъ простыми, первообразными» (ЛОМОНОСОВ, там же, 695 и след.). Черных отмеч., что Ломоносов предпочитал пользоваться словом «ударение» вместо слова «акцент» (ЧЕРН 1993, I, 36). Отмеч. в *Словаре Академіи Россійской* в ф. «удареніе» применит. к печати церковных книг: «знакъ правописанія изображаемый черточкою надъ тѣмъ слогомъ слова поставляемою, который протяжно выговаривать должно» (САР 1794, VI, кол. 415), в *Словаре ц.-слав. и рус. яз.*: «знакъ правописанія изображаемый черточкою надъ слогомъ, который должно выговаривать протяжно, или съ повышеніемъ голоса» (СЦСРЯ 1847, IV, 325), у Даля в ф. «ударенъе» с пометой «въ письмѣ»: «настрочный знакъ надъ гласной буквой, указывающей на протяжность ея» (ДАЛЬ 1994, IV, 472). ► Рус. удареніе < ударять ↑

— **ударять** *гл. несов. в.*, **ударить** *гл. сов. в.* = акцентировать ↑ *гл.* — Произносить с ударением, (по)ставить под ударение. Встреч. весьма часто у Тредиаковского в ф. сов. в. «ударить» и ф. несов. в. «ударять» в соч. *Разговоръ между чужестраннымъ человекомъ и Россійскимъ...* (1748): «Посему, въ латинскомъ языкѣ сіе токмо надобно вѣдать, когда должно на вторый, і когда на третій складъ сіюю ударить. <...> ежели слово есть двусложное; то всегда на первый слогъ отъ лѣвья руки сіюю ударять должно...» (ТРЕДИАКОВСКИЙ 1849, III, 161). Отмеч. у Даля: «Сказать что съ удареньемъ, ударяя голосомъ, придавая речи своей вѣсь, силу» (ДАЛЬ 1994, IV, 472). ► Основа общеславянская *dǣr-, *dǫr-, *dǫr-, восходящая к ие. *dēr-, *dōr-, *derǎ- (РОКО 1959, I, 206-208; ЧЕРН 1993, II, 284); ср.: др.-инд. dar-: dāras ‘трещина’, ‘щель’, ‘дыра’, dr̥nāmi, dr̥nāti ‘раскалывает’. Рус. ударять (связано с рус. дер|у, дра|ть, раз|дор, за|дор, у|дар; по мнению Преображенского, «связь с “драть” не признаётся» [ПРЕО 1949, III, 41]) < ст.-слав. оударяти < оударити (связано с ст.-слав. драти, держ); отсюда рус. ударение < ст.-слав. оударяниѣ (оударениѣ); ср.: греч. дер-: дѣρω, дѣρω, дорá, дѣрма, дѣρις, гот. taíran, ас. teran, англ. tear, двн. ziru, (fír-)zeran, нем. zehren, лит. diriùti, dirú, dirti, лтш. dīrāt, nu-daras, укр. у|дár, у|дár|ити, с.-хорв. дри|jèти, дѣра|ти, дер|нути, дир|ати, дар|нути, словен. udariti, чеш. deru, dráti, drávati, dru dřiti, rozdíratí, díra, udeřiti, польск. drę, drzec, darnąć, zderzyć, rozdzierać (МИКЛ 1886, 41; ГОРЯ 1896, 96; ПРЕО 1910-1914, I, 194; СС 1994, 728; ФАСМ 1996, IV, 149; SJS 1997, IV, 605-606; КРЫЛ 2005, 120; DERK 2008, 103-104, 107, 135, 136, 507).

Ⓐ **STRESS** *n.* = áccent ↑ в 1 знач., tóne ↑ в 1 знач. — Акцент, ударение, выделение части высказывания посредством ударения. Отмеч. в XVIII в.

применит. к высказыванию (ODEE 1966, 875; CODEE 1996, 466). Chambers указ. точн. дату — 1749 г. — и отмеч. употр. слова в фонетич. знач. для обозначения больш. или меньш. силы голоса при произнесении отдельн. слогов или слов (СНАМВ 2008, 1075). ► Англ. stress *n* < ср.-англ. stres, stresse (ок. 1303) < stressen < ст.-франц. estrecier, estressier < вульг. лат. *strectiāre < *strictiāre < *strictia < лат. strictus (прич. прош. вр.) < stringo, -ēre (WEEK 1921, col. 1428; SKEAT 1980, 523; WEBST 1993, 2260; PART 2006, 3260; СНАМВ 2008, 1075).

— **stress** *vb.* = accént↑, accéntuate↑ в 1 знач. — Ударять, ставить под ударение, произносить с ударением. Отмеч. в XIX в. (ODEE 1966, 875; CODEE 1996, 466). Chambers указ. точн. дату — 1859 г. (СНАМВ 2008, 1075). ► Англ. stress *vb* < stress *n* (СНАМВ 2008, 1075; CODEE 1996, 466).

Ⓜ **BETÓNUNG**, -en *sf.* = Akzént↑ в 1 знач., Ton↑ во 2 знач. — Ударение, акцент, выделение части высказывания посредством ударения. Встреч. в 1805 г. у Гете: «Ein nicht gedrucktes... Gedicht <...> trug er mit bewundernswerthem Wohlklange und richtigster Betonung vor» (GOETHE'S GESPRÄCHE 1889, II, 14). Отмеч. у Фриша как произв. от лат. tonus (FRIS 1741, 376; DHW 2001, 855; EWD 2014, 1437), в *Herders Conversations-Lexikon*: «Betonung, s. Accent» (HCL 1854, 518), у Пирера: «Accent <...> Zeichen dieser Betonung» (PIER 1857, I, 69). ► Нем. Betonung < betonen↑ < Ton↑ (DHW 2001, 855).

— **betonen** *vb.* = akzentuieren↑ в 1 знач. — Акцентировать, произносить с ударением, ставить под ударение, выделять с помощью ударения. Отмеч. в XVIII в. (DHW 2001, 855; PAUL 2002, 164; EWD 2014, 1437), у Аделунга: «Eine Sylbe betonen, den Ton auf selbige legen, in der Sprachlehre. Eine betonte Sylbe, im Gegensatze einer unbetoneten» (ADEL 1793, I, 940), в *Damen Conversations-Lexikon*: «...Verse lesen, so daß man ohne Rücksicht auf den Inhalt nur die einzelnen Füße gleichsam lesend aneinanderreihet und richtig nach ihrer Länge oder Kürze betont» (DCL 1837, IX, 72), в словаре братьев ГРИММ: «cum accentu efferre, mit dem ton aussprechen: diese silbe, dies wort ist zu betonen; der redner betont das wort» (DWB 1854, I, Sp. 1705), в *Herders Conversations-Lexikon*: «...wobei bald die böse Gesinnung (römisch), bald der angerichtete Schaden (deutsch) stärker betont wird» (HCL 1857, V, 597-598), у Пирера: «Acuiren (v. lat.), schärfen, scharf betonen» (PIER 1857, I, 106), в *Deutsches Sprichwörter-Lexikon* у Вандера: «Während der Deutsche die Unzuverlässigkeit der Frauenworte hervorhebt, betont man in Hindostan die Gefährlichkeit derselben...» (DSL 1867, I, Sp. 1144). ► Нем. betonen↑ < Ton↑.

⌘ Укр. наголос; болг. ударение; блр. націск; с.-хорв. нагласак/naglasak; чеш. přízvuk; слвц. prízvuk; в.-луж. přizwuk; н.-луж. psizuk, nazuk; слвн. naglas (SIM 1969, I, 31; SSLT 1977, I, 130-131).

⌘ С.-хорв. naglašavati; слвц. zdôrazniť; мак. нагласува; слвн. naglasiti, poudariti; норв. betone (SIM 1969, I, 31; SSLT 1977, I, 130-131).

☞ Укр. наголошування; с.-хорв. naglašavanje; чеш. přízvukování; словц. prízvukovanie; в.-луж., н.-луж. pŕizwukowanje; слвн. naglaševanje, poudarjanje; швед., норв. betoning (Sim 1969, I, 31; SSLT 1977, I, 130-131).

4. Заключение

Автор отдает себе отчет в том, насколько объемна поставленная им задача, однако полагает, что словарь, подобный ИЭСЛТ, будет интересен всем, кто интересуется терминологией языкознания, историей ее возникновения и развития. Историко-этимологическая информация о терминологическом инструментарии, которым оперируют в своей повседневной работе отечественные и зарубежные лингвисты, в ее параллельной репрезентации на трех основных европейских языках дает возможность сделать выводы о динамике развития этого пласта специальной лексики в европейском языкознании, выявить не только существовавшие с давних времен межязыковые связи, но и убедиться в том, что научные изыскания, предпринимавшиеся учеными разных эпох и стран, едва ли могли быть реализованы вне тесных научных связей, берущих свое начало в далеком прошлом на заре становления науки о языке.

© *Иванов А. В.*

3.3. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. Из истории английской лексикографии

Английская национальная лексикография имеет давнюю историю и начиналась она с дифференциальных по словнику глоссариев предписывающего типа, включающих и обрабатывающих *трудные, интересные, значимые* и т.п. слова (*hard, remarkable, obscure words*), которые, пришли в английский язык, главным образом, из латыни и Библии (Véjoint 2010). Эти глоссарии отличались большим субъективизмом авторов и содержали в своей микроструктуре весьма ограниченный набор информационных категорий. Входная единица сопровождалась грамматической или этимологической пометой, а также краткой дефиницией.

Вплоть до XVI в. эти глоссарии были единственными английскими лексикографическими справочниками (Considine 2007: 19). Однако вскоре появились ранние толковые словари английского языка, в которых кардинально изменились принципы построения в сторону расширения словника и лексикографического описания заглавных слов. Словари стали регистрирующими, фиксировали и обрабатывали не только избранные составителем, но и общеупотребительные слова. Эволюция словника и лексикографической обработки входных единиц привели, наконец, к созданию первого толкового словаря английского национального языка С. Джонсона. Этот словарь, по сути, выполнял роль кодификатора нормы английского словоупотребления и базировался на теории литературного авторитета, так как С. Джонсон взял за образец язык великих английских писателей Дж. Чосера и У. Шекспира (Карпова 2010), оказавших значительное влияние на формирование английского национального языка.

Долгое время словарь С. Джонсона оставался в Великобритании единственным авторитетным справочником, который неоднократно дополнялся и переиздавался. Однако с течением времени понадобился новый словарь национального языка, который смог бы отразить все языковые изменения в английском языке со времени его возникновения и до XIX в. С учреждением Английского филологического общества в 1857 г. была начата работа над выдающимся национальным проектом «Большого Оксфордского словаря» (БОСа), которая продолжалась много лет и привлекла к его составлению лучшие умы лингвистического

сообщества Великобритании (Benanti, Händl 2019: 26).

С течением времени БОС, построенный на исторических принципах, дал импульс к составлению других авторитетных толковых словарей английского языка, которые стали публиковаться ведущими издательскими домами Великобритании. В первую очередь, это были авторитетные Oxford University Press и Cambridge University Press. Словарная продукция этих издательств всегда имела высокий научный потенциал и отличалась строгой нормативностью словоупотребления, четкими критериями отбора лексики в словник, а также полнотой лексикографической разработки заглавных слов. Позднее на рынке лексикографических услуг появилось издательство HarperCollins, основной задачей которого стало отражение в словарях серии Collins современного английского языка в его живом функционировании.

Авторитетные толковые словари английского национального языка сами лексикографы называли академическими, которые по сути своей являлись лингвистической компетенцией нации (Considine, Iamartino 2007: 14), поскольку выполняли роль кодификатора нормы английского словоупотребления. Более того, вплоть до настоящего времени они остаются настольной книгой любого образованного англичанина. С течением времени толковые словари английского национального языка получили название общих словарей или словарей для общих целей (*dictionaries for general purposes*) (Béjoint 2016: 17-18).

Следует отметить, что одновременно с толковыми словарями, начиная с XVI в., стали появляться различные типы специальных словарей английского языка (*special* или *specialized dictionaries*). Словари для специальных целей (*dictionaries for special purposes*) объединили такие справочники, как словари синонимов, архаизмов, трудных слов, правильного словоупотребления, словосочетаний, идиом, пословиц, цитат и т.д. (Cowie 2008). Среди них особо выделяется большая группа, включающая более трехсот лингвистических и энциклопедических словарей языка английских писателей, ведущая свое начало с XVI в. Это — глоссарии к произведениям Чосера и конкордансы к английскому переводу Библии, а также частотные и толковые словари к отдельным произведениям и всему творчеству более чем 80 английских писателей и поэтов, где первенство, несомненно, принадлежит словарям языка Шекспира (Карпова 2011). К настоящему времени общие и специальные словари Шекспира объединяют более ста справочников различных форматов и объемов (Карпова 2018в).

Следует отметить, что с самого начала своего существования, английская национальная лексикография имела ярко выраженную прикладную специфику и начиналась с создания различного рода справочников. Однако в XVIII в., когда возникло Английское филологическое общество и начались исследования английского языка во всех его проявлениях, стала развиваться и теоретическая лексикография, которая к настоящему времени накопила достаточно солидную теоретическую базу (Карпова 2013).

2. Современная лексикографическая картина Британии

2.1. Теоретические исследования в современной английской лексикографии

К началу XXI в. английская национальная лексикография значительно обогатилась солидными исследованиями в области теории и практики составления словарей. Интересно отметить, что многие работы этого периода фактически являются учебниками по лексикографии, которые в настоящее время широко используются в Великобритании при обучении лексикографии и нередко включаются в программу многих университетов. Постепенно эта тенденция переходит и в другие страны — Германию, Италию, Россию и др., где спецкурсы по лексикографии вводятся в программы филологических факультетов университетов.

Так, в 2002 г. вышел первый учебник по лексикографии Г. Джексона «*Lexicography: an Introduction*» (Jackson 2002), а вслед за ним появился еще один — «*The Oxford Guide to Practical Lexicography*», написанный известными английскими лексикографами С. Аткинсом и М. Ранделлом, авторами многих известных словарей английского языка и теоретических исследований в области лексикографии (Atkins, Rundell 2008). Об актуальности темы свидетельствует и тот факт, что к созданию учебников по английской лексикографии обратились и другие ученые-лексикографы, в частности, Б. Свенсен, опубликовавший в 2009 г. в Англии в издательстве Кембриджского университета новый учебник «*A Handbook of Lexicography. The Theory and Practice of Dictionary Making*» (Svensen 2009).

Все перечисленные выше работы, несомненно, дали импульс к появлению ряда коллективных монографий по лексикографии, которые вышли в свет за последние два года. Среди них необходимо отметить три солидных труда, получивших широкое признание среди специалистов. Это опубликованная в 2016 г. коллективная монография «*The Oxford Handbook of Lexicography*» под редакцией известного английского

лексикографа Ф. Даркина (Durkin 2016) и «The Routledge Handbook of Lexicography», вышедшая в свет в 2018 г. под редакцией испанского ученого П. Фуертоса-Оливера (Fuertes-Olivera 2018).

Обе монографии объединяет освещение широкого круга проблем современной лексикографии: появление и принципы составления новых типов печатных и электронных словарей, проблемы выбора источников лингвистических и энциклопедических справочников, их формат, объем и надежность в эпоху интернета, принципы создания электронных корпусов как основы любого нового словаря, критерии отбора слов в словники и особенности их лексикографической обработки, адресат словаря, т.е. целевые группы пользователей, выбор словаря для конкретных исследовательских и практических целей, оптимизация информационного поиска в различных типах справочников и др. Следует также отметить, что в монографии «The Routledge Handbook of Lexicography», наряду с упомянутыми выше вопросами, особенно подробно рассматриваются проблемы современной корпусной и Интернет-лексикографии, инновационные проекты общих и специальных онлайн-словарей различных типов и языков и, в первую очередь, английского.

В ряду новых теоретических лексикографических исследований необходимо упомянуть и третью монографию под редакцией выдающегося канадского лексикографа Дж. Консидина «The World History of Lexicography» (Considine 2018), которая вышла одновременно с предыдущей монографией и посвящена историческим исследованиям в области теоретической и прикладной лексикографии, включая английскую и западноевропейскую.

2.2. Антропоцентрический характер современной лексикографии

На рубеже XX — XXI вв. парадигма английской национальной лексикографии меняется в сторону удовлетворения нужд и требований пользователей (*users' needs and demands*). Составители толковых словарей для общих и специальных целей приступают к созданию новых лексикографических трудов, начиная с изучения запросов пользователей как в Великобритании, так и за рубежом. В связи с этим в настоящее время сформировалось новое самостоятельное направление в английской лексикографии, которое получило название «изучение перспективы пользователей» (*users' perspective research*), которое предшествует составлению словарей английского языка нового поколения и проводится всеми ведущими издательствами Великобритании (Карпова 2016).

Антропоцентрический характер современной английской лексикографии прослеживается во всех исследованиях пользовательских запросов, которые проводятся, прежде всего, через анкетирование различных целевых групп: переводчиков, школьников, студентов, специалистов и т.д. (Nesi 2018: 579-580). В качестве основных пожеланий к составителям новых словарей английского языка пользователями выдвинуты следующие: создание условий максимальной доступности и прагматической актуальности справочников, расширение онлайн-ресурсов как дополнительной семиотической системы для преодоления узости вербальных дефиниций, управление всем технологическим процессом при составлении любого типа словаря.

Среди указанных выше пожеланий к составителям словарей наиболее подготовленные пользователи (в первую очередь, лица, имеющие высшее образование) отмечают большой спектр узкоспециальных вопросов, включающих:

- обязательное введение в словарную статью орфоэпической характеристики заглавного слова;
- разработку удобного и понятного метаязыка микроструктуры;
- расширение репертуара информационных категорий в словарной статье (приведение частоты употребления заглавного слова, графических и вербальных примеров и т.п.);
- введение в словник энциклопедической и культурологической информации;
- а также (что немаловажно) удешевление словарной продукции.

Нередко в социологических опросах пользователей представители издательств, проводящие анкетирование в различных учреждениях, отмечают заинтересованность читателей в получении справочников, отличающихся междисциплинарной природой, что нередко находится за пределами предмета самой лексикографии (Lew, Gilles-Maurice 2014: 341–359). В анкетах указывается, что словари — это не просто словарные дескрипции единиц языка, а, главным образом, информационные ресурсы, для эффективного функционирования которых необходим учет данных разных наук. Таким образом, в перечень приоритетных партнеров современной лексикографии входят прикладная и корпусная лингвистика, информатика, терминоведение, культурология, дискурсивный анализ и математическая лингвистика, которые и определяют сегодня междисциплинарный характер современной лексикографии.

Многие группы пользователей делают особый акцент на терми-

нологических знаниях, под которыми понимается информационный инструментарий, объединяющий передовые технологии, обеспечивающие успех и востребованность словарей нового поколения (Карпова 2009: 43). Некоторые участники анкетирования, являясь профессионалами из различных отраслей знания, излагают оригинальный лингвистический взгляд на базу терминологического знания и предрекают постепенную замену разрозненных информационных ресурсов и технологий на отраслевые онтологии (Granger, Lefer 2016: 279-295).

В своих ответах англичане и иностранцы, изучающие английский язык для различных целей, нередко дают практические советы лексикографам. В анкетах последних лет четко прослеживается тенденция к повышению доступности словарей для потенциального пользователя путем применения новых электронных технологий, а также способов повышения эффективности печатной продукции через инновационные приемы полиграфической семиотики (наборы определенных шрифтов, цветовых обозначений, различного рода символов, графических иллюстраций и т.д.). Следует отметить, что изучение требований и нужд современных пользователей (с учетом национальности, возраста, образования, пола) позволяют лексикографам выделить приоритеты при создании новых типов справочников.

В последнее время, одновременно с анкетированием пользователей, совершенствовать свою продукцию лексикографам помогают новые методы изучения их запросов. Это, в первую очередь — *окулография* (*eye tracking*), когда в интернете особая система отслеживает количество обращений к определенному справочнику, что позволяет сделать вывод о востребованности определенного типа словаря и его актуальности (Карпова 2018б: 46-52). Система только начала применяться и вызывает бурные дискуссии среди пользователей и специалистов.

2.3. Культурологическая и учебная направленность современных словарей английского языка

За последние несколько десятилетий в Великобритании наблюдается небывалый расцвет создания словарей различных типов, многие из которых не укладываются в существующие типологии словарей. Такая ситуация, безусловно, объясняется целым рядом глобальных причин. Во-первых, динамично развивается сотрудничество стран в различных областях производства, науки и культуры. Во-вторых, международное сотрудничество и расширение миграционных потоков приводит к росту языкового самосознания и осознания необходимости со-

хранения языкового и культурного наследия.

Языковые контакты требуют совершенствования английской национальной лексикографии и создания качественно новых словарей. Поскольку в последнее время иммигранты составили значительную часть британского общества, сформировалась насущная потребность в словарях английского языка для новых членов общества с начальным, средним и продвинутым уровнем знания английского языка. Более того, отсутствие у иммигрантов фоновых знаний о культуре Великобритании и необходимость ее изучения привели английских лексикографов к необходимости составления не только толково-энциклопедических справочников с ярко выраженным культурным компонентом, но и лингвострановедческих и лингвокультурных словарей с этническим компонентом, который ввели в эти справочники в целях сохранения национальной идентичности (Ужова 2011: 129).

Так, в связи с изменением геополитической ситуации произошла модификация понятия «носитель родного английского языка» (*native speaker*); соответственно, изменился и сам профиль англоязычного пользователя (*user's profile*). Наряду с исконно английской лексикой в новые словари английского языка вошли сегодня и слова, пришедшие в английский язык из языков стран Азии и Африки, откуда прибыли новые члены британского общества (Jackson 2018: 545).

Более того, английский язык сегодня стал языком межкультурной коммуникации, и интерес к его изучению в различных странах постоянно растет. В связи с этим в современной английской национальной лексикографии сформировалась отдельная самостоятельная отрасль — *учебная лексикография*, отвечающая за создание различных типов общих и специальных учебных словарей (Adamska-Sałaciak, Kernerman 2016: 271-278) со своим предметом и объектом исследования. Это, прежде всего, учебные словари для определенного круга пользователей — школьников, студентов, переводчиков, специалистов, иностранцев, изучающих английский язык как иностранный, с различным уровнем владения английским языком.

Авторы учебных словарей английского языка, изданных в XXI в., применяют многие инновационные приемы подачи лексикографического описания материала. В ряду таких инноваций следует отметить новые по содержанию приложения к учебным словарям, в которых фиксируются не только традиционные для приложений сведения, как-то: списки английских топонимов, мер длины и т.п.

В приложениях появились актуальные для изучающих английский язык образцы письменной деловой коммуникации (деловые письма, факсы, смс-сообщения и др.). Многие справочники снабжаются дополнительными тетрадями с упражнениями по усвоению грамматического и лексического материала, включенного в словник словаря. В мегаструктуру учебных словарей вводятся специальные разделы с разнообразными графическими иллюстрациями, которые (как свидетельствуют опросы) пользуются большим спросом у пользователей. Иллюстрации подбираются по тематическому принципу (*family, meals, post-office, flowers* и т.д.), что способствует более эффективному усвоению новой лексики (Kloza 2018: 515-531). В целях оптимизации информационного поиска приложения отмечены определенным цветом и входят в разные части мегаструктуры учебного словаря.

В XXI в. издаются учебные словари с комбинированной организацией словника, как по алфавиту, так и в тезаурусе. При этом тезаурус в последнее время все чаще ассоциируется в английской лексикографии не с понятийным словарем, а со словарем синонимов и антонимов. Нередко страница такого интегрированного справочника делится на две части: в первой языковой материал представлен по алфавиту, а вторая половина страницы содержит синонимы и антонимы к приведенным выше заглавным единицам.

Такая инновационная подача материала в словнике принята во всех изданиях словарей современного английского языка, которые публикует издательство HarperCollins, одобрена в социологических опросах различных групп пользователей и, безусловно, способствует большей эффективности информационного поиска.

3. Английская лексикография в эпоху Интернета

3.1. Развитие онлайн-словарей

XXI в. ознаменовался новыми достижениями английской национальной лексикографии, которая, впитав богатые исторические традиции, предложила отечественным и зарубежным пользователям результаты новых теоретических и прикладных исследований. В русле интенсивного развития электронной и Интернет-лексикографии, наряду с конгрессами Европейской ассоциации лексикографов (ЕВРАЛЕКСом), стали проводиться специальные конференции по электронной лексикографии (E-Lexicography), на которых широко представлены новейшие разработки британских издательств и лексикографов (Granger, Raquot 2012). Отвечая на запросы современных пользователей, авторитетные

исторические и современные общие и специальные словари английского языка стали доступными для широкого круга пользователей во всем мире на различных Интернет-сайтах (Карпова 2019: 11-18).

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день ведущие издательства Великобритании продолжают публиковать и печатные словари английского языка, причем все они базируются на электронных корпусах, включающих миллионы, а иногда и миллиарды слов. Это, в первую очередь, *British National Corpus* (основа оксфордских общих и специальных словарей) и *Bank of English* (электронная база словарей серии Collins), которые содержат новые примеры английского словоупотребления из художественных, научных и медиа текстов, а также из разговорного английского языка (*spoken corpus*).

В то же время, как отмечается в новейших исследованиях, с учетом перспектив пользователя (*users' perspective*) предпочтение в настоящее время отдается выбору онлайн-справочников английского языка (Kosem 2017: 12). Вот почему лексикографы издательства Macmillan несколько лет назад объявили о прекращении выпуска печатного издания своего словаря «Macmillan Dictionary», оставив только его электронную версию, доступную по ссылке <https://www.macmillan-dictionary.com>. Это решение вызвало бурную дискуссию среди ученых, однако постепенно идея замены печатных словарей английского языка на их Интернет-версии стала восприниматься лексикографическим научным сообществом весьма позитивно (Карпова 2018b: 51).

В свою очередь, составители последней версии «Oxford English Dictionary» недавно также высказали предположение о целесообразности выпуска своего словаря только в онлайн-версии. Такое решение позволяет оптимизировать информационный поиск и, наконец, решить извечную проблему экономии места в словаре, которая постоянно возникает в каждом новом печатном издании справочника. Для удобства пользователей издательство выложило все оксфордские общие и специальные словари на сайте <https://en.oxforddictionaries.com/english>, включая и самые популярные у пользователей учебные словари Oxford Learner's Dictionaries (<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>).

Другой мощный электронный ресурс *Cambridge Dictionaries Online* включает все типы словарей современного английского языка, опубликованные в этом старейшем издательстве, лексикографическая продукция которого представлена на одноименном сайте <http://dictionary.cambridge.org>.

В настоящее время английские лексикографы особенно активно сотрудничают с пользователями, создавая новые информационные справочные ресурсы, среди которых особое место по популярности и частоте обращений занимает так называемый *пользовательский словарь* «Urban Dictionary»: <https://www.urbandictionary.com> (Kozem 2017: 124). По данным ЕВРАЛЕКСа, этот словарь признан самым эффективным инструментом лексикографирования новых слов английского языка XXI в. (Bergenholtz, Fuertes-Olivera 2011), которыми пользователи ежедневно пополняют макроструктуру справочника.

Современная Интернет-лексикография предлагает пользователям инновационные справочные ресурсы, среди которых следует упомянуть *Sketch Engine Open Corpora*: <https://old.sketchengine.co.uk/open>, т.е. программное обеспечение для управления корпусом и текстовым анализом, которое позволяет ученым, изучающим языковое поведение читателей, находить большие текстовые собрания в соответствии со сложными и лингвистически мотивированными запросами.

Подобные информационные порталы, такие как *Google Ngram Viewer*, *WorldNet*, *the Pattern Dictionary of English Verbs*, *VerbNet*, *FrameNet*, *Google Image Search* и т.п. постоянно обновляются и совершенствуются. В свете интенсивного развития партнёрской лексикографии, английские лексикографы совместно с программистами создают и другие словарные порталы: словарные сети, словарные информационно-поисковые инструменты и словарные коллекции, подобные *Wordnik* (<https://www.wordnik.com/>).

Как показывает практика, англоязычные словари для общих и специальных целей всё больше востребованы обществом, так как предлагают любые сведения о современном английском словоупотреблении. При этом доступ ко всем справочным ресурсам осуществляется, главным образом, через Интернет и более того, через онлайн-сервисы на мобильных телефонах (*apps-dictionaries*), что всего несколько лет назад казалось фантастикой.

3.2. Специальные словари английского языка

Интересен также и тот факт, что в эпоху Интернет-лексикографии значительно вырос интерес пользователей к составлению англоязычных *специальных словарей*, к которым, в первую очередь, относятся терминологические справочники различных типов и объемов, регистрирующие и обрабатывающие термины различных предметных областей: страховой медицины, цифровой экономики, свя-

зей с общественностью, логистики и т.п. Поскольку основными пользователями таких словарей являются специалисты, многие терминологические справочники составляются профессиональными лексикографами совместно с профессионалами в соответствующих предметных областях, что положило начало так называемой *партнерской лексикографии* (*collaborative lexicography*).

Более того, в специальной английской лексикографии, благодаря появлению большого количества разнообразных печатных и онлайн-версий терминологических словарей, сформировались и самостоятельные направления, регистрирующие и обрабатывающие термины определенных отраслей знания (Baltero 2011). В числе таких перспективных направлений необходимо, прежде всего, отметить *юридическую лексикографию* (*law lexicography*), которая широко востребована международными экспертами в данной области (Иконникова 2014). В этом ряду стоят современные теоретические и прикладные исследования и другой, не менее актуальной для современности отрасли английской лексикографии — *политической лексикографии* (*political lexicography*), которая связана с разработкой современной англоязычной общественно-политической лексики в словарях и на Интернет-порталах (Маник 2019).

Однако понятие специального словаря (которое ранее объединяло, главным образом, терминологические справочники) в английской лексикографии эпохи Интернета значительно расширилось, что повлекло за собой создание интегрированных типов словарей, например учебных терминологических словарей с ярко выраженным культурным компонентом (Ловцевич 2010).

В современной английской лексикографии усиленно развиваются различные типы других специальных словарей, которые всегда вызвали особый интерес не столько у носителей языка, сколько у иностранцев, изучающих английский язык как иностранный. Среди них отметим английские словари сленга, словосочетаний, правильности речи, архаизмов и трудных слов, неологизмов, словосочетаний, пословиц и цитат, фразеологизмов, ономастиконы, произносительные и грамматические словари, словари языка писателей и т.д. В настоящее время их жанровое разнообразие привело к выделению в английской специальной лексикографии самостоятельных областей, которые имеют собственный объект и предмет исследования. В первую очередь, это — учебная и писательская лексикографии, имеющие в своем репертуаре

большое количество различающихся по принципам построения справочников.

3.3. Новые направления в английской лексикографии

В этом тысячелетии в английской прикладной лексикографии возникают новые направления деятельности. Весьма востребованной является *партнерская лексикография (collaborative lexicography)*, в рамках которой к созданию различного рода справочников, наряду с профессионалами, привлекаются непрофессиональные лексикографы. Эта методика особенно активно применяется при создании англоязычных терминологических словарей новых предметных областей, а также иллюстрированных и иллюстративных словарей английского языка различных типов.

В тоже время многие авторитетные издательства Великобритании (например, издательство HarperCollins) привлекают к лексикографической деятельности волонтеров, как это было в английской национальной лексикографии еще в XIX в., когда составители БОСа объявили так называемую *Reading Programme*. Эта программа положила начало волонтерской лексикографии (*volunteer*), которая позволяла обычным людям принимать участие в составлении разного рода словарей. Такие программы в британских издательствах постоянно развиваются и совершенствуются, особенно в области создания онлайн-справочников современного английского словоупотребления.

В настоящее время волонтерская лексикография направлена на удовлетворение запросов определенных групп пользователей, в первую очередь, туристов и экскурсоводов, которым в новом веке требуются качественно новые путеводители и информативные справочники. Таким образом, появились путеводители нового типа, посвященные известным городам, имеющим мировое культурное значение, которые нередко создаются волонтерами и представлены в печатном, электронном и Интернет-форматах. Они дают всем заинтересованным лицам (прежде всего, культурным туристам) уникальную возможность ознакомиться с известными достопримечательностями различных стран мира.

Такие путеводители составляются по принципам, положенным в основу создания лексикографических справочных изданий, опирающихся на строгие правила построения мега- макро- и микроструктуры. Среди подобных проектов следует отметить международный авторский проект англоязычного словаря для культурных туристов (на материале Флоренции) «*Florence in the Works of World Famous People*», в котором

принимают участие представители пяти стран (Kartashkova, Shilova 2015: 105-113).

Упомянутый справочник строится по принципу «гений места» (*genius loci*), что означает связь человека с определенным географическим пунктом, в данном случае — с Флоренцией. Волонтеры-составители (в этом проекте, как правило, студенты) находят имена известных творческих личностей из различных стран мира, посетивших Флоренцию с XIV по XXI вв. (Karpova, Grigorieva 2016). Здесь в течение многих веков сформировалась русская, немецкая, французская, датская, американская, китайская Флоренция, поскольку город стал культурной Меккой для многих творческих личностей, вдохновляя их на создание литературных и художественных шедевров.

Интересно отметить, что данный тип словаря, построенный на принципах ономастикона и включающий разные типы антропонимов, стал образцом для создания подобных путеводителей для многих городов мира: Барселоны, Оксфорда и др. Словарь является наглядным примером того, как исторический и практический опыт английской национальной лексикографии дал импульс к созданию качественно новых справочников для определенной целевой группы пользователей, которая постоянно увеличивается и требует новых знаний.

Настоящий справочник вполне можно отнести к *словарям культурного наследия (heritage dictionaries)*, поскольку его основной задачей стал поиск известных личностей, внесших весомый вклад в развитие флорентийской и мировой культуры, их адресов и произведений, созданных во Флоренции.

Этот тип словаря, основанный на исторических принципах английской ономастической лексикографии, ожидает большое будущее, поскольку лексикографический продукт такого рода может служить образцом для создания словарей для любого города в любом уголке мира.

В современной английской лексикографии стремительно развивается область словарной деятельности, которая получила название *лексикография для удовольствия (lexicography for fun)*. Она привлекает все большее количество пользователей, которые сами нередко участвуют в создании необычной группы справочников — словарей кроссвордов и анаграмм.

Английские лексикографы на современном этапе развития словарной науки заняты и в коммерческих проектах, выполняемых по заказу различных фирм и организаций, получивших название *коммерческая лек-*

сикография (*commercial lexicography*). Среди таких уникальных проектов можно назвать терминологические справочники языка Шекспира, которые за последние десять лет созданы для конкретного пользователя — постановщиков театральных пьес Шекспира во многих странах мира. Для воссоздания аутентичной исторической обстановки Елизаветинской эпохи и во избежание фактических ошибок авторы этих проектов создали ряд словарей театральных, религиозных, военных, юридических, музыкальных, медицинских, политических и других терминов из произведений Шекспира, которые приобрели большую популярность в театральной и кинематографической среде (Карпова 2018: 9-16).

Будучи на переднем плане современных лексикографических исследований, англичане открыли еще одно важное направление в современной английской лексикографии — рецензирование словарей (*dictionary reviewing*), дающее возможность читателю качественно и быстро получить нужную информацию, которую пользователи хотят видеть в любом словаре. Это новое направление существенно дополняет исследования по изучению профиля пользователя, его нужд и требований к любому типу справочника английского языка. Рецензирование проводится как специалистами-лексикографами, так и непосредственно пользователями из различных стран, изучающих английский язык как иностранный (Карпова 2018а: 32-33).

Рецензирование направлено на критический анализ мега-, макро- и микроструктуры словарей. Обязательным считается анализ целевой группы пользователей данного типа справочника: студентов, школьников, переводчиков, специалистов и т.д. Рассматриваются особенности выбора формата словаря (печатного, электронного, комбинированного или онлайн-справочника), его объем (карманный, средний, большой) и дизайн. Большое внимание в ходе рецензирования уделяется приемам полиграфической семиотики, поскольку в условиях конкуренции словарь должен соответствовать запросам и вкусу пользователя, т.е. быть привлекательным (*user friendly*). Вот почему в рецензии обращается внимание на выбор и использование различных шрифтов, цветовых обозначений, расположение языкового и невербального материала (графических иллюстраций) на странице словаря, оформление приложений.

Рецензенты подробно анализируют принципы отбора лексики в словарь и способы их представления в макроструктуре справочника (канонические, словообразовательные и словоизменительные формы

входных единиц). Не менее важным является и разбор структуры словарной статьи с определенным набором информационных категорий. В качестве показателя наибольшей информативности словаря отметим, в первую очередь, добавочную семантико-функциональную характеристику заглавного слова, которая объединяет различные пометы: грамматические, этимологические, статистические, хронологические, стилистические, региональные, функциональные, прагматические, культурологические и прочие маркеры. Далее рассматриваются способы толкования входных единиц (описательное, синонимическое, отсылочное) и иллюстративные примеры, которые в большинстве случаев берутся из электронного корпуса, на котором основан словарь.

Такие рецензии позволяют издателям и лексикографам сделать информативным любой новый справочник английского языка, выработать лаконичный и удобный метаязык словарной статьи, понятный любому пользователю. В настоящее время все ведущие издательства Великобритании широко используют рецензирование своей продукции в целях улучшения качества и типов словарей.

4. Выводы

В заключение отметим, что в современной английской национальной лексикографии, занимающей ведущие позиции в мировой словарной науке, сформировались новые направления, которые способствуют удовлетворению запросов и требований пользователя и направлены на оптимизацию информационного поиска во всех печатных, электронных и онлайн-справочниках для общих и специальных целей.

Английская лексикографическая картина XXI в. отличается междисциплинарными связями с другими науками, в первую очередь, с культурологией, информационными технологиями, корпусной, математической лингвистикой, которые нацелены на совершенствование структуры и содержания англоязычных информационных справочных ресурсов. Развитие новых отраслей лексикографии, таких как рецензирование словарей, партнерская, коммерческая, волонтерская и другие, направлено на улучшение и разумное расширение информации как в печатных словарях, так и в их онлайн-версиях, которые сегодня успешно сосуществуют и востребованы различными группами пользователей.

Под влиянием объективных геополитических изменений и, как следствие, с учетом изменения профиля пользователя современная английская лексикография пришла к вполне объяснимому сдвигу в своей научной парадигме, расширив рамки традиционной лексикографии до

так называемой *reference science*. Изменились принципы построения традиционных типов толковых словарей английского языка, которые приобрели учебно-ориентированный, культурологический и познавательный характер. Появилось большое количество качественно новых специальных словарей для различных целевых групп пользователей, среди которых терминологические справочники, занимающие лидирующие позиции, а также словари культурного наследия, к которым можно отнести словари языка английских писателей, словари пословиц и поговорок, цитат и т.д.

Несмотря на тот факт, что Интернет-лексикография в мире все заметнее укрепляет свои позиции, богатые исторические традиции английских лексикографов и их громадный опыт реализации крупных словарных проектов (подобно Оксфордскому словарю английского языка) позволяют надеяться на то, что будущее английской национальной лексикографии ознаменуется мирным сосуществованием авторитетных печатных и онлайн-словарей.

© Карнова О. М.

3.4. СИСТЕМА И ФУНКЦИЯ В СЛОВАРНОМ АСПЕКТЕ: КОМПОЗИЦИОННЫЕ И КОМБИНАТОРНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ МНОЖЕСТВ

1. Введение

Практики разделения системных и функциональных свойств языка уходят корнями в глубокую древность. Еще древние греки интерпретировали некоторые пассажи Гомера в виде глосс (толкований), помещенных под или над текстом, или на полях (маргинально) и выполняющих функцию метаязыкового описания незнакомых или заимствованных слов. Осмысление отдельных фрагментов речи и попытка их систематизации по-прежнему носит исключительно теоретический характер и предполагает их преобразование (дефрагментацию) в элементы неких множеств на абстрактном (логическом) уровне. Это касается единиц любых уровней языка, конституирующих систему и дробящихся на более мелкие подмножества и, в конечном итоге, дискретные единицы. По-видимому, именно разделение системных и функциональных свойств языка дает ответ на вопрос, почему такие уровни, как прагматический и стилистический, выделяемые и определяемые отдельными лингвистами в разряд системных (ср.: Debus 1980: 188), не имеют единиц, а лишь средства выражения.

Как известно, впервые децидированное разграничение системы и функции в виде отдельной терминологической дихотомии «*langue vs. parole*» было предложено Ф. де Соссюром, а теоретически оформлено в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и теоретиков Пражского лингвистического кружка. Долгое время дихотомия бытовала в языкознании с двумя разрозненными понятийными полюсами, каждый из которых обыкновенно исключал противоположный, по отдельности питая умы приверженцев системы и, наоборот, функции. В эпоху постструктурализма, характеризующегося предельным укрупнением и даже размытием объекта наблюдения (изучения), образовавшая между полюсами диалектическая пропасть стала привычным и весьма удобным *locus communis* для любых понравившихся гуманитарных смыслов «когнитивно-дискурсивного» толка (Кобенко 2019: 118). Ситуация в значительной степени усугублялась тем обстоятельством, что виртуальную систему языка никто никогда не видел, а лингвисты различного профиля только предполагали, как она может быть устроена целиком или в ее отдельных составляющих. Любые рассуждения об устройстве языка, равно как и сопутствующие

выводы, строились без исключения на основе функциональных свойств приводящих элементов и связях между ними. Функциональный детерминизм системы был тем неудобным *Pferdefuß* (нем. ‘анатомическим недостатком’) языкознания, который, с одной стороны, свидетельствовал о явном перевесе функциональных свойств языка лишь по причине их материальности, а с другой стороны, — не мог не признавать структурно-системное устройство (композицию) самого языка.

Неловкая балансировка между некогда лабораторно отсепарированными элементами дихотомии, продолжавшаяся более века, объяснялась во многом отсутствием отчетливого и теоретически фундированного сочленения, т.е. некоего третьего звена, которое бы позволило трансформировать дихотомию в трихотомию и положить конец практикам упрощенно-саггитального хирургического сецирования взаимосвязанных частей общего целого — языка. Таким образом, вопрос разрешения отчужденности и сближения антиномических панданов сосюррианской дихотомии носил в языкознании главным образом эмпирический характер.

2. Методология

В силу того, что и разделение, и впоследствии сближение системных и функциональных свойств языка осуществлялось на основе словарного фонда экземплифицированных языков, теоретическим фундаментом рассуждений следует признать аппараты лексикологии и соответственно стилистики, инструментарий которых — главным образом в XX в. — специализировался для имплицитруемых процедур. В лексикологии это — теория поля Г. Ипсена и В. Порцига, в стилистике — функциональная дифференциация словарного состава, наиболее полно описанная Э. Г. Ризель на материале немецкого языка.

В качестве имплементируемого эпистемологического основания исследования выступил семиотический подход, основывающийся на единстве противоположностей сторон языкового знака — семасиологической (формы) и ономасиологической (содержания) — и соответствующей традиционному лингвистическому разграничению лексической и семантической частей в структуре словарных единиц.

В работе использован корпус обще- и частнонаучных методов: общенаучными являются методы логики (синтез, анализ, обобщение, конкретизация, аналогия и пр.), статистики (метод группировки, диалектический метод); к частнонаучным (лингвистическим) методам принадлежат: оппозитивный, метод поля в разряде структурных мето-

дов и метод компонентного анализа.

Теоретико-методологическую базу исследования образуют труды отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях языкознания: семантика, грамматика, паремиология, функциональная стилистика, структурная лингвистика, терминоведение, лексикология и лексикография, фонетика, лингвоантропология.

В качестве источников примеров привлекались леммы двухтомного «Русско-немецкого словаря» И. Я. Павловского (2006) и одноязычного онлайн-словаря немецкого языка «Duden. Universalwörterbuch» (duden.de).

3. Результаты исследования

«Недостающим звеном» между системой и функцией стала грамматика как свод правил использования элементов системы для создания функциональных средств выражения (Кобенко 2019: 119). Попытки рассматривать грамматику и ее разделы, морфологию и синтаксис, как часть системы языка не увенчались успехом по двум причинам: во-первых, в системе отражены лишь единицы, суммарно составляющие парадигмальное множество во всей совокупности оппозиций (*я vs. ты, ты vs. вы* и т.д.), а во-вторых, правило никогда не является частью системы, как инструкция — частью механизма. Правила образуют иерархию уровней сложности и прижизненно осваиваются в их полноте далеко не всеми пользователями языка, большинство которых использует прожиточный минимум из бытовых конструкций *SVO / SOV* и практически никогда придаточные второго уровня. Тем самым, грамматика обеспечивает связность системы и ее функциональное тождество, снабжая пользователей правилами построения речевых секвенций, скомбинированных из различных элементов языковой системы и понятных другим пользователям языка, участвующим в коммуникации. Исключением здесь следует признать так называемый нереконструируемый фонд языка, т.е. фразеологизмы и поговорки, которые осваивающему язык — в качестве L_1 (родного) или L_2 (второго или иностранного) — приходится запоминать в силу их невоспроизводимости при помощи правил грамматики (Кобенко 2016: 178).

Вторая соссюрианская дихотомия «парадигматика vs. синтагматика» недвусмысленно доказывает возможность комбинирования синтагм (актантов / сирконстантов) на оси X элементами парадигм оси Y. Следовательно, линейный инвариант, обозначаемый предложением или конструкцией, на любых своих синтагматических отрезках теоретиче-

ски может быть замещен любой другой комбинацией элементов соответствующих парадигм (множеств), так как «качество любого члена предложения есть некоторое системоприобретенное свойство слова» (Солнцев 1977: 211). На практике данное условие выполняется лишь при отсутствии необходимости сохранения смысловой целостности линейной секвенции, т.е. при заданной вариативности плана содержания.

Впрочем, не только парадигматика и синтагматика индицируют разницу системы и функции сквозь призму правил комбинаторного построения линейных секвенций, но и историческая ретроспектива бытия языка в человеческом социуме. Так, глоттогенез выступает, по видимому, главным доказательством развития системы посредством ее (парциального) освоения каждым пользователем в результате лингвогенеза. Взгляд в историю человеческого языка до предполагаемой отправной точки в плейстоцене (2,5 млн лет тому назад) даст отчетливые очертания именно формирования системы, в то время как синхронное освоение языка ребенком в вербальном (сенситивном) периоде происходит уже через функционирование данной системы (или ее национальной, этнической, территориальной и пр. разновидностей). Итак, результатом глоттогенеза будет сформированная система языка (объективно), реплицируемая и поддерживаемая языковым коллективом, а результатом лингвогенеза — функциональный репертуар отобранных выразительных средств для выживания индивида в определенной коммуникативной среде (субъективно).

3.1. Системное устройство языковых множеств

По определению В. М. Савицкого, О. В. Доладовой, система языка равна сумме элементов и их связей (Савицкий, Доладова 2017: 40). Тем самым, одного словарного множества еще недостаточно для образования системы того же самого множества. Любая система обнаруживает три признака: 1) наличие более одного элемента (множественность), 2) взаимосвязь всех элементов (структура), 3) эмергентность, т.е. способность к выработке новых качеств множества элементов (система всегда больше, чем просто совокупность ее составляющих, как, к примеру, сознание больше, чем совокупность нейронов) (ср.: Лейчик 2009: 118). Безусловно, в определении системы наиболее существенная роль отводится структуре как разнице системы и конституирующих ее элементов по следующей формуле:

$$S = L - A,$$

где S — структура, L — система (*langue*), A — словарное множество с

конечным числом элементов.

Структура предполагает некую архитектурную композицию дискретных единиц и описывается через категориальную пару лексикологии «центр vs. периферия» (Schippan 1992: 11), где центром выступает архилексема (гипероним), а периферией — ономаσιологически (содержательно) нисходящее ответвление в форме гипонимических лексем. Различают ближнюю (центральную) и дальнюю периферию (Марцева 2018: 35), образующие зоны ослабления семантической близости к гиперониму. Семантическая структура поля легче всего понимается через имагинативный эксперимент его градиентного раскрашивания: в центре будет максимальное сгущение краски (усиление родового признака), а к периферии — ее максимальная дисперсия (видовая диверсификация). В основе гипо-гиперонимических отношений лежит логическая инклюзия (Ольшанский, Гусева 2005: 52), позволяющая интегрировать подчиненное понятие (*Unterordnung*) в структуру подчиняющего (*Überordnung*). На практике несложно проследить данную семантическую включенность: при неизвестности коммуниканту, к примеру, термина «эпигастральная область» последний интерпретируют через гипероним «анатомия» или «медицина», что позволяет ускорить понимание части через целое. Регулярность логических операций обобщения и конкретизации привели к образованию таких типов синекдохи (разновидности метонимии на основе количественных отношений между обозначаемым и обозначающим), как *pars pro toto* (путевка в *одни руки*) и *totum pro parte* (*Кумай* выиграл олимпиаду).

Лексическая структура поля лишь повторяет семантическую по принципу идентичности или разницы содержания и представлена согласно Т. Шиппан пятью типами полей: ономаσιологическими, полисемными, комбинированными (объединяющими семасиологическую и ономаσιологическую фактуру знаков), сетевыми и собирательными (Schippan 1992: 219-223), анализ которых, тем не менее, показывает наличие у всех их общих полевых признаков: центрального слова (*Kernwort*), служащего полю именем, и периферии в виде гипонимов и когипонимов. В соответствии с характером гипо-гиперонимической связи С. Лёбнер выделяет таксономическую и мереологическую разновидности полей (Löbner 2015: 261): таксономия объединяет равноправные когипонимы-таксоны (*утварь для жарки* → *соте́йник* — *турок* — *сковорода*), в то время как мереология — составные части (мереонимы) одного целого — холонима (*велосипед* → *рама, рулевое управление, ко-*

леса, педаальный привод).

Примечательно, что полевое представление словарных множеств является лишь одной из возможностей их рассмотрения. В структурализме существует и другая традиция — дендрическая, когда элементы и их взаимосвязи изображаются в виде перевернутого дерева, получившего в постмодернизме обозначение «ризомы» (*rhizom* → греч. ρίζωμα — «корневище», термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari 1976]). Данное представление достигается при мыслительном перемещении рассматриваемой плоскости поля по центральной оси вверх на 90°, дающем изображение диверсифицирующегося ветвления от общего укоренения (центра-ствола). Следовательно, поле и ризома — суть лишь разные углы наблюдения за одним и тем же явлением.

Следует отметить, что традиционные представления о лексико-семантических полях обнаруживают выраженный семантический детерминизм, в то время как семиотический подход позволяет применить категориальную пару «центр vs. периферия» в том числе и к семасиологической стороне языковых знаков. Образующие таким образом множества — морфологической природы и известны как словообразовательные гнезда (морфологические поля). В центре таких структур располагается корневая (центральная) морфема (*отец*), а от нее радиально отходят дериваты, образованные при помощи вспомогательных (аффиксальных) морфем в докорневой (*праотец*), послекорневой (*отеческий*) позициях и смешанного типа (*безотцовщина*), а также детерминативные композиты (*отцеубийца*). Безусловно, каждая новая лексема, в особенности из класса имен существительных, может сама стать со временем корневой морфемой, ср. дериваты морфемы «*род*» с «затемненным» этимологом — «*урод*» и «*народ*». Как отмечает В. М. Лейчик, объект (или признак) поля может быть обозначен более чем одной лексемой (Лейчик 2009: 108). Так, центр поля «*Paralympics*» в британском варианте современного английского языка конституируют несколько когиперонимов — дериватов одного уровня: «*Paralympics*», «*Paralympian*» (имя существительное) и «*Paralympian*» (конверсив — имя прилагательное) (Марцева 2018: 33).

Небезынтересной в связи с этим представляется судьба заимствований, семасиологически похожих на собственные лексические единицы языка-донора, к примеру: *boy* (в словах «*бойфренд*», «*ковбой*», «*плейбой*») ≈ *бой*. При достаточной мотивированности между подобными гетеронимами возможно возникновение семантической близости,

которая значительно ускоряет ассимиляцию (адаптацию системой) заимствований и может привести к феномену апостериорной деривации, т.е. производности заимствованных лексем (Кобенко 2014: 160), ср. дериват «плейбойчик» по аналогии с «подбойчик».

Необходимо допустить оговорку, что системными элементами могут быть необязательно целые лексемы, но и морфемы и фонемы. Строгая иерархия элементов предполагает зависимость следующего порядка: фонемы → морфемы → лексемы. Как упоминалось ранее, фраземы и паремиологические единицы (поговорки, пословицы, поговорки) нереконструируемого фонда языка, которые некоторые исследователи по-прежнему ошибочно относят к грамматике, образуют свою собственную иерархию сложности (от сверхфразового единства до сказки) (Пермяков 1970) вне области действия грамматических правил.

Совокупная дистрибуция элементов системы определяет их функциональный потенциал; ср.: аллофоны фонемы [с] в функции предлога творительного падежа: [з] «с Зиной», [щ] «с Щукарем», [ʹж] «с Чбановым». Здесь регрессивная ассимиляция очерчивает диапазон вариативности элемента в системе языка, который, безусловно, может корректироваться действующим узусом (функционально). Это касается и отраженных в словарях возможностей дистрибуции элементов с определенным управлением, дополняющих их системные свойства; ср.: «контроль над» (лит.) vs. «контроль за» (разг.). Главным отличием системных от функциональных свойств словарных элементов можно признать устойчивость (семантическую центрированность) их системных признаков. Периферийные же свойства элементов системы зачастую выступают основанием для создания новых периферийных (под)систем в общем словарном фонде в виде терминологий или социолектов (*Fachwortschätze*) со слабо обработанной нормой лексическим составом (Munske 1988: 46-74). Одним из базовых принципов образования периферийных словарных систем языка является объединение элементов стыковых областей имеющихся множеств (Лейчик 2009: 133).

3.2. Функциональный репертуар языка

Функциональный репертуар есть результат комбинаторного соотнесения единиц различных множеств языковой системы с целью реализации преимущественно выразительной функции языка. Как явствует из предшествующих рассуждений, главными свойствами функционального репертуара выступают его субъективность и селективность (отобранность). Тем самым, его устройство целесообразно описывать не

элементами, образующими систему, а средствами, определяющими возможности той или иной разновидности речевого репертуара (прожиточного минимума языка) отдельного индивида сообразно с решаемыми им коммуникативными задачами.

Комбинаторный речевой репертуар современных литературных языков настолько обширен и разнообразен, что его изучают сразу несколько дисциплин языкознания (риторика, стилистика, прагматика, грамматика, семантика, лексикология), однако наиболее частой логической операцией создания выразительных средств выступает объединение по следующей формуле:

$$f = \{n\}A_1 \cup \{n\}A_2,$$

где $\{n\}A_1$ и $\{n\}A_2$ — элементы различных множеств A_1 и A_2 , $\cup$ — математический оператор объединения.

Например, для создания гиперболической образной перифразы «*королева цветов*» (роза) комбинируются соответствующие элементы системных множеств (ономасиологических полей) «*правитель*» и «*растения*». Каждый язык имеет в своем функциональном арсенале определенные возможности выражения суперлативации в форме заготовленных элативов; ср.: в русском языке средство «*царь*» как инициальный компонент детерминативных композитов «*царь-пушка*», «*царь-змея*», «*царь-колокол*». В «Русско-немецком словаре» И. Я. Павловского указанные элативы переводятся лексемами «*groß*» и «*König(in)*», ср.: «*царь-колокол*» → «*die große Glocke*», «*царь-пушка*» → «*die große Kanone*», «*царь-змея*» → «*die Schlangenkönigin*». Следует отметить, что в немецком языке схожей функциональностью обладает словарная единица «*König(in)*»; ср.: суперлативные формулы «*Der König / Die Königin der...*» («*Die Königin der Farben*»). При этом заимствование «*-zar*» уже как финальный (основной) компонент детерминативных композитов-элативов описывает индивидов, имеющих решающую или неограниченную власть в определенных сферах общественной деятельности, например: «*der Modazar*» — законодатель моды, «*der Pressezar*» — медиамагнат.

Существуют и другие способы комбинаторного препарирования элементов системы, в том числе и фразео-паремиологического фонда, к которым следует отнести эргативные замены («*и почтальон сойдет с ума, разыскивая их / его / ее и т.п.*», «*большому кораблю большая торпеда*») и усечения («*что посеете*», «*картина Репина*») с функцией аллюзий.

Линейные (синтагматические) способы комбинаторики допол-

няют парадигматические, главенствующим среди которых является перенос значения единицы из одного множества в другое; ср. обиходную метафору «*Ofen*» в немецком языке в значении <мотоцикл>.

Функционально-стилистическое расслоение языка и коммуникативно-прагматическая специализация делают общий (коллективный) функциональный репертуар в высшей степени неоднородным множеством. Не только среда и быт, но и уровень образования оказывают самое непосредственное влияние на состав индивидуального речевого репертуара, который отбирается сообразно с потребностями индивида. Классическим примером в духе попперианства может фигурировать сравнение объема функционального репертуара Элочки-людоедки в 30 слов и словарного запаса И. В. фон Гёте в 90 000 лексических единиц. Благодаря общедоступному образованию и просвещению масс индивидуальные функциональные репертуары унифицируются, а словарный состав выпускника школы (минимум 25 000 слов) в разы превосходит состав малых (индигенных) языков (максимум 4 000 слов).

4. Заключение

Итак, системные свойства словарных множеств неразрывно связаны с особенностями их структурной композиции, в то время как функциональные — с особенностями речевой комбинаторики элементов системы. Комбинирование последних в речи осуществляется в соответствии с правилами грамматики, распространяющимися на всю систему языка за исключением нереконструируемого (фразеопаремиологического) состава.

Если компонентами системы выступают элементы, то в функциональной плоскости уместно говорить о средствах выражения, образуемых сообразно с реализуемой ими выразительной функцией языка.

Система и функция представляют собой два антиномических полюса языка, взаимообмен между которыми обуславливает его историческое развитие, в результате чего средства переходят в элементы и наоборот. Данное превращение осуществляется методом эвристического отбора и обуславливает явление, известное в лингвистике, как языковой дрейф.

© Кобенко Ю. В.

3.5. МЕТАФОРА КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ*

1. Введение

С самого начала следует подчеркнуть разницу между актами понимания, стимулируемыми метафорой: 1) понимание метафоры с ее семантикой и 2) понимание смыслов в тексте *благодаря* метафоре. Традиционно достижением понимания считают *элементарную семантизацию* метафоры, приравнивая ее значения к значению некоторого неметафоризованного отрезка речевой цепи при выстраивании «прямого» варианта предикации. Более широкая трактовка роли познавательной метафоры именно в семантике целого текста, предполагает такую работу, когда понять надо смыслы, метасмыслы и художественную идею, что и представляет *настоящую трудность* серьезного чтения. С другой стороны, декларируя универсальность метафоризации и метафоричности как многоаспектных языковых явлений, неразрывно связанных с возникновением и существованием человека (о чем свидетельствует всё, начиная от единиц языка — ремнантов старых остановившихся метафоризаций, до самих книг, являющихся одновременно и продуктами полиграфической промышленности с вполне конкретными физическими характеристиками, и тем, что заставляет читателя «переживать» сложнейшие коллизии и их развязки), мы ограничиваемся рассмотрением их самых традиционных форм, обычно составляющих предмет изучения стилистики, то есть фигур речи и тропов.

Проблема понимания в целом является одной из самых актуальных, поскольку сам феномен понимания до сих пор остается малоизученным, хотя и одним из самых привлекательных для исследователей в силу своей исключительной важности для эффективности многих (если не сказать всех) форм человеческой деятельности. В настоящее время в современной методологии науки актуальными остаются вопросы о месте и статусе понимания в процессах познания, о соотношении знания и понимания, понимания и общения, понимания и картины мира, понимания и объяснения и др. Дело в том, что проблема понимания текста носит междисциплинарный характер, и прежде всего ее относят к компетенции лингвистики, психологии и герменевтики. В рамках этих дис-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

циплин был накоплен богатый эмпирический материал, до сих пор еще не получивший удовлетворительного научного обобщения, а сам междисциплинарный характер проблемы понимания породил множество подходов к ее решению и, соответственно, к сравнительно большому разнообразию далеко не всегда согласующихся между собой теоретических концепций, описывающих феномен понимания. Если когнитивная наука занимается вопросами о существующих значениях и концептах, в терминах «герменевтической семантологии» (Лопырева 2000) задаются вопросами о возможности и условиях приобретения словом значения и смысла. Соответственно, с точки зрения герменевтики, при понимании художественных текстов имеет место не простое декодирование знаковых образований, а процесс распредмечивания выразительных средств текста, ни одно из которых непосредственно не обозначает заложенного автором и получаемого реципиентом смысла.

«Авторский процесс усмотрения жизненных содержаний, угасает в средствах текста как предмете, который и предъявлен реципиенту для распредмечивания, то есть для восстановления ситуации мыследействия продуцента. Это восстановление происходит ... как воспроизводство процессов смыслообразования силой рефлексии реципиента над всем своим опытом отражения действительности и над всем своим опытом коммуникации» (Богин 1986: 58-59).

Основополагающим здесь выступает понятие рефлексии как сложного мыслительного процесса, действие которого заключается в симультанно-линейном соотнесении эмпирических конститuentов онтологической конструкции субъекта понимания и осваиваемым гносеологическим образом. Эта деятельность приводит к появлению «мостиков», обеспечивающих связь между опытом индивида и ситуацией, представленной в тексте и, соответственно, приводящих к пониманию.

Распредмечивающий характер понимания определяется тем, что реципиенту непосредственно даются не смыслы как некие идеальные конструкты, а их превращенная предметная форма в виде самих средств построения текста, что заставляет думать в данном случае об особом месте метафоризации и метафоричности.

Несомненным является то, что понимание связано с освоением субъектом знаний о материальном и духовном мире. Еще Гегель обратил внимание на то, что всякое понимание есть уже отождествление «я» и объекта, некое примирение тех сторон, которые остаются разлученными вне этого понимания. Таким образом, наука о понимании в любом случае должна рассматриваться как один из разделов человеко-

ведения. Вполне очевидно и то, что процесс понимания тесно связан с функционированием языка, с коммуникативной деятельностью. Обмен текстами предполагает как их порождение и передачу со стороны продуцента, так и усмотрение текстового смысла со стороны реципиента. При этом понятно, что понимание не есть специфическая процедура освоения языковых образований, что ее компетенция распространяется на все явления окружающей действительности, в том числе и не выраженной в языке или тексте. Вместе с тем, проблема понимания языка, текста, несмотря на то, что она выступает в качестве лишь одной из сторон общетеоретической проблемы понимания, представляет собой одну из наиболее актуальных исследовательских задач. Ее актуальность детерминируется большей явностью различия «означающего» и «означаемого» в языке по сравнению с другими нормативно-ценностными системами, поэтому в определенном отношении осмысление языкового знака оказывается ключом к осмыслению других элементов культуры. Кроме того, анализ проблемы понимания языковых образований, текстов имеет существенное значение для гуманитарных наук в целом, ибо текст — это первичная данность и исходный пункт всякого гуманитарного знания. В проблеме текста сходятся многие гносеологические вопросы всех гуманитарных наук, и она представляет некоторую основу для реализации единства всех форм гуманитарного знания и унификации его методологии.

2. Методология

Следует подчеркнуть, что вопрос о сущности понимания текста — один из самых трудных в филологии. Об этом свидетельствует и тот факт, что до сих пор не существует «твердого» определения понимания текста. Избегая предельности дефиниции, позволяющей лишь отграничить «понимание текста» от других предметов изучения — в частности от мышления, сознания, знания, возможно определить понимание как освоение разумом того, что присутствует или дается неявно. В большинстве случаев под этим «неявным» имеется в виду *смысл* (мысль) текста. Видя специфику понимания в том, чтобы выявить смысл, скрытый в текстах, можно утверждать, что объекты, которые в принципе не являются носителями смысла, вообще не могут стать объектами понимания и в конечном итоге быть понятыми. Другими словами, понятия «смысл» и «понимание» оказываются соотносительными и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Вне понимания так же нет смысла, как и понимание есть усвоение некоторого смысла; и, если под

смыслом понимать конфигурацию связей и отношений между разными элементами ситуации и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения (определение Г. П. Щедровицкого), то каковы же условия этого создания или восстановления? Для ответа на этот вопрос нами используется в качестве методологической основы базовая схема системомыследеятельности (далее — СМД) (Щедровицкий 2005). Смысл появляется при определенных условиях. В частности, для появления смысла должна быть некоторая ситуация, либо в деятельности, либо в коммуникации, либо в том и в другом. При этом ситуация должна быть тем материалом, на который обращена рефлексия, понимаемая здесь как связка между извлекаемым прошлым опытом и ситуацией, представленной в тексте как предмет для освоения (определение Г. И. Богина). В таком понимании рефлексия оказывается определяющей основой процессов понимания текста, направляя и модифицируя их (Богин 2009). Вопрос корреляции между разными способами организованности рефлексии при действовании человека с текстом можно представить как варианты (с подвариантами) фиксации рефлексии по трем поясам мыследеятельности СМД: в поясе мыследействия (мД), в поясе мысли-коммуникации (М-К), в поясе чистого мышления (М), отражающих три единственно существующих вида опыта: опыт действия в реальном мире в виде предметных представлений, опыт действия с текстами вообще в виде знаний о тексте, опыт в виде глобальных экзистенциальных смыслов и знаний как схем, диаграмм, графиков, парадигм и т.п. С учетом всех трех поясов СМД можно выделить и описать различные способы фиксации (предметной организованности) рефлексии по следующим критериям установления «места» фиксации: 1) в поясе мыследействия, дающей реактивацию предметных представлений, «образность»; 2) в поясе мысли-коммуникации, дающей усмотрение текстовых характеристик; 3) в поясе чистого мышления, дающей прямые усмотрения метасмыслов. Фиксация рефлексии одновременно во всех трех поясах указывает на богатую мыследеятельность, осуществляемую в процессе понимания содержательности высокохудожественных текстов.

3. Исследовательская часть

3.1. Метафора как средство понимания содержательности текста

Метафора легче и быстрее других фигур речи «пробуждает», стимулирует рефлексивные процессы и поэтому представляет собой

эффективнейшее средство понимания содержательности текста в силу того, что сама является опредмеченной рефлексией, ее ипостасью. Причина этого кроется в специфике работы метафорического механизма, заключающейся в соотношении и наложении традиционно называемых прямым и переносным планов метафоры, в результате чего возникает еще один новый план: некая общая зона повышенной рефлексивной активности, в пределах которой организуются сложнейшие смысловые конфигурации, связи и отношения. В этом смысле под метафорой следует понимать не только метафору *propere* (собственно метафору), но и другие средства текстопостроения, обладающие указанной способностью. Все текстовые средства (синтаксические, фонетические, лексические, фразеологические, словообразовательные, а также графические), способные пробуждать рефлексии и тем самым объективировать явные и неявные смыслы, имеют в этом отношении сходство между собой и поэтому способны категоризоваться. В связи с этим правомерно поставить вопрос о категории метафоризации как метасредстве понимания. Что касается степени разработанности сформулированной таким образом проблемы, то полномасштабных обобщающих трудов, рассматривающих метафоризацию в терминах опредмеченной в виде понимания ипостаси рефлексии, пока не создано. Однако накоплен солидный объем исследований, непосредственно или косвенно относящихся к предмету изучения: вся, начинающаяся с Аристотеля, литература по метафоре. Вместе с тем до сих пор современная наука не располагает единой точкой зрения на понимание метафоры как ментального феномена. Ни одна из существующих концепций метафоры (сравнительно-фигуративная, образно-эмотивная, интеракционистская, прагматическая, когнитивная, семиотическая и др.) полностью не объясняет всей специфики метафор и критерия метафоричности, а также не раскрывает до конца механизма понимания метафорических выражений, поскольку не рассматривает метафору одновременно с коммуникативными, познавательными, эстетическими и другими вместе взятыми ее функциями. В современных трудах по метафоре можно выделить три основных взгляда на ее лингвистическую природу: (1) метафора как способ существования значения слова, (2) метафора как явление синтаксической семантики, (3) метафора как способ передачи смысла в коммуникативном акте.

В первом случае метафора рассматривается как лексикологическое явление. Этот подход является наиболее традиционным, поскольку

самым тесным образом связан с представлением о языке как относительно автономной от речевой деятельности и стабильной системе. Соответственно, представители данного подхода считают, что метафора реализуется в структуре языкового значения слова. При втором подходе основное внимание уделяется метафорическому значению, возникающему при взаимодействии слов в структуре словосочетания и предложения. Он является наиболее распространенным: для него границы метафоры более широкие — она рассматривается на уровне синтаксической сочетаемости слов. Этот подход содержит больше динамизма. Наиболее ярко его позиция отражена в интеракционистской теории М. Блэка. Третий подход рассматривает метафору как механизм формирования смысла высказывания в различных функциональных разновидностях речи. Для данного подхода метафора — это функционально-коммуникативное явление, реализующееся в высказывании / тексте. Первые два подхода обусловили развитие третьего, который можно назвать функционально-коммуникативным. Следует выделить несколько теорий, обеспечивших его методологическую базу: прежде всего это прагматическая и когнитивная теории метафоры. Прагматическая теория метафоры является опорной для функционального подхода. Основное ее положение заключается в том, что метафора возникает не в семантической области языка, а в процессе использования языка в речи; следовательно, областью действия живой метафоры является не предложение, а речевое высказывание. В этом отношении прагматическая теория является существенным дополнением к семантико-синтаксическому подходу и позволяет перенести изучение метафоры на уровень речевого высказывания, используя все основные положения теории о семантических механизмах возникновения метафорического значения. При этом в основе всех взглядов на природу метафоры находится положение о метафорической природе мышления как такового. Наивысшее развитие метафорическое мышление получает в области словесного искусства как моделирующей системы, осваивающей все доступные человеку объекты бытия (Толочин 1996). Следствием того, что моделирование представлений (идей) в художественной речи носит максимально творческий характер, является свобода художественной речи (по сравнению с другими функциональными речевыми разновидностями) от ограничений, налагаемых языковой системностью. Выступая как информационный процесс для усвоения субъективной реальности, понимание художественного текста оказывается способом выявле-

ния сущности человека как совокупности общественных отношений, представленных личностно: оно представляет общественные отношения в «человеческом материале», в состояниях человека, то есть придает им чувственно доступный вид (Богин 1986: 60). Чувственное усмотрение субъективных реальностей предопределяет значительную роль метафоры как средства пробуждения рефлексии, объективация которой и создает особую художественную смысловую организацию текста, и обеспечивает понимание смыслов, мета-смыслов и художественных идей, в том числе и как различных оттенков тональности произведения, таких, например, как юмористическая окраска.

3.2. Юмор как смысл текстовой художественной формы

Известно, что юмор на протяжении всей своей истории обогащал искусство во всех его проявлениях и являлся неотъемлемым элементом всех сторон жизни людей. Во многом значимость юмора определяется тем, что он необходим как важнейший элемент национального самосознания (о чем написано большое количество научно-исследовательских трудов), но он также является и чрезвычайно важным элементом самосознания отдельного индивида. Можно согласиться, что в отличие от смеха, который не имеет национальной окраски, юмор всегда национален, но, будучи эстетическим явлением, он универсально функционален как средство понимания и оценивания себя самого и того продукта культурной деятельности, в котором находит свое выражение в определенной осмысленной и потому социально значимой форме. Юмор как смысл является и инструментом понимания этого смысла наподобие метафоры, которую можно использовать в качестве средства освоения содержательности текста, по причине способности того и другого пробуждать рефлексию в ситуации непонимания (Крюкова 2015). В конечном итоге такая рефлексия уже в ипостаси понимания представляет собой совокупность трех составляющих как результат реактивации опыта предметных представлений, опыта действия с текстами и опыта в виде знаний.

3.2.1. Образность и образы юмора

Следствием реактивации опыта предметных представлений часто является визуализация как возникающая в сознании картинка с универсально-специфическими характеристиками. В качестве примера вспомним такой хорошо известный визуальный образ сатиры и юмора, как карикатура. Это старинный жанр искусства с корнями, уходящими в глубокую древность (беотийское искусство Древней Греции, народный

примитив Средних веков). Как самостоятельный жанр карикатура возникает в эпоху Возрождения и парадоксальным образом связана с именем Леонардо да Винчи, метафорически сочетавшем в своем искусстве идеальные образы человеческой красоты и безобразия, уродство в изображении человека, демонстрирующие способности ренессансного художника к универсальному изображению мира и проявлению свободы воображения, вызывающего самые разные эмоции. Как образная тропеизация карикатура выделяет одну-единственную черту высмеиваемого объекта, и эта черта становится главной по отношению ко всему объекту. Путем преувеличения одна единственная часть представляет и характеризует все целое, и этот карикатурный принцип можно целенаправленно использовать и при вербализации юмористического описания. Например, Н. И. Надеждин, говоря об описании Москвы в поэме Пушкина «Евгений Онегин», сравнивает его с хогартовским описанием Лондона (цит. по: Шестаков 2017: 68-69).

*... Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

Пушкинская ирония по отношению к эклектическому описанию Москвы замечательно передается одним длинным предложением с длинным рядом перечисления рематических однородных членов в субъектной функции, практически выстроенном в соответствии с учением о выразительности линии У. Хогарта.

3.2.2. Текстовые характеристики юмора

Юмор имеет разные формы и жанры, и именно их построение и усмотрение является в определенных случаях самой яркой гранью в результате кристаллизации смысла, когда задействован опыт освоения тех или иных характеристик текста. Есть «комедия характеров», есть особая «комедия остроумия», широко использующая барочную эстетику и

драматургию «острого ума». Есть политическая сатира, гениальным образом проявившаяся, например, в творчестве такого мастера как Дж. Свифт. Предметом его сатирического описания является буквально все: частная жизнь, социальные институты, религия, политика. Свифт создал острую пародию на современные ему политические партии в своих описаниях путешествия Гулливера. Одним из его шедевров политической сатиры является «Сказка о бочке», занимательная аллегория, посвященная критике трех религиозных вероучений — англиканства, католицизма и пуританизма, которые предстают в образе трех братьев: Мартина, Петра и Джека. Широкую известность получил памфлет «Скромное предложение о детстве бедняков», в котором Свифт предлагает для облегчения нищеты в Ирландии откармливать детей бедняков на убой и засаливать их в бочках, чтобы таким образом содействовать благосостоянию страны и расцвету экономики.

Выразительными средствами юмористического языка являются фантастические истории, пародии, бурлески, шутки, юмористические стихотворения. Не менее популярной в юмористических текстах всегда была игра слов. Можно говорить о юморе характеров как, например, у Диккенса. Характеры, описываемые в его романах, обыкновенно двух типов: холодные, бездушные люди — чиновники, адвокаты и судьи, использующие закон для своей личной выгоды, и отзывчивые, мягкие, вызывающие симпатию люди, вроде Пиквика. Поэтому Диккенс одновременно и самый жестокий сатирик, обличающий бесчеловечность, и самый мягкий и добрый юморист, вызывающий смех и сострадание к людям добрым, простым и обездоленным.

В литературе XX в. продолжилась традиция мягкого, безобидного юмора, основанного на сентиментальности и тщательно маскируемой чувствительности. В этом смысле показательно творчество Джерома, автора популярной повести «Трое в лодке». Сфера его юмора — быт, повседневная жизнь, комические приключения неприспособленных к практической жизни героев с миром неодушевленных вещей. Джером — мастер занимательного повествования, его книги включают вставные истории и анекдоты, раскрывающие алогичный мир вещей и неспособность человека приспособиться к нему. Мягкий незлобивый юмор Джерома, также как и мягкий и элегантный юмор Пелама Вудхуса, получил огромную популярность далеко за пределами Англии.

Любые оттенки юмористической окраски являются мета-смысловой рамкой авторского посыла в его намерении насмешить,

удивить, обличить, вызвать сострадание и при этом заставить читателя понять смыслы «веселье», «откровение», «критика», «боль» как значащие переживания, получившие воплощение в текстовой художественной форме юмора.

3.2.3. Юмор абсурда как экзистенциальный смысл

В XX веке в Англии также возникает остросатирическая литература, основанная на ощущении абсурдности мира, например, высокоинтеллектуальные произведения Ивлина Во, Олдоса Хаксли, Оскара Уайльда, Бернарда Шоу и Джорджа Оруэлла. Совершенно самостоятельное явление представляет собой поэтический юмор, например, поэзия нонсенса, восходящая к иррациональным представлениям о мире. В буквальном переводе слово «нонсенс» означает бессмыслицу, отсутствие смысла или его искажение. На самом деле поэзия нонсенса связана с поисками смысла или, во всяком случае, игрой со смыслами. В ней присутствует определенная, только ей свойственная логика. Текст в поэзии нонсенса строится по принципу «шиворот-навыворот» или «всё вверх тормашками». Поэтому это не простое отрицание смысла, а построение нового смысла, который конструируется при нарочитом нарушении обычной, банальной логики, создающем убедительное впечатление правдоподобия и превращающем абсурд в развлечение, реальность — в форму критики. Нонсенс переворачивает смысл наизнанку. Он включает в себе два редко сочетаемых друг с другом качества: способность мыслить и высокоразвитое чувство языка.

В России хорошо известна «Алиса в стране чудес» Л. Кэролла. Эта книга — замечательный пример юмора, основанного на «перевернутой» логике с выходом в мир хаоса и вывернутой «наизнанку» реальности.

Поэзия нонсенса оказала влияние на литературу, проявившееся у многих писателей, например, Джойса, Беккета, Ионеско. В России поэзия абсурда культивировалась обэриутами, отчасти Маяковским и другими. Она и сегодня влияет на современную английскую поэзию, например, известного английского поэта Уистена Одена. Интересно то, что юмористические тексты Одена строятся с установкой на самую активную рефлексивную деятельность по формированию смысла. Во-первых, в его поэтическом языке как разные смысловые уровни соединяются различные жанры: подражание народной поэзии, поэзия на темы повседневной социальной жизни и поэзия нонсенсов. Во-вторых, его нонсенсы представляют иррациональный поток сознания с ассоци-

ациями, в результате которых возникает игра слов, превращающаяся в бессмыслицу скрытого смысла (Крюкова 2018). В-третьих, Одену принадлежит уникальная для поэзии XX в. попытка соединить поэзию нон-сенса с карикатурой. Уникальным примером в этом отношении является его книга «Академические граффити» с иллюстрациями итальянского художника Филиппо Сенджаста. В этой книге Оден сатирически рисует образы великих людей мира, которые изображены не героями, а в приземленном, комическом виде. Здесь портреты мыслителей, композиторов, поэтов. По словам В. Шестакова, это настоящая ироническая энциклопедия (Шестаков 2017: 123). Прежде всего, Оден пародирует имя героя, находит ему созвучную метафору, наподобие детской дразнилки. Иногда это звучит просто забавно: *Edward Lear was haunted by a fear [while travelling in Albania of contracting kleptomania]*. Порой дразнилка превращается в сатиру, например, в пародирование характера или профессионального пристрастия: *When Karl Marx found the phrase “financial sharks”, [he sang a Te Deum in the British Museum]*. Комический эффект абсурда Одена переживается как художественный смысл, позволяющий нетрадиционно видеть и познавать окружающий нас мир.

4. Заключение

Предложенная интерпретация художественного феномена «юмор» в качестве идеального конструкта, воплощенного в текстовой форме, позволяет рассматривать его как средство метафоризации, представляющее собой эффективный инструмент смыслопостроения и смыслоусмотрения, так как, будучи непрямо номинированным, в процессе освоения он пробуждает особенно «богатую» рефлексивную, захватывающую все три пояса системомыследеятельности. Критерий «мера и способ пробуждения рефлексии», положенный в основу типологии процессов понимания, а также интерпретации (как высказанной рефлексии) последовательности мыслительных действий понимающего субъекта приравнивается к критерию «мера и способ метафоризации». Это позволяет ставить вопрос о рассмотрении конкретных способов организации текстовой формы как средств пробуждения рефлексии и выделить в качестве самостоятельной проблемы задачу определения роли конкретных стилистических приемов и фигур речи в понимании текста.

© Крюкова Н. Ф.

3.6. ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН В ДИСКУРСИВНОЙ НОМИНАЦИИ

1. Постановка проблемы

При традиционном подходе глагол рассматривается как часть речи, выполняющая, преимущественно, коммуникативную функцию в силу своей центральной, ядерной роли в языке и речи, а также способности служить предикативным центром высказывания (Арутюнова, 1976; Васильев, 1981; Сильницкий, 1973; Уфимцева, 2002; Чейф, 1975; и др.). Широта понятийной основы (категориального значения) глагола, которая определяется как действие / состояние как процесс, затрудняет реализацию номинативной функции, однако полностью ее не исключает. Номинативная функция глагола остается в тени, и часто недооценивается. Первая проблема, которая решается в данном исследовании, может быть сформулирована следующим образом: насколько весомо участие глагольных имен в номинации по сравнению с предметными именами. Другая проблема, вытекающая из первой, связана с потенциалом номинативной функции глагола в дискурсивной перспективе или, другими словами, с участием глагола дискурсивной номинации.

Обозначенные проблемы определяют *цель* данного исследования, состоящую в том, чтобы, во-первых, высветить номинативную функцию глагольных имен, и во-вторых, оценить их номинативный потенциал в дискурсивной номинации.

Материалом исследования послужил британский медийный дискурс, воплощаемый через совокупность разножанровых медиатекстов. Использовались следующие периодические издания: «The Times», «The Sunday Times», «The Guardian», «The Independent» и «Daily Mail».

2. Методы исследования

Цель исследования определила выбор метода ономаσιологического анализа номинативного аспекта текста в терминах ономаσιологических категорий предметности, процессуальности, признаковости и их разновидностей с целью соотнесения способа расчленения и детализации описываемой внеязыковой ситуации и жанровой категории текста, в котором она представляется. Метод дискурсивного анализа применялся для выявления степени и характера влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности — непосредственно ситуативного контекста и более широкого экстралингвистического фона — на формирование языковых закономерностей определенного класса тек-

стов, в частности жанра. Активно применялись методы семиотического, семантического, корпусного анализа. Последний имеет отношение к формированию корпуса разножанровых медиатекстов для последующего рассмотрения в них роли глагольных номинаций.

3. Типы номинации

Дискурсивная номинация — это одна из трех основных видов номинации наряду с лексической (через слово и словосочетание) и пропозитивной (через предложение). Если при лексической номинации имеет место простая предметная соотнесенность, при пропозитивной номинации источником является не конкретный предмет или явление, а связь предметов, явлений, свойств, процессов (событие, ситуация), то при дискурсивной номинации исследователь сталкивается с необходимостью установления соотношения между событиями или ситуациями (Колшанский 1977: 121).

В связи с дискурсивной номинацией следует остановиться на самом термине *дискурс*, который характеризуется многозначностью, противоречивостью, отсутствием четкого контура и объема. Основной причиной терминологической неопределенности дискурса как объекта исследования послужило практически одновременное развитие нескольких направлений и подходов к новому понятию: функциональный подход (Р. Фасолд, Дж. Браун, Дж. Юл, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов), формальный подход (З. Харрис, М. Стаббс, В. А. Звегинцев), формально-функциональный подход (Д. Шифрин). В настоящем исследовании вслед за Т. ван Дейком дискурс рассматривается как явление, интегрирующее вышеперечисленные подходы, как сложный коммуникативный феномен, включающий социальный контекст и дающий представление об участниках коммуникации, их характеристиках, о процессах производства и восприятия общения (ван Дейк 1989].

3.1. Понятие дискурсивной номинации

Один из параметров описания дискурса — параметр его жанровой ориентации — контекст, охватывающий информацию о коммуникативном задании, предметной/референтной ситуации, адресанте и адресате и др. Номинация — это «отражение внеязыковой действительности в слове» (Гак 2000: 103); именно к ней, к внеязыковой действительности, обращен жанр одной из своих сторон, причем один и тот же фрагмент реальности преломляется по-разному в разных жанрах. Способ представления объективной реальности, т.е. разная полнота ее охвата, разный масштаб ее изображения, разный угол зрения на нее —

все это определяет предмет или референтную ситуацию жанра. Аналогично тому, как происходит выбор единицы номинации в акте ее создания, в дискурсивно-когнитивном акте, т.е. в процессе создания текста, относящегося к тому или иному жанру, происходит и выбор единиц номинации, задаваемый жанровыми требованиями. Оба эти акта имеют общее свойство: тот и другой связаны с внеязыковой действительностью, с онтологией мира.

«Для отражения мира в дискретном виде использовались дискретные классы слов, каждый из которых должен был отличаться от другого особым способом представления действительности в особых речемыслительных категориях» (Кубрякова 1986: 26).

Таковыми речемыслительными категориями явились части речи, по-разному связанные с онтологией мира и по-разному репрезентирующие мир в своих семантических структурах.

3.2. Глагол как номинативная единица

В рамках ономаσιологического подхода к частям речи акцент делается на том, для обозначения каких сущностей в мире они были созданы. Дифференциация частей речи сопрягается с онтологическими факторами. Признаётся, что, в реальном мире существуют разнородные объекты разной природы с нетождественными свойствами.

«Способность называть разные атрибуты материи по-разному, способность слов служить обозначением по-разному осмысленных фрагментов мира приводит постепенно к разному оформлению наименований для разного содержания» (Кубрякова 1986: 26).

В объективной действительности человеческое сознание выделяет, прежде всего, предметы (статические объекты) и процессы, связанные с этими предметами (их действия, изменения состояния, отношения), а также характеристики объектов и характеристики процессов. Соответственно, существительные и глаголы обозначают субстанции и процессы. Прилагательные и наречия обозначают характеристики субстанций и процессов. Именные классы слов (предметные и признаковые) несут основные ономаσιологические категории — категории предметности, процессуальности, признаковости. В основе существительных лежат пространственные координаты, фиксируемые сознанием, они обращены к пространственному параметру мира, в основе глаголов — временные, они организованы временной осью (Гак 2000: 104). Что касается прилагательных, то на так называемой шкале стабильности во времени Гивона они занимают срединное или промежу-

точное положение, в то время как существительные и глаголы, согласно его точке зрения, являются наиболее яркими прототипическими показателями параметров стабильности/изменчивости (в их крайнем выражении) и располагаются на диаметрально противоположных полюсах шкалы (Givon 1979: 14; Givon 1984: 334).

Выявление номинативной значимости глагола сопряжено с определенными сложностями. По мнению Е. С. Кубряковой,

«Анализ номинативной функции глагола свидетельствует о том, что части речи — это двуликий Янус; одной своей стороной части речи обращены к названию экстралингвистической реальности..., другой своей стороной они связаны с функциями языковой системы и организуются как классы слов сообразно выполняемым ими функциями на синтаксическом уровне» (Кубрякова 1978: 110).

Одним из следствий двойственного положения глагола в системе языка является недооценка его номинативной значимости и переоценка его структурной роли, сведение его смысловой структуры к сумме валентностей, возникающих в речевых актах. Говоря в целом о номинативной ценности глагола, необходимо иметь учитывать следующее: во-первых, превалирование в акте речи «предикативных примет» (Кубрякова 1978: 111) глагола не должно вести к умалению его номинативной функции; во-вторых, номинативная функция не тождественна у разных глаголов, т.е. разные глаголы вносят разный вклад в общую номинацию события.

4. Описание и обсуждение результатов исследования

В номинативно-речевой деятельности в качестве отправного пункта номинации служит интенция говорящего. В соответствии с ней

«проводится анализ ситуации, ее расчленение и детализация, выделение с необходимой в силу прагматических установок говорящего степенью точности отдельных подробностей и деталей в описываемой ситуации и т.д.» (Кубрякова 1986: 42).

Интенция субъекта жанра (текста определенного жанра) обуславливается требованиями того жанра, в рамках которого осуществляется его речевая деятельность. Соответственно, и выбор единиц номинации вообще и глагольных номинаций, в частности, соотносится с жанровым вектором дискурса. Как уже было сказано, номинативная функция не тождественна у разных глаголов, т.е. разные глаголы вносят разный вклад в общую номинацию события. Е. С. Кубрякова привлекла внимание исследователей к нетождественному характеру номинативной функции, во-первых, у глаголов разных семантических классов, во-

вторых, у разных форм глагола, в частности, личных и неличных, в-третьих, у одноместных, а также многоместных глаголов по сравнению с абсолютными и самодостаточными глаголами (Кубрякова 1978: 106).

В связи с этим представляют интерес две разных интерпретации относительно одного и того явления. С. Д. Кацнельсон отмечает, что абсолютные предикаты «в силу своей одноместности не представляют большого интереса для семантико-синтаксического исследования» (Кацнельсон 2002: 178). Сославшись на данное высказывание С. Д. Кацнельсона, Е. С. Кубрякова высказывает довольно неожиданную мысль, «что именно этими “неинтересными” глаголами номинативная функция осуществляется наиболее четко». Если у одноместного глагола («Дерево растет») номинативная функция распределяется между субъектом и предикатом в равной мере, то вклад двухместного глагола («Я написал письмо (не книгу)» в общую номинацию события оказывается как бы редуцированным. «Возрастание этой редукции, — заканчивает мысль Е. С. Кубрякова, — может принять крайнюю форму, сводя номинативную функцию самого глагола на нет» (Кубрякова 1978: 107).

Для выявления и описания функционального потенциала глаголов необходимо выделить признаки, на основании которых выделяются их ономаσιологические разновидности. Возникающие при этом трудности связаны с широкой, и поэтому достаточно неопределенной, сферой референции многих глаголов. Непредметность референциальной сферы глагола требует анализа выражаемых ими отношений между предметами. В глагольных лексемах как номинативных единицах закрепляются «всевозможные ракурсы связей глагольного “действия”, “состояния” и т.п. с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженные им» (Уфимцева 2002: 139). Номинация глагольными лексемами, по мысли А. А. Уфимцевой, происходит неизбежно с ориентацией на сферу субъекта и/или сферу объекта. В зависимости от направленности на одну из двух указанных сфер определяется «ономаσιологическая формула» каждого глагола. Символически это выглядит следующим образом: $S \leftarrow V$ (субъект действия, состояния) или $V \rightarrow O$ (объект воздействия, восприятия, отношения).

4.1. Дискурсивно-жанровая специализация глагольных номинаций

Для выделения ономаσιологических разновидностей глагольных номинаций осуществляется их дальнейшая субкатегоризация. С помощью семантического анализа выявляется конфигурация и репертуар

выбранных для наименования признаков, основных и сопутствующих, включенных и не включенных в наименование (их варьирование). Включение в глагольную номинацию обобщенных признаков формирует глагольные наименования с широким объемом содержания, включение же в номинацию эмпирических признаков, напротив, порождает глаголы с более узким объемом содержания. При этом номинация с обобщенным признаком в речевом акте конкретизируется бóльшим или меньшим числом предметных имен, восполняющих семантику глагола, вследствие чего его собственная номинативная ценность снижается, а структурная значимость возрастает. Эмпирические признаки, наоборот, усиливают степень номинативной автономности, абсолютности.

Если посмотреть на глагольные наименования в текстах разных жанров с точки зрения включения в них обобщенных или эмпирических признаков, то нельзя не увидеть очевидную связь между выбранным глаголом и дискурсивно-жанровой установкой. Так, глаголы, содержащиеся в *review*/рецензии, называют такие эмпирические признаки, с помощью которых передаются разнообразные слуховые и зрительные ощущения, в совокупности, описывающие общее, в целом скептическое, впечатление от концерта:

*The guitarist has his back to the audience. Every 10 second he **plucks** a string. People **titter** nervously not sure if this is intentionally funny or if he is about to **storm off** in a huff. Finally, three minutes later a loud electronic hum fills the air. It **wavers**, **thickens** slightly, **dies away**. The man stands up and the audience **applauds**.*

Глаголы *pluck*, *titter* имеют узкий объем значения: в семный состав первого наименования *pluck* помимо назывного глагольного признака «действие» включен «имплимент» *fingers*, «объект», над которым совершается действие — *string of a musical instrument*, «манера, способ исполнения действия» — *by pulling and releasing them*. Иначе говоря, «ономасиологическая формула» может быть представлена следующим образом: действие + имплимент + объект + манера. Конфигурация семного состава субъективного глагола *titter* включает «действие» + «манеру исполнения» + «сопутствующее эмоциональное состояние субъекта»: «to give nervous little laugh esp. when you are embarrassed about something».

Глаголы *fills*, *wavers*, *thickens*, *dies away* концентрируются вокруг одного субъекта (*hum*), представляя действие в динамике посредством его расчленения, детализации. Каждый последующий глагол уточняет

предыдущий: *fill* > «to occupy the space with sth»; *waver* > «to become weak or unsteady»; *thicken* > «to become thicker»; *die away* > «to become so faint or weak as to be no longer noticeable».

Подчеркнуто информативные, констатирующие глаголы *stands up* «to get onto one's feet» и *applaud* «to show approval of sth. by clapping one's hands» просто называют конкретные действия, приписываемые конкретным участникам ситуации, завершают картину.

В скетче/sketch глаголы с эмпирическим признаком способствуют достижению комического эффекта. Так, в следующем цитируемом фрагменте в намеренно смешном виде подается поведение одного из депутатов во время «часа вопроса»:

Boing, boing, boing went John Bercow. *Up sprang* the Tory MP for Buckingham eager to ask about absent fathers. *Up he bounced* a few minutes later on benefit fraud. He was on his feet again about pensions credits. He was irrepressible. He was like Zebedee. An hour and a half later he was still *popping up*. But the Speaker was *playing hard to get*. He was *pretending* he hadn't noticed Mr Bercow. He wanted this Jack firmly back in his box.

Мы не будем здесь останавливаться на лексическом и семантическом повторах, инверсии, которые также способствуют достижению комического эффекта. Обратим внимание только на глагольные наименования. Глаголы *bo*, *spring up*, *bounce up*, *pop up* в совокупности создают осязаемый чувственный образ, через который утрируется, гиперболизируется поведение реального лица. Наименование *bo* «to express disapproval (of) or strong disagreement (with)» является звукоподражательным, т.е. детерминированным реальными звуками, хотя и зависимыми от фонетической системы конкретного языка. Знаковое значение звукоподражательных глаголов носит денотативный характер, так как степень обобщения, обозначаемого глаголом присутствия, сформирована органами слуха, в силу чего они конкретны и семантически самодостаточны. На конкретность и самодостаточность звукоподражательных глаголов указывает А. А. Уфимцева:

«звукоподражательные глаголы в большинстве своем односубъектны, т.е. наименование признаку дается относительно одной семантической категории предметных имен, подпадающих по своей предметной сущности под категорию семантического субъекта действия. В силу этого глагольные наименования с денотативным характером лексического значения конкретны, семантически самодостаточны» (Уфимцева 2002: 164).

В наименования глаголов *spring up*, *bounce up*, *pop up* включают-

ся сопутствующие действию признаки такие, как «манера», «способ», в том числе «интенсивность», «кратность», «направленность»: *bounce* (действие + манера + направленность) > «to jump up in a lively manner, esp. in the direction specified»; *spring* (действие + манера + место действия + кратность) > «jump quickly or suddenly esp. from ground in a single movement»; *pop* (действие + манера) > «to go or come suddenly, quickly or unexpectedly».

В портретном очерке/profile роль глагола особенно велика в силу того, что повествовательная композиционно-речевая форма является неотъемлемой составляющей речевой ткани текстов данного жанра. Здесь глаголы называют разнообразные события в жизни героя, действия, совершаемые им или направленные на него:

*His City career **took him on** to J. H. Vavasseau as an investment adviser but he was not a success. «I wouldn't **entrust** your money to me» Wheeler says. Then he **joined** another bank and **realising** shortly afterwards that he was going to be **sacked, absconded** on a Friday in order to be «let go» the following Monday. He had noticed that he would receive three month's pay if he could **hang on** until the Monday.*

Рассматриваемый фрагмент насыщен событийными, акциональными глаголами, группирующимися вокруг субъекта очерка. В этом состоит особенность данного жанра. Здесь повествуется о неудачном начале профессиональной карьеры главного персонажа (Wheeler), добившегося впоследствии гораздо большего успеха в сфере азартных игр. Глаголы *take on — entrust — join — sack — abscond — hang on* участвуют в номинации события, которое можно условно определить как «трудоустройство, работа». Однако вклад каждого отдельного глагола в общую номинацию различен. Степень номинативной автономности выше у глаголов *sack, abscond, hang on* и ниже у глаголов *take on, entrust, join*. Первую группу глаголов характеризует более узкий объем значения: *sack* > «to dismiss from a job»; *abscond* > «to go away suddenly and secretly because one has done something wrong»; *hang on* > «if you are able to hang on in a difficult or dangerous situation you can just manage to keep living or working there until the situation improves». Два последних глагола относятся к так называемым субъектным глаголам, т.е. глаголам, ономаσιологически ориентированным на сферу субъекта, обозначающим действие или состояние, замыкающееся на субъекте, испытывающем его. Субъектные глаголы, по замечанию А. А. Уфимцевой (2002: 167),

«в большинстве своем очень узкие по смысловому объему и конкретные по характеру лексического значения, имеют денотативный характер в силу того, что предметом наименования является не только сам глагольный признак, но и сопутствующие ему обстоятельства способа, цели, интенсивности действия и т.п.».

Вторую группу глаголов отличает более широкий объем значения, кроме того они частично делят номинативную функцию с другими предметными именами: *take on* > «to start to employ somebody», *entrust* > «to give someone something to be responsible for», *join* > «to become united with». В портретном очерке характерной чертой является органичное сочетание глаголов, включающих эмпирические признаки, с глаголами, включающими более обобщенные признаки, причем и те, и другие предидируются одному и тому же субъекту.

Иное соотношение глаголов с эмпирическими и обобщенными признаками демонстрируют тексты жанра feature/проблемная (тематическая) статья:

*From the moment children begin to **socialise** and **visit friends**, parental resistance to pet ownership is futile. Once one's children have **glimpsed** — a small caged beast at a chum's house there no quelling their pleas. They somehow **know** how to **make one feel** like the only parent in the entire neighbourhood who is prepared to **deny** their children such innocent pleasure.*

Глаголы в приведенном фрагменте представляют собой в основном так называемые примарные, базисные глаголы, называющие какое-либо действие в обобщенном виде (*socialise, visit, know, make, feel, deny*) и лишь один глагол с эмпирическим признаком (*glimpse*). Такие глаголы, как *make, know, feel* принадлежат к ядру словарного состава языка, что может служить косвенным свидетельством их универсального характера, т.е. применимости в любых речевых ситуациях, с одной стороны, а, следовательно, отсутствия в конфигурации их семного состава сопутствующих специфических признаков, — с другой: *to make* > «to cause to become do or appear», *feel* > «to experience something physical or emotional to have sensation of something», *to know* > «to have something in one's mind or memory as a result of experience, learning or being given information».

В отличие от предельно широкозначных глаголов *make, know, feel* глаголы *socialize, visit, deny* характеризуются несколько более конкретным содержанием. Таксономически они могут быть отнесены либо к субкатегории объектных связей «отношения между людьми» (*socialise* > «to mix socially with others in a friendly way», *visit* > «to go or come

to see a person, place, etc. socially or on business or for some other purpose»), либо к субкатегории «информационное воздействие на людей» (*deny* > «to refuse to give somebody something or prevent somebody from having something», *to quell* > «to use force or persuasion to put an end to something»).

Глагол *glimpse* представляет собой номинативную единицу с узким объемом значения. Конфигурация его семного состава включает основной и сопутствующий признак: «действие» + «манера исполнения действия» — «to look + very briefly, not very well».

Тяготение feature/тематической статьи к глаголам с сигнификативным характером лексического значения, с содержащимися в них обобщенными признаками имеет непосредственное отношение к стратегии самого жанра, ориентированного на типизацию, выявление в повторяющихся житейских ситуациях общей проблемы (здесь это — судьба животных, которых родители покупают своим детям). При этом опускаются индивидуальные подробности, детали, очерчиваются лишь общие контуры. Вкрапление в текстуальную ткань глаголов с эмпирическими признаками привносит в повествование элемент достоверности, жизненности, правдивости, узнаваемости.

*Only in the past few years after nearly 30 years of neglect have we **begun to think and debate** a vision of what our cities should be like and as Rogers **points out** it will take decades to repair the damage. In the 70s the state **withdrew** and the market exploited the vacuum to the impoverishment of public space. A sense of what we've lost and need to **revive** is evident in Ken Worpole's *Here Comes The Sun*, a fascinating account of the political idealism, that **informed** urban planning for the first two-thirds of the 20th century. It is full of insight into how public space **influences** such things as a sense of belonging and ownership — themes that **crop up** in Mumbai in Century City.*

Очевидный крен в сторону глаголов с широким объемом значения наблюдается в жанре commentary/комментария.

Какова собственная номинативная значимость глаголов в рассматриваемом фрагменте? Фазисный глагол *begin* не называет, а только указывает на начальную фазу «to do the first part of something». Глагол *think* используется в своем примарном значении, включающем обобщенный признак «to use the mind in an active way to form connected ideas». То же самое можно сказать о глаголе *debate* «to have a debate about something» > *debate*, n. «a formal argument or discussion of a question». Глаголы *inform*, *influence* семантически несамодостаточны, их

номинативная функция распределяется между собственно глаголом и предметными именами, которые они имплицитно, вследствие чего их собственная номинативная функция снижается, а структурная значимость возрастает.

В отличие от односубъектных глаголов, т.е. глаголов, глагольные признаки которых именованы относительно одной категории предметных имен — лиц, несколькосубъектные глаголы более абстрактны, так как их денотативное значение сформировано на основе, как правило, одного, более обобщенного, признака без включения в наименование сопутствующих действию, состоянию признаков. «Многосубъектные наименования, основанные на каком-либо одном, более обобщенном, нередко комплексном признаке, требуют конкретизации в семантике» (Уфимцева 2002: 168).

Признаки, включенные в глагольные наименования *inform*, *influence*, сигнификативны по своей природе, они имеют внешние семантические восполнители, т.е. внешние распространители их глагольной семантики, что отражается в дефинициях этих глаголов: *inform* > «if you inform someone of something or inform them that something is the case you tell them about it», *influence* > «if you influence a person or a situation you have an effect on the way they act or what happens».

Широкий объем значения глаголов *lose*, *revive*, *crop up*, *withdraw* обусловлен их «отрывом», удалением от первоначального денотата, представленного набором семантически совместимых виртуально признаков и предметных имен в их прямом номинативном значении. Содержательный объем значения названных глаголов претерпел изменение в направлении от его субстанциональных значений к несубстанциональным, от денотативных к сигнификативным. В сочетании с абстрактными существительными — *lose sense*, *revive sense*, *crop up (about theme)* и т.д. — данные глаголы приобретают несубстанциональные значения. Из конфигурации их семного состава «уходят» сопутствующие конкретные признаки, индуцированные именами существительными, обозначающими физические категории.

Редуцирование номинативной значимости глагола в комментарии и возрастание его структурной роли вызвано требованиями самого жанра, нацеленного на проникновение в суть явлений, выявление скрытых взаимосвязей предмета отображения, установление причин условий, тенденций, развития события, изучение оснований, мотивов, интересов, намерений и т.д., что лингвистически коррелирует с преоблада-

нием предметных имен, сведением в отдельных случаях номинативной функции глагола к минимуму.

Иная особенность отличает глагольные наименования в редакционной статье/editorial. Особенность ее заключается в использовании глаголов с переносным значением:

*Any project as heavily **loaded** with ambition and idealism as this one is inevitably **riddled** with contradictions. Most noticeably, the admirable promotion of racial tolerance rings hollow given this government's asylum policy; vouchers, dispersal, putting asylum seekers in prison are all contributing to **stigmatize** migrants and **put obstacles** in the way of their absorption into Britain. There are also intractable issues. What abuse of human rights should or should not **be included**: Armenia? Cambodia? Rwanda? Does it belittle the unique scale of Holocaust to put it alongside Bosnia? In the end such question will be subordinated to the day's political purpose; hence Bosnia is included to **spell out** recent experience of ethnic persecution.*

Глаголы *load*, *riddle*, *stigmatize*, *spell out* представляют собой результат метафорического переноса: *ship loaded with coal* → *project loaded with ambitions*; *tent riddled with holes* → *project riddled with contradictions*; *stigmatize body (physically)* → *stigmatize migrants (morally)*; *spell out a word* → *spell out experience*. В своих новых ракурсах (*project loaded with ambitions*) эти глаголы продолжают сохранять свой первоначальный смысл, содержащийся в старых ракурсах (*ship loaded with coal*). Кроме того, в своем прямом значении эти глаголы являются итогом еще одной трансформации — семантической транспозиции: *load*, n. > *load*, v.; *riddle*, n. > *riddle*, v.; *stigmata*, n. > *stigmatize*, v. В строгом смысле явление семантической транспозиции распространяется, прежде всего, на безаффиксальные средства наименования (*load*, n. > *load*, v.), поэтому случай *stigmata*, n. > *stigmatize*, v. можно подвести под семантическую транспозицию с некоторой оговоркой, поскольку формальный критерий (конверсия, но не аффиксация) не соблюдается. Что касается самого процесса семантической транспозиции, необходимо отметить, что это явление не следует сводить к переводу одной лексико-грамматической категории в другую. Его суть заключается в «пересмыслении, повороте производящей основы, в рассмотрении ее под новым углом» (Кубрякова 1977: 290). Семантическая транспозиция, по мысли А. А. Уфимцевой,

«это видение и представление основ то как предмета, то как действия; основа как своеобразная формальная и содержательная архилексема позволяет воспринимать семантику предметного имени через призму

признака обозначенного производным или исходным глагольным наименованием» (Уфимцева 2002: 148).

Возвращаясь к глаголам editorial/редакционной статьи, обратим внимание на их эмотивно-оценочную нагруженность, индуцируемую содержащимися в них и легко восстанавливаемыми в цепочке преобразований первообразами: project loaded with ambitions < ship loaded with coal < load, n.; project riddled with contradictions < tent riddled with holes < riddle, n.; stigmatise migrants < stigmatise body < stigmata и т.д.

Выбор формы номинации указывает на отношение номинатора к объекту (Гак 1977: 278). Эмоциональная оценка проявляется в оппозиции нейтральная/экспрессивно-окрашенная номинация. Последняя характеризует положительное или отрицательное отношение номинатора к объекту. Первообразы, заключенные в рассмотренных выше глаголах, мотивируют отрицательную, скептическую оценку номинатора к предмету речи: «project riddled with contradictions», т.е. подобно решету, сплошь «продырявленному», проект полон «дырками» противоречий и это плохо, архитектоника смысловой структуры может быть выражена формулой: образ — оценка.

Наличие в глагольных номинациях редакционной статьи скрытой оценки диктуется необходимостью показать отношение издания в целом к тому или иному событию; все это входит в задачи жанра. В редакционной статье вербализации подлежит не столько событие само по себе, сколько отношение к нему, реакция на него. Это уже иной уровень отражения объективного мира, здесь имеет место более сложный акт референции. В номинативный процесс вовлекаются производные номинативные единицы, в том числе переносные. «Называние производным глаголом осуществляет более сложный акт референции, чем называемые неизменными» (Кубрякова 1978: 106).

В заключение рассмотрим глагольные номинации в жанре светской хроники/gossip. Жанр фиксирует внешние очевидные характеристики события, однако делается это не объективно и беспристрастно, не чисто информационно, а избирательно, т.е. вербализация события подводится под определенные каноны, стереотипы.

Happily Nicola, 31, who is a cousin of Prince Charles's confidante Camilla Parker Bowles and runs a saddlery business in Newmarket, succumbed to the attentions of Piers, 40, managing director of UK mergers and acquisitions at Morgan Stanley and they are to marry in June.

Здесь следует обратить внимание на социальный, точнее, со-

циолингвистический аспект номинации.

«Обозначение объекту дает говорящий, но выбор им формы номинации отражает не только отношение субъекта к объекту, но «отношения субъекта к адресату. <...> Корреляция говорящий — адресат отражает социальный аспект речи, его внешние условия и формирует оппозицию общеупотребительная / социально отмеченная номинация. В элементарных номинациях она выражается особыми стилистическими синонимами» (Гак 1977: 279).

Антураж элегантности, изысканности включается в жанровые ожидания адресата светской хроники. Согласно этим ожиданиям, рассказ о жизни тех, кто занимает верхние ступеньки в социальной иерархии, должен сопрягаться с социально-престижными формами языка. Так, в рассматриваемом фрагменте выбор номинации осуществляется в пользу формы *(to) run a saddlery business*, а не, например, формы «deal in saddler», в пользу формы *succumb to the attentions*, а не формы «yield to him». Первые члены оппозиции «deal in saddler / run a saddlery business», «yield to sb. / succumb to the attentions» представляют собой общеупотребительные номинации, называющие действие в обобщенном виде и не содержащие сопутствующих признаков. Вторые члены оппозиции, в отличие от первых, являются несколькословными номинациями, которые помимо названия действия несут еще ореол социальной престижности, сформировавшийся и закрепившийся за словом вследствие неоднократного использования в похожих ситуациях. Значимым является также факт структурно-семантической избыточности в плане выражения (формы): развернутые, усложненные формы, в противоположность простым, свернутым, сигнализируют о социальной престижности.

5. Выводы

Выше были рассмотрены потенциальные возможности глагольных номинаций с позиций их вклада в коммуникативно-жанровую перспективу дискурса, которая формируется таким образом, что в одной и той же референтной ситуации с одним и тем же исходным набором параметров в зависимости от жанровых ограничений акцентируются одни параметры и затушевываются другие. Особенность глагольного имени связана с его непредметной референтной сферой, с тем, что оно задается относительно тех или иных предметов, явлений или относительно предметов и лиц, испытывающих данное отношение, действие на себе, т.е. оно ориентировано на сферу субъекта или объекта. При этом глаголы нередко выходят за свои пределы, имея большое число внешних

распространителей — уточнителей, восполнителей их значения. Все это не умаляет, тем не менее, собственную номинативную ценность глагола. Его номинативные потенции возрастают за счет варьирования конфигурации и набора выбранных для наименования признаков, обозначающих разнообразные ракурсы связей и отношений между предметами и явлениями.

В *рецензии/review* «выдвигаются» сопутствующие тонко дифференцированные сенсорные признаки, направленные на достижение эффекта «визуализации» и вызывание эстетического сопереживания.

В *скетче/sketch* акцентируются эмпирические признаки, способствующие репрезентации реальной ситуации в намеренно искаженном, утрированном, гиперболизированном, комичном виде, например, с помощью звукоподражательных глагольных номинаций.

Развернутая цепочка конкретных, акциональных глаголов в *портретном очерке/profile* имеет выраженную индивидуализирующую направленность и имплицитно характеризует его героя.

В *тематической статье/feature*, напротив, индивидуализирующие признаки затушевываются, и акцентируются обобщенные, типизирующие признаки, существенные для презентации и схематизации типичной проблемной житейской ситуации.

В *комментарии/commentary* из глагольного наименования «изгоняются» сопутствующие основному действию эмпирические признаки. Соединение глагольных имен с абстрактными субстанциональными именами ведет к «отрыву», удалению от первоначального денотата и усилению роли сигнификата, а в отдельных случаях — к редуцированию номинативной роли глагола и возрастанию его структурной роли.

Для *редакционной статьи/editorial* актуально включение в глагольное имя эмотивно-оценочных признаков, которые индуцируются посредством метафорических глагольных номинаций.

В *светской хронике/gossip* приобретает значимость признак социальной отмеченности, ореол социальной престижности выбранной номинации.

© Тырыгина В. А.

Раздел IV
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

4.1. «МОСКОВСКИЙ КАНОН» АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

1. «Московия»: коннотации и ассоциации в записках английских путешественников XVI в.

В середине XVI в. английские купцы и путешественники открыли прямой морской путь в Русское государство. В их записках, так же, как в последовавших за ними книгах английских дипломатов и послов, Россия получила два основных наименования: традиционное «Russia», отсылающее не только к русскому самоназванию, но и к тому, как называли древнерусское государство в английских хрониках и энциклопедических трудах XII-XIV вв. — *Russie, Ruissie, Rusia, Russia, Ruthenia, Ruthia, Ruthena*,¹ а также новое «Moscovia» / «Muscovy», связанное с русскими названиями «Москва», «Княжество Московское» и «Московское государство».

В этом смысле очень показательны названия писем, записок путешественников, документов, включенных в состав знаменитого сборника Ричарда Хаклюта «Основные навигации, путешествия, передвижения и открытия английской нации» (*Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, 1589-1600*; впервые издан в 1589 г.).² В содержании, в частности, указаны «Книга о великом и могущественном императоре России и князе Московии» (*The booke of*

¹ В «Истории англо» Жеффрея Гаймара находим '*Russie*', в «Житии и чудесах святого Фомы» Уильяма Кентерберийского — '*Rusia*', в «Императорских досугах» Гервазия Тильберийского — '*Russia*' и '*Ruthenia*', в «О свойствах вещей» Бартоломея Английского — '*Ruthia*' и '*Ruthena*', в «Великой хронике» Матфея Парижского — '*Ruscia*' (Матузова 1979: 38, 41, 65, 77, 114, 129).

² См.: *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, collected by Richard Hakluyt*. Все цитаты здесь и далее приводятся по изданию: (Hakluyt). России посвящена часть третьего тома: Vol. III. North-Eastern Europe and Adjacent Countries. Part II, Section I, II. Уже в содержании этой части находим названия '*Russia*' и '*Moscovia*' попеременно: *The Muscovy Company and the North-Eastern Passage; The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscouia, and of the dominions orders and commodities thereunto belonging: drawn by Richard Chancelour; The copie of the Duke of Moscouie and Emperour of Russia his letters, sent to King Edward the sixth, by the hands of Richard Chancelour; The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia, begun the twelfth of May, in the yeere 1557, etc.* (Hakluyt 1886, Section I: 2)

the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscovia) Р. Ченслора; копии писем «князя Московии и императора России» английскому королю Эдуарду; рассказ о первом путешествии Э. Дженкинсона «из города Лондона в землю России» (*The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia <...>*) и его же воспоминания о путешествии «из Лондона в Московию» (*A very briefe remembrance of a voyage made by M. Anthony Ienkinson, from London in Moscouia <...>*). И если три первых (из вышеперечисленных) названия с возможной точностью воспроизводят титул Ивана Грозного — «великий князь московский и всея Руси», — то в последнем названии, так же как и в названиях некоторых других текстов этого сборника, наблюдается замещение-синекдоха: название «Московия», фактически, используется в значении всего Русского государства.³

Фактически, название центральной части территорий Русского государства (в том виде, в котором оно сложилось во время царствования Ивана Грозного) в некоторых описаниях английских (как и других европейских)⁴ путешественников с середины XVI в., а в дальнейшем и

---

³ Ср.: В части представлено, в том числе, следующее название: *The newe Nauigation and discoverie of the kingdome of Moscouia, by the Northeast, in the yeere 1553: Enterprised by Sir Hugh Willoughbie knight, and perfourmed by Richard Chancelor Pilot maior of the voyage*. Примечательно, что названия частей этого текста также вынесены в общее оглавление, и первым среди них фигурирует «О Московии, которая также зовется Россией» (*Of Moscouie, which is also called Russia*) (Ibid.).

⁴ Ср.: Получивший относительно широкую известность труд австрийского посла при русском дворе Сигизмунда (Зигмунда) фон Герберштейна в первом своем опубликованном на латинском языке варианте (1549 г.) имел название *Rerum Moscoviticarum Commentarii*; в 1556 г. вышел в свет обновленный, расширенный вариант книги на немецком языке под названием *Moscovia der Hauptstat in Reissen* (1557); в 1563 году был издан другой немецкий перевод этой же книги, и тоже с отсылкой к Москве-Московии: *Moskoviter wunderbare Historien*. Впоследствии он много раз переиздавался под названием *Die Moskovitische Chronica*. Ср.: «Герберштейн употребляет термин «Руссия» в двух смыслах — как славянская территория в пределах Восточной Европы и как Княжество всея Руси конца XV — начала XVI в. В польской историографии XX в. принято было отрицать этнографическое значение термина «Русь». В нем видели лишь «государственно-территориальный» смысл <...>. Второй вариант словоупотребления термина «Русь» восходит к традиции, утвердившейся в бывшем Великом княжестве Владимирском и

в самых разных литературных и публицистических текстах, стало использоваться как синоним названия всего государства.

Это, однако, был весьма своеобразный синоним: слово «Moscovia» (а также его вариант «Muscovy» и его производное «Muscovite») имело особые коннотации, связанные с историко-культурным контекстом его вхождения в английскую культуру, а именно: со стремлением англичан к покорению пространств и ресурсов в эпоху Великих географических открытий и с резким переходом к протестантскому мироощущению (Королева 2014: 92-98). Название «Moscovia» не просто означало территорию государства, страны или его (ее) части, но оказалось обременено особого рода отрицательными коннотативными значениями и фоновыми знаниями. В их основу легли ассоциации с выделенным своей стихийностью и грандиозностью природным миром: миром огромных пространств и больших природных явлений, снегов и холода, богатых природных ресурсов — зерна, пушнины, рыбы, пеньки, меда, воска. Другой важной опорой этих коннотаций стали ассоциации с особым человеческим миром: миром туземно-варварским, некультурным и неупорядоченным, псевдохристианским и даже имморальным. Ряд ассоциаций, впервые появившийся в английских образах России именно в эту эпоху, закрепился в памяти английского мифа о России навсегда, и навсегда оказался связан с названием «Moscovia».

Самый ранний образец записок английских путешественников XVI в. о России, «Книга о великом и могущественном императоре России и князе Московии <...>» (*The Booke of the Great and Mighty Emperor of Russia*, 1553) Ричарда Ченслора, начинается с описания ресурсов:

«Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются. <...> у них много масла <...> В северной части страны находятся места, где водится пушнина — соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностая и

Московском, государь которого с 1485 г. принял официальный титул князя всея Руси, и служившей идеологическим обоснованием собирания древнерусских земель <...>. В заголовке, в отличие от текста «Записок», для обозначения нового восточноевропейского государства автор использует и термин «Московия», который был известен в Великом княжестве Литовском, Короне Польской и при папском дворе. Вопрос о его наименовании, как и титуле главы государства («князь всея Руси» или «московский»), был предметом острой дипломатической борьбы с соседними более западными государствами <...>» (Герберштейн 2008: 279).

олени <...> растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень много воска и меда» (Ченслор, Адамс 1937: 56).⁵

В варианте этого путешествия, изложенном К. Адамсом, описания природных богатств сопровождаются гиперболизацией явлений русской природы: на русском Севере, куда попал первоначально капитан Ченслор, «совсем не было ночи, но постоянно сиял ясный свет солнца над страшным и могучим морем» (Ченслор, Адамс 1937: 53);⁶ мороз в северных и центральных частях России «ужасен» и «достигает крайних размеров» ('great is the sharpnesse of that colde climate'); и только в южных районах он несколько смягчен ('but as for the South parts of the Countrey, they are somewhat more temperate') (Hakluyt 1886, Section I: 63).

Человеческий мир (помимо характеристики большого количества: людей в России-Московии много, как и других ресурсов) очерчен резкими и однозначно «туземными» характеристиками — неслучайно русские рыбаки, которые были первыми, кого увидел Ченслор на русской земле, названы им «варварами» ('barbarous Russes', 'barbarians') (Ibid.: 60). Основными в характеристике «туземного» (или варварского) человеческого мира становятся темы деспотии власти, отсутствия порядка в различных формах социальной жизни, физической выносливости и интеллектуальной, эстетической, моральной неразвитости народа.

Неограниченная власть великого князя влечет за собой бесправие всех и вся, что для англичанина, конечно, является нарушением социально-политического порядка. Порядка не хватает в планировке города (о Москве (Mosco) в «Книге» Ченслора говорится как о «большом» (great), «грубо» (rude) и беспорядочно построенном (standeth without all order) городе (Ibid.: 41), в подаче блюд, в ведении военных действий ('They are men without al order in the field' [Ibid.: 43]). Выносливый русский народ может спать на снегу и питаться одной овсяной мукой, смешанной с водой (Ibid.). Об этической неразвитости русского «ту-

---

⁵ Ср. В оригинале: «Russia is very plentiful both of land and people, and also wealthy for such commodities as they haue <...> they haue much oyle <...> To the North <...> are the places where they haue their Fures, as Sables, marterns, greese Beuers, Foxes white, blacke, and redde, Minkes, <...> much fine flaxe and Hempte groweth, and also much, waxe and honie» (Hakluyt 1886, Section I: 40).

⁶ Ср. в оригинале: «<...> hee came at last to the place where he found no night at all, but a continual light and brightnesse of the Sunne shining clearely vpon the huge and mightie Sea» (Hakluyt 1886, Section I: 59).

земца» свидетельствует его склонность к «суевериям» (superstitions), «идолопоклонству» (idolatry), «пьянству» (drunkenness) и «разврату» (whoredome) (Ibid.: 49-51). Особую роль в описаниях Ченслора играет обличение лживой религиозности русских, сопровождаемое абсолютизацией выявленного порока:

«Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слыхано. <...> к своим писанным иконам они относятся с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали» (Ченслор, Адамс 1937: 65).⁷

В целом, те же мотивы в изображении «Московии» прослеживаются и в других английских «путешествиях». В самой масштабной по объему и охвату материала книге Джайлса Флетчера «О государстве русском» (*Of the Russe Commonwealth*, 1591), значительно повлиявшей на дальнейшее развитие английских представлений о России (Cross 2012: 3), также подробно описываются природные богатства России: обилие рек, озер, лесов, изобилие птиц, зверей, рыбы; произрастание зерновых; торговля пчелиным воском, медом, пушниной и пр. (главы 1-3). Но в основном Флетчер сосредоточивается на грубом правлении, бесправии народа, его склонностях к пороку и безграмотности служителей Церкви в «Московии». Именно так, по наблюдению Флетчера, обыкновенно называют в его время не одно княжество, но всю Россию (Fletcher 1856: 1).⁸

Изложение описаний государственного и административного устройства пронизано эпитетами «варварский» (barbarous), «турецкий» ('Turkish fashion'), «рабский» (slaverie), «тиранический» (tyrannical, tyrannous, oppression) (Ibid.: 26, 44, 45, 54). Религии присваивается однозначная характеристика «лживая» ('false religion', 'damnable heresie'), разбору «ошибок» (errours) в догматах русского православия автор посвящает отдельную (двадцать третью) главу (Ibid.: 28, 126, 130). Порабощенность рождает в народе имморализм поведения. Несмотря на «природный здравый рассудок» ('naturall wittes in the men', 'reasonable capacities' [Ibid.: 63, 150]), русский народ, в целом, обрисован «вялым»,

---

⁷ Ср. В оригинале: «They doe obserue the lawe of the Greekes with such excesse of superstition, as the like hath not bene heard of <...> to their painted images they use such idolatrie, that the like was never heard of in England» (Ibid., 49-51).

⁸ Ср.: в переводе на русский язык, опубликованном в 1867 г., название книги звучит так: «О государстве русском или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским)» (Флетчер 1906: 1).

«недеятельным» (enweldy, inactive [Ibid.: 146]), склонным к пьянству и всевозможным порокам:

«<...> нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране — жестокость или невоздержание. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Все государство преисполнено подобными грехами» (Флетчер 1906: 128).⁹

Вину за это автор возлагает на государственную деспотию, удерживающую народ в рабском положении и поэтому отрезающую его и от образования, и от правильных понятий веры, и от разумных законов, воспитывавших бы в народе добродетели (Ibid.: 127-128).

То же видим и в самом влиятельном художественно-публицистическом тексте о России того времени — стихотворных «Посланиях из России» (*Letters in Verse* (не ранее 1568 г.)) Джорджа Турбервилля. Предметом обличения у Турбервилля становится, в первую очередь, звериная жестокость и порочность, прикрываемые ложной религиозностью. «Грубые» русские ('a people passing rude' [Hakluyt 1886, Section II: 31]) ведомы животными страстями ('they follow fleshy lustes' [Ibid.: 32]); в их звериных нравах автор обнаруживает и «мерзкие пороки» ('to vices vile inclined' [Ibid.: 31]), и ужасающее пьянство ('drinke is their whole desire' [Ibid.]), и ханжескую набожность ('besides their private gods, in open places stand / Their crosses <...> / .../ Was neuer more deceit in ragges, and greasie garments found' [Ibid.]).

Ассоциации образа Москвы-Московии, а через него и всей России с миром грубым, варварским, псевдохристианским, деспотическим, лживым, диким, богатым ресурсами и ужасающе холодным оказываются востребованными в английской литературе на протяжении веков. Не всегда, разумеется, воспроизводится весь комплекс этих мотивов; в разные исторические эпохи, в разных эстетических направлениях, у разных авторов, как правило, на первый план выходит та или иная их часть. Более того, мотивы могут моделироваться, видоизменяться. Но и в XVII, и в XVIII, и в XIX вв., и вплоть до наших дней английские писатели и поэты, говоря о Москве, в той или иной степени подразумевают ту Московию, которая была когда-то «открыта» английскими путе-

---

⁹ Ср. в оригинале: «And yet it may bee doubted whither is the greater, the cruelty or intemperancie that is used in that countrie. I will not speake of this, because it is so foule and not to bee named. The whole countrie overfloweth with all sinne of that kinde» (Fletcher 1856: 151).

шественниками. В связи с этим можно говорить о своеобразном «московском каноне» английской литературы.

В отличие от принятого способа рассмотрения имагологических образов через систему дискурсов (Хабибуллина 2010), предлагаемая методика «канона» позволяет описать этапы формирования и модификации комплекса мотивов, а также специфику их функционирования в разных эстетических направлениях, у разных авторов. Иными словами, предлагается учитывать особенности художественного творчества, и, отталкиваясь от собственно имагологического взгляда на литературу, прийти к имагопоэтическому подходу (Трыков 2015).

2. Формирование «московского канона» в английской литературе (конец XVI в. — XVIII в.)

Мотивы холода, варварства, бесправия и деспотии неизменно сопровождают краткие упоминания о «московитах» в лирике и драматургии елизаветинской эпохи. «Московский канон» собственно в литературе (а не в межжанровом пограничье путешествий) начинает складываться во фрагментарном обыгрывании образов, заимствованных из записок английских путешественников о Московии, как поразительных и даже ужасающих явлений иной — неанглийской — части мироздания.

Во втором сонете Филипа Сидни из цикла «Астрофил и Стелла» (ок. 1580) поэт, описывая состояние страстной влюбленности, сравнивает его с рабством «московита»: “like slave-born Muscovite” (Sidney: 3). В комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви» (*Love's Labour's Lost*, впервые изд. в 1598 г.) Фердинанд Наваррский и его придворные одеваются «как московиты или русские» (‘like Muscovites or Russians’ [Shakespeare 1925: 212]), что рождает во французской принцессе ассоциацию с дикарями (savages) и холодом (‘my frozen Muscovites’ [Ibid.: 212-213]).

Ужасать призваны образы эпизодические образы огромных диких русских медведей не только у Шекспира — в его исторической хронике «Генрих V» и трагедии «Макбет», но и в комедиях Добриджкурта «Ганс Пивная кружка» (*Hans Beer Pot, his Invisible Comedy of See me and See me not*, ок. 1618) и Мидлтона и Деккера «Рычащая девушка» (*The Roaring Girl*, 1607-1610). В трагедии Девенанта (Davenant) «Жестокий брат» (*The Cruel Brother*, ок. 1627) приводятся поразительные сведения о том, что люди в России промерзают до такой степени, что плюют снегом (Алексеев 1982: 44). Русские образы возникают в елизаветинской литературе как экзотические элементы принципиально чу-

жого пространства за пределами познанного и окультуренного англичанами мира. Их характеризует общая эстетическая функция резкого контраста, будь то контрастное противопоставление, или контрастное (гиперболическое) сопоставление.

Отсылки к русскому миру содержатся в поэме Мильтона «Потерянный рай» (*Paradise Lost*, впервые изд. в 1667 г.). Во всех четырех случаях (в книгах II, III, X и XI) эти аллюзии имеют географический характер: в тексте упоминаются Каспийское море (книга II), Москва — «держава Русского Царя» (книга XI), астраханские степи (книга X); имеется отсылка к северным землям Московского княжества — тем, на которые высаживались англичане, пройдя по Северному морскому пути (книга III). В то же время на географический «фундамент» накладываются коннотативные значения и образы, в целом объединенные мотивом резкой чуждости, враждебности. Опасным, бурным предстает Каспий, над которым висят «недвижные» тучи — «тяжелая небесная артиллерия», готовая к «стычке». Враждебен, неприветлив русский Север, «окруженный завываньем бурь» (Мильтон 1999: 57, 105). В «заснеженных» астраханских степях татарина упорно преследует его русский враг (foe).¹⁰ Эпизодические вхождения русских образов в поэму Мильтона имеют отношение к коннотациям, закрепленным за образом Московии в записках английских путешественников XVI в. Это опасный чужой мир, узнаваемый по особым приметам: снегу, степи, бурям, Каспийскому морю, Астрахани, Москве и деспотичной царской власти.

Эпоха Просвещения привнесла в оформление «московского канона» английской литературы свои акценты. Они были обусловлены не только видоизменением мотива варварства в связи с противопоставлением просвещенной Англии (вместе со всей Западной Европой) непросвещенной, деспотичной и безграмотной России, но и с симпатиями, которые закрепились за личностью Петра I. Основной функцией образов, связанных с этим канонам, становится иллюстрация (или демонстрация): они призваны показать и то, что значит «тьма неведения», и то, что с ней необходимо бороться.

Российскому императору посвятил свою поэму «Северная звезда» (*The Northern-star*, 1718) писатель, драматург, поэт Аарон Хилл. В ней Петр предстает «могучим», «богоподобным» царем, который своим «властной энергией» «согрел» инертное тело Российского государства

---

¹⁰ См. в оригинале: As when the Tartar from his Russian foe / By Astracan over the snowy plains/ Retires <...>. (Milton 1831: 221)

— этого «гиганта» с «душой пигмея». Он заменил «ночь неведения» русского народа (не знающего никаких искусств) «активным» светом учения (Hill 1718). Поэма Хилла не осталась незамеченной английским читателем: к 1739 г. она выдержала пять изданий.

Образ «Москвы-Московии» проецируется на образ Российской империи времен Петра I и в романе Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» (*The Farther Adventures of Robinson Crusoe*, 1719). В описаниях петровской России немаловажное место занимают упоминания (неожиданные для русского, но не для английского читателя) о «московских владениях» ('Muscovite Dominions' [Defoe 1722: 304]) и городах, принадлежащих «московскому царю» ('the Care of the Csar of *Muscovy* <...> to have Cities and Towns in <...> many Places' [Ibid.: 305]); о «набожных» (devout) «москвитанах», которые «едва ли заслуживают названия христиан» ('tho' the *Muscovites* do, in my Opinion, but just deserve the Name of Christians' [Ibid.: 302]); о долгой (восьмимесячной!) суровой зиме и огромных пустынных пространствах.

В то же время, обращает на себя внимание отсутствие мотива рабства-деспотии, с одной стороны, и акцентирование внимания на уникальных товарах, которые можно привезти из России, — соболях, чернобурых лисицах и других дорогих мехах. Собственно, «владения» «московского царя» поражают героя-англичанина не только своей обширностью и богатством, но и своей устроенностью: русские впервые, под влиянием общеевропейской положительной оценки «просвещенной» личности Петра I (Дмитриев 2005; Cross 2001)) в английской литературе предстают народом окультуривающим, цивилизующим племена Сибири. Именно с этим следует связывать отсутствие в тексте таких характерных элементов «московского канона», как деспотия-рабство и варварство-дикость. На активизацию нового — цивилизующего — мотива в образе Московии-России работает неоднократно озвученное противопоставление «московского царя» (построившего везде, где только было возможно, города и селения) диким татарам-«язычникам».

Роман Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» играет особую роль в формировании «московского канона» английской литературы. Можно утверждать, что в нем «канон» получает последовательную реализацию, окончательное оформление и, в то же время, переосмысление. Черты «московского канона» здесь закреплены исключительно за образом России, в них обнаруживаются ее важнейшие и узнаваемые черты. Они предстают теперь чертами не вообще мира экзотиче-

ского, незнаемого, но специфическими чертами русского мира, образ которого стоит в ряду изображений дальних стран и островов, не входящих в просвещенный мир (Бразилия, Мадагаскар, Китай). Это связано, в частности, и с тем, что едва ли не впервые английский литературный герой сам свидетельствует о личном опыте путешествия по России.

В дальнейшие периоды развития английской литературы «московский канон» все чаще появляется в сюжетах, связанных либо со столкновением британских (или западноевропейских) и русских героев, либо с погружением британского героя в русский мир. Его образы и мотивы начинают разрабатываться в идейно-философском плане: писатели и поэты зачастую находят в них ключи к изображению не только русского мира, но и общих, глубинных проблем современности.

3. Модификации «московского канона» в разные периоды развития английской литературы (XIX — XXI вв.)

Первую глубокую, многозначную разработку «московский канон» английской литературы получает в поэзии эпохи романтизма — в первую очередь, в творчестве Байрона. В контексте столкновения военно-политических интересов Британии и России за образами последней в британской культуре закрепляются новые ассоциации: «политический враг», «военная мощь», «агрессия» (Королева 2014: 114-115). Мотивы деспотии царского режима и рабства русского народа, закрепленные за образами «Московии», являются для этих новых ассоциаций смысловым фундаментом.

Поэма «Бронзовый век» (*The Age of Bronze*, впервые изд. в 1823 г.) лаконично и резко высмеивает «варварские минареты Москвы» ('barbaric Moscow's minarets' [Byron 1903-1904: V, 558]) — этот особый (связанный с восприятием турецкой религиозности как ложной, а также в подтексте содержащий отсылки к политическому противостоянию Англии и Османской империи) знак ложной религиозности, скрывающей дикарство. Акцент при этом, в целом, смещается в сторону мотива деспотии-рабства: дикарство прочитывается у Байрона в ключе личной и социально-политической несвободы, резкости ее форм. В поэме сатирически изобличается, в первую очередь, варварство русской политической деспотии: трижды упоминаются «рабы» (крепостные), дважды — их царь ('serfs and their Czar'), при этом во второй раз царь оксюморонно именуется «туземным автократом» — «королем рабов» ('barbarian' 'Autocrat' — 'the king of serfs') (Ibid.).

В «русских главах» байроновской поэмы «Дон Жуан» (*Don Juan*,

1816-1824) основным мотивом, наравне с мотивом политической деспотии-рабства, в характеристике России и русских становится скрываемое под видимостью цивилизации варварство. При этом мотив варварства, заложенный в «каноне», приобретает новые оттенки: это варварство, усиленное и доведенное деспотией до звериной жестокости.¹¹ «Московитов»-варваров ('Moscovite') под маской «новой и утонченной нации» ('new and polished nation') Байрон видит в русских дворянах и казаках (Ibid., VI: 306). В седьмой главе это разоблачение происходит на уровне сюжетном и образном. Русские солдаты и офицеры, во главе с «героем, буффоном, полудемоном и полудурком» ('hero, buffoon, half-demon, and half-dirt' [Ibid.: 320]) Суворовым, не просто захватывают Измаил, но постоянно проявляют по отношению и к противнику, и к мирному населению бесчеловечную жестокость; ключевая характеристика их поведения — «жестокость и кровожадность» ('grim and gory') (Ibid.: 323). Изобличение «игры в цивилизованность» происходит здесь и на уровне произносительно-фонетическом и орфографическом: чего только стоят «Tschitsshakoff» и «Chrematoff», над которыми иронизирует автор-рассказчик (Ibid.: 305). В восьмой главе, описывая преследующих турецкую девочку казаков, он иронически именует их «воцивилизованными медведями» ('the bear is civilized'), наученными деспотами-царями «разрушать» (to destroy) (Ibid.: 351, 358).

В то же время, внешняя и внутренняя агрессия Российской империи, современной Байрону, предстает не исключительным проявлением особого, деспотичного и жестокого мира, но эпизодом в ряду подобных ему — как в древней, так и в современной истории; она есть также яркое свидетельство неизбежности «падения» человека и человечества от счастья к несчастью, от свободы к несвободе. Именно поэтому агрессия екатерининской политики оказывается одним из «сладких плодов» ('sweet consequence') цивилизации и человеческого общества (Ibid.:

---

¹¹ В изображении исторических событий и лиц, связанных с Россией, Байрон опирается на книги историко-мемуарного характера «История современной России» маркиза Габриэля де Кастельно, «Жизнь императрицы Екатерины II» и «Взгляд на Российскую империю» Уильяма Тука, «Тайные мемуары петербургского двора» Шарля Ф. Ф. Массона и на сатирически-бурлескное произведение Джамбаттиста Касти «Поэма о Тартарии». В последнем Россия предстает подчеркнуто азиатской деспотией, а Екатерина — откровенно похотливой женщиной. См. об источниках «русских эпизодов» в «Дон Жуане»: (Cochran 2012).

351). Это расширение на протяжении восьмой главы осуществляется в авторских отступлениях, снова и снова подводящих сюжет к темам ложной героики войны в античной литературе (здесь особенно значимы творения Гомера) и к проблемам современной Англии.

В 70-е — 90-е гг. XIX в. в политической поэзии А. Ч. Суинберна слово «Muscovite» также увязывается с мотивом деспотии. Однако теперь деспотия приписывается исключительно образу русского царя. Выстраивание оппозиции «русский народ vs. российское государство (царь)» в творчестве Суинберна возникает в согласии с общими изменениями британского общественного мнения в отношении России и русских на рубеже XIX-XX вв.

«Распространение понимания того, что российское правительство и российский народ — это два очень далеких друг от друга явления и что каким бы ни было отношение англичан к первому, у них нет никаких оснований испытывать по отношению к русским людям что-либо помимо сочувствия» (Stepniak 1905: xiii),

стало одним из важнейших результатов деятельности русских политических эмигрантов в Англии. В стихотворении 1877 г., посвященном венгерскому революционеру, идеологу национальной венгерской независимости Л. Кошуту, поэт приветствует героя, посмеявшегося поднять свой голос против «Московита» — русского царя с его репрессивно-захватнической политикой — и тех, кто склоняет перед ним голову (Swinburne 1917: III, 132).

Это же прочтение слово «Muscovite» получает в более поздней оде Суинберна «Россия» (*Russia*, 1890). В ней русский царь предстает страшным демоном, и его существование объявляется резко противоречащим закону божескому и человеческому. Даже Данте в аду не встречал «злодеев, подобных Московиту» ('whose fiends could match the Muscovite') — правителю России, царю ('prove thee regent, Russia — praise thy mercy, Tsar') (Swinburne 1917: VI, 366). Поэт обращается с молитвой к Богу, людям, высшим силам с просьбой разрушить тиранию и спасти людей от ужасающих страданий ('God or man, be swift <...> / <...> / Fall, O fire of Heaven and smite <...> / Halls wherin men's torturers <...> dwell!') (Ibid.: 368).

В XX в. «московский канон» продолжает участвовать в создании той идейно-эстетической ткани, из которой рождаются английские литературные образы России. При этом, однако, и ткань становится многоцветней, и сам «московский канон» модифицируется, в связи с чем

образы приобретают особую сложность и выпуклость, разносторонность и неоднозначность. Роман Герберта Уэллса «Джоанна и Питер» (*Joan and Peter. The Story of an Education*, 1919) написан под впечатлением от путешествия по Европе и России в 1914 г., а также под влиянием одного из самых авторитетных британских интеллектуалов-русофилов этого времени Мориса Бэринга. Мода на русское, увлеченность русским искусством, очарованность русским характером, столь характерные для британской — и, шире, европейской — культуры 1900-х — 1920-х гг. (Klimova 2012: 215-221) оставляют заметный след в литературных образах России этого и всех последующих периодов вплоть до наших дней.

Образ России — Москвы, Петербурга, подмосковных деревень — складывается в романе Уэллса из самых разнородных элементов. Из пестрых магазинов и золотых крестов Москвы, из величественных стен Кремля и «варварской карикатуры» ('barbaric caricature') собора Василия Блаженного, из «разукрашенного» великолепия ('painted magnificence') Троице-Сергиевой лавры и благородной красоты Исаакиевского собора, из долгой езды в санях по замерзшей реке и бескрайних деревенских полей, из большого помещичьего дома и веселой компании, вываливающейся на снег полюбоваться звездами, из молитвенных песнопений в сельской церквушке и оборванного бродяги, спокойно молящегося в великолепном соборе, из бесчисленных бородатых священников и людей, поголовно одетых в меха «и посему выглядящих абсурдно богатыми» ('so looking absurdly wealthy') (Wells 1919: 380). В целом, это образ одновременно «неряшливый» и «значительный» ('untidy', 'the dingier, vaster effects of Russia'), величественный и странный, разнородный и богатый, «живописный» ('picturesqueness') и неоднозначный (Ibid.).

Особая роль в этом образе принадлежит элементам, связанным с «московским каноном» английской литературы. В первую очередь, это мотив деспотии царского режима. Показательны в этом смысле впечатления Освальда, главного героя романа, от огромного портрета царя — портрета, изображающего милитаристски настроенного «автократа» ('autocrat') с «неумным лицом» ('unintelligent visage'), как бы попирающего ногами головы членов собрания. Возмущенный Освальд видит в этом портрете проявление «отвратительной системы репрессивного аппарата» ('very corrupt system of repression') — аппарата, от которого Россия, по мнению героя, должна избавиться, чтобы смело шагнуть в

будущее (Ibid.: 388). Золотые кресты московских церквей стоят в этом эпизоде в одном ряду с тупоумным лицом царя: они предстают знаком длительно навязываемой народу идеологии смирения перед государственной властью.

Воздействие «московского канона» на образ России в романе находим и в архитектурном, внешнем облике Москвы, в котором не раз подчеркивается «неряшливость» (untidy, sprawling, slushy) (Ibid.: 389); и в описаниях зимней стужи: все действие романа в России происходит зимой, и рассказчик многократно упоминает мороз ('the frozen Neva', 'the frozen fen', 'a Tatar camp, frozen'), снег ('the crisp snow'; 'a background of white snow', 'snowy spaces', 'ploughed-up and tumbled snow') и лед ('the ice of a frozen river') (Ibid.: 380-382, 384, 388). Эти впечатления он обобщает в характеристике, также имеющей отношение к «московскому канону»: «дикий зимний пейзаж» ('the wild wintry landscape'), «варварское величие» ('barbaric greatness') (Ibid.: 381).

Неслучайно фигурирует и слово «Muscovites» в характеристике зрителей в московском Художественном театре. Несмотря на то, что, в целом, рассказчик одобрительно и даже с некоторым восхищением отмечает их пылкость (keen), требовательность и восприимчивость ('intensely critical and appreciative'), в этом описании проскальзывает снисхождение (Ibid.: 389). Оно отчасти эксплицируется в удивлении, с которым рассказчик и герои отмечают, что русская зрительская аудитория похожа не на немецкую, а на британскую.¹² Но основной его маркер — слово «Muscovites», столь же неотделимое от ассоциаций с миром «варварским» и «диким», сколь и описания русской зимы.

В целом, мотивы «московского канона» в романе Уэллса работают на двойное противопоставление в образе России: прошлого, связанного с деспотией и всяческого рода угнетением, — будущему, в котором рассказчик и герои надеются разгадать свободу личности и социальную справедливость, инертной дикости, некультурности народа — заряженным вдохновенной мыслью интеллектуалам.

В английской литературе второй половины XX в. — начала XXI в., в целом, мотив деспотии политического режима увязывается с форматом сталинской репрессивной власти и вседозволенностью власть имущих. Однако отпечаток «московского канона» обнаружива-

---

¹² Ср. в оригинале: «It was curious to note how much more this big dim houseful of young Muscovites was like a British or an American audience than it was to a German gathering» (Wells 1919: 390).

ется и здесь: и в романе И. Флэминга «Из России с любовью» (*From Russia with Love*, 1957), и в романе Э. Миллера «Подснежники» (*Snowdrops*, 2011) находим обобщения, относящиеся ко всей русской истории; для английского читателя это означает историю со времен «открытия» России-Московии. У Флэминга один из протагонистов (Джеймс Бонд) утверждает, что русские «<...> мазохисты. Они любят кнут. Именно поэтому они любили власть Сталина <...>» (Fleming 2012: 240).¹³ Маркером Московии здесь, конечно, является слово «кнут». У Миллера не менее категорично звучит высказывание героя относительно того, что все «русские лидеры» являются «массовыми убийцами» ('a mass murderer, like all Russian leaders') (Miller 2011: 135). И хотя в самом высказывании ничто не указывает на Московию, «подсказку» можно найти в другом эпизоде: когда Маша — главный женский персонаж романа — ведет Ника в Третьяковскую галерею, тот обращает внимание только на картины святых и на изображения завоеваний и разорений. Последние невольно связываются в его сознании с именем Ивана Грозного: «Маша знала имена всех святых, а также названия всех несчастных городов, которых разорял на картинах Иван Грозный или кто-то еще» (Ibid.: 211).¹⁴

С «московским каноном» в романе Миллера более явно соотносятся мотивы холода, дикости и беспутства. Особенно ясно выделен в структуре романа мотив зимнего холода, мороза и снега. В частности, герой с огромным удивлением отмечает: «Я знал теперь, что это правда: страшный холод, ледяной воздух до самого апреля» (Ibid.: 43),¹⁵ — а ниже обобщает: «<...> снег является частью того, что делает их [русских] ими и никем другим» (Ibid.: 77).¹⁶ Снег и холод являются базовыми образами в московском хронотопе романа. Москва, да и вся Россия, только на поверхности, в своем современном существовании, — пространство неона и шансона, скоростного движения и ночных клубов, порока, криминала, денег, нефти и длинноногих девчонок. Во вневре-

---

¹³ Ср. в оригинале: «Basically, they're masochists. They love the knout. That's why they were so happy under Stalin».

¹⁴ Ср. в оригинале: «Masha knew the names of all the saints, and which unlucky city it was that Ivan the Terrible or whoever was sacking in the pictures».

¹⁵ Ср. в оригинале: «I knew this was the real thing: the big chill, the ice in the air that stays till April».

¹⁶ Ср. в оригинале: «<...> the snow is part of what makes them them and nobody else».

менном существовании — это пространство непереносимой, наводящей ужас своей длительностью и суровостью зимы; пространство снега и мороза, как бы доминирующих над человеком.

Глубинно связанным с властью природной стихии оказываются особые черты русского характера: первобытная дикость, иррациональность в поведении, некая туземная цельность. О главной героине Маше сказано, что в ней, в отличие от того, что есть в англичанах, есть некая «первичная земная энергия» (*‘She had a kind of basic earthy energy’*) (Ibid.: 46). О русских, в частности, — что несмотря на всю свою тягу к «насилию», «поглощенность земными заботами и страдания», они «просто дети» (Ibid.: 127).¹⁷

«Московский канон» не полностью окрашивает собой образы русских, хотя мотив общей порочности, извращенной греховности русских людей, столь характерный для этого канона, озвучивается с завидным постоянством: Москва здесь — город неоновой похоти и иступленного греха (*‘city of neon lust and frenetic sin’*), московское метро — «безжалостное место» (*‘ruthless place’*), русские — «впечатляюще порочные славяне» (*‘these flamboyantly sinful Slavs’*) (Ibid.: 224). Однако, в целом, Россия в романе очерчивается противоречиво и даже полярно, как в афористическом высказывании его героя: «Это странная страна, Россия, с ее талантливыми грешниками и неожиданно являющимися святыми — теми истинно святыми, произвести на свет которых может только пространство, отмеченное изощренной жестокостью, пространство, в котором сумасшедшим образом смешаны мерзость и благодать» (Ibid.: 98).¹⁸

Изображение в романе Миллера современного российского хронотопа со своеобразным акцентом на «московском каноне» дает, как видим, перспективу вневременного «русского». Это перспектива мира не просто дикого, деспотичного, порочного, но мира, разорванного крайностями, и в силу этого аномального, ненормального. Такое понимание декларируется, собственно говоря, уже в его заголовке и поясняющем его эпиграфе, опосредовано соотносящимися с «московским каноном». Первой частью слова *‘snowdrops’* является корень *‘snow’* (снег), внутренняя

---

¹⁷ Ср. в оригинале: «They’re just babies, I thought, these Russians <...> All these adolescent hints of violence <...> For all their worldliness and pain, I thought then, the Russians are just babies».

¹⁸ Ср. в оригинале: «It’s a strange country, Russia, with its talented sinners and occasional saints, bona fide saints that only a place of such accomplished cruelty could produce, a crazy mix of filth and glory».

форма слова, без учета его метафорического переноса, — «снежные капли» или «капли снега». Эпиграф дает два толкования значения слова: стандартное, зафиксированное в словарях — «раннецветущее луковичное растение» ('an early-flowering bulbous plant'), и сленговое — «труп, который лежит <...> под снегом и который обнаруживают только во время оттепели» ('a corpse that lies <...> in the winter snows, emerging only in the thaw'). Причем о сленговом значении сказано, буквально, что оно принадлежит «московскому сленгу». Таким образом, эпиграф не только декодирует «двойное дно» названия и готовит читателя к восприятию текста, но и резко обозначает контраст «норма (общечеловеческая) — отклонение от нормы (московское)». «Московское», конечно, здесь следует понимать расширительно — как «русское».

Подразумеваемые во фрагменте и эксплицитно выраженные в тексте синонимические отношения между словами «московское» и «русское», так же, как мотивы холода, снега, дикости и порочности, воспроизведенные в романе, полностью соответствуют «московскому канону», основы которого были сформированы в записках английских путешественников XVI в.

4. Основные выводы

Таким образом, во второй половине XVI в. в записках английских путешественников за именами «Москва», «Московия», «москвит» закрепляется два ряда отрицательно окрашенных коннотаций: «грубый», «варварский», «псевдохристианский», «деспотический», «лживый» человеческий мир — и «дикое», «богатое ресурсами» и «ужасающе холодное» природное пространство. Эти коннотации оказывают существенное воздействие на образы России, возникающие в английской литературе как XVII в., так и последующих эпох, вплоть до наших дней.

В разные исторические эпохи, в разных эстетических направлениях, у разных авторов, как правило, на первый план выходят один-два мотива, соотнесенные с этой системой коннотаций. При этом, органично входя в художественный мир произведения, эти мотивы моделируются, приспособляясь к определенным функциям. Так, в обрисовке русского мира у А. Ч. Суинберна мотив деспотии-рабства, связанный с образом Московии, работает на противопоставление ужасающей тирании царского режима безвинной жертве — русскому народу. Этот же мотив в «русском эпизоде» романа Г. Уэллса определяется в рамках другой оппозиции: прошлое (царское, деспотично-рабское) — будущее, рождаемое из настоящего (разумное, светлое, свободное).

С середины XVII в., и особенно в романе Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» комплекс мотивов, связанных с образом Московии, получает окончательное оформление и, в то же время, переосмысление. Холодное и большое пространство, псевдохристианство выносливого народа предстают теперь чертами не вообще мира экзотического, незнаемого, но специфическими чертами русского мира.

В дальнейшие периоды развития английской литературы этот комплекс мотивов все чаще появляется в сюжетах, связанных либо со столкновением британских (или западноевропейских) и русских героев, либо с погружением британского героя в русский мир. Представления о Московии начинают разрабатываться в идейно-философском плане: писатели и поэты зачастую находят в них ключи к изображению не только русского мира, но и общих, глубинных проблем современности.

В связи со всем вышесказанным можно утверждать, что в британской культуре при создании образов русского мира в период со второй половины XVI в. приблизительно до середины XVIII в. формируется и по настоящее время в различных модификациях и функциях воплощается «московский канон» английской литературы.

© Королева С. Б.

4.2. ФУНКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В ТВОРЧЕСТВЕ НАТАЛИ САРРОТ

Французская писательница Натали Саррот (1900—1999) получила известность как представительница так называемого «нового романа», в становление и развитие которого она внесла существенный вклад и в плане развития теоретического обоснования этого явления, и с точки зрения его художественной реализации.

Писательская деятельность Саррот начинается с публикации книги «Тропизмы» («Tropismes», 1939). С момента зарождения художественного мира Саррот ее творчество посвящено исследованию тех побудительных причин, которые, как она считает, определяют наше поведение, наши действия и, в конечном итоге, — нашу жизнь. Писательница обозначает их с помощью заимствованного из естественных наук термина «тропизмы», в который она вкладывает новое значение.

В понимании Саррот, тропизмы — «необъяснимые и невыразимые душевные движения и действия», которые

«очень быстро скользят к границам нашего сознания; они лежат в основе наших жестов, нашей речи, в основе выказываемых нами чувств, чувств, которые мы, как мы полагаем, испытываем и которым можно дать определение, можно описать».¹

Единственная возможность передать эти душевные движения, с точки зрения писательницы, — создание образов, «которые порождали бы такие же впечатления» и заставляли бы читателя «испытывать подобные же ощущения».²

Начиная с первой книги, Саррот ищет адекватные способы выражения феномена, обозначенного словом «тропизмы», с помощью художественного языка. В предисловии к сборнику ее теоретических трудов «Эра подозрения» («L'Ère du soupçon», 1956), объединившему статьи разных лет, который стал одним из эстетических манифестов «нового романа», Саррот признаёт:

«Моя первая книга в зародыше содержала все, что я без усталости развивала в моих последующих работах. Тропизмы продолжали оставаться

---

¹ *Sarrot N.* Тропизмы. Эра подозрения. М.: Полиформ-Талбури, 2000. С. 136. [*Sarraute, Nathalie.* (2000) *Tropizmi. Era podozreniya* (Tropisms. The Era of Suspicion). Moscow: Polynform-Talburi, 136. (In Russian)].

² *Ibid.*, 137.

живой субстанцией всех моих книг». ³

Художественное слово Саррот выполняет в ее творчестве роль своего рода художественного инструмента, с помощью которого неуловимые движения элементов психической магмы обретают образные контуры.

В книгах писательницы, последовавших за первым произведением, — «Портрет неизвестного» («Portrait d'un inconnu», 1948), «Мартеро» («Martereau», 1953), «Планетарий» («Le Planétarium», 1959) и других — последовательно реализуется попытка разглядеть под покровом привычных форм повседневного существования (внешних поступков, жестов, действий, речи, разговора) движения универсальной бессознательной стихии, проявляющей себя в «тропизмах». Вместе с тем, писательница воспроизводит и механизм внешнего воздействия на поведенческие результаты глубинных процессов психики, намеревается изучить процесс их взаимодействия с социальной сферой, где, с точки зрения Саррот, господствуют стереотипы, и которую она называет пространством «общих мест» («lieux communs»).

Таким образом, тропизмы в творчестве Саррот, что подтверждают ее собственные слова, и после первой книги продолжают оставаться главным объектом исследования. Вместе с тем, писательница постоянно ищет новые ракурсы при их рассмотрении:

«Они только в еще большей степени развернулись, раскрылись: драматическое действие, составлявшее их суть, растянулось во времени, а также усложнилась та постоянно продолжавшаяся игра между ними самими и теми видимостями, теми общими местами, теми штампами, на которые они выплескивались, вылезая наружу, вроде наших разговоров, наших характеров которыми мы якобы наделены, тех персонажей, которыми мы предстаем в глазах других людей, тех условных чувств, что мы, как нам кажется, испытываем и которые мы вызываем у других, и того искусственного драматического действия, созданного интригой, которое есть не что иное, как всего лишь условный фильтр, старательно прилагаемый нами к жизни». ⁴

В приведенных рассуждениях Саррот привлекает к себе внимание выражение «драматическое действие» («l'action dramatique»), которое как нельзя лучше определяет суть происходящего в ее книгах. Жанровую природу ее произведений, за исключением драматургии,

---

³ Ibid., 138.

⁴ Ibid., 138.

определить, как правило, весьма сложно. Эпическое и драматическое начала причудливо и плодотворно сосуществуют в ее прозе.

В ранних своих произведениях Саррот старается в первую очередь показать, как зарождение, развитие тропизмов «приводят к возникновению настоящих драм, которые скрываются за самыми банальными разговорами, за самыми обычными повседневными жестами»⁵. Эти драмы разыгрываются с помощью персонажей, которые, однако, нужны Саррот лишь как субъекты речи, как голоса, передающие речевые результаты переживания тропизмов. Поэтому они лишены всех привычных контуров традиционных персонажей, которые вызывают у Саррот подозрение, так как они выстроены на основе такой художественной условности, как характер. Герой-характер, для писательницы, представляет собой фикцию, «грубую этикетку», созданную на основе стереотипов, «топорных и чересчур наглядных поступков».⁶ На этом основании писательница утверждает:

«И похоже, что не только сам романист перестал верить в своих персонажей, но и читателю также уже не удастся в них поверить».⁷

Обязательными элементами драмы, описываемой Саррот, становятся тропизмы, персонажи-голоса и пространство «общих мест», под которым, как мы видели, она подразумевает сферу социальных устоев, норм, привычек, моральных правил, идеологических постулатов, эстетических принципов и тому подобное, превратившихся в стереотипы.

Саррот прекрасно понимает, что экзистенциальные моменты в человеческой жизни самым тесным образом связаны с вопросами познания и коммуникации. В драме, порожденной тропизмами и их столкновением с пространством «общих мест», постепенно и все более отчетливо обозначается для Саррот особая важность проблемы языка, его герменевтических и коммуникативных возможностей. Значимость языкового явления, речи того или иного персонажа-голоса для Саррот зависит от характера слова, лежащего в его основе. Слово профанное, слово клишированное, по мнению французской писательницы, способно вывести нас лишь к пространству «общих мест», к «разговору», обусловленному различного рода стереотипами: социальными, нравственными, поведенческими и т.д. Истинное слово, по убеждению Саррот, должно, быть созвучно в первую очередь с первоосновой человеческого

---

⁵ Ibid., 137.

⁶ Ibid., 202.

⁷ Ibid., 196.

бытия — с областью подсознания. Соотносясь со сферой «под-разговора» (или «пред-разговора»), создавая образные эквиваленты подвижной, неуловимой субстанции существования, индивидуальное слово получает возможность через причастность к общей, универсальной «психической магме» выйти к внутреннему, духовному пространству другой личности и тем самым осуществить речевую деятельность особого качества, отличающуюся от банальной «беседы».

Сами названия книг Саррот — «Вы слышите их?» («Vous les entendez?» 1972), «Говорят глупцы» («Disent les imbéciles», 1976), «Дар слова» («L'Usage de la parole», 1980) — свидетельствуют об особом внимании к слову произнесенному и слову услышанному, то есть к слову, участвующему в драме, заданной тропизмами и социумом. Слово такого рода — слово звучащее, слово как часть разговора (французское «parole»), в отличие от слова в широком значении (французское «mot») в первую очередь привлекает внимание Саррот, так как оно дает ей возможность вскрыть потаенные механизмы человеческого существования и его внешние социальные контуры. Отсюда же и особая роль в структуре художественных текстов писательницы разговора — диалога или полилога — и того, что, по мысли Саррот, предшествует ему, лежит в его основании — «под-разговору». («Conversation et sous-conversation» — так называется одно из ее эссе, составивших книгу «Эра подозрения»).

С точки зрения Саррот, слово произнесенное, несущее в себе семантику, заданную движением «тропизмов», входя в сферу «разговора», теряет свою индивидуальность, вступает в игру смыслов, заданных пространством «общих мест». При этом смысл, порожденный «тропизмами», то есть истинный, инициальный смысл, утрачивается. Остается внешняя оболочка слова — зрительная и слуховая. Семантическая пустота тут же заполняется значениями, приходящими извне. Первоначальный смысл слова, обусловленный стихией бессознательного, как правило, остается непрочитанным. Непреодолимый «зазор» между «тропизмами» и словами, пытающимися их обозначить, существует уже в сознании говорящего. Он еще более увеличивается для слушающего. Отсюда — драма слова, не узнанного и не познанного, которая часто разыгрывается у Саррот на уровне повседневного разговора. Обычно суть этой драмы раскрывается с помощью текстовой схемы, которая предусматривает наличие участников разговора, ведущих диалог или полилог, а также — посредника (автора), который занимает по-

зицию наблюдателя, следящего за беседой и поведением персонажей.

Диалог или полилог у Саррот превращается в драму языка, которая всегда имеет несколько актов: зарождение Слова в магме «тропизмов», появление на свет — произнесение, вхождение в пространство «общих мест» и его бытие там, истолкование, обретение статуса, саморефлексия, старение (превращение в клише) и, наконец, — смерть.

Являясь главным персонажем драмы языка, слово играет роль, надевает маску, как, например, в романе «Золотые плоды» («Les Fruits d'or», 1963), где обсуждение книги, которая носит то же название, что и текст Саррот, превращается в наполненную особым динамизмом историю возникновения и эволюции мнения об этом произведении, основывающемся на постоянно возникающих во внутреннем мире персонажей различного рода тропизмах. Выстроенная таким образом художественная конструкция, представляет собой разновидность «романа в романе», которая используется автором для того, чтобы показать сложный механизм взаимодействия тропизмов с пространством «общих мест». Возникающие по мере обсуждения книги «Золотые плоды» мнения, вызванные бессознательными движениями психической магмы, тут же подвергаются цензурной корректировке в соответствии с требованиями общественной конъюнктуры, поскольку стереотипы внешней жизни в свою очередь провоцируют возникновение новых тропизмов. В результате эти процессы приобретают форму «дурной бесконечности».

Таким образом, в драме языка возникает еще одна проблема. Саррот пытается рассмотреть не только влияние тропизмов на возникновение речевого действия, но и обратный процесс, своеобразный «психологический реверс» — роль слов в возникновении новых тропизмов.

Эта проблема особенно отчетливо проявляет себя в позднем творчестве Саррот, в частности, в книге «Здесь» («Ici», 1995). Очевидно, ее название можно воспринимать как обозначение пространства индивидуального сознания, в пределах которого «здесь и теперь» происходят события, отражающиеся в словах, стремящихся выразить внутренние процессы, которые, несмотря на свою принадлежность к микромиру, отличаются не меньшей напряженностью и масштабностью, чем глобальные катаклизмы и конфликты макромира.

В качестве важных участников языковой драмы в пространстве «Здесь» могут выступать имена собственные: слова из детской игры «Здравствуй, Филиппина!», фамилия художника Арчимбольдо. Их припоминание превращается в волнующую историю поиска, возникно-

вения, столкновения звуков, соединяющихся в слова, которые порождают различного рода ощущения:

«Что это? Кажется легкий свист, едва слышный... напоминающий слабое дуновение... Фф. Фф... Это оно, да, оно издавало похожий звук... Теперь “Ф” слышится вполне отчетливо... Сейчас “Ф” приведет с собой... уже ведет... “Фи”... а теперь “Фил”... Так, “Фил” здесь, сейчас появится все остальное... Вот, уже близко, уже вырисовывается... Фи-лис... Нет, это слишком коротко, слишком легковесно, там было что-то более длинное, более тяжелое...»⁸

В данном случае поиск необходимого слова, за которым скрывается конкретная психологическая реальность, оканчивается благополучно. Вновь обретенное имя собственное помогает восстановить, казалось бы, уже утраченные моменты внутренней жизни. Так в тексте Саррот возникает прустовская тема. Так же, как у Пруста, которого Саррот считала одним из главных своих учителей, у нее через слово-имя происходит возврат к утраченной психологической реальности, обретение «утраченного времени».

В другом эпизоде книги «Здесь» главными действующими лицами становятся обычные слова. Банальная фраза «А вы читали?», возникающая в сознании персонажа в связи с его желанием поделиться впечатлением от прочитанного с почитаемым им собеседником, становится причиной рождения напряженной психологической драмы происходящей в сознании того, кто представлен нам в качестве главного персонажа:

«”А вы читали?...” Слова рвутся наружу, дрожа от возбуждения, от предвкушения... их толкает вперед нетерпеливое желание поскорее показать ему, поделиться <...> Кто лучше, чем он сумеет это оценить?»⁹

Однако эти слова поначалу остаются произнесенными, поскольку наталкиваются в пространстве того же сознания на другие слова:

«Стоп, осторожно, что это там, вдалеке, едва различимое?... Или это только мерещится?... Что-то смутное, глубоко запрятанное.... Как будто от слов “А вы читали?...” в памяти что-то шевельнулось... Но что же, что? Вот оно, потихоньку всплывает, проступает... что-то очень старое, поблекшее, ветхое... попавшее сюда давным-давно... “Мне хотелось бы стать писателем”. Да, он, кажется, так и сказал: “Со временем

---

⁸ *Sarraute N.* Здесь. Откройте. СПб.: Инапресс, 1999. С. 16. [Sarraute, Nathalie. (1999) *Zdes'.* Otkroyte (Here. Open). St. Petersburg: Inapress, 16. (In Russian)].

⁹ *Ibid.*, 57.

я хотел бы начать писать”...».¹⁰

Слова, всплывшие из памяти, порождают в душе персонажа бурю переживаний, сомнений, предположений, которые отодвигают момент произнесения первоначальной фразы. При этом реальный временной промежуток между возникновением и звуковой реализацией ее в конце фрагмента, несмотря на все колебания, определить невозможно, поскольку главным для автора становится время психических процессов, сопровождающих слова, появляющиеся в сознании персонажа.

Ситуация, в которой «опасные слова отступают, прячутся, вместо них приходят такие, как нужно»,¹¹ в драме языка возникает чрезвычайно часто. Ситуация, возникающая в книге «Здесь», словно предвещает другой текст Саррот — книгу под названием «Откройте» («Ouvrez», 1997), которая станет последней в ее творчестве.

В книге «Откройте», продолжая раскрывать драму языка, Саррот отказывается от персонажа-посредника между тропизмами, языком и пространством «общих мест». Литературный герой представлен здесь как пространство индивидуального сознания, в границах которого разыгрывается языковая драма и где слова становятся главными драматургическими персонажами, приобретая полную автономию по отношению к субъекту речи.

Мы следим за их усилиями передать глубинные душевные движения читателю, что возможно, как утверждала Саррот в «Эре подозрения», только лишь при помощи «образов, которые порождали бы такие же впечатления и заставляли бы его испытывать подобные же ощущения».¹²

Развивая эту идею в своей последней книге, писательница представляет ряд «маленьких драм», действующими лицами которых становятся слова, «выступающие как самостоятельные живые существа».¹³ Попадая в пространство «общих мест», слова вынуждены приспособляться к правилам игры, ритуала:

«Когда им предстоит встреча с чужими словами, воздвигается загородка, стена. С внешней стороны диалога остаются только те, кто может оказать визитерам достойный прием. Остальные уходят за заго-

---

¹⁰ Ibid., 58-59.

¹¹ Ibid., 39.

¹² Саррот Н. (2000). *Op. cit.*, 137.

¹³ Саррот Н. (1999). *Op. cit.*, 235.

родку, где их накрепко запирают». ¹⁴

Однако поскольку перегородка оказывается прозрачной и им все видно и слышно, то все происходящее перед ними «вызывает у них непреодолимое желание вмешаться, они не выдерживают и начинают стучать, звать... Откройте!». ¹⁵

Вполне естественно, что, обращаясь к драме диалогического слова, Саррот часто избирает драматические жанры, где основная интрига разворачивается не на уровне сюжета, действия персонажей, а в речи героев. Так это происходит, например, в пьесе 1982 г. «Из-за пустяка» («*Pour un oui ou pour un non*»), в которой перед нами разворачивается разговор между персонажами, чья предельная обезличенность подчеркивается их авторским обозначением с помощью букв и цифр (Н1, Н2, Н3, F), служащим всего лишь указанием на половую принадлежность говорящих: Н — мужчина (*Homme*), F — женщина (*Femme*).

Подобный прием обусловлен тем, что внимание автора направлено не на развитие действия, не на психологическую обрисовку героев, а на перипетии их вербального общения. Подчеркнуто незначительная фраза «Это действительно хорошо» («*C'est bien... ça*»), произнесенная одним из персонажей, становится основой драматического конфликта, главную роль в котором играют слова. При этом ключевую роль в развитии конфликта играет не столько семантика фразы, сколько манера ее произнесения: растягивание слова *bien* (*biien*), особое ударение на нем и пауза перед “*ça*” («*C'est biien... ça*»). Такое произношение порождает у собеседника особого рода «тропизмы», которые провоцируют у него своеобразный комплекс неполноценности, заставляют думать его о снисходительном к нему отношении со стороны произнесшего упомянутую фразу. Это ощущение, возникающее поначалу на уровне «тропизмов», имеющее смутные, размытые контуры, стремится реализовать себя, облечься в словесную плоть, что неминуемо приводит его к вхождению в сферу «общих мест» языка. В результате возникает соответствующий дискурс героя, а в его рамках — весьма абстрактная в семантическом плане фраза: «Жизнь такова», которая тут же по ассоциации вызывает продолжение у собеседника («Жизнь такова...простая и спокойная»): «Жизнь такова, простая и спокойная...»

---

¹⁴ Ibid., 235.

¹⁵ Ibid., 235.

Это из Верлена, не так ли?».¹⁶ Указанная фраза переводит разговор в иную плоскость, уточняющую суть конфликта, — в область эстетическую. Из возникшего контекста рождаются новые слова — «Поэзия» и «Поэтическое», манера произнесения и интонационная обрисовка которых рождает у комплексующего персонажа еще более острое чувство отторжения от собеседника, пробуждает новые тревожные «тропизмы» в его подсознании, стремящиеся в свою очередь реализовать себя на уровне сознания, найти свое выражение в языке.

Тот же прием обезличивания персонажей и переноса главной интриги в сферу их разговора присутствует в пьесе «Исма, или То, что называется “ничто”» («Isma ou ce qui s'appelle rien», 1970). В процессе беседы, разворачивающейся между героями, появляется тема семейной четы Дюбюи, которая, возникнув однажды, навязчиво и неотступно снова и снова преследует действующих лиц. Пытаясь описать непонятное, смутное ощущение, которое вызывает эта пара, они находят ему название «антипатия». Однако смысл и причины испытываемого по отношению к Дюбюи чувства остаются нераскрытым, поскольку найденное слово — всего лишь расхожее клише. Об этом говорит одна из героинь пьесы: «Вы же прекрасно понимаете, что «антипатия» — это слишком расплывчато, слишком... отстраненно...».¹⁷ Тогда в поисках объяснения испытываемого ощущения в сознании одной из героинь возникает манера Дюбюи произносить «изм» в конце слов:

«Исма. Исма. Ма. Ма. Капитализма. Сендикализма. Структурализма. Эта манера произносить «исма»... Краешек приподнимается... оно крадется... все дальше и дальше... до самого сердца... Будто яд... Исма... Исма».¹⁸

Уже не слово целиком — его частица начинает порождать у персонажей новые тропизмы, которые вызывают в их сознании бурю переживаний, провоцирующих, в свою очередь, появление других слов, взятых из пространства «общих мест» и призванных дать название тому или иному ощущению. Так, вслед за «антипатией» в сознании героев возникают множество различных ассоциаций и определений:

« это как метастазы у больных раком... Исма — это признак. Симптом»; «Исма... Исма... как маленький прыщик, который свидетель-

¹⁶ Sarraute, Nathalie (1996). *Oeuvres complètes*. Paris: Gallimard, 1499. (Bibliothèque de la Pléiade).

¹⁷ Ibid., 1432-1433.

¹⁸ Ibid., 1440-1441.

ствует о начале чумы...».¹⁹

Апофеозом процесса поиска подходящего определения ощущения, заданным тропизмами, становится окончательный приговор Дюбюи, вынесенный одной из героинь:

«Исма — этого достаточно. Не нужны другие доказательства. Теперь вам не скрыться. Не пытайтесь сбежать. Вы попались. Вас раскусили. Все ясно: вы враги <...>. Теперь все раскрылось, все прояснилось, все расклассифицировано, названо. Это — зло. Вы есть зло».²⁰

По логике Саррот, драма языка, отражающая положение человека, находящегося между стихией тропизмов и прессом общих мест, стремящимся штамповать приемлемые с точки зрения социума формы поведения и речи, как правило, состоит из ряда «актов»: рождение слова, которое обусловлено внутренними движениями, исходящими из магмы «тропизмов», его вхождение в пространство «общих мест», в сферу стереотипных, клишированных значений, бытующих по законам ритуала или маскарадного действия. Оказавшись в подобной атмосфере, слова вынуждены подчиняться общим правилам игры, становясь из-за этого неопределенными, размытыми в силу частого их употребления, вбирая в себя различные побочные смыслы, словно бы надевая на себя маскарадные маски. Привычные слова вызывают ответный процесс возникновения клишированных вербальных реакций, которые так же требуют облачения их в словесные формы, и так — до бесконечности.

Таким образом, диалог, коммуникативное общение, как считает Саррот, возможны лишь на основе Слова-образа, которое соотносится со сферой «тропизмов». Но и такого рода диалог для нее относителен в силу того, что Слово-образ всякий раз приобретает сугубо личностные очертания. Зазор между исходным «тропизмом» и Словом, существующий первоначально, увеличивается в результате «прохождения» Слова через сферу «общих мест» и через сознание воспринимающего.

© Таганов А. Н.

---

¹⁹ Ibid., 1446.

²⁰ Ibid., 1447.

ЛИТЕРАТУРА
REFERENCES

- Алексеев М. П.* Первые литературные встречи // Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982. С. 17—109. [Alekseyev, Mikhail P. (1982). *Pervyye literaturnyye vstrechi* (First Literary Meetings). In Alekseyev, Mikhail P. (ed.) *Russko-angliiskiye literaturnyye svyazi (XVIII vek — pervaya polovina XIX veka)* (Russian-English Literary Relations (18th Century — the First Half of the 19th Century)). *Literaturnoye nasledstvo*, vol. 91. Moscow: Nauka, 17—109. (In Russian)].
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. [Apresyan, Yuriy D. (1995) *Izbrannyye trudy* (Selected Works). In 2 vols. Vol. 2: *Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* (Integral Description of Language and Systemic Lexicography). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (Languages of Russian Culture). (In Russian)].
- Аристотель.* Поэтика // Античные теории языка и стиля / под ред. О. М. Фрейденберг. М., Л.: ОГИЗ — Соцекгиз, 1936. С. 174—176. [Aristotel'. (1936) *Poetika* (Poetics). In Freudenberg, Olga M. (ed.) *Antichnyye teorii yazyka i stilya* (Ancient Theories of Language and Style), 174—176. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32. [Arutyunova, Nina D. (1990) *Metafora i diskurs*. In Arutyunova, Nina D., & Zhurinskaya, Marina A. (eds.) *Teoriya metafory* (Metaphor Theory). Moscow: Progress, 5—32. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3—19. [Arutyunova, Nina D. (1987) *Anomalii i yazyk* (Anomalies and Language). *Voprosy yazykoznaneya* (Topics in the Study of Language), 3, 3—19. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 296—297. [Arutyunova, Nina D. (1990) *Metafora* (Metaphor)]. In Yartseva, Viktorya N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya

- entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 296—297. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990а. С. 372—373. [Arutyunova, Nina D. (1990) Performativ (Performative). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 372—373. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990б. С. 389—390. [Arutyunova, Nina D. (1990) Pragmatika (Pragmatics). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 389—390. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. [Arutyunova, Nina D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskiye problemy* (Sentence and its Meaning. Logical-Semantic Problems). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990в. С. 412—413. [Arutyunova, Nina D. (1990) Rechevoy akt (Speech Act). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 412—413. (In Russian)].
- Безменова Н. А. Введение // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М.: АН СССР, 1984. С. 5—24. [Bezmenova, Natalya A. (1984) Vvedeniye (Introduction). [In Bezmenova, Natalya A., & Gerasimov, Vladimir I. (eds.) *Yazykovaya deyatel'nost' v aspekte lingvisticheskoy pragmatiki* (Linguistic Activity in the Aspect of Linguistic Pragmatics). Moscow: Akademiya nauk SSSR (USSR Academy of Sciences), 5—24. . (In Russian)].
- Безруков В. А. Средства номинации измененных состояний сознания в драматургических ремарках (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2007. [Bezrukov, Vadim A. (2007) *Sredstva nominatsii izmenyonnykh sostoyaniy soznaniya v*

- dramaturgicheskikh remarkakh (na materiale angliyskogo yazyka)* (Means of Nomination of Altered States of Consciousness in Dramatic Remarks (on the Material of the English Language)). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Беляева Е. И. Классификация структурно-семантических особенностей английской аффективной речи: аспект однозначности. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2018. [Belyaeva, Yekaterina I. (2018) *Klassifikatsiya strukturno-semanticheskikh osobennostey angliyskoy affektivnoy rechi: aspekt odnoznachnosti* (Classification of Structural and Semantic Peculiarities of English Affective Speech: Aspect of Unambiguity). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Беляева Е. И., Синеокова Т. Н. Способы дифференциации сходных признаков лингвистической классификации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. Вып. XIV. С. 290—295. [Belyaeva, Ekaterina I., & Sineokova, Tatyana N. (2012) *Sposoby differentsiatsii skhodnykh priznakov lingvisticheskoy klassifikatsii* (The Ways of Differentiation of Similar Classification Features of a Linguistic Classification). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 14, 290—295. (In Russian)].
- Блинов А. Л. Общение. Звуки. Смысл: Об одной проблеме аналитической философии языка. М.: РФО, 1996. [Blinov, Arkadiy L. (1996) *Obshcheniye. Zvuki. Smysl: Ob odnoy probleme analiticheskoy filosofii yazyka* (Communication. Sounds. Sense: About one Problem of the Analytical Philosophy of Language). Moscow: RFO. (In Russian)].
- Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56—67. [Bloch Mark Ya. (2000) *Dikteta v urovnevoi strukture iazyka* (Dicteme within Levels of Language Structure). *Voprosy yazykoznaniiya* (Topics in the Study of Language), 4, 56—67. (In Russian)].
- Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: ЛГУ, 1990. [Bogdanov, Valentin V. (1990) *Rechevoye obshheniye. Pragmaticheskiye i semanticheskiye aspekty* (Speech Communication. Pragmatic and Semantic Aspects). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет.

- Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. [Bogin, Georgiy I. (2009) *Obreteniye sposobnosti ponimat'* (Acquiring Ability to Understand). Tver': Tver' State University. (In Russian)].
- Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1986. [Bogin, Georgiy I. (1986) *Tipologiya ponimaniya texta* (Typology of Text Understanding). Kalinin: Kalinin State University. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / Ред. Н. Н. Болдырев. М.: Институт языкознания РАН. 2010. С. 45—59. [Boldyrev, Nikolay N. (2010) *Kategorial'ny uroven' predstavleniya znaniy v yazyke* (Categorical Level of Knowledge Representation in language). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, t. VII. *Tipy kategoriy v yazyke* (Cognitive Language Studies, vol. VII. Types of Categories in the Language). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 45—49. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. / Ред. Н. Н. Болдырев. М.: Институт языкознания РАН, 2009. С. 91—103. [Boldyrev, Nikolay N. (2009) *Problemy issledovaniya yazykovogo znaniya* (Problems of Language Knowledge Research). In Boldyrev, Nikolay N. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, t. I. *Kontseptual'nyy analiz yazyka* (Cognitive Studies of Language, vol. I. The Conceptual Analysis of Language). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 91—103. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5—22. [Boldyrev, Nikolay N. (2006) *Yazykovyye kategorii kak format znaniya* (Language Categories as a Format of Knowledge). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* (Issues of Cognitive Linguistics), 2, 5—22. (In Russian)].
- Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. [Bondarenko, Viktor N. (1983) *Otritsaniye kak logiko-grammaticheskaya kategoriya* (Negation as a Logical-Grammatical Category). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-

- т, 1995. [Bukharov, Valeriy M. (1995) *Varianty norm proiznosheniya sovremennogo nemetskogo literaturnogo yazyka* (Variants of Pronunciation Norms in Modern German Literary Language). Nizhniy Novgorod: Nizhny Novgorod State University. (In Russian)].
- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. [Van Dijk, Teun A. (1989) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Варбот Ж. Ж. Предисловие // Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. М.: Пантомима, 1993. С. 4—7. [Varbot, Zhanna Zh. (1993) Predisloviye (Foreword). In Berkovich, T. L., Mironova, Yu. L. (eds.) Chernykh, Pavel Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* (A Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language). In 2 vols. Moscow: Pantomima, 4—7. (In Russian)].
- Варшавский П. Р. Метод рассуждения на основе прецедентов для интеллектуальных систем поддержки принятия решений // Сб. тр. Научной сессии МИФИ. Т. III. / под ред. Н. Г. Загоруйко. М.: МИФИ, 2005. С. 154—155. [Varshavskiy, Pavel R. (2005) Metod rassuzhdeniya na osnove pretsedentov dlya intellektual'nykh sistem podderzhki prinyatiya resheniy (The Method of Reasoning Based on Precedents for Intelligent Decision Support Systems). In Zagoruyko, N. G. (ed.) *Sbornik trudov Nauchnoy sessii MIFI*, t. III (Proceedings of the MEPHI Scientific Session, vol. 3). Moscow: MEPHI, 154—155. (In Russian)].
- Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. [Vasil'yev, Leonid M. (1981) *Semantika russkogo glagola* (Semantics of the Russian Verb). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 238—250. [Vendler, Zeno (1985) *Illokutivnoye samoubiystvo* (Illocutionary Suicide). In Paducheva, Yelena V. (ed.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike, XVI: Lingvisticheskaya pragmatika* (New in Foreign Linguistics. Vol. XVI: Linguistic Pragmatics). Moscow: Progress, 238—250.
- Владимирская Л. М. Статус категории утверждения/отрицания в современном немецком языке. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1999. [Vladimirskaya, Larisa M. (1999) *Status kategorii utverzheniya/otritsaniya v sovremennom*

- nemetskom yazyke* (The Status of the Category of Affirmation/Negation in Modern German). Advanced doctorate thesis in Philology. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russian)].
- Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы) / под. ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1977. С. 230—293. [Gak, Vladimir G. (1977) K tipologii lingvisticheskikh nominatsiy (On the Typology of Linguistic Nominations). In Serebrennikov, Boris A., & Ufimtseva, Anna A. (eds.) *Yazykovaya nominatsiya (Obsshiye voprosy)* (Language nomination (General questions)). Moscow: Akademiya nauk SSSR, Institut yazykoznaniiya (USSR Academy of Sciences, Institute of linguistics), 230—293. (In Russian)].
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. [Gak, Vladimir G. (2000) *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* (Theoretical Grammar of the French Language). Moscow: Dobrosvet. (In Russian)].
- Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. Т. 2. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты / под. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 279—479. [Herberstein, Sigismund (Siegmond). (2008) In Khoroshkevich A. L. (ed.) *Zapiski o Moskovii* (Rerum Moscoviticarum Commentarii). In 2 vols. Vol. 2. Statyi, kommentarii, prilozheniya, ukazateli, karty (Articles, Commentaries, Appendixes, Indexes, Maps). Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli (Monuments of Historical Thought), 279—479. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Вторично-номинативная функция причастий в современном немецком языке. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев: Киевский гос. пед. ин-т ин. яз., 1991. [Golubeva, Nadezhda A. (1991) *Vtorichno-nominativnaya funktsiya prichastiy v sovremennom nemetskom yazyke* (Secondary Nominative Function of Participles in Modern German). PhD thesis in Philology. Kiev: Kiev State Pedagogical Institute of Foreign Languages. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т., 2010. [Golubeva, Nadezhda A. (2010) *Grammaticheskiye pretsedentnyye yedinitsey v sovremennom nemetskom yazyke* (Grammatical Preceden-

- tial Units in the Modern German Language). Advanced doctorate thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Лингвистическая безопасность на все случаи жизни // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы третьего международного образовательного форума 3-4 октября 2019 г. / Отв. ред. А. Ю. Курмелев. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2019. С. 44—50. [Golubeva, Nadezhda A. (2019) *Lingvisticheskaya bezopasnost' na vse sluchai zhizni* (Linguistic Security for All Occasions). In Kurmelev, Anton Yu. (ed). *Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost'*. Materialy tret'yego mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo foruma 3-4 oktyabrya 2019 g. (Language Policy and Linguistic Security. Proceedings of the 3rd International Educational Forum, October, 3-4, 2019). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University, 44—50. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2009. [Golubeva, Nadezhda A. (2009) *Slovo. Tekst. Diskurs. Pretsedentnyye yedinitisy* (Word. Text. Discourse. Precedential units). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Голубева Н. А., Прокопьева Н. Н. Прецедентная функция религиозных вокативов в дискурсе // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та. Вып. 25. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2014. С. 9—19. [Golubeva, Nadezhda, & Prokopyeva, Nadezhda N. (2014) *Pretsedentnaya funktsiya religioznykh vokativov v diskurse* (Precedential Function of Religious Vocatives in Discourse). *LUNN Bulletin*, 25, 9—19. (In Russian)].
- Горбачева Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2015. [Gorbacheva, Yelena N. (2015) *Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry* (Discursive Performativity: Features, Types, Genres). Advanced doctorate thesis in Philology. Tambov: Tambov State University. (In Russian)].
- Григорьев Г. В., Ручкина Е. М. Вариативность терминологических определений как одна из ключевых проблем современного терминоведения // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 1А. С. 75—85. [Grigor'ev, Georgii V., & Ruchkina, Elena M. (2019) Vari-

- ativnost' terminologicheskikh opredeleniy kak odna iz klyuchevykh problem sovremennogo terminovedeniya (Variability of Terminological Definitions as One of the Key Problems of Modern Terminology). *Culture and Civilization*, 9, 1A, 75—85. (In Russian)].
- Гридин В. Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Gridin, Vladimir N. (1990) *Ekspressivnost' (Expressivity)*. In Yartseva, Viktoria N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia). (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. С. 15—46. [Grishayeva, Lyudmila I. (2004) *Pretsedentnyye fenomeny kak kul'turnyye skrepy (k tipologii pretsedentnykh fenomenov)* (Precedential Phenomena as Cultural Bonds (to the Typology of Precedent Phenomena)). In Grishayeva, Lyudmila I., Popova, Mariya K., & Titov Vladimir T. (eds.) *Fenomen pretsedentnosti i preyemstvennost' kul'tur* (The Phenomenon of Precedent and Continuity of Cultures). Voronezh: Voronezh State University, 15—46. (In Russian)].
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999. [Gudkov, Dmitriy B. (1999) *Pretsedentnoye imya i problemy pretsedentnosti* (The Precedential Name and the Problem of Precedent). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Д'Анджело Дж. Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в нужное русло // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 42. С. 32—43. [D'Angelo, James. (2014) *Japanese English? Refocusing the Discussion*. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 42, 32—43. (In Russian)].
- Дмитриев Е. Е. Петр I в восприятии британцев конца XVII — первой половины XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук: 07:00:02. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2005. [Dmitriyev, Yegor Ye. (2005) *Petr I v vospriyatii britantsev kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX vv.* (Peter I in British Perception at the End of the 18th — the First Half of the 19th Centuries). PhD thesis in Philology. Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных проявлениях // Труды по германскому языкознанию и социолингви-

- стике / Отв. ред. Л. Б. Копчук. СПб: Наука, 2005. С. 31—212. [Domashnev, Anatoliy I. (2005) *Sovremenniy nemetskiy yazyk v ego natsionalnyh proyavleniyah* (Modern German Language in Its National Manifestations). In Korchuk, Lyubov' B. (ed.) *Trudy po germanskomu yazykoznaniyu i sociolinguistike* (Works on German Linguistics and Sociolinguistics). St. Petersburg: Nauka, 31—212. (In Russian)].
- Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. [Dridze, Tamara M. (1980) *Yazyk i sotsial'naya psikhologiya* (Language and Social Psychology). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Вища школа, 1974. [Zhluktenko, Yuriy A. (1974) *Lingvisticheskiye aspekty dviyazychiya* (Linguistic aspects of bilingualism). Kiev: Vissha shkola. (In Russian)].
- Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М: Флинта: Наука, 2013. [Zhukova, Irina N., Lebedko, Mariya G., Proshina, Zoya G., & Yuzefovich, Natalya G. (2013) *Slovar' terminov mezhkulturnoy komunikatsii* (A Dictionary of Intercultural Communication). Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian)].
- Журавлев В. К. Культурно-исторический ареал // Язык и история: проблемы лингвокультурной традиции / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1989. С. 22—24. [Zhuravlev, Vladimir K. (1989) *Kul'turno-istoricheskii areal* (Cultural and Historic Areal). In Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Yazyk i istoriya: problemy lingvokul'turnoi traditsii* (Language and History: Problems of Linguocultural tradition). Moscow: Nauka, 22—24. (In Russian)].
- Завьялова В. Л. Трансформации слогоритмической структуры английской фразы в речи носителей китайского языка // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Т. 8. № 2. С. 24—34. [Zavyalova, Viktoriya L. (2010) Transformation of Syllable and Rhythm Structure of the English Sentence in the Speech of China English Speakers. *The Herald of Novosibirsk State University*. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 8, 2, 24—34. (In Russian)].
- Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976. [Zvegintsev, Vladimir A. (1976) *Predlozheniye i ego*

- otnosheniye k yazyku i rechi* (Sentence and its Relation to Language and Speech). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Иванкова Т. А. Английский язык в Китае. Региональные особенности. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. [Ivanova, Tatyana A. (2009) *Angliyskiy yazyk v Kitaye. Regional'niye osobennosti* (English in China. Regional Specifics). Vladivostok: Far Eastern State University. (In Russian)].
- Иванова Е. В. О гнездах, коровах и крае земли (о реконструкции языковой картины мира) // Вестник С.-Петербургского ун-та. Серия 9 (Филология. Востоковедение. Журналистика). 2014. Вып. 1. С. 136—143. [Ivanova, Yelizaveta V. (2014) *O gnezdakh, korovakh i kraye zemli* (o rekonstruktsii yazykovoy kartiny mira) (On Nests, Cows and the Edge of the Earth (On the Reconstruction of the Linguistic World Picture). *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 9* (Philology. Orientalism. Journalism), 1, 136—43 (In Russian)].
- Иконникова В. А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США). Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2014. [Ikonnikova, Valentina A. (2014) *Vozniknoveniye i razvitiye kulturnogo komponenta v anglojazichnoy yuridicheskoy terminologii* (na materiale terminosistem Anglii, Shotlandii i SSHA (Roots and development of English law terminology with special reference to terminological systems of England, Scotland and USA). Extended abstract of advanced doctorate thesis in Philology. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2014 (In Russian)].
- Ильина С. С. Обращение в сингапурском варианте английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2005. [Ilyina, Svetlana S. (2005) *Obrassheniye v singapurskom variante angliyskogo yazyka* (Allocution in the Singaporean Variant of English). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Vladivostok: Far Eastern State University. (In Russian)].
- Ипатова Н. А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ. Автореф. дис ... канд. социол. наук: 22.00.06. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. [Ipatova, Natalia A. (2009) *Diskursivniye praktiki v formirovanii professional'nykh soobsshestv* (Discourse Practices in Forming Professional Communi-

- ties). Extended abstract of PhD thesis in Sociology. St. Petersburg: State University. (In Russian)].
- Исаев М. И., Никольский Л. Б. Общие тенденции и факторы развития языков в странах зарубежного Востока // Развитие языков в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1983. С. 5—15. [Isaev, Magomet I., & Nikol'skiy, Leonid B. (1983) *Obshchiye tendentsii i factory razvitiya yazykov v stranah zarubezhnogo Vostoka* (Common Tendencies and Factors of Languages Development in Exterior Oriental Countries). In Nikol'skiy, Leonid B. (ed.) *Razvitiye yazykov v stranah zarubezhnogo Vostoka* (The Development of Languages in Exterior Oriental Countries). Moscow: Nauka, 5—15.
- Ицкович В. А. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968. [Itskovich, Viktor A. (1968) *Yazykovaya norma* (Language Norms). Moscow: Prosvessheniye. (In Russian)].
- ИЭС — Иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В. И. Бородулина и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. [Borodulin, V. I. et al. (eds.) (1997) *Illyustrirovannyy entsiklopedicheskiy slovar'* (An Illustrated Encyclopedic Dictionary). Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya (Big Russian Encyclopedia). (In Russian)].
- Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: РГПУ им А. И. Герцена, 1998. [Kabakchi, Viktor V. (1998) *Osnovy angloyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Fundamentals of Intercultural Communication in English). St. Petersburg: Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Кабанова И. Н. Динамика развития эвфемистического фонда современного английского языка // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, Симферополь, 4-5 мая 2017 г. / гл. ред. А. Д. Петренко. Симферополь: Ариал, 2017. С. 167—172. [Kabanova, Irina N. (2017) *Dinamika razvitiya evfemisticheskogo fonda sovremennogo angliyskogo yazyka* (Dynamics of Development of the Euphemistic Fund of the Modern English Language). In Petrenko, Alexandr D. (ed.) *Aktual'nyye problemy sovremennoy gumanisticheskoy nauki: otechestvennyye traditsii i mezhdunarodnaya praktika*. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yalta, Simferopol, 4-5 maya 2017 g. (Actual Problems of Modern Human-

- istic Science: Domestic Traditions and International Practice. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Yalta, Simferopol, May, 4-5, 2017). Simferopol: Arial, 167—172. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб: Питер, 2006. [Karvasarskiy, Boris D. (2006) *Psikhoterapevticheskaya etnitsiklopediya* (Psychotherapeutic Encyclopedia). St. Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Карпов Г. В. Иллокутивная логика: логическое следование, семантика и прагматика. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.07. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. [Karpov, Gleb V. (2009) *Illokutivnaya logika: logicheskoye sledovaniye, semantika i pragmatika* (Illocutionary Logic: Logical Sequence, Semantics and Pragmatics). PhD thesis in Philosophy. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russian)].
- Карпова О. М. Английская и шотландская лексикографии: истоки, развитие, современное состояние // Вестник ИвГУ. Вып. 1. 2013. С. 47—54. [Karpova, Olga M. (2013) English and Scottish Lexicography: Roots, Development, Modern State. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Ivanovo State University), 1, 47—54. (In Russian)].
- Карпова О. М. Английская лексикография: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. [Karpova, Olga M. (2010) *Anglijskaya leksikografiya* (English Lexicography: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Карпова О. М. Новые вызовы современной английской лексикографии // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2018а. № 3. С. 32—49. [Karpova, Olga M. (2018a) *Noviye vyzovy sovremennoy angliyskoy leksikografii* (New Challenges of English Lexicography). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Voronezh State University), 3, 32—49. (In Russian)].
- Карпова О. М. Словари современного русского языка в свете новых тенденций западноевропейской лексикографии // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2016. № 4. С. 160—164. [Karpova, Olga M.

- (2016) Dictionaries of Modern Russian Language in View of New Tendencies of Western-European Lexicography. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Voronezh State University), 3, 32—49. (In Russian)].
- Карпова О. М. Словарь как инструмент пользователя информационного пространства // Новая экономика и региональная наука. 2018б. № 2. С. 46—52. [Karpova, Olga M. (2018b) Slovar' kak instrument polzovatelya iformatsionnogo prostranstva (A Dictionary as an Instrument of the User's in Information Era). *Novaya ekonomika i regional'naya nauka* (New Economics and Regional Science), 2, 46—52. (In Russian)].
- Карпова О. М. Энциклопедические словари Шекспира нового поколения // Современные проблемы авторской лексикографии: Сб. науч. статей / под. ред. Л. Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018в. С. 99—105. [Karpova, Olga M. (2018c) Entsiklopedicheskiye slovari Shekspira novogo pokoleniya (Encyclopedic Shakespeare Dictionaries of New Generation). In Shestakova, Larisa L. (ed.) *Sovremenniyе problemy avtorskoj leksikografii* (Modern Problems of Author Lexicography). Moscow: Akvilon, 99—105. (In Russian)].
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М.: Эдиториал УРСС, 2002. [Katsnel'son, Solomon D. (2002) *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* (Typology of Language and Speech Thinking). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Квинтилиан Марк Фабий. Риторические наставления. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии, 1834. [Quintilian, Markus F. (1834) *Ritoricheskiye nastavleniya* (Rhetorical Instructions). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii. (In Russian)].
- Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29—59. [Kibrik, Alexander E., et al. (2015) (eds.) *Kognitivnyy podkhod k yazyku* (A Cognitive Approach to Language). In Kibrik, Andrey A., Koshelev, Alexey D., et al. (eds.) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC, 25—29. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. Неизвестная очевидная трихотомия: роль логики в глоттогонии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (204). С. 115—129. [Kobenko, Yuriy V.

(2019) Neizvestnaya ochevidnaya trikhomiya: rol' logiki v glotto-gonii (Unknown Obvious Trichotomy: Role of Logic in Glottogony). *TSPU Bulletin*, 7 (204), 115—129. (In Russian)]. doi: 10.23951/1609-624X-2019-7-115-129.

Кобенко Ю. В. Подходы к организации словника и принципы построения лемм двуязычного фразео-паремиологического словаря // Этнология: традиции и современность / под ред. Н.П. Мартысюк. Минск: РИВШ, 2016. С. 178—183. [Kobenko, Yuriy V. (2016) Podkhody k organizatsii slovnika i printsipy postroyeniya lemm dvuyazychnogo frazeo-paremiologicheskogo slovarya (Approaches to the Organization of the Vocabulary and Principles of Constructing Lemmas of a Bilingual Phraseological-Paremiological Dictionary). In Martysyuk, Natela P. (ed.) *Ethnology: Traditions and Modernity*. Minsk: RIVSh., 178—183. (In Russian)].

Кобенко Ю. В. Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экzoglossные тенденции. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. [Kobenko, Yuriy V. (2014) *Yazykovaya situatsiya v FRG: amerikanizatsiya i ekzoglossnyye tendentsii* (The Language Situation in Germany: Americanization and Exoglossic Tendencies). Tomsk: Tomsk Polytechnical University Publishers. (In Russian)].

Кобозева И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. Диалог'2003 / под ред. И. М. Кобозевой и др. М.: Наука, 2003. С. 267—271. [Kobozeva, Irina M. (2003) K raspoznavaniyu intentsional'nogo komponenta smysla vyskazyvaniya (teoreticheskiye predposylki) (On the Recognition of the Intentional Component of Statement Meaning (Theoretical Background)). In Kobozeva, Irina M., et al. (eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Proceedings of the International Conference Dialog'2003. Moscow: Nauka, 267—271. (In Russian)].

Кобозева И. М. Перформативность глагола и его лексическое значение // *Linguistische Arbeitsberichte*, 54/55. Leipzig: Karl-Marx-Universität, 1986. С. 176—189. [Kobozeva, Irina M. (1986) Performativnost' glagola i yego leksicheskoye znacheniye (The Verb Performativity and Its Lexical Meaning). *Linguistische Arbeitsberichte*, 54/55. Leipzig: Karl-Marx-Universität, 176—189. (In Russian)].

Коган Б. М., Сёмина Т. Е. Проблема диссоциации в психологии и пси-

- хиатрии // Системная психология и социология. 2010. № 2 (I). С. 43—52. [Kogan, Boris M., & Syomina, Tatiana E. (2010) Problema dissotsiatsii v psikhologii i psikhiiatrii (The Problem of Dissociation in Psychology and Psychiatry). *Systems Psychology and Sociology*, 2 (I), 43—52. (In Russian)].
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография. М.: Дрофа, 2004. [Kozyrev, Vladimir A., Chernyak, Valentina D. (2004) *Russkaya leksikografiya* (Russian Lexicography). Moscow: Drofa. (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. [Kolshanskiy, Gennadiy V. (1984) *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* (Communicative Function and Language Structure). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (Общие вопросы) / под. ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1977. С. 99—146. [Kolshansky, Gennadiy V. (1977) Lingvo-gnoseologicheskiye osnovy yazykovoy nominatsii (Linguistic and Epistemological Foundations of Language Nomination). In Serebrennikov, Boris A., & Ufimtseva, Anna A. (eds.) *Yazykovaya nominatsiya (Obsshiye voprosy)* (Language nomination (General questions)), 99—146. Moscow: Akademiya nauk SSSR, Institut yazykoznaniya (USSR Academy of Sciences, Institute of linguistics). (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. [Kolshanskiy, Gennadiy V. (1990) *Ob'yektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* (Objective World Picture in Cognition and Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Королева С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: DIRECTMedia, 2014. [Koroleva, Svetlana B. (2014). *Mif of Rossii v britanskoi kul'ture i literature* (The Myth of Russia in British Culture and Literature (until the 1920s)). Moscow: DIRECTMedia. (In Russian)].
- Кошелев А. Д. На пороге эволюционно-синтетической теории языка // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 123—154. [Koshelev, Alexey D. (2015) Na poroge evolyutsionno-sinteticheskoy teorii yazyka (On the Threshold of Evolutionary-Synthetic Theory of Language) In Kibrik, Andrey A., Ko-

- shelev, Alexey D. et al. (eds.) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC, 123—154. (In Russian)].
- Кравченко А. В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 155—172. [Kravchenko, Alexander V. (2015) O predmetnoy oblasti yazykoznaniiya (On the Subject Area of Linguistics). In Kibrik, Andrey A., Koshelev, Alexey D., et al (eds.) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC, 155—172. (In Russian)].
- Красных В. В. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация / Красных В. В., Изотов А. И. (ред.). Вып. 4. М.: Филология, 1998. С. 5—33. [Krasnykh, Viktoria V. (1998) Fenomen pretsedentnosti i pretsedentnyye fenomen (The Phenomenon of Precedent and Precedential Phenomena). In Krasnykh, Viktoria V., & Izotov, Andrey I. (eds.) *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. Vyp. 4 (Language, Consciousness, Communication, vol. 4). Moscow: Filologiya, 5—33. (In Russian)].
- Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Весь мир, 2001. [Crystal, David. (2001) *Angliyskiy yazyk kak global'ny* (English as a Global Language). Moscow: Ves' mir. (In Russian)].
- Крысин Л. П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 61—64. [Krysin, Leonid P. (2000) *Kodoviye pereklyucheniya kak komponent rechevogo povedeniya cheloveka* (Code Switching as a Component of Human Speech Behavior). *Spetsializirovanny vestnik* (Specialized Information Bulletin), 3 (11), 61—64. (In Russian)].
- Крюкова Н. Ф. Метафоризация в контексте интерпретации текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. [Kryukova, Nataliya F. (2015) *Metaforizatziya v kontexte interpretatzii teksta* (Metaphorization in the Context of Text Interpretation). Tver': Tver' State University. (In Russian)].
- Крюкова Н. Ф. Смысловый потенциал абсурда // Абсурд в коммуникациях, или общение без понимания / под. ред. Е. С. Никитиной. М.: Ленанд, 2018. С. 22—37. [Kryukova, Nataliya F. (2018) *Smyslovoy potentzial absurda* (Message Potentiality of Absurd). In Nikitina, Elena S. (ed.) *Absurd v kommunikatziyakh, ili obsshenie bez*

- ponimaniya* (Absurd in Communications, or Communication without Understanding). Moscow: Lenand, 22—37. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. [Kubryakova, Yelena S. (1986) *Nominativny aspekt rechevoy deyatel'nosti* (Nominative Aspect of Speech Activity). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. [Kubryakova, Yelena S. (1978) *Chasti rechi v onomasiologicheskom osvesshenii* (Parts of Speech in Onomasiological Coverage). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 144—238. [Kubriakova, Elena S. (1995) *Evoliutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza)* (Evolution of Linguistic Ideas in the Second Part of the 20th Century (Paradigmatic Analysis Experience)). In Stepanov, Yuriy S. (ed.). *Yazyk i nauka kontza 20 veka* (Language and Science of the End of the 20th Century). Moscow: Russian State University for the Humanities, 144—238. (In Russian)].
- Кузнецов Д. В. Грамматическая темпоральность в лингвоперсонологическом аспекте // Филологические науки. 2007. № 5. С. 50—59. [Kuznetsov, Dmitriy V. (2007) *Grammaticheskaya temporal'nost' v lingvopersonologicheskom aspekte* (Grammatical Temporality in Linguopersonological Aspect). *Philological Sciences*, 5, 50—59. (In Russian)].
- Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Librokom, 2009. [Leychik, Vladimir M. (2009) *Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura* (Terminology: Object, Methods, Structure). Moscow: Librokom. (In Russian)]. [4th ed.]
- Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. [Leont'yev, Alexey N. (2000). *Lektsii po obshchey psikhologii* (Lectures on General Psychology). Moscow: Smysl, 2000.
- Липская Е. Л. Перформативные высказывания в современном немецком языке: семантический и когнитивно-прагматический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Черновцы, 2010. [Lipskaya, Evgeniya L. (2010) *Performativnyye vyskazyvaniya v sovremennom nemetskom yazyke: semanticheskii i kognitivno-pragmaticheskii*

- aspekty* (Performative Utterances in Modern German: Semantic and Cognitive-Pragmatic Aspects). PhD thesis in Philology. Chernivtsi. (In Russian)].
- Лисенкова О. А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2007. [Lisenkova, Olga A. (2007) *Sintaksicheskaya transpositsiya v muzhskoy i zhenskoy affektivnoy rechi (na materiale angliyskogo yazyka)* (Syntactic Transposition in Male and Female Affective Speech (With Special Reference to English)). PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Ловцевич Г. Н. Кросскультурный терминологический словарь как словарь нового типа (на материале английских и русских терминов лингводидактики). Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2010. [Lovtsevich, Galina. N. (2010) *Kroskulturniy terminologicheskii slovar' kak slovar' novogo tipa (na marteriale angliyskikh I russkikh terminov lingvodidaktiki)* (Cross-cultural Terminological Dictionary as a New Type of a Dictionary with Special Reference to English and Russian Terms of Linguodidactics). Extended abstract of advanced doctorate thesis in Philology. Moscow: Moscow State University, 2010. (In Russian)].
- Лопырева Т. В. Герменевтическая семантология // Атриум. Серия Филология. 2000. № 6. С. 46—50. [Lopyryova, Tatyana V. (2000) *Germenevticheskaya semantologiya* (Hermeneutical Semantology). *Atrium*, 6, 46—50. (In Russian)].
- Лосев А. Ф. Эринии // Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 638. [Losev, Alexey F. (1991) *Erinii* (Erinyes). In Meletinskiy Eleasar. M. (ed.) *Mifologicheskii slovar'* (Mythological Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 638. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Чем длиннее пройден путь, тем меньше вероятностей для выбора (Вступительное слово на Международной студенческой конференции русских филологов) // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 456—458. [Lotman, Yury M. (1994) *Chem dlinneye proyden put', tem men'she veroyatnostey dlya vybora* (Vstupitel'noe slovo na

- Mezhdunarodnoy studencheskoy konferentsii russkikh filologov) (The Longer the Road Passed, the Fewer the Probabilities to Choose (An Opening Statement at the International Student Conference of Russian Philologists)). In Koshelev, Alexey D. (ed.) *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* (Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow School of Semiotics). Moscow: Gnosis, 456—458. (In Russian)].
- Лыков А. Г. Современная русская лексикология: русское окказиональное слово. М.: Высшая школа, 1976. [Lykov, Aleksey G. (1976) *Sovremennaya russkaya leksikologiya: russkoye okkazional'noye slovo* (Modern Russian Lexicology: Russian Occasional Word). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Маевский Е. В. Графическая стилистика японского языка. М.: Муравей-Гайд, 2000. [Mayevskiy, Evgeniy V. (2000) *Graficheskaya stilistika yaponskogo yazyka* (Graphic Stylistics of the Japanese Language). Moscow: Muravey-Guide Publ. (In Russian)].
- Маник С. А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние. Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2019. [Manik, Svetlana A. (2019) *Angloyazychnaya politicheskaya leksikografiya: formirovaniye, razvitiye, sovremennoye sostoyaniye* (English Political Lexicography: Formation, Development, Modern State). Extended abstract of advanced doctorate thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Марцева Т. А. Паралимпийская лексика в современном английском языке: структурно-системные и функционально-нормативные особенности. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2018. [Martseva, Tatiana A. (2018) *Paralimpiyskaya leksika v sovremenном angliyskom yazyke: strukturno-sistemnyye i funktsional'no-normativnyye osobennosti* (Paralympic Vocabulary in Modern English: Structural, Systemic and Functional-Regulatory Features). PhD thesis in Philology. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2018. (In Russian)].
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетра Системс, 2004. [Maslova, Valentina A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive Linguistics). Minsk: Tetra Systems. (In Russian)].
- Матузова В. И. Английские средневековые источники (IX — XIII вв.):

- тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. [Matuzova, Vera I. (1979) *Angliiskiye srednevekovyye istochniki (IX – XIII vv.): teksty, perevod, kommentarii* (English Medieval Sources (the 9th — the 13th cc.): Texts, Translation, Commentary). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Мележик К. О. Стратификационная вариативность составляющих языковой ситуации // Соціальні аспекти мовної варіативності: Монографія. / под. ред. О. Д. Петренко и др. Симферополь: Таврический национальный университет, 2013. С. 72—121. [Melezhik, Karina O. (2013) *Stratifikatsionnaya variativnost' sostavlyayusshikh yazykovoy situatsiyi* (Stratificational Variability of Language Situation Components). In Petrenko O. D., et al. (eds). *Sotsial'ni aspekty movnoy variativnosti* (Social Aspects of Language Variability). Simferopol: Tavrida National University, 72—121. (In Russian)].
- Мильтон Дж. Потерянный рай / пер. с англ. А. А. Штейнберга. СПб.: Кристалл, 1999. [Milton, John. (1999) *Poteryannyi rai* (Paradise Lost). St. Petersburg: Kristall. (In Russian)].
- Мюллер М. Лекции по науке о языке. М.: URSS, 2009. [Müller, Max (2009) *Lektsii po nauke o yazyke* (Lectures on the Science of Language). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Нестеренко В. С. Проблемы существования и перспективы развития глобального английского в современном мире // Язык и культура. 2011. № 2. С. 46—52. [Nesterenko, Veronika S. (2011) *Problemy susshestvovaniya i perspektivy pazvitiya global'nogo angliyskogo v sovremennom mire* (The Problems of Existence and the Perspectives of Global English Development in the Modern World). *Yazyk i kul'tura* (Language and Culture), 2, 46—52. (In Russian)].
- Никольский Л. Б. Трансмиссия культуры и ее лингвистические последствия в афро-азиатских странах // Язык как средство трансляции культуры / отв. ред. М. Б. Ешич. М.: Наука, 2000. С. 191—203. [Nikol'skiy, Leonid B. (2000) *Transmissiya kul'tury i eyo lingvisticheskiye posledstviya v afro-asiatskih stranah* (Cultural Transmission and its Impact upon Afro-Asian Countries). In Yeshich, Momchilo B. (ed.) *Yazyk kak sredstvo translyatsii kultury* (Language as a Medium of Culture Translation). Moscow: Nauka, 191—203. (In Russian)].
- Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка). Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2007. [Nikonova, Zhanna V. (2007)

- Freymovу analiz rechevykh aktov (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* (Frame Analysis of Speech Acts (Based on the Material of the Modern German Language)). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Никонова Ж. В.* Этнокультурная специфика организации системы речевых актов в современном немецком языке // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та. Вып. 10. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2010. С. 79—87. [Nikonova, Zhanna V. (2010) Etnokul'turnaya spetsifika organizatsii sistemy rechevykh aktov v sovremennom nemetskom yazyke (Ethnocultural Specificity of Speech Acts Organization in Modern German). *LUNN Bulletin*, 10, 79—87. (In Russian)].
- Ольшанский И. Г., Гусева А. Е.* Лексикология: Современный немецкий язык. М.: Академия, 2005. [Olshanskiy, Igor G., & Guseva, Alla E. (2005) *Leksikologiya: Sovremennyy Nemetskiy Yazyk* (Lexicology: Modern German). Moscow: Akademiya. (In German)].
- Павиленис Р. И.* Язык. Логика. Философия. Вильнюс: ВГУ, 1981. [Pavilionis, Rolandas I. (1981) *Yazyk. Logika. Filosofiya* (Language. Logics. Philosophy). Vilnius: Vilnius State University. (In Russian)].
- Павиленис Р. И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов / под ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 380—388. [Pavilionis, Rolandas I. (1986) Ponimaniye rechi i filosofiya yazyka (Speech Understanding and Language Philosophy). In Gorodetskiy, Boris Yu. (ed.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, t. XVII: Teoriya rechevykh aktov (New in Foreign Linguistics. Vol. XVII: Theory of Speech Acts). Moscow: Progress, 380—388.
- Падучева Е. В.* Отрицательные слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 355. [Paducheva, Elena V. (1990) Otritsatel'nyye slova (Negative Words). In Yartseva, Victorya N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 355. (In Russian)].
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: ИИЛ, 1960. [Paul, Hermann (1960) *Printsipy istorii yazyka* (Prinzipien der Sprachgeschichte). Moscow: Foreign Literature Publ. (In Russian)].
- Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970. [Permyakov, Grigoriy L. (1970) *Ot pogovorki do skazki* (From Proverbs to Fairy

- Tales). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 7—55. [Podlesskaya, Vera I., & Kibrik, Andrey A. (2006) *Korreksiya v ustnoy monologicheskoy rechi po dannym korpusnogo issledovaniya* (Correction in Oral Monologue Speech Basing on Corpus Research). *Russkiy yazyk v nauchnom osvesshenii* (Russian Language and Linguistic Theory), 2 (12), 7—55. (In Russian)].
- Попова Т. В. Русская неология и неография. Екатеринбург: УГТУ—УПИ, 2005. [Popova, Tatyana V. (2005) *Russkaya neologiya i neografiya* (Russian Neology and Neography). Yekaterinburg: Ural State Technical University. (In Russian)].
- Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта, 2011. [Popova, Tatyana V., Ratsiburskaya, Larisa V., & Gugunava, Dmitriy V. (2011) *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* (Neology and Neography of the Modern Russian Language). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. В 2 т. М.: Учпедгиз, 1958. [Potebnya, Alexander A. (1958) *Iz zapisok po russkoy grammatike* (From Notes on the Russian Grammar). In 2 vols. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Лазарев. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. С. 10—17. [Pochepctsov, Georgiy G. (1986) *O kommunikativnoy tipologii adresata* (On the Communicative Typology of the Addressee). In Lazarev, Vladimir V. (ed.) *Rechevyue akty v lingvistike i metodike* (Speech Acts in Linguistics and Methodology). Pyatigorsk: Pyatigorsk State Pedagogic Institute of Foreign Languages, 10—17. (In Russian)].
- Прошина З. Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2001. [Proshina, Zoya G. (2001) *Angliyskiy yazyk I kultura narodov Vostochnoy Asii* (The English Language and Culture of Eastern Asia Peoples). Vladivostok: Far Eastern State University. (In Russian)].
- Прошина З. Г. Английский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России (проблемы опосредованного пере-

- вода). Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2002. [Proshina, Zoya G. (2002) *Angliyskiy yazyk kak posrednik v kommunikatsii narodov Vostochnoy Asii i Rossii (problemy oposredovannogo perevoda)* (The English Language as an Intermediary in Communication of East Asia and Russia Peoples (Problems of Mediate Translation)). Advanced doctorate thesis in Philology. Vladivostok: Far Eastern State University. (In Russian)].
- Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка — основа для опосредованного перевода // Язык. Культура. Общение / под ред. Г. Г. Молчановой. М.: Гнозис, 2008. С. 198—207. [Proshina, Zoya G. (2008) *Kontaktnaya variantologiya angliyskogo yazyka — osnova dlya oposredovannogo perevoda* (World Englishes Paradigm — a Basis for Mediate Translation). In Molchanova, Galina G. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Obssheniye* (Language. Culture. Communication). Moscow: Gnosis, 298—207. (In Russian)].
- Прошина З. Г. Война и мир терминов EIL и WE (English as an International Language vs. World Englishes) // Сборник научных и научно-методических трудов / под ред. С. Г. Тер-Минасовой, М. Г. Бахтиозиной. М.: Университетская книга, 2009. С. 95—103. [Proshina, Zoya G. (2009) *Voyna i mir terminov EIL I WE (English as an International Language vs. World Englishes)* (War and Peace of the terms EIL and WE) (English as an International Language vs. World Englishes). In Ter-Minasova, Svetlana G., & Bakhtiozina, Marina G. (eds.) *Sbornik nauchno-metodicheskikh trudov* (Collection of Scientific and Methodical Works). Moscow: Universitetskaya kniga (University Book), 95—103. (In Russian)].
- Прошина З. Г. Дистинктивные признаки вариантов английского языка, неродного для его пользователей // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2014. № 3. С. 123—127. [Proshina, Zoya G. (2014) *Distinctive Features of the English Language Variants, Non-Native for Its Users. The Herald of Cherepovetskiy State University*, 3, 123—127. (In Russian)].
- Пруссова О. В. Слова-предложения в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2001. [Prussova, Ol'ga V. *Slova-predlozheniya v sovremenном nemetskom yazyke* (Words-sentences in Modern German): PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University, 2001. (In Rus-

- sian)].
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель; АСТ, 2001. [Rosental, Ditmar E., & Telenkova, Margarita A. (2001) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* (A Dictionary of Linguistic Terms). Moscow: Astrel; AST. (In Russian)].
- Россолова О. А. Перформатив как координатор коммуникативного взаимодействия и средство адресованности. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: МГОУ, 2008. [Rassolova, Oksana A. (2008) *Performativ kak koordinator kommunikativnogo vzaimodeystviya i sredstvo adresovannosti* (Performative as a Coordinator of Communicative Interaction and a Means of Addressing). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Region State University. (In Russian)].
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. [Rubinshtein, Sergei L. (1976) *Osnovy obsshchey psikhologii* (Foundations of General Psychology). Moscow: Pedagogics. (In Russian)].
- Рябинская Н. С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 78—91. [Ryabinskaya, Natalya S. (2002) *Rech' kak sotsial'noye deystviye: osnovnyye ponyatiya diskursivnogo analiza* (Speech as a Social Action: Basic Concepts of Discursive Analysis). *Sotsiologicheskiy zhurnal* (Sociological Journal), 4, 78—91. (In Russian)].
- Савицкий В. М., Доладова О. В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации. 2017. № 1. С. 35—44. [Savitskiy, Vladimir M., & Doladova, Olga V. (2017) *O protivorechiyakh vo vzglyadakh na sistemnost' yazyka* (On the Contradictions in Views on the Systematic Language). *World of Linguistics and Communication*, 1, 35—44. (In Russian)]
- Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. [Said, Edward W. (2006) *Orientalizm. Zapadniye kontseptsii Vostoka* (Orientalism. Western Conceptions of Orient). St. Petersburg: Russkiy Mir. (In Russian)].
- Семенец О. Е. Социальный контекст и языковое развитие: территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах. Киев: Вища школа, 1985. [Semenets, Oleg Ye. (1985) *Sotsial'niy kontekst i yazykovoye razvitiye: territorial'naya i sotsial'naya differentsiatsiya angliyskogo yazyka v razvivayussikhhsya stranakh* (Social context and Language Development: Ter-

- ritorial and Social Differentiation of the English Language in Developing Countries. Kiev: Vissha shkola. (In Russian)].
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. [Sepir, Edward (1993). *Yazyk. Vvedeniye v izucheniye rechi* (Language. Introduction to the Study of Speech). In Sepir, Edward (ed.). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* (Selected Works on Linguistics and Cultural Studies). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. [Serebrennikov, Boris A. (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshleniye* (The Role of the Human Factor in Language: Language and Thinking). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серль. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 56—74. [Searle, John R. (2004) *Chto takoye rechevoy akt?* (What Is a Speech Act?). In Searle, John R. (ed.) *Filosofiya yazyka* (Philosophy of Language). Moscow: URSS, 56—74. (In Russian)].
- Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики / под ред. С. К. Шаумяна. М.: Наука, 1973. С. 373—391. [Sil'nitskiy, Georgiy G. (1973) *Semanticheskiye tipy situatsiy i semanticheskiye klassy glagolov* (Semantic Types of Situations and Semantic Classes of Verbs). In Shaumyan, Sebastian K. (ed.) *Problemy strukturnoy lingvistiki* (Problems of Structural Linguistics). Moscow: Nauka, 373—391. (In Russian)].
- Симонов П. В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопросы психологии. 1982. № 6. С. 44—56. [Simonov, Pavel V. (1982) *Potrebnostno-informatsionnaya teoriya emotsiy* (Need-Informational Theory of Emotions). *Questions of Psychology*, 6, 44—56. (In Russian)].
- Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка). Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2004. [Sineokova, Tatyana N. (2004) *Paradigmatika emotsional'nogo sintaksisa* (na materiale angliyskogo yazyka) (Paradigmatics of Emotional Syntax (on the Material of the English Language)). Advanced doctorate thesis in Philology. Moscow Pedagogical State University. Moscow, 2004. (In Rus-

- sian)].
- Скробнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1985. [Skrebnev, Yuriy M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* (Introduction into Colloquialistics). Saratov: Saratov State University. (In Russian)].
- Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 564—565. [Slyusareva, Natalia A. (1990) *Funktsii yazyka* (Functions of Language). In Yartseva, Viktorya N. (eds.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia), 564—565. (In Russian)].
- Смокотин В. М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: Автореф. дис. ... доктора филос. наук: 24.00.01. Томск : ТГУ, 2011. [Smokotin, Vladimir M. (2011) *Yazyk vseirnogo obssheniya i e'tnokul'turnaya identichnost'* (The Language of World Communication and Ethno-Cultural Identity: Complementarity in the Context of Globalization). Extended abstract of advanced doctorate thesis in Theory and History of Culture. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977. [Solntsev, Vadim M. (1977) *Yazyk kak sistemno-strukturnoye obrazovaniye* (Language as a Systematic-Structural Formation). Moscow: Nauka. (In Russian)]. [2nd ed.]
- Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19; 19.00.04. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998. [Spivak, Dmitrii L. (1998) *Lingvistika izmenyonnykh sostoyaniy soznaniya* (Linguistics of Altered States of Consciousness). Advanced doctorate thesis in Philology. St. Petersburg: St. Petersburg University. (In Russian)].
- Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. [Stepanov, Georgiy V. (1963) *Ispanskiy yazyk v stranah Latinskoy Ameriki* (The Spanish Language in the Countries of Latin America). Moscow: Foreign Literature Publ. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35—73.

- [Stepanov, Yuriy S. (1995) *Al'ternativny mir. Diskurs, fakt i princip prichinnosti* (Alternative World. Discourse, Fact and the Principle of Causality). In Stepanov, Yuriy S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa XX veka* (Language and Science of the Late 20th Century). Moscow: Akademiya nauk SSSR, Institut yazykoznaniiya (USSR Academy of Sciences, Institute of linguistics), 35—73. (In Russian)].
- Сулимов В. А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. 2006. № 1. С. 40—47. [Sulimov, Vladimir A. (2006) *Kognitivnoye opisaniye yazyka i yego kul'turologicheskaya interpretatsiya: kognitivnyye transformatsii* (Cognitive Description of Language and Its Cultural Interpretation: Cognitive Transformations). *Filologicheskiye nauki* (Philological Sciences), 1, 40—47. (In Russian)].
- Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница, Нова Книга, 2009. [Susov, Ivan P. (2009) *Lingvisticheskaya pragmatika* (Linguistic pragmatics). Vinnitsa, Nova Kniga. (In Russian)].
- Толочин И. В. Метафора и интертекст в английской поэзии. СПб.: СПбГУ, 1996 [Tolochin, Igor V. (1996) *Metaphora i intertext v angliyskoy poezii* (Metaphor and Intertext in English Poetry). St. Petersburg: St. Petersburg University. (In Russian)].
- Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120—129. [Trykov, Valeriy P. (2015) *Imagologiya i imagopoetika* (Imagology and Imagopoetics). *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* (Knowledge. Understanding. Skill), 3, 120—129. (In Russian)].
- Ужова О. А. Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование. Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. [Uzhova, Olga A. (2019) *Leksikograficheskoye otrazheniye angliyskoy kultury v slovaryakh angliyskogo yazyka. Istoriko-tipologicheskoye issledovaniye* (Lexicographic Treatment of English Culture in English Dictionaries. A Historic-Typological Research). Extended abstract of advanced doctorate thesis in Philology. Ivanovo: Ivanovo State University, 2011. (In Russian)].
- Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Эдиториал УРСС, 2002. [Ufimtseva, Anna A. (2002) *Leksicheskoye znacheniye. Printsip semiologicheskogo*

- opisaniya leksiki* (Lexical meaning. The Principle of Semiological Description of Vocabulary). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб.: Терра; Азбука, 1996. [Vasmer, Max. (1996) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (An Etymological Dictionary of the Russian Language). In 4 vols. St. Petersburg: Terra; Azbuka. (In Russian)].
- Фаулер М. Предметно-ориентированные языки программирования. М.: Вильямс, 2011. [Fowler, Martin. (2011) *Predmetno-oriyentirovanniye yazyki programmirovaniya* (Domain-oriented Languages of Programming). Moscow: Williams. (In Russian)].
- Флетчер Дж. О государстве русском или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским). Изд. 3-е. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. [Fletcher, Giles. (1906) *O gosudarstve russkom, ili Obraz pravleniya russkogo tsaria (obyknovenno nazyvaemogo tsarem moskovskim)* (Of the Russe Common Wealth: Or Maner of Governement by the Russe Emperour, (commonly called the Emperour of Moskouia)). St. Petersburg: A. S. Suvorin. (In Russian)]. [3rd ed.]
- Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект-Пресс, 2000. [Frege, Gottlob. (2000) *Schriften zur Logik und logischen Semantik*. Moscow: Aspekt-Press. (In Russian)].
- Хабидуллина Л. Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казанский гос. ун-т, 2010. [Khabibullina, Liliya F. (2010) *Mif Rossii v sovremennoi angliiskoi literature* (Myth of Russia in Contemporary English Literature). Kazan: University of Kazan. (In Russian)].
- Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. [Tsyganenko, Galina P. (1989) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (An Etymological Dictionary of the Russian Language). Kyiv: Radyan'ska Shkola (The Soviet School). (In Russian)]. [2nd ed., revised]
- Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. [Chafe, Wallace. (1975) *Znachenije i struktura yazyka* (Meaning and the Structure of Language). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Ченки А. Понятие динамического диапазона коммуникативных действий в теории когнитивной лингвистики // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С.

- 560—573. [Chenki, Alan (2015) Ponyatiye dinamicheskogo diapazona kommunikativnykh deystviy v teorii kognitivnoy lingvistiki (The Notion of the Dynamic Scope of Relevant Behaviors in Cognitive Linguistic Theory). In Kibrik, Andrey A., Koshelev, Alexey D., et al (eds.) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics). Moscow: LRC, 560—573. (In Russian)].
- Ченслор Р., Адамс К. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / под ред. Н. Л. Рубинштейн. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 47—66. [Chancellor, Richard, & Adams, Clement. (1937) *Kniga o velikom i mogushestvennom tsare Rossii i kniaze Moskovskom* (The Book of the Great and Mighty Tsar of Russia and Prince of Moscow). In Rubishtein, N. L. (ed.) *Angliiskiye puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke*. (English Travellers in Moscovia in the 16th Century). Moscow: Sotsekiz, 47—66. (In Russian)].
- Четыркина И. В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. [Chetyrkina, Inna V. (2006) *Performativnost' rechevykh praktik kak konstitutivnyy priznak kul'tury: etnicheskaya i istoricheskaya perspektiva* (Performativity of Speech Practices as a Constitutive Feature of Culture: Ethnic and Historical Perspective). Advanced doctorate thesis in Philology. Krasnodar: Kuban State University. (In Russian)].
- Шамшев А. Б. Методы и средства предикатно-онтологического контроля семантики проектных задач и проектных решений: Дис. ... канд. тех. наук: 05.13.12. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2010. [Shamshev, Aleksey B. (2010) *Metody i sredstva predikatno-ontologicheskogo kontrolya semantiki proyektnykh zadach i proyektnykh resheniy* (Methods and Tools of Predicate and Ontological Control of the Semantic Design Problems and Design Solutions). PhD thesis in Technology. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2010. (In Russian)].
- Шендельс Е. И. Избранные труды: К 90-летию со дня рождения. М.: МГЛУ, 2006. [Shendels, Evgenia I. (2006) *Izbrannyye trudy: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya* (Selected Works: To the 90th Anniversary).

- Moscow: Moscow State Linguistics University. (In Russian)].
- Шестаков В. П. Анатомия английского юмора. М.: БуксМАрт, 2017 [Shestakov, Vladimir P. (2017) *Anatomiya angliyskogo yumora* (Anatomy of English Humour). Moscow: BooksMArt. (In Russian)].
- Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. [Schedrovitskiy, Georgiy P. (2005) *Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya* (Thinking. Understanding. Reflexivity). Moscow: Naslediye MMK. (In Russian)].
- Юзефович Н. Г. Адаптация английского языка в межкультурном политическом дискурсе «Россия — Запад». Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. СПб.: Санкт-Петербургский гос. экономический ун-т, 2014. [Yuzefovich, Natalya G. (2014) *Adaptatsiya angliyskogo yazyka v mezhkulturnom politicheskom diskurse "Rossiya — Zapad"* (Adaptation of the English Language in Intercultural Political Discourse "Russia — West"). Advanced doctorate thesis in Philology. St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University. (In Russian)].
- Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson, Roman O. (1985) *Izbrannyye raboty* (Selected Works). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Adamska-Sałaciak, Arleta, & Kernerman, Ilan. (2016) Introduction: Towards Better Dictionaries for Learners. *International Journal of Lexicography*, 29, 3, 271—278.
- Ahulu, Samuel. (1997) General English: A Consideration of the Nature of English as an International Medium. *English Today*, 49, 17—23.
- Anchimbe, Eric. (2009) Local or International Standards: Indigenized Varieties of English at the Crossroads. In: Sharifian, Farzad. (ed.) *English as an International Language: Perspectives and Pedagogical Issues*. Bristol: Multilingual Matters, 271—286.
- Atkins, Sue B., & Rundell, Michael. (2008). *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Austin, John L. (1973) *How to do things with words*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Bach, Kent. (1975) Performatives are Statements Too. *Philosophical Studies*, 28 (4), 229—236.
- Ballmer, Thomas T. (1979) Zur Klassifikation von Sprechakten. In Grewendorf, G. (ed.) *Sprechakttheorie und Semantik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 274—274.
- Balteiro, Isabel. (ed.) (2011) *New Approaches to Specialized English Lexi-*

- cology and Lexicography*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Barcelos, Ana, & Kalaja, Paula. (eds.) (2011a) Beliefs about SLA Revisited. *System*, 39, 3, 281—416.
- Barcelos, Ana, & Kalaja, Paula. (2011b) Introduction to Beliefs about SLA Revisited. *System*, 39, 3, 281—289.
- Bautista, Maria L. (1997) The Lexicon of Philippine English. In Bautista, Maria L. (ed.) *English is an Asian Language: The Philippine Context*. Sydney: Macquairry Library, 49—72.
- Beckmann, Mary, & Pierrehumbert, Janet Breckenridge. (1986) Intonational structure in Japanese and English. *Phonology Yearbook*. 3, 255—309.
- Béjoint, Henri. (2010) *The Lexicography of English*. Oxford: Oxford University Press.
- Béjoint, Henri. (2016) Dictionaries for General Users: History and Development. Current Issues. In Durkin, Philip. (ed.) *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford: Oxford University Press, 17—24.
- Benati, Chiara, & Händl, Claudia. (eds.) (2019) *From Glosses to Dictionaries. The Beginnings of Lexicography*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Bergenholtz, Henning, & Fuertes-Olivera, Pedro A. (eds.) (2011) *E-Lexicography. The Internet, Digital Initiatives and Lexicography*. London: Continuum.
- Bolton, Kingsley. (2005) Where World Englishes Stands: Approaches, Issues and Debate in World Englishes. *World Englishes*, 1, 69—84.
- Bremer, Otto. (1893) *Deutsche Phonetik*. Leipzig: Breitkopf und Härtel.
- Brown, Gillian, & Yule, George. (1983) *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bruce, Gösta. (1977) *Swedish Word Accents in Sentence Perspective*. Lund: Gleerup.
- Brutt-Griffler, Janina. (2002) *World Englishes: a Study of its Development*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Bußmann, Hadumod. (1990) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner. [2., völlig neu bearb. Aufl.]
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner. [3., akt. u. erw. Aufl.]
- Bybee, Johann L. (2003) Cognitive processes in grammaticalization. In Tomasello, Michael. (ed.) *The New Psychology of Language*. Vol. 2. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 145—167.

- Byron, George Gordon. (1900-1904) *The Works*. Vol. 6. In Coleridge, E. H. (ed.) *The Works of Lord Byron*. In 7 vols. London; New York: John Murray, John Scribner's Sons.
- Cabré Castellví, Maria Teresa. (2003) Theories of terminology: Their Description, Prescription and Explanation. *Terminology*, 9 (2), 163—199.
- Cambridge Dictionaries Online*. (2019, November 2). Retrieved from <http://dictionary.cambridge.org>.
- Canagarajah, Suresh, & Wurr, Adrian. (2011) Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. *The Reading Matrix*, 11, 1, 1—15.
- Cannon, Garland. (1981) Japanese Borrowings in English. *American Speech*, 56 (3), 200—201.
- Cannon, Garland. (1988) Chinese Borrowings in English. *American Speech*, 63 (1), 3—33.
- Cawdrey, Robert. (2007) *A Table Alphabeticall*. Oxford: Bodleian Library, University of Oxford.
- Chafe, Wallace. (1994) *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: University Press.
- Chambers — Barnhart, Robert K. (ed.) (2008) *Chambers Dictionary of Etymology*. Edinburgh: H.W. Wilson Company.
- Cochran, Peter. (2012) Byron Don Juan, and Russia. In Cross, Anthony. (ed.) *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge: OpenBook Publishers CIC Ltd., 37—52.
- CODEE — Hoad, T. F. (1996) *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Conrad, Rudi. (1988) *Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini*. Leipzig: Bibliographisches Institut. [2., unveränd. Aufl.]
- Considine, John, & Iamartino, Giovanni. (eds.) (2007) *Words and Dictionaries from the British Isles in Historical Perspective*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Considine, John. (ed.) (2018) *The World History of Lexicography*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cosmides, Leda, & Tooby, John. (2000) *Evolutionary Psychology and the Emotions*. Retrieved from <https://www.cep.ucsb.edu/emotion.html>
- Cowie, Antony, P. (ed.) (2008) *The Oxford History of English Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.

- Cross, Anthony. (2001) *Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cross, Anthony. (2012) By Way of Introduction: British Reception, Perception and Recognition of Russian Culture. In Cross, Anthony. (ed.) *A People Passing Ruse: British Responses to Russian Culture*. Cambridge: OpenBook Publishers CIC Ltd., 1—36.
- Crystal, David. (1988) *The English Language*. London: Penguin.
- Crystal, David. (1995) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crystal, David. (1998) Moving Towards an English Family of Languages? *World Englishes*, 5, 84—95.
- D'Angelo, James. (2008) The Japan Context and the Expanding Circle: A Kachruvian Response to Debbie Ho. *Asian Englishes*, 2, 64—75.
- Davies, Alan. (1989) Is International English an interlanguage? *TESOL Quarterly*. 23, 447—467.
- Davies, Alan. (2006) World Englishes and descriptive grammars. In Kachru, Braj, Kachru, Yamina, & Nelson, Ceccil. (eds.) *The Handbook of World Englishes*. Oxford: Blackwell, 130—134.
- Deane, Paul D. (1992) *Grammar in Mind and Brain. Explorations in Cognitive Syntax*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
- Debus, Friedrich. (1980) Onomastics. In Althaus, Hans P., Henne, Helmut, & Wiegand, Herbert E. (eds.) *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. [2nd ed.]
- Defoe, Daniel. (1722) *The Farther Adventures of Robinson Crusoe: being the second and last part of his life, and strange surprizing accounts of his travels round three parts of the globe: to which is added a map of the world, in which is delineated the voyages of Robinson Crusoe*. London: W. Taylor.
- Deleuze, Gilles, & Fuattari, Félix. (1976) *Rhizom*. Paris: Les Editions de Minuit.
- Dobzhansky, Theodosius. (1964) Biology, molecular and organismic. *American Zoologist*, 4 (4), 443—452.
- Drever, James. (1977) *A Dictionary of Psychology*. London: Penguin Books.
- Duden — August, Gerhard. (Hrsg.) *Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* (1984). Mannheim: Bibliographisches Institut.
- Duden — Drosdowski, Günther, et al. (Hrsg.) (2002) *Das Standardwerk zur deutschen Sprache*. In 12 Bänden. Bd. 11. Redewendungen und

- sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag. [2. Aufl.]
- Durkin, Philip. (ed.) (2016) *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- Dustheimer, Dave, & Gillet, Rahm. (1999) *The History of ELT in Korea*. Tacoma, WA: The Creative Pen.
- DUW — Wissenschaftlicher Rat und die Mitarbeiter der Dudenredaktion. (Hrsg.) (1996) *Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag. [3., völlig neu bearb. und erw. Aufl.]
- Eggs, Ekkehard. (2001) Argumentative Konnektoren und Textkonstitution. Am Beispiel von deduktiven und adversativen Strukturen. In Cambourian, Alan (ed.) *Textkonnektoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, 61—90. (Eurogrammatik 16).
- Ehlich, Konrad. (1994) Funktionale Etymologie. In Brünner, Gisela, & Graefen, Gabriele (eds.) *Funktionale Etymologie*, 68—85.
- Ehrenreich, Susanne. (2008) Teaching for residence abroad. Blending synchronic and diachronic perspectives on the assistant year abroad. In Byram, Michael, & Dervin, Fred. (eds.). *Students, Staff and Academic Mobility in Higher Education*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 65—81.
- Engel, Ulrich. (1988) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Groos.
- Erling, Elizabeth. (2004) *Globalization, English and the German University Classroom: a Sociolinguistic Profile of Students of English at the Freie Universität Berlin*. PhD Thesis. Retrieved from userpage.fu-berlin.de/~berling/Final%20Draft%20pdf.pdf.
- Escandell-Vidal, Victoria. (2002, November) Echo-Syntax and Metarepresentations. *Lingua*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/222307726_Echo-syntax_and_metarepresentations
- Faber, Pamela. (ed.) (2012) *A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
- Fasold, Ralph. (1990) *The Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell. (Introduction to Sociolinguistics, 2).
- Ferguson, Charles A. (1992) Forward to the First Edition. In Ferguson, Charles A. (ed.) *The Other Tongue: English across Cultures*. Urbana & Chicago: The University of Illinois Press, 19—26.
- Firth, Alan, & Wagner, Johannes. (2007) Second/Foreign Language Learning as a Social Accomplishment: Elaborations on a Reconceptualized

- SLA. *Modern Language Journal*, 91, 800—819.
- Fleming, Ian. (2012) *From Russia with Love*. London: Vintage Books.
- Fletcher, Giles. (1856) Of the Russe Common Wealth: or, Maner of Governement by the Russe Emperour, (commonly called the Emperour of Moskouia) with the manners and fashions of the people of that Countrey. In Bond, Edward A. (ed.) *Russia at the Close of the Sixteenth Century*. London: Printed for The Hakluyt Society, 1—152.
- Ford, Cecilia E., & Thompson, Sandra, A. (1996) Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns. In Ochs, Elinor, Schegloff, Emanuel A., & Thompson Sandra A. (eds.) *Interaction and grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 134—184.
- Forrester, John. (1996) Thinking in case. *History of the Human Sciences*, 9, 3, 1—25.
- Fourquet, Jean. (1974) Genetische Betrachtungen über den deutschen Satzbau. In Besch, Werner, et al. (eds.) *Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters. Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag*. Berlin: Erich Schmidt, 314—323.
- Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) (2018) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge.
- Galloway, Nicola, & Rose, Heath. (2015) *Introducing Global Englishes*. Arbingdon: Routledge.
- Gargesh, Ravinder. (2006) South Asian Languages. In Kachru, Braj, Kachru, Yamina, & Nelson, Ceccil. (eds.) *The Handbook of World Englishes*. Oxford: Blackwell, 90—113.
- Gemoll, Wilhelm. (1965) *Griechisch-deutsches Schul- und Handwörterbuch*. Mit einer Einführung in die Sprachgeschichte von H. Kronasser. Wien; München: Freytag Verlag. [9., durchges. u. erw. Aufl.]
- Gilles, Peter. (2006) *Prosodie der Deutschen Regionalsprache*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
- Givón, Talmy. (1979) From Discourse to Syntax: Grammar as a Processing Strategy. In Givón, Talmy. (ed.) *Syntax and Semantics*, 12, 81—112. New York: Academic Press.
- Givon, Talmy. (1984) *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Goethe, Johann Wolfgang. (1967) *Faust*. Bd. I. Leipzig: Insel-Verlag.
- Golubeva, Nadezhda A. (2017). Precedent Function of the Imperative in Religious Discourse. *Вопросы когнитивной лингвистики* (Issues of

- Cognitive Linguistics), 1, 68—75.
- Görlach, Manfred. (1990) *Studies in the History of the English Language*. Heidelberg: Carl Winter.
- Grabe, Esther. (2001) *The IviE Labelling Guide* [Electronic resource]. Vers. 3. Retrieved from <http://www.phon.ox.ac.uk/~esther/ivyweb/guide.html>.
- Graddol, David. (1997) *The Future of English*. London: The British Council.
- Graddol, David. (2004) *English Next: Why Global English May Mean the End of 'English as a Foreign Language'*. London: British Council.
- Granger, Sylviane, & Lefer, Marie-Aude. (2016) From General to Learners' Bilingual Dictionaries: Towards a More Effective Fulfilment of Advanced Learners' Phraseological Needs. *International Journal of Lexicography*, 29, 3, 279—295.
- Granger, Sylviane, & Paquot, Magali. (eds.) (2012) *Electronic Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- Greenbaum, Sidney, & Nelson, Gerald C. (2006) The International Corpus of English (ICE) Project. *World Englishes*, 5, 95—110.
- Grice, Martine, & Baumann, Stefan. (2002) Deutsche Intonation und GToBI. *Linguistische Berichte*. 191, 267—298.
- Grice, Martine, & Benz Müller, Ralf. (1995) Transcription of German Intonation Using ToBI-Tones: the Saarbrücken System. *Phonus*, 1, 33—51.
- Grice, Paul. (1989) Logic and Conversation. In Grice, Paul. (ed.) *Studies in the Way of Words*. Cambridge; Mass.: Harvard University Press, 1989, 22—40.
- Gupta, Anthea F. (1997) Colonization, migration and functions of English. *Englishes around the World*, 1, 47—58.
- Hakluyt, Richard. (1886) *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. In 6 vols. Vol. 6. North-Eastern Europe and adjacent countries. Part III. The Muscovy Company and the North-Eastern Passage. Section I, II. Edinburgh: E. & G. Goldsmid.
- Hall, Ch. (2001) What Law Should We Teach? Developing Global Legal English. In *Global English for Global Understanding. Summaries of the International Conference*, 304—305.
- Harris, Zellig S. (1963) Discourse Analysis Reprints. *Papers on Formal Linguistics*, 2. The Hague: Mouton & Co.
- Heine, Bernd, Claudi, Ulrike, & Hünemeyer, Friederike. (1991) *Grammaticalization: A conceptual framework*. Chicago: The University of Chi-

- cago Press.
- Hill, Aaron. (1718) *The Northern-star: A Poem*. London: E. Berington, J. Morphew.
- Hopper, Paul J., & Traugott, Elisabeth C. (2006) *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press. [2nd ed.]
- Horn, Paul. (1905) *Die deutsche Soldatensprache*. Gießen: Töpelmann. [2., wohlfeile Ausg.]
- Hourani, Albert. (1979) The Road to Morocco. *The New York Review of Books*, 26, 27—30.
- House, Juliane. (2003) English as a Lingua Franca: A Threat to Multilingualism. *Journal of Sociolinguistics*, 7, 4, 556—578.
- Hübler, Axel. (2001) *Das Konzept „Körper“ in den Sprach- und Kommunikationswissenschaften*. Basel: Franke.
- Hudson, Richard. (1996) *Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hülmbauer, Cornelia. (2009) «We don't take the right way, we just take the way that we think you will understand» — the Shifting Relationship between Correctness and Effectiveness in ELF. In Mauranen, A. & Ranta, E. (eds.) *English as a Lingua Franca: Studies and Findings*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 323—347.
- Ike, Minoru. (1995) A Historical Review of English in Japan (1600-1880). *World Englishes*, 1, 3—11.
- Irwin, Robert. (2003) *For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies*. London: Penguin.
- Jackson, Howard. (2002) *Lexicography: an Introduction*. London; New York: Routledge.
- Jackson, Howard. (2018) English lexicography in the Internet Era. In Fierres-Olivera Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 540—553.
- Jenkins, Jennifer. (2000) *The Phonology of English as an International Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Jenkins, Jennifer. (2006) *World Englishes: A Resource Book for Students*. London: Routledge.
- Jenkins, Jennifer. (2007) *English as a Lingua Franca: Attitude and Identity*. Oxford: Oxford University Press.
- Kachru, Braj B. (1981) American English and Other Englishes. In Ferguson, Charles, & Heath, Sarah. (eds.) *Language in the USA*. Cambridge: Cambridge University Press, 117—131.

- Kachru, Braj B. (1986) *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes*. Oxford: Pergamon.
- Kachru, Braj B. (1994) Englishization and Contact Linguistics. *World Englishes*, 2, 135—154.
- Kachru, Braj B. (1997) Resources for Research and Teaching. *World Englishes*, 1, 209—251.
- Kachru, Braj B. (2006) Regional norms for English. *World Englishes*, 3, 434—455.
- Kachru, Braj B., & Smith, Larry. (1985) Editorial. *World Englishes*, 4, 209—212.
- Kachru, Braj B., & Smith, Larry. (2008) *Cultures, Contexts, and World Englishes*. London: Routledge.
- Kaplan, Robert B. (1987) English in the Policy of the Pacific Rim. *World Englishes*, 2, 137—148.
- Karpova, Olga, M. (2009) Modern Trends in Lexicography with Special Reference to English and Russian Dictionaries. In Karpova, Olga, & Kartashkova, Faina. (eds.) *Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 43—56.
- Karpova, Olga M. (2011) *English Author Dictionaries (the 16th — the 21st cc.)*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Karpova, Olga M. (2018) Shakespeare Terminology with Special Reference to Shakespeare Arden Dictionaries. *Respectus Philologicus*, 33 (38), 9—16.
- Karpova, Olga M. (2019) Modern English Dictionaries. A Foreign User's View. *Respectus Philologicus*, 36 (41), 11—18.
- Karpova, Olga, & Grigorieva, Ekaterina. (eds.) (2016) Florence in the Works of World Famous People. In *Encyclopedic Associative Dictionary for Guides and Tourists*, 7. Ivanovo: Ivanovo State University.
- Kartashkova, Faina, & Shilova, Ekaterina. (2015) Florence — The Concept of the City. In Karpova, Olga, & Kartashkova, Faina. (eds.) *Lexicography and Terminology: A Worldwide Outlook*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 105—113.
- Keltner, Dacher, & Gross, James J. (1999) Functional Accounts of Emotions. *Cognition and Emotion*, 13 (5), 467—480.
- Kenstowicz, Michael. (1994) *Phonology in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell.
- Kent, David. B. (1999) Speaking in tongues: Chinglish, Japlish and

- Konglish. *KOTESOL Proceedings PAC2*. Seoul, 197—209.
- Kirkpatrick, Andy, & Zhichang, Xu. (2014) Chinese pragmatic norms and “China English”. *World Englishes*, 21 (2), 269—279.
- Klimova, Svetlana V. (2012) “A Gaul who has chosen impeccable Russian as his medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century. In Cross, Anthony. (ed.) *A People Passing Ruse: British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers CIC Ltd., 217—233.
- Kloza, Anna. (2018) Illustrations in Dictionaries; Encyclopedic and Cultural Information in Dictionaries. In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 515—531.
- Knapp, Karlfried, & Meierkord, Christiane. (eds.) (2002) *Lingua franca communication*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag.
- Kosem, Iztok. (ed.) (2017) *Electronic Lexicography in the 21st century. Proceedings of e-Lex 2017 Conference*. Leiden, the Netherlands, September, 19-21, 2017. Brno: Lexical Computing.
- Kramsch, Claire. (2002) Introduction: How can we tell the dancer from the dance? In Kramsch, Claire. (ed.) *Language Acquisition and Language Socialization: Ecological Perspectives*. London; New York: Continuum, 1—30.
- Ladd, Dwight Robert. (1996) *Intonational Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lang, Ewald. (1977) *Semantik der koordinativen Verknüpfung*. Berlin: Akademie-Verlag. (Studia grammatica 14).
- Langacker, Ronald. (2008) *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. New York: Oxford University Press.
- Leech, Geoffrey N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.
- Lehiste, Ilse. (1976) *Suprasegmental features of speech*. New York: Academic Press.
- Lew, Robert, & De Schryver, Gilles-Maurice. (2014) Dictionary Users in the Digital Revolution. *International Journal of Lexicography*, 27, 4, 341—359.
- Lewandowski, Theodor. (1990) *Linguistisches Wörterbuch*. In 3 Bänden. Heidelberg-Wiesbaden: Quelle & Meyer Verlag. [5., überarb. Aufl.]
- Lewis, Bernard. (2018, June 19) The Question of Orientalism. *The New York Reviews of Books*. Retrieved from <http://www.ny->

- books.com/articles/1982/06/24/the-question-of-orientalism/
- Linke, Angelika, Nussbaumer, Markus & Portmann, Paul R. (2004) *Studienbuch Linguistik*. Tübingen: Niemeyer. [5., erw. Aufl.]
- Löbner, Sebastian. (2015) *Semantics: An Introduction*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. [2nd ed.]
- LSG — Haßler, Gerda, & Neis, Cordula. (2009) *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts*. In 2 Bänden. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
- Luchtenberg, Sigrid. (1985) *Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag.
- Macmillan Dictionary*. (2019, November 4). Retrieved from <https://www.macmillandictionary.com/>.
- McArthur, Tom. (2003) *Oxford Guide to World Englishes*. Oxford: Oxford University Press.
- Meibauer, Jörg. (1999) *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen: Stauffenburg-Verlag.
- Merta, Rudolf. (1966) Ostdeutsch und Westdeutsch?: zur sprachlichen Differenzierung im heutigen Deutschland. In Jeřábek, Dušan. (ed.) *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university* (Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis), 15 (A14), 163—167.
- Mesthrie, Rajend, & Rakesh, Bhatt M. (2008) *World Englishes: The Study of New Linguistic Varieties (Key Topics in Sociolinguistics)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller, Andrew D. (2011) *Snowdrops*. London: Atlantic Books.
- Milton, John. (1831) *Poetical Works*. In two books. Vol. 1. New York: Solomon King.
- Modiano, Marko. (1999a) International English in the Global Village. *English Today*, 15 (2), 22—28.
- Modiano, Marko. (1999b) Standard English(es) and Educational Practices for the World's Lingua Franca. *English Today*, 15 (4), 3—13.
- Modiano, Marko. (2009) Euro-Englishes. In Kachru, Braj B., et al. (eds.) *The Handbook of World Englishes*. Oxford: Blackwell, 223—239. (Blackwell Handbooks in Linguistics)
- Mordka, Cezary. (2016, November) What are Emotions? Structure and Function of Emotions. *Studia Humana*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/310732693_What_are_Emotions_Structure_and_Function_of_Emotions

- Morris, Charles W. (1938) Foundations of the theory of signs. In Neurath, Otto, Carnap, Rudolf, & Morris, Charles W. (eds). *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1, part 2. Chicago: The University of Chicago Press.
- Mufwene, Salikoko S. (2001) New Englishes and Norm Setting: How Critical is the Native Speaker in Linguistics? In Thumboo, Edwin. (ed.) *The Three Circles of English*. Singapore: Unipress, 133—142.
- Munro, Vicki R. (1996) International graduate students and the spread of English. *World Englishes*, 3, 337—345.
- Munske, Horst H. (1988) Is German a Mixed Language? On the Position of Foreign Words in the German Language System. In Munske, Horst H. (ed.) *Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 46—74.
- Nesi, Hilary. (2018) The Developments of Users and the Publishing World: Printed or Online, Free or Paid for? In Fuertes-Olivera, Pedro A. (ed.) *The Routledge Handbook of Lexicography*. London; New York: Routledge, 579—589.
- Nesse, Randolph M. (2005) Twelve Crucial Points about Emotions, Evolution and Mental Disorders. *Psychology Review*. Retrieved from <http://www-personal.umich.edu/~nesse/Articles/Nesse-Emotions-PsychRev-2005.pdf>
- Norman, Arthur. (1955) Bamboo English. The Japanese Influence upon American Speech in Japan. *American Speech*, 1, 44—48.
- Northrup, David. (2013) *How English Became the Global Language*. New York: Palgrave Macmillan.
- ODEE — Onions, Charles Talbut. (1966) *Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Oxford University Press.
- Ono, Rike. (1992) Asian Varieties of English: Review. *World Englishes*, 1, 79—82.
- Ossner, Jakob. (1985) *Konvention und Strategie: die Interpretation von Äußerungen im Rahmen einer Sprechakttheorie*. Tübingen: Niemeyer.
- Ottmers, Clemens. (1996) *Rhetorik*. Stuttgart: J. B. Metzler.
- Oxford English Dictionary*. (2019, November 10). Retrieved from <https://en.oxforddictionaries.com/english>.
- Oxford Learner's Dictionaries*. (2019, November 10). Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.
- Pakir, Anne. (2006) The Range and Depth of English-knowing Bilinguals in Singapore. In Bolton, Kingsley, & Kachru, Braj. (eds.) *World Eng-*

- lishes: *Critical Concepts in Linguistics*. London: Routledge, 352—368.
- Partridge, Eric. (2006) *A Short Etymological Dictionary of Modern English*. London and New York: Routledge. [5th ed.]
- Pasch, Renate, Brauße, Ursula, et al. (2003). *Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln)*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache, Bd. 9).
- Patterson, Wayne. (1988) *The Korean Frontier in America: Immigration to Hawaii, 1896-1910*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Paul, Hermann. (2002) *Deutsches Wörterbuch. Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. [10., überarb. und erw. Aufl.]
- Peters, Jörg. (2006) *Intonation deutscher Regionalsprachen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
- Pfeifer, Wolfgang. (1977) Vorbemerkung In Stahl, I. (ed.) *Historisch-etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Vorbemerkung und Probeartikel*. Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR; Zentralinstitut für Sprachwissenschaft (Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 38), 1—6. [1. Aufl.]
- Pierrehumbert, Janet Breckenridge. (1980) *The Phonology and Phonetics of English Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plutchic, Robert. (1970) Feelings and Emotions. In Arnold, M. B. (ed.) *The Loyola Symposium*. New York; London: Academic Press, 3—12.
- Proshina, Zoya G. (2007) *The ABC and Controversies of World Englishes*. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Foreign Languages.
- Quirk, Randolph. (1983) *Style and communication in the English language*. London: Edward Arnold.
- Römer, Ruht. (1976) *Die Sprache der Anzeigenwerbung*. Düsseldorf: Schwann. [5. Aufl.]
- Roulet, Eddy. (1985) *L'articulation du discours en français contemporain*. Bern: Peter Lang Verlag.
- Russell, James A. (2003) Core Affect and the Psychological Construction of Emotion. *Psychological Review*. Retrieved from http://ivizlab.sfu.ca/arya/Papers/Others/Emotions/Core_Affect.pdf
- Scherer, Klaus R. (2005) What Are Emotions? And How Can They Be Measured? *Social Science Information*, 44 (4), 695—729.

- Schiffrin, Deborah. (1994) *Approaches to discourse*. Oxford: Blackwell.
- Schippan, Thea. (1992) *Lexicology of Modern German*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Schirmunski, Viktor M. (1962) *Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Schneider, Edgar W. (2007) *Postcolonial English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Schröder, Heinz. (1998) *Euphemismen in der politischen Sprache im Rahmen des Hauptseminars Tabudiskurse*. Frankfurt/Oder: Fakultät für Kulturwissenschaften Europa-Universität Viadrina.
- Searle, John R. (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, John R. (1971) *Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Searle, John R. (1975a) A Taxonomy of Illocutionary Acts in Gunderson. *Language, Mind and Knowledge*, 7, 344—369. (Minnesota Studies in the Philosophy of Science).
- Searle, John R. (1975b) Indirect Speech Acts. In Cole, Peter, & Morgan, Jerry L. (eds.) *Syntax and Semantics*, Vol. 3. Speech Acts. New York; San Francisco; London: Academic Press, 59—82.
- Searle, John R. (1979) *Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, John R. (1982) *Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Searle, John R., & Vanderveken, Daniel. (1985) *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Seidlhofer, Barbara. (2001) Closing a Conceptual Gap: The Case for a Description of English as a Lingua Franca. *International Journal of Applied Linguistics*, 2, 133—158.
- Seidlhofer, Barbara. (2007) English as a Lingua Franca and Communities of Practice. In Volk-Birke, S. & Lippert, J. (eds.) *Anglistentag 2006 Halle Proceedings*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 307—318.
- Seidlhofer, Barbara. (2009) Common Ground and Different Realities: World Englishes and English as a Lingua Franca. *World Englishes*, 28 (2), 236—245.
- Shakespeare, William. (1925) *Complete Works*. New York: P. F. Collier.
- Sharifian, Farzard. (2009) *English as an International Language*. Bristol:

- Multilingual Matters.
- Shaw, Philip. (2011) Conditions for Success in Lingua Franca Interaction. *ASp* 60, 65—79.
- Siddiqui, Zeba. (2018) English Language Teaching through NLP: Techniques and Methods. *Research Journal of English Language and Literature (RJELAL)*, 6, 2, 181—184.
- Sidney, Philip. (1888) *Astrophel and Stella*. London: Vid Stott.
- Skeat, Walter W. (1980) *A Concise Etymological Dictionary of the English Language*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1980. [1st Perigee printing]
- Sketch Engine Open Corpora*. (2019, November 12). Retrieved from <https://old.sketchengine.co.uk/open>.
- Smith, Larry. (1983) English as an International Auxiliary Language. In Smith, Larry. (ed.) *Readings in English as an International Language*. Toronto: Pergamon Press, 1—5.
- Sobin, Nicholas. (1990, January) On the Syntax of English Echo Questions. *Lingua*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/256279212_On_the_Syntax_of_English_Echo_Questions
- Stepniak, Sergey. (1905). *King Stork and King Log: At the Dawn of a New Reign. A Study of Modern Russia*. London: Chatto and Windus.
- Stevens, Peter. (1980) *Teaching English as an International Language: From Practice to Principle*. Oxford: Pergamon Press.
- Stubbs, Michael. (1983) *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Svensén, Bo. (2009) *A Handbook of Lexicography. The Theory and Practice of Dictionary Making*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Swinburne, Algernon Charles. (1917) *The Collected Poetical Works*. In 6 vols. London: William Heinemann, 1917.
- Traugott, Elisabeth C., & König, Ekkehard. (1991) The Semantics-Pragmatics of Grammaticalization Revisited. In Traugott, Elisabeth, & Heine, Bernd. (eds.) *Approaches to Grammaticalization*. Vol. I. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 189—218.
- Ueding, Gert. (2000) *Moderne Rhetorik: Von der Aufklärung bis zur Gegenwart*. München: Beck.
- Ulkan, Maria. (1993) *Zur Klassifikation von Sprechakten. Eine grundlagentheoretische Fallstudie* Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten, 174)
- Urban Dictionary*. (2019, November 10). Retrieved from <https://www.ur->

- bandictionary.com.
- Vater, Heinz. (2005) *Referenz-Linguistik*. München: Fink.
- Waiblinger, Eckhard. (1925) Tonfall deutscher Mundarten. *Vox*, 10, 43—44.
- Wake, Lisa. (2012) *NLP: Principles in Practice*. St. Albans: Ecademy Press.
- Warren, Nicholas. (1993) Four Centuries of Japanese in English: A Brief Historical Outline of Lexical Borrowings. *Fukuoka Women's Junior College Studies*, 46, 9—24.
- WDGS — Klappenbach, Ruth & Steinitz, Wolfgang. (eds.) (1980) *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. In 6 Bänden. Berlin: Akademie-Verlag. [4. Aufl.]
- Webster — Gove, Philip Babcock & The Merriam-Webster Editorial Staff. (eds.) (1993) *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*. Cologne: Könenmann Verlagsgesellschaft MBH.
- Weekley, Ernest. (1921) *An Etymological Dictionary of Modern English*. London: John Murray.
- Weinrich, Harald. (1993) *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Wells, Herbert George. (1919) *Joan and Peter. The Story of an Education*. New York: The Macmillan Company.
- Wierzbicka, Anna. (1988) *The Semantics of Grammar*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Wiesinger, Peter. (1998) Die deutsche Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen. *Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen*. Beiträge der Internationalen Dialektologietagung, Göttingen, Oktober, 19-21, 1998. Stuttgart: Steiner, 15—32.
- Wordnik*. (2019, November 12). Retrieved from <https://www.wordnik.com/>.
- Wunderlich, Dieter. (1976) *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Wunderlich, Dieter. (1988) Der Ton macht die Melodie. Zur Phonologie der Intonation des Deutschen. In Altmann, Hans. (ed.) *Intonationsforschungen*. Tübingen: Niemeyer (Linguistische Arbeiten 200), 1—40.
- Zimmermann, Gerhard. (1998) Die „singende“ Sprechmelodie im Deutschen. Der metaphorische Gebrauch des Verbums „singen“ vor dem Hintergrund sprachwissenschaftlicher Befunde. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik* 26, 1—16.
- Zinck, Alexandra, & Newen, Albert. (2007, November 14) Classifying Emotion: A Developmental Account. *Synthese*. Retrieved from

https://www.ruhr-uni-bohum.de/philosophy/staff/newen/download/papersonline/zink_newen_classifying_emotions_a_developmental_account.pdf

Zöllner, Nicole N. (1997) *Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag.

АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНОГРАФИИ

Раздел I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Глава 1.1. Неологизмы как индикаторы изменения языковой картины мира

Представлено исследование неологизмов немецкого языка как индикаторов изменения картины мира носителей языка. На материале словаря неологизмов Института немецкого языка в Мангейме и «слов года» Общества немецкого языка выявлены направления развития соответствующих концептов.

Глава 1.2. Проблематика исследования интенционального аспекта значения в современной лингвистической прагматике

Через призму лингвистической прагматики рассматриваются проблемы интенционального аспекта значения высказывания. Представлена хронология развития вопроса о метатеории значения в интенциональном аспекте. Анализируются подходы, освещаются основные теории, формулируются их базовые постулаты, раскрывающие конститутивные признаки исследуемого феномена. Главное внимание уделяется исследованиям приверженцев теории речевых актов — центральной концепции лингвистической прагматики.

Глава 1.3. Терминологический аспект разработки интерактивной синтаксической классификации

Обсуждается терминологический аспект разработки интерактивных классификаций, лингвистические признаки которых обнаруживают значимые корреляционные связи с признаками экстралингвистического характера. Рассматриваются вопросы номинации специфических видов повторов, реализуемых в эмоциогенных ситуациях.

Раздел II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ

Глава 2.1. Из опыта исследования островных диалектов немецкой этнической общности Кировской области на супрасегментном уровне

Исследование диалектов чаще всего ограничивается сегментным уровнем. В данной работе рассматривается возможность изучения специфики просодических характеристик немецких островных диалектов Кировской области, включающая параметры частоты основного тона, критерии выявления завершенности / незавершенности интонационных фраз в звучащей речи.

Глава 2.2. Английский как лингва франка в рефлексивной подготовке студентов к межнациональной коммуникации

Рассматривается проблема функционально-прагматического статуса контактного английского языка межнациональной коммуникации. Вводится концепция предметно-ориентированного английского лингва франка. Рефлексивное обучение этой разновидности английского языка определяется как инструмент подготовки студентов к межкультурному и межнациональному разнообразию современного мира.

Глава 2.3. Восточноазиатский английский язык в контексте изучения проблем контактной ориентологии

Анализируются причины приобретения английским языком статуса глобального средства общения и предпосылки возникновения его региональных вариантов. Особое внимание уделяется обоснованию выделения контактной ориентологии — самостоятельного лингвистического направления, занимающегося изучением азиатских региональных вариантов английского языка, среди которых наиболее перспективным является восточноазиатский английский.

Раздел III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ

Глава 3.1. К вопросу о прецедентной функции языкового знака (когнитивно-дискурсивная теория прецедентности)

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода обсуждаются прецедентные (производные) единицы языка. Рассматриваются их форма, значение и функция с акцентом на их внешнюю и внутреннюю функциональную перспективу, определяется их категориальный и знаковый статус. На примере конкретных лингвистических фактов показывается реализация прецедентной функции производных языковых единиц и раскрывается их функциональная этимология.

Глава 3.2. Археология специальных слов

В общем виде представлена лексикографическая концепция многоязычного историко-этимологического словаря лингвистической терминологии, формулируются принципы описания терминов лингвистики с историко-этимологической точки зрения, описываются способы их лексикографической репрезентации. Особое внимание уделено описанию макро- и микроструктуры словаря; представлены образцы словарных статей.

Глава 3.3. Современные тенденции в английской лексикографии

Рассмотрены новые тенденции в английской лексикографии.

Анализируется ее антропоцентрический характер и способы изучения запросов пользователя, культурологическая и учебная направленность справочников, принципы составления общих и специальных словарей. Дается анализ английской лексикографии в эпоху интернета.

Глава 3.4. Система и функция в словарном аспекте: композиционные и комбинаторные закономерности построения языковых множеств

Рассматриваются композиционные и комбинаторные закономерности образования языковых множеств. Результатом системного преобразования элементов множеств являются ономаσιологические поля и морфологические гнезда, а итогом комбинаторного отбора элементов в речи — индивидуальный функциональный репертуар.

Глава 3.5. Метафора как герменевтический инструмент юмористического смыслообразования

Проблема оптимизации понимания как познавательного процесса при различных модификациях метафоризации текста непосредственно ориентирует на изучение взаимодействия между структурой языка и функцией общения, т.е. на изучение одной из важнейших филологических проблем: «человек как субъект речевой деятельности». Представляется возможным показать значение метафоризаций при понимании смысловой структуры текста в той мере, в какой понимание текста выступает как познавательный процесс, исследовать эффект использования метафорических форм текстопостроения для оптимизации такой познавательной работы. В терминах филологической герменевтики описывается работа метафорического механизма при производстве и рецепции текстов, жанровое своеобразие которых определяется смысловой организацией юмора как художественной идеи.

Глава 3.6. Потенциал глагольных имен в дискурсивной номинации

Рассматривается участие глагольных имен в формировании дискурсивной номинации. Глагол как часть речи чаще всего анализируется с точки зрения выполнения им коммуникативной функции; при этом недооценивается его номинативная функция. Применяемые методы исследования позволяют показать номинативные возможности глагола.

Раздел IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Глава 4.1. «Московский канон» английской литературы: теоретические и исторические аспекты

Рассматриваются пути формирования и способы модификации «московского канона» в английской литературе. Материалом исследования является объемный корпус выборочных текстов путешествий второй половины XVI в. и художественных произведений разных эпох.

Глава 4.2. Функции художественного слова в творчестве Натали Саррот

Рассматриваются проблемы, связанные с функциями художественного слова в творчестве французской писательницы Натали Саррот. Основное внимание уделяется роли языка, которую, с точки зрения писательницы, он вынужден играть в жизни человека, с одной стороны, испытывающей воздействие на себя бессознательных психических импульсов («тропизмов»), с другой — влияние социальной сферы, наполненной штампами и стереотипами поведенческого, морального, идеологического, языкового характера (пространство «общих мест»).

THE ANNOTATED CONTENT OF THE MONOGRAPH

Section I. ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

1.1. Neologisms as Indicators of Changes in the Linguistic Worldview

The study of German neologisms as indicators of changes in the worldview of native speakers is presented. On the material of neologisms' dictionary (Institute for the German Language Mannheim) and the words of the year (The Society for the German Language) trends of concepts development are identified.

1.2. The Problems of Studying the Intentional Aspect of Meaning in Modern Linguistic Pragmatics

Through the prism of linguistic pragmatics, the problems of the intentional aspect of statement meaning are considered. The development of the metatheory of meaning in the intentional aspect is chronologically presented. The approaches are analyzed, the main theories are highlighted, their basic postulates are formulated, which reveal the constitutive features of the studied phenomenon. The main attention is paid to the researches of adherents of the speech acts theory which is to consider as the Central concept of linguistic pragmatics.

1.3. Terminological Aspect of the Development of Interactive Syntactic Classification

The terminological aspect of the development of interactive classifications revealing a valid correlation between linguistic and extralinguistic features is discussed. Issues of terminological nomination of specific types of repetitions appearing in stressful situations are presented.

Section II. LANGUAGE CONTACTS AND VARIATION

2.1. From the Experience of Research of the Island Dialects of the German Ethnic Community in the Kirov Region at the Suprasegmental Level

The study of dialects is most often limited to a segment level. The possibility of studying the specificity of prosodic characteristics of the German island dialects of the Kirov region is discussed. The study includes parameters of the frequency of the fundamental tone, criteria for identifying the completeness / incompleteness of intonation phrases in oral speech.

2.2. English Lingua Franca in Students' Reflexive Accommodation for International Communication

The concept of domain-oriented English lingua franca is argued to solve the problem of defining the functional-pragmatic status of English as the instrument of transnational communication. Reflexive teaching of domain-oriented English lingua franca is claimed to be the right tool of accommodating students for intercultural and interethnic diversity of modern world.

2.3. Eastern-Asiatic English in the Context of Asian Englishes Paradigm

Sources of the English language present status as a medium of global communication and the factors stipulating the rise of its regional variants are revealed. Specific attention is paid to the contact orientology as an independent linguistic field that studies Asian regional variants of the English language, among which East Asian English is the most promising.

Section III. WORD — SENSE — MEANING

3.1. On the Question of the Precedential Function of a Language Sign (Cognitive Discourse Theory of Precedence)

Precedential lexical units in terms of cognitive discourse approach are studied. Their form, meaning and function are analysed with emphasis on their external and internal functional perspective, their categorial and sign status is determined. The realisation of their precedential function is illustrated with concrete linguistic facts, thus their functional etymology is revealed.

3.2. Archaeology of Words for Specific Purposes

A lexicographic concept of a multilingual historical and etymological dictionary of linguistic terminology is discussed, principles for describing the terms of linguistics from the historical and etymological point of view are formulated and methods of their lexicographic representation are described. Particular attention is paid to the description of the macro- and microstructure of the dictionary. Samples of dictionary entries are also given.

3.3. New Tendencies in English Lexicography

The research of new tendencies in English lexicography is presented. It describes the anthropocentric character of modern lexicography with special reference to users' needs, culture and learner orientation of dictionaries, the architecture of general and special dictionaries as well as modern state of English lexicography in Internet era.

3.4. System and Function in the Vocabulary Aspect: Compositional and Combinative Regularities of Forming Language Quantities

Compositional and combinatorial features of forming language enti-

ties are discussed. The results of systematic transforming elements of those entities are onomasiological fields and morphological nests, whereas the goal of the combinatorial selection of elements in speech is an individual functional repertoire.

3.5. Metaphor as a Hermeneutical Instrument of Constructing Humorous Message of the Text

The problem of better understanding as a cognitive process, when metaphorisation of the text is modified, immediately aims at studying interaction between language structure and communication function, i.e. studying one of the most important philological problems: “man as the subject of speech activity”. It seems possible to show the role of metaphorisation in understanding messages of the text, inasmuch the understanding being a cognitive process; to investigate the effect of using metaphorical forms of text building to optimize this cognitive work. In the given paper in terms of philological hermeneutics there is described work of metaphorical mechanism when producing and perceiving texts with genre-peculiarity of humour as message and artistic idea.

3.6. Verb Potential in Discursive Nomination

The involvement of verb names in the formation of discursive nominations is examined. It is noted that the verb as part of a speech is most often considered in terms of its communicative function, while its nominative function is underestimated. The research methods used in the work allow showing its nominative capabilities.

Section IV. THEORETICAL ASPECTS OF LITERARY STUDIES

4.1. “Moscow Canon” of English Literature: Theoretical and Historical Aspects

Major ways of “Moscow canon” formation and prior means of its modification in English literature are revealed. The research analyzes some representative books of travels in Russia written by British authors in the second half of the 16th century and a representative selection of English literary texts of different epochs.

4.2. Functions of the Artistic Word in the Work by Nathalie Sarraute

The problems associated with the functions of the artistic word in the work by the French writer Nathalie Sarraute are considered. The main attention is given to the Language. On the one hand, as the author thinks, it is forced to play in the life of a human person a special role as it is influenced

by unconscious mental impulses (“tropisms”), on the other — the impact of the social sphere, filled with clichés as well as behavioral, moral, ideological, linguistic character stereotypes (space of “common places”) should be taken into consideration.

ТЕРМИНЫ

- английская литература 4.1.
глагольная номинация 3.6.
глокальность 2.3.
драма языка 4.2.
жанровая перспектива дискурса 3.6.
завершенные интонационные фразы 2.1.
записки путешественников 4.1.
иллокутивный акт 1.2.
интенциональный аспект значения 1.2.
интерпретация 3.5.
историко-этимологический словарь 3.2.
классификация 1.3.
композиция языка 3.4.
контактная вариантология 2.3.
контактная ориентология 2.3.
концепт 1.1.
культурологический словарь 3.3.
лексикография 3.2., 3.3.
лингвистическая прагматика 1.2.
лингвистическая терминология 3.2.
лингвистический словарь 3.3.
межнациональная коммуникация 2.2.
метафора 3.5.
модификация комплекса мотивов 4.1.
Московия 4.1.
«московский канон» 4.1.
незавершенные интонационные фразы 2.1.
немецкие островные диалекты 2.1.
немецкий язык 1.1.
неологизмы 1.1.
норма 2.3.
образ России 4.1.
общий словарь 3.3.
плюрицентризм 2.3.
повтор 1.3.
понимание 3.5.
предметно-ориентированный английский лингва франка 2.2.
прецедентная единица 3.1.
прецедентное мышление 3.1.
просодические характеристики 2.1.
пространство «общих мест» 4.2.
региональные варианты английского языка 2.3.
референтная ситуация 3.6.
рефлексивное обучение 2.2.
рефлексия 3.5.
речевая комбинаторика 3.4.
речевой акт 1.2.
семиотика 3.1.
синтаксис 1.3.
система 3.4.
смысл 3.1., 3.5.
специальный словарь 3.3.
теория значения 1.2.
теория речевых актов 1.2.
терминография 3.2.
терминология 1.3.
тропизмы 4.2.
учебный словарь 3.3.
функциональная этимология 3.1.
функциональный репертуар 3.4.
функция 3.4.
функция мотива в художественном тексте 4.1.
художественное слово 4.2.
эмоциональное напряжение 1.3.
этимология 3.2.
юмор 3.5.
языковая картина мира 1.1.
языковое множество 3.4.

KEYWORDS

- artistic word 4.2.
- Asian Englishes Paradigm 2.3.
- classification 1.3.
- complete intonation phrases 2.1.
- concept 1.1.
- cultural dictionary 3.3.
- domain-oriented English lingua franca 2.2.
- drama of language 4.2.
- emotional tension 1.3.
- English literature 4.1.
- etymology 3.2.
- function 3.4.
- functional etymology 3.1.
- functional repertoire 3.4.
- general dictionary 3.3.
- generic perspective of genre 3.6.
- German 1.1.
- German island dialects 2.1.
- glocality 2.3.
- historical and etymological dictionary 3.2.
- humour 3.5.
- illocutionary act 1.2.
- image of Russia 4.1.
- incomplete intonation phrases 2.1.
- intentional aspect of meaning 1.2.
- interpretation 3.5.
- language composition 3.4.
- language entity 3.4.
- learners' dictionary 3.3.
- lexicography 3.2., 3.3.
- linguistic dictionary 3.3.
- linguistic pragmatics 1.2.
- linguistic terminology 3.2.
- linguistic worldview 1.1.
- message 3.5.
- metaphor 3.5.
- modifying a complex of motifs 4.1.
- Moscovia 4.1.
- “Moscow canon” 4.1.
- motif's function in a literary text 4.1.
- neologisms 1.1.
- norm 2.3.
- pluricentrism 2.3.
- precedential thinking 3.1.
- precedential unit 3.1.
- prosodic characteristics 2.1.
- referent situation 3.6.
- reflexive teaching 2.2.
- reflexivity 3.5.
- repetition 1.3.
- semiotics 3.1.
- sense 3.1.
- space of “common places” 4.2.
- special dictionary 3.3.
- speech act 1.2.
- speech combinatorics 3.4.
- syntax 1.3.
- system 3.4.
- terminography 3.2.
- terminology 1.3.
- theory of meaning 1.2.
- theory of speech acts 1.2.
- transnational communication 2.2.
- travelers' books 4.1.
- tropisms 4.2.
- understanding 3.5.
- verb nomination 3.6.
- World Englishes 2.3.
- World Englishes Paradigm 2.3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Байкова О. В.*, Вятский государственный университет, Киров, Россия
Бухаров В. М., Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия
Ваишунина И. В., Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Голубева Н. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
Иванов А. В., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
Карпова О. М., Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
Кобенко Ю. В., Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
Королева С. Б., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
Крюкова Н. Ф., Тверской государственный университет, Тверь, Россия
Мележик К. А., Крымский федеральный университет, Институт иностранной филологии, Симферополь, Россия
Никонова Ж. В., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
Петренко А. Д., Крымский федеральный университет, Институт иностранной филологии, Симферополь, Россия
Синеокова Т. Н., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
Таганов А. Н., Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
Тырыгина В. А., Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия
Федоров В. В., Петропавловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Петропавловск-Камчатский, Россия

LIST OF CONTRIBUTORS

- Baykova, Olga V.*, Vyatka State University, Kirov, Russia
Bukharov, Valeriy M., Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia
Fyodorov, Vitaliy V., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Petropavlovsk Branch, Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russia
Golubeva, Nadezhda N., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia
Ivanov, Andrey V., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia
Karpova, Olga M., Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
Kobenko, Yuriy V., National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
Koroleva, Svetlana B., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia
Kryukova, Natalya F., Tver' State University, Tver', Russia
Melezhik, Karina A., Crimean Federal University, Institute of Foreign Philology, Simferopol, Russia
Nikonova, Zhanna V., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia
Petrenko, Aleksandr D., Crimean Federal University, Institute of Foreign Philology, Simferopol, Russia
Sineokova, Tatyana N., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia
Taganov, Alexander N., Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
Tyryguina, Valentina A., Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia
Vashunina, Irina V., Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
<i>Бухаров В. М.</i>	3
In memoriam	
<i>Никонова Ж. В., Иванов А. В.</i>	7
Раздел I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ.	17
1.1. Неологизмы как индикаторы изменения языковой картины мира	
<i>Вашунина И. В.</i>	18
1.2. Проблематика исследования интенционального аспекта значения в современной лингвистической прагматике	
<i>Никонова Ж. В.</i>	29
1.3. Терминологический аспект разработки интерактивной синтаксической классификации	
<i>Синеокова Т. Н.</i>	47
Раздел II. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ВАРЬИРОВАНИЕ	64
2.1. Из опыта исследования островных диалектов немецкой этнической общности Кировской области на супрасегментном уровне	
<i>Байкова О. В., Бухаров В. М.</i>	65
2.2. Английский как лингва франка в рефлексивной подготовке студентов к межнациональной коммуникации	
<i>Мележик К. А., Петренко А. Д.</i>	81
2.3. Восточноазиатский английский язык в контексте изучения проблем контактной ориентологии	
<i>Федоров В. В.</i>	96
Раздел III. СЛОВО — СМЫСЛ — ЗНАЧЕНИЕ	118
3.1. К вопросу о прецедентной функции языкового знака (когнитивно-дискурсивная теория прецедентности)	
<i>Голубева Н. А.</i>	119
3.2. Археология специальных слов	
<i>Иванов А. В.</i>	154
3.3. Современные тенденции в английской лексикографии	
<i>Карпова О. М.</i>	178
3.4. Система и функция в словарном аспекте: композиционные и комбинаторные закономерности построения языковых множеств	
<i>Кобенко Ю. В.</i>	194
3.5. Метафора как герменевтический инструмент юмористического смыслообразования	
<i>Крюкова Н. Ф.</i>	203
3.6. Потенциал глагольных имен в дискурсивной номинации	
<i>Тырыгина В. А.</i>	214

Раздел IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ	229
4.1. «Московский канон» английской литературы: теоретические и исторические аспекты	
<i>Королева С. Б.</i>	230
4.2. Функции художественного слова в творчестве Натали Саррот	
<i>Таганов А. Н.</i>	248
Литература (References).....	258
Аннотированное содержание монографии.....	304
The Annotated Content of the Monograph	308
Термины.....	312
Keywords	313
Сведения об авторах	314
List Of Contributors	315

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Коллективная монография

Подписано в печать 16.12.2019. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 17,1.

Тираж 500 экз. Изд. № 4909. Заказ № 00401.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

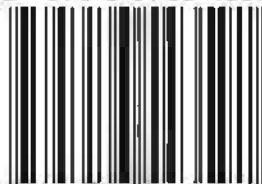
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495)230-20-52

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ISBN 978-5-9765-4359-1

9 785976 543591 >

ФЛИНТА